

ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

16+
ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ

«ОМСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Издаётся с декабря 2007 года
Выходит четыре раза в год

№ 1 (23)
30 марта 2016 г.
DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23

Главный редактор – *А. Э. Еремеев*, доктор филологических наук, профессор,
ректор ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия»

Редакционная коллегия:

Е. А. Акелькина – доктор филологических наук, профессор;
В. О. Бернацкий – доктор философских наук, профессор;
Л. О. Бутакова – доктор филологических наук, профессор;
В. А. Евдокимов – доктор политических наук, профессор;
О. Ю. Патласов – доктор экономических наук, профессор;
С. Н. Рягин – доктор педагогических наук, профессор.

Выпускающий редактор *О. В. Попова*, кандидат филологических наук, доцент
Редактор, ответственный секретарь *Т. М. Казакова*
Корректоры *Л. И. Козякова, Н. В. Сафронова*
Компьютерная верстка *Т. М. Казаковой*
Макет обложки: *Н. С. Сивко, И. Ю. Ерофеев*

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00374 от 11.09.2012 выдано Управлением Роскомнадзора по Омской области

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 43161

Журнал «Наука о человеке: гуманитарные исследования» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Ссылки на журнал при цитировании обязательны

Цена свободная

ISSN 1998-5320

DOI 10.17238/issn1998-5320

© Омская гуманитарная академия, 2016

Адрес редакции и издателя: Омск-105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.
Тел./факс 28-47-37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omga.su>
Подписано в печать 17.03.2016. Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 25,0. Печ. л. 30,25.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100). Заказ 27.
Полиграфический центр издательства ОмГА.
Омск-105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

**Издание включено в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

PRIVATE ESTABLISHMENT
AN EDUCATIONAL

INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION

«OMSK ACADEMY OF THE HUMANITIES»

THE SCIENCE OF PERSON: HUMANITARIAN RESEARCHES

Scientific journal
Published since December 2007
Issued four times a year

№ 1 (23)
30 March 2016
DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23

Chief Editor – A. E. Eremeev, Doctor of Philology Sciences, Professor

Editorial staff

E. A. Akelkina – Doctor of Philology, Professor;
V. O. Bernatskiy – Doctor of Philosophy, Professor;
L. O. Butakova – Doctor of Philology, Professor;
V. A. Evdokimov – Doctor of Political Science, Professor;
O. Yu. Patlasov – Doctor of Economy Sciences, Professor;
S. N. Ryagin – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Managing editor O. V. Popova, Candidate of philological Sciences, Associate Professor
Editor, executive secretary T. M. Kazakova
Proof-reader L. I. Kozyakova N. V. Safronova
Computer-aided makeup – T. M. Kazakova
Cover layout: N. S. Sivko, I. Y. Erofeev

Manuscripts are subjected to the editorial processing.
The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.
Registration certificate PI № TY55-00374 from 11.09.2012.
issued by Directorate of Roskomnadzor of the Omsk region
Subscription index in the catalog «Russian Press» 43161
The journal «The science of person: humanitarian researches» is included in the system of Russian science citation index (RINTS)
References to the journal citation are required
Price free

ISSN 1998-5320 DOI 10.17238/issn1998-5320

© OMSK ACADEMY OF THE HUMANITIES, 2016

**The publication is included in the List of Russian reviewed
scientific journals, in which basic scientific results of dissertations
on competition of scientific degrees of doctor and candidate of Sciences should be published**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ван Лие, Dr. Habil. Philol., профессор Пекинского университета иностранных языков, Института русского языка (Китай), член правления Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, член Международного сообщества писателей (СПб.), член редакционного совета Тайваньского научного журнала «Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России», член редакционной коллегии международного научного журнала «Cross Cultural Studies. Education and Science».

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиа коммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Карташова Ирина Вячеславовна, доктор филологических наук, почетный профессор Тверского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ.

Катаев Владимир Борисович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, председатель Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН (с 1996 г.).

Лебедева Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, лауреат Государственной премии РФ, почетный работник высшего профессионального образования.

Лозовский Борис Николаевич, доктор филологических наук, профессор, директор департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Ормонбекова Ардакбубу Ормонбековна, доктор филологических наук, проректор по учебной работе Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева (Республика Кыргызстан).

Янушкевич Александр Сергеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, лауреат Государственной премии РФ, почетный работник высшего профессионального образования.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бережнова Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, заведующая лабораторией методологии исследований проблем управления качеством образования.

Далингер Виктор Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения математике Омского государственного педагогического университета. Награжден знаком «Заслуженный работник высшей школы РФ».

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Досанова Сая Сабириовна, доктор педагогических наук, профессор, первый вице-президент Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Загвязинский Владимир Ильич, действительный член РАО, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, член научно-редакционного совета и редколлегии «Большой Тюменской энциклопедии».

Звонников Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, проректор Государственного университета управления (Москва), член Совета Минобрнауки России по программе МРА, руководитель Рабочей группы Комитета Совета Федерации по образованию и науке, член Комитета Торгово-промышленной палаты РФ по содействию профессиональному и бизнес-образованию, член Американской ассоциации по эвалуации.

Лапчик Михаил Павлович, действительный член (академик) РАО, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и методики обучения информатике Омского государственного педагогического университета, директор Омского научного центра РАО.

Ромм Татьяна Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Института истории, гуманитарного, социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

Рыжакوف Михаил Викторович, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор Института содержания и методов обучения РАО, академик-секретарь Отделения общего среднего образования, председатель Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования; 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания.

Смолин Олег Николаевич, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, председатель Общероссийского общественного движения «Образование – для всех», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ. Награжден медалью К. Д. Ушинского.

Чечель Ирина Дмитриевна, доктор педагогических наук, профессор Института управления образованием РАО.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апенько Светлана Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Инновационное и проектное управление» Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Апсаямов Надирбек Апсаямович, доктор экономических наук, профессор, президент Казахстанского инновационного университета (г. Семей), почетный работник образования РК. Отмечен знаками «Отличник образования Казахской ССР», «Отличник образования СССР», удостоен медали INSAM «За безупречную деловую репутацию», международных наград – имени Сократа и «Европейское качество».

Атышов Кобоген Атышович, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе и внешним связям Кыргызского экономического университета (г. Бишкек, Республика Кыргызстан).

Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования.

Зайцева Ольга Петровна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и финансов Сибирского университета потребительской кооперации.

Кисель Роман, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой хозяйственной и региональной политики Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша).

Осипов Юрий Мирзоевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, основатель и первый заведующий отделением кафедры ЮНЕСКО, член Учебно-методического совета по инноватике вузов России, член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д212.267.11 при Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (технические науки), член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д212.267.11 при Томском государственном университете (экономические науки).

Ромат Евгений Викторович, доктор наук государственного управления, профессор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина), академик Академии экономических наук Украины, председатель Союза рекламистов Украины.

Чимпоеш Драгош, доктор экономических наук, профессор Государственного аграрного университета (г. Кишинев, Республика Молдова).

Шумакова Оксана Викторовна, доктор экономических наук, доцент, ректор Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

EDITORIAL BOARD

PHILOLOGICAL SCIENCE

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor of Beijing University of Foreign Languages and of Russian Language Institute (China), member of the board of China Association on the research of the Russian literature, member of the International community of writers (St. Petersburg), member of the editorial board of the Taiwan scientific journal "The studies of Russian language, history and culture of Russia", Member of the editorial board of international scientific journal «Cross Cultural Studies. Education and Science».

Issers Oksana Sergeevna, doctor of philological Sciences, Professor, head of Department of theoretical and applied linguistics, Dean of the faculty of Philology and media communications of Omsk F.M. Dostoevsky State University.

Kartashova Irina Vyacheslavovna, doctor of Philology, Emeritus Professor of Tver State University, honored worker of higher school of the Russian Federation.

Kataev Vladimir Borisovich, doctor of philological Sciences, Professor, head of the department of Russian literature history at the philological faculty of Lomonosov Moscow State University of the Russian Federation, Chairman The Chekhov Commission under the Council on the History of World Culture of the Russian Academy of Sciences (since 1996).

Lebedeva Olga Borisovna, doctor of philological Sciences, Professor of Russian and foreign literature of the National Research Tomsk State University, laureate of the State prize of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education.

Lozovsky Boris Nikolayevich, doctor of philological Sciences, Professor, Director of the Department of "The journalism faculty" of the The Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Ormonbekova Ardakbubu Ormonbekovna, doctor of philological Sciences, Vice-rector on educational work of the Bishkek Humanities University named after K. Karasaev (Kyrgyz Republic).

Yanushkevich Alexander Sergeevich, doctor of philological Sciences, Professor, head of Department of Russian and foreign literature of the National research Tomsk State University, laureate of the State prize of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education.

PEDAGOGICAL SCIENCE

Berezhnova Elena Viktorovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, head of the laboratory of methodology of research of the quality of management education.

Dalinger Victor Alekseevich, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of chair of theory and methodology of teaching mathematics of Omsk State Pedagogical University, Awarded the title "Honored worker of higher school of the Russian Federation".

Donskih Oleg Albertovich, doctor of philosophical Sciences, Professor, head of philosophy Department, Novosibirsk State University of Economics and Management.

Dosanova Saya Sabirovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, first Vice-President of the Kokshetau University named after A. Myrzakhmetov (Kazakh Republic).

Zagvyazinskiy Vladimir Ilyich, full member of Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation, head of the academic Department of methodology and theory of socio-pedagogical research of Tyumen State University, member of the scientific editorial board and the editorial board of the "Big Tyumen encyclopedia".

Zvonnikov Viktor Ivanovich, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Pro-rector of State University of Management (Moscow), member of the Board of the Ministry of education of Russia in the MPA program, the head of the Working group of the Federation Council Committee on education and science, member of the Committee of the chamber of Commerce of the Russian Federation for the promotion of professional and business education, a member of the American Association for the evaluation.

Lapchick Mikhail Pavlovich, full member (academician) of Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of Informatics and methodology of teaching computer science of Omsk State Pedagogical University, Director of the Omsk scientific center of RAE.

Romm Tatyana Aleksandrovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of pedagogy and psychology of the Institute of History, Humanities and Social Education of Novosibirsk State Pedagogical University.

Ryzhakov Mikhail Viktorovich, academician of the Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Content and Methods of Teaching of the Russian Academy of Education, academician-Secretary of the Department of General secondary education, Chairman of the Council for doctoral and master's theses of major: 13.00.01 - General pedagogics, history of pedagogics and education; 13.00.02 – Theory and methodology of education and upbringing.

Smolin Oleg Nikolaevich, member-correspondent of Russian Academy of Education, doctor of philosophical Sciences, head of all-Russian public movement “Education for all”, honored worker of higher school of the Russian Federation, first Deputy Chairman of the education Committee of the state Duma of the Russian Federation. Awarded the medal K. D. Ushinsky.

Chechel Irina Dmitrievna, doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Institute of Management Education of RAE.

ECONOMIC SCIENCE

Apenko Svetlana Nikolaevna, doctor of economic Sciences, Professor, head of “Innovation and project management” Department of Omsk F.M. Dostoevsky State University;

Apsalyamov Nadirbek Apsalyamovich, doctor of economic Sciences, Professor, President of the Kazakh innovative university (Semei), honorary worker of education of Kazakhstan. Honored with “High achiever of education of the Kazakh SSR”, “Excellence in education of the USSR”, awarded INSAM medal “For impeccable business reputation”, the international Socrates award and the “European quality” award.

Atyshov Kobogen Atyshovich, doctor of economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and External Affairs of the Kyrgyz Economic University (Bishkek, Kyrgyz Republic).

Belyaev Viktor Ivanovich, doctor of economic Sciences, Professor of the Department of economics, entrepreneurship and marketing of Altai State University, honored worker of higher professional education.

Zaitseva Olga Petrovna, doctor of economic Sciences, Professor, head of Department of accounting and finance of Siberian University of Consumer Cooperatives.

Kisel Roman, doctor of economic Sciences, Professor, head of the Department of economic and regional policy of the University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland).

Osipov Yuriy Mirzoevich, doctor of technical Sciences, doctor of economic Sciences, Professor, founder and first head of the Department UNESCO chair, member of the Educational-methodical Council on the universities of Russia innovations, member of the dissertation Council for doctoral and master's theses D.212.267.11 of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (technical Sciences), member of the dissertation Council for doctoral and master's theses D.212.267.11 of Tomsk State University (Economics).

Romat Evgeny Viktorovich, doctor of Sciences in public administration, Professor of the Kiev National Trade and Economic University (Ukraine), academician of Academy of Economic Sciences of Ukraine, Chairman of the Union of advertisers of Ukraine.

Cimpoies Dragos, doctor of economic Sciences, Professor of the State Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova).

Shumakova Oksana Viktorovna, doctor of economic Sciences, Associate Professor, rector of accounting and auditing of Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin.

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 1. PHILOLOGICAL SCIENCES

Ван Лие. ИСТОРИЯ И МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА ЛИРИКИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В КИТАЕ.....	10
Van Lie. THE HISTORY AND METHODS OF CHINESE TRANSLATIONS OF M. Y. LERMONTOV'S LYRICS	10
С. А. Асеева. ИЛЛЮСТРИРОВАНИЕ Л. О. ПАСТЕРНАКОМ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» КАК ФАКТ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОГО И ФИЛОСОФСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИВОПИСИ.....	20
S. A. Aseeva. ILLUSTRATION OF LEO TOLSTOY'S NOVEL «WAR AND PEACE» BY LEONID PASTERNAK AT THE ASPECT OF INTERMEDIAL INTERRELATION OF LITERATURE AND PAINTING.....	20
А. В. Подворная. СЕМАНТИКА САДА В СТИХОТВОРЕНИИ И. АННЕНСКОГО «ЛИШЬ ТОМУ, ЧЕЙ ПОКОЙ ТАИМ»	26
A. V. Podvornaya. THE SEMANTICS OF THE GARDEN IN THE POEM I. ANNENSKOGO «ONLY THE ONE WHOSE KEEP CALM»	26
А. С. Герасимова, О. С. Иссерс. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЁМЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ТЕЛЕКОНКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОКАЛЬНОГО ШОУ «ГОЛОС»)	29
A. S. Gerasimova, O. S. Issers. COMMUNICATIVE MEANS OF POSITIVE ASSESSMENT ON TV (BASED ON THE MATERIAL OF A VOCAL TV-SHOW «THE VOICE»).....	29
А. В. Ляпина. АКСИОСФЕРА ФРОНТАЛЬНОГО МЕДИАТЕКСТА ЖУРНАЛА «КОСТЁР» ЗА 1941–1945 гг.	36
A. V. Liapina. AXIOSPHERE OF THE FRONTAL MEDIA TEXT OF THE MAGAZINE «BONFIRE» DURING THE PERIOD OF 1941–1945	36
С. Е. Груенко. К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	43
S. E. Gruenko. TO DEBATE THE QUESTION OF BORROWED TERMINOLOGY	43
Т. О. Прокофьева. МИФЫ И СКАЗКИ КАК ИСТОЧНИК ЭРГОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОНОМАСТИКОНА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	49
T. O. Prokofyeva. MYTHS AND FAIRY TALES AS A SOURCE OF ERGONYMS (ON THE EXAMPLE OF ONOMASTICON TAMBOV REGION).....	49
С. В. Троян. О РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «БОЛЬНОЙ – ЗДОРОВЫЙ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	61
S. V. Troyan. ON THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPTUAL OPPOSITION "SICK – HEALTHY" IN PAREMIOLOGICAL AND PHRASEOLOGICAL FUNDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE	61
М. А. Харламова. О СПЕЦИФИКЕ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ НАРОДНОЙ РЕЧИ	66
M. A. Kharlamova. ABOUT SPECIFIC ELECTRONIC DICTIONARY VOICE OF THE PEOPLE	66
Е. В. Цупикова, О. С. Фисенко. ИНТЕГРАЦИЯ НАУК В ПОИСКАХ СМЫСЛА В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ СЕМАСИОЛОГИИ	70
H. V. Tsoupikova, O. S. Phisenko. INTERGATION OF SCIENCES TO EXAMINING THE SENSE: SEMASIOLOGY AS A MODERN SCIENCE OF SYNCRETIC NATURE.....	70
Н. Н. Щербакowa. ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ XVIII В.: СООТНОШЕНИЕ МОРФЕМНОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ	77
N. N. Shcherbakova. SEVALUATION VOCABULARY of RUSSIAN VERNACULAR XVIII CENTURY: CORRELATION of MORPHEME AND SEMANTIC DERIVATE	77
А. А. Юнаковская. ИЗ ОПЫТА «ТЕМАТИЧЕСКОГО» ОПИСАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА	81
A. A. Yunakovskaya. FROM THE EXPERIENCE OF «THEME» TO DESCRIBE ARCHIVAL DOCUMENTS ON THE BASIS OF CONTENT ANALYSIS.....	81
А. В. Смирнова. СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	86
A. W. Smirnova. COMPARISON AS MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONALITY IN GERMAN LANGUAGE	86

Е. Н. Беляя. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ, РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ГЛАЗА» С СЕМАНТИКОЙ ДЕЙСТВИЙ И ПОСТУПКОВ ЧЕЛОВЕКА	90
E. N. Belaya. CULTURAL SPECIFIC FEATURES OF ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS INCLUDING THE CONCEPT «EYES» WITH THE SEMANTICS OF HUMAN ACTIONS AND BEHAVIOR	90

А. Ф. Галиуллина. ОЦЕНКА КОММУНИКАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМИЧЕСКОГО КОДИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ	95
A. F. Galiullina. THE ESTIMATION OF COMMUNICATIVE EFFICIENCY OF CODING COMIC ADVERTISING	95

Си Лэй. КНИГА-ИССЛЕДОВАНИЕ В. Г. БОНДАРЕНКО «М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. МИСТИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ» И СЕРИЙНЫЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ЧИТАЙ РОССИЮ» В КИТАЕ	99
--	----

РАЗДЕЛ 2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PART 2. PEDAGOGICAL SCIENCES

С. У. Баяхметов, С. Т. Нурахметов. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО САМОРАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ В ВОЕННОМ ВУЗЕ: ПОДХОДЫ, ПРИНЦИПЫ, КОМПОНЕНТЫ И УСЛОВИЯ	101
S. U. Bayakhmetov, S. T. Nurakhmetov. STRUCTURAL-FUNCTIONAL MODEL OF FORMING PROFESSIONAL AND PERSONAL SELF-DEVELOPMENT OF PROSPECTIVE OFFICERS AT A MILITARY INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION: APPROACHES, PRINCIPLES, COMPONENTS AND CONDITIONS.....	101

Э. Ж. Мухамедина. ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ ВУЗОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: УСЛОВИЯ, МОДЕЛЬ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПОДХОДЫ	107
E. Zh. Mukhamedina. PREPARING PROSPECTIVE TEACHING STAFF OF MILITARY INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION FOR PROFESSIONAL ACTIVITY: CONDITIONS, MODEL, PROVISION, AND APPROACHES	107

Р. К. Толеубекова, А. К. Аманова. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	113
R. K. Toleubekova, A. K. Amanova. VALUE ORIENTATION AS PART OF PROFESSIONAL COMPETENCE FUTURE SPECIALISTS IN EDUCATION	113

Е. А. Семенова. КРИТЕРИИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗА ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ	118
E. A. Semenova. THE CRITERIA AND LEVELS OF FORMATION OF INFORMATION-TECHNOLOGICAL COMPETENCE OF STUDENTS OF SPECIALITIES IN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION	118

Н. И. Лыгина, Е. А. Лебедева. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК РЕСУРС ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	123
N. I. Lygina, E. A. Lebedeva. ON THE ISSUE OF QUALITY NORMS OF MATHEMATICAL TRAINING IN HIGH SCHOOL AND THEIR IMPLEMENTATION	123

Н. В. Шишарина. ИННОВАЦИОННОЕ СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ	129
N. V. Shisharina. INNOVATIVE NETWORKING AS A PRACTICE OF SOCIAL EDUCATION	129

Л. И. Остринская, С. Ю. Пестова, В. И. Разумов. ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПРИКЛАДНАЯ ИНФОРМАТИКА» В РАМКАХ ПРИНЯТЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ИТ	135
L. I. Ostrinskaya, S. Yu. Pestova, V. I. Razumov. APPROACHES TO THE PREPARATION OF BACHELORS OF THE DIRECTION «APPLIED INFORMATICS» WITHIN THE FRAMEWORK OF ACCEPTED PROFESSIONAL STANDARDS IN THE FIELD OF IT	135

Е. В. Скапцов. СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНО-КОНСТРУКТОРСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНЫХ ВУЗОВ.....	142
E. V. Skaptsov. THE SYSTEM OF FORMATION OF DESIGN COMPETENCE OF CADETS OF THE MILITARY ENGINEERING UNIVERSITIES	142

Олег А. Савченко, Ф. И. Разгонов, Ольга А. Савченко. О РОЛИ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ЗДОРОВЬЯ КУРСАНТОВ НА ЭТАПЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	147
Oleg A. Savchenko, F. I. Razgonov, Olga A. Savchenko. THE QUESTION OF THE ROLE OF MILITARY EDUCATION IN THE PRESERVATION AND PROMOTION OF HEALTH «HEALTHY» ON THE STAGE OF VOCATIONAL EDUCATION	147
В. В. Логинов, А. Я. Найн. АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ФЕНОМЕН РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПОДРОСТКА	157
V. V. Loginov, A. Ya. Nain. THE NEED'S ACTUALIZATION OF STUDENTS IN PHYSICAL CULTURE AS A PHENOMENON OF THE PHYSICAL ACTIVITY DEVELOPMENT OF THE TEENAGER.....	157
К. Ю. Плотников. ПОТЕНЦИАЛ ПЕВЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ У ПОДРОСТКА УВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ	161
K. Yu. Plotnikov. THE POTENTIAL OF SINGING ACTIVITIES IN DEVELOPMENT OF ADOLESCENTS' SELF-RELIANCE	161
Ю. Б. Дроботенко. ИЗМЕНЕНИЕ ЭТОСА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ	170
Y. B. Drobotenko. THE ALTERATION OF THE ETHOS OF TEACHING PROFESSION IN MODERN SOCIOCULTURAL CONDITIONS	170
П. И. Фролова. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПОНЯТИЯ «ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ» В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ	179
P. I. Frolova. THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE «FUNCTIONAL LITERACY» CONCEPT IN EDUCATIONAL THEORY AND PRACTICE	179
РАЗДЕЛ 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ PART 3. ECONOMIC SCIENCES	
Н. Е. Алексеев, О. В. Демиденко. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ	186
N. E. Alekseev, O. V. Demidenko. GLOBALIZATION AND NATIONAL SOVEREIGNTY IN THE ASPECT OF FORMATION OF THE ECONOMIC NEEDS OF THE POPULATION	186
Е. А. Орлянский. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭТИКА РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ XXI ВЕКА. КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?	191
E. A. Orljanskij. THE ECONOMIC ETHICS OF THE MARCET ECONOMY OF THE XX1st CENTURY. WHAT IS IT TO BE?	191
Е. В. Авдейчикова. ВЗАИМОСВЯЗЬ МАРКЕТИНГА И ЛОГИСТИКИ В ЦЕЛЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ	199
E. V. Avdeichikova. RELATIONSHIP MARKETING AND LOGISTICS IN ORDER TO CREATE EFFICIENT DISTRIBUTION SYSTEMS	199
Т. В. Завгородняя, Т. С. Юстус. БИЗНЕС-АНГЕЛЬСКОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ В РОССИИ	204
T. V. Zavgorodnii, T. S. Justus. BUSINESS ANGEL INVESTING IN RUSSIA	204
П. Г. Абдулмананов, Х. М. Хаджалова. САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЁЖИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИ БЛАГОПОЛУЧНОГО РЕГИОНА	208
P. G. Abdulmananov, Kh. M. Khadzhalova. SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF YOUTH FROM DEMOGRAPHICALLY PROSPEROUS REGION	208
О. М. Куликова, Г. Д. Боуш. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ РФ	215
O. M. Kulikova, G. D. Boush. ONTOLOGICAL MODEL OF PROCESS MANAGEMENT OF MEDICAL SERVICES IN THE HEALTH OF RUSSIAN FEDERATION	215
М. Б. Дюжева, Н. И. Роговская. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА	220
M. B. Dyuzheva, N. I. Rogovskaya. FEATURES OF FORMATION OF PERSONNEL RESERVE	220
Т. В. Галюкшова. АРГУМЕНТЫ В НАЛОГОВЫХ СПОРАХ ПО НДС	225
T. V. Galyukshova. THE ARGUMENTS IN TAX DISPUTES ON VAT	225
О. Ю. Патласов, И. С. Калмыков. ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОББИНГУ ПЕРСОНАЛА НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ.....	234
O. Yu. Patlasov, I. S. Kalmykov. TECHNOLOGY OF COUNTERACTING MOBBING IN THE WORKPLACE.....	234

РАЗДЕЛ 1 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 1 PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 82-14

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.10

Ван Лие,
Пекинский университет иностранных языков, КНР

ИСТОРИЯ И МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА ЛИРИКИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В КИТАЕ

В статье прослеживаются история, методы и их эволюция в переводах лирики М. Ю. Лермонтова на китайский язык: от отклонения от русского стихосложения к трактовке стихотворений Лермонтова прозаическим оборотом и затем к буквальному переводу, который верен оригиналу и по форме, и по содержанию, демонстрируются взгляды: смысл важнее формы, улавливаются культурные лакуны при переводе. Особое внимание уделено перенесению звучания из оригинала в перевод.

Ключевые слова: творческий перевод, поправляющий перевод, буквальный перевод, пересечение звучания.

М. Ю. Лермонтов у китайских читателей является одним из самых любимых иностранных поэтов. Переводы М. Ю. Лермонтова в Китае имеют более чем столетнюю традицию, и среди лермонтовских произведений всех жанров лирика его оказывается наиболее переводимой. Важно подчеркнуть, что уже в 1985 году вышло двухтомное «Полное собрание лирических стихотворений М. Лермонтова» (пер. Юй Чжэнь), которое содержит 455 стихотворений поэта, что на 26 стихотворений больше, чем в издании «Избранные произведения М. Лермонтова» под редакцией И. Андронникова [1]. Это первое в Китае полное собрание стихотворений иностранного поэта.

В 1997 году Гу Юньпу стал одним из первых лауреатов самой престижной в Китае литературной премии имени Лу Синя за «Полное собрание произведений М. Лермонтова. Лирика» (по закону премия присваивается только одной книге). Заслуги его были по достоинству оценены и в России. В юбилейный 2014 год Союз писателей Российской Федерации наградил его медалью М. Ю. Лермонтова за служение русской литературе и русскому языку и вручил ему диплом как переводчику полного собрания лирических стихотворений М. Ю. Лермонтова на китайский язык. На протяжении ста лет, кроме времени так называемой культурной революции, китайские лермонтоведы никогда не переставали переводить его произведения, особенно лирику. Многие стихотворения насчитывают больше десяти переводов. Многочисленные переводы не только способствовали развитию китайского лермонтоведения, но и подготовили плеяду таких отличных переводчиков, как Юй Чжэнь, Гу Юньпу, Ван Чжилян, Гу Юй, Чжан Сюэцзэн и др., содействуя формированию разных стилей и методов перевода.

Знакомство с поэтом Лермонтовым в Китае проходило на определённом историческом фоне. На рубеже XIX–XX веков, когда феодальная монархия, которая господствовала в Китае больше

2000 лет, подходила к распаду, Лермонтов – поэт, отличающийся бунтарским духом романтизма, – нашёл отклик в национальном самосознании китайских интеллигентов накануне «Движения за новую культуру»¹, что обусловило появление большого количества его переводов.

Первые переведённые стихотворения, которые по-настоящему² приобрели популярность в Китае, вышли из-под пера Цюй Цюбо (1899–1935)³ – это «И скучно, и грустно» и «Ангел» (1921), впоследствии включённые в его книгу «Душевная история о красной столице» (Шанхай, издательство «Шаньубань», май 1924 года). Данный факт опровергает существующие мнения: книга Чэнь Цзяньхуа называет «Певца», переведённого Ли Бинчжи (1925; название оригинала «Ашик-Кериб»), первым стихотворением Лермонтова на китайском языке⁴. Но эти факты не влияют на общую картину: хотя Лермонтов прежде всего поэт, но, как и А. С. Пушкин, стал известен в Китае сначала в качестве прозаика. Такая специфика восприятия Лермонтова связана с общественной и культурной ситуацией: в поздний период династии Цин «праздник поэзии» уже прошёл, реформаторы литературы во главе с Лян Цичао и другими придавали беллетристике большее значение. По словам А Ина, Лермонтов, «как Пушкин, в России известен в качестве поэта. Однако их стихи пришли в Китай довольно поздно» [2, с. 26].

По признанию самого Цюй Цюбо, его внимание к стихам Лермонтова было связано с тем, что «литературный слог у Лермонтова не слабее, чем у Пушкина». Кроме того, «его (Лермонтова. – В. Л.) краткие железные стихи глубже врезаются в душу читателей. При чтении людям легко ощутить его глубокие и скорбные чувства» [3, с. 73]. Среди переводчиков-современников Цюй Цюбо лучше всех овладел китайским и русским языками. «Ангел» Лермонтова написан на чередовании трёхстопных и двухстопных стихов, амфибрахий. При переводе Цюй Цюбо, используя старый литературный язык (вэньянь), придал стихотворению Лермонтова аккуратную форму китайских старинных стихов, т. е. пятисловное четверостишие в четырёх строках. Он открыл традицию перевода поэзии Лермонтова в Китае: переводить лирику Лермонтова формой уставных стихов (Люйши). Известный учёный Гао Ман называет данный перевод «верным и точным». На его взгляд, «он имеет основание считаться достойным шедевром в китайском переводческом поприще» [4, с. 49]. Давайте посмотрим:

Ангел

安琪儿

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

回飞安琪儿，
低吟绕天梁；
云拥星月惊，
神歌圣意昌。

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

清灵赞共福，
天幕阖且张；
大哉我主宰，
竭诚为颂扬。

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

长抱赤子心，
悲目盈洪荒。
歌声清且纯，
无言意自长。

И долго на свете томилаcь она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

此曲留人世，
历练心志良；
天声自玄妙，
尘俗敢相望？

Прежде всего следует отметить аккуратность формы перевода. Между тем заметим, что переводчик совсем не обращает внимания на русское стихосложение. Надо признать, что переводной текст в основном верен смыслу оригинала. В то же время очевидно, что не все перестановки слов и другие композиционные приёмы оправданы. Например, слово «полуночи», которое находится в первой строке оригинала, в переводе обнаруживается частично в третьей строке, а в последней же строке первой строфы перевода мы нашли только видоизменение оригинала: «святая песня обладает торжественным». И всё же нельзя не отдать должное: переводчик тонко чувствует оригинал и находит удачные косвенные эквиваленты, владеет прекрасным литературным слогом, верно передаёт образный строй

произведения. На взгляд автора данной статьи, верность и точность переводов Цюй Цюбо проявляются не в следовании форме, а в творческой передаче преимущественно духа и смысла оригинала. Стилль переводчика в некоторой степени находится в зависимости от культурного контекста определённой эпохи. Культуролог, современник Цюй Цюбо, переводчик Фэн Цыкай (1898–1975), определяя задачу переводчика, прибегает к яркой метафоре: «Переводчик должен глубоко понять оригинал, всосать всё в свой живот, потом родным языком передать его своим соотечественникам». Продолжая сравнение, он говорит: «Как будто прожевать оригинал, проглотить его, переварить, потом его выплюнуть» [5, с. 73]. На наш взгляд, утверждение и сравнение Фэн Цыкай вряд ли пройдут испытание временем. Совершенно понять оригинал – это необходимая предпосылка перевода. Однако, если «всосать его в живот», то придётся выдать читателям, пожалуй, такое видоизменённое произведение, которое, пройдя «желудок», едва ли сохранит дух и плоть оригинала. Кстати, Фэн Цыкай полагает, что при переводе стихов не надо обращать внимания на число строк и метр. Он считает, что при переводе нет необходимости слепо придерживаться строфики и размера оригинала, не нужно следовать точному значению каждого слова. Надо схватить и передать дух оригинала, а не механически следовать за формой.

Это совпадает с теорией перевода, которая в то время была очень распространена: если переводчик поэзии совершенно понял оригинал, то текст его перевода, даже далёкий от оригинала по форме, на самом деле по-настоящему приближается к оригиналу⁵. Чудо такого перевода состоит в том, что он придаёт оригиналу новый облик, позволяет ввести его в широкий читательский обиход. Заслуги его заключаются также в том, что он позволяет не только продлить жизнь оригинала, но и придаёт оригиналу новую жизнь. Однако необходимо заметить, что такой метод далёк от целей научного перевода. Цюй Цюбо совсем не принимал во внимание особенности русского стихосложения, рассматривая содержание стихотворения как материал, на основании которого он по-другому создаёт совсем новое стихотворение в форме китайских уставных стихов. Нельзя согласиться с тем, чтобы поэзия Лермонтова, которая носит мятежный характер и стремится к свободе, превратилась в шаблонные стихотворения в рамках монотонных размеров. И, несмотря на значительное достижение переводчика – перевод лермонтовского «Ангела» – он приобрёл признание не у всех читателей. Между тем, нам приходится признать эпохальное значение переводной формы «Ангела», которое состоит в том, что при переводе лирики Лермонтова необходимо прибегать к форме китайских уставных стихов.

Однако с 30-х годов XX века в Китай пришла европейская теория переводоведения. Английские переводчики утверждают, что существует «непереводимость поэзии». Американские теоретики порой полагают, что «перевод приведёт к гибели стиха». Любые попытки переводить стихи с одного языка на другой будут терпеть поражение. В связи с этим стали распространяться замены стихотворного перевода прозаическим, лиро-эпикой – эпосом. Переводчик Вэнь Пэйцзюнь (1902–1967) хотя и не совсем поддерживает такие взгляды, но, отдавая дань общему влиянию, стремится к простому, ничем не стеснённому стилю, используя современный литературный язык (байхуа) и переводя лирику Лермонтова прозой с рифмой, с отделением строк. На первый план он выдвигает исповедальность и лапидарность стихотворений Лермонтова. Его переводы заслужили положительную оценку и одобрение современников:

Чёрны очи

Много звёзд у летней ночи:
Отчего же только две у вас,
Очи юга! чёрны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

Кто ни спросит, звёзды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, чёрны очи,
Я нашёл для сердца рай и ад.

Очи юга, чёрны очи,
В вас любви прочёл я приговор,

乌黑的眼睛

夏夜有许多星
为何你仅有两颗?
这南国的月夜,
——乌黑的眼睛。

我们相会是在不祥的时辰,
无论谁问,——
夜里的繁星
它们只说天堂里幸福安宁。

在你那朗朗双星里
我发现心灵的幸福与不幸。

Звёзды дня и звёзды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

这南国的月眸，
——乌黑的眼睛。

在你爱清的两扇小窗中，
读到了对我的承诺裁定。
从那时起白天的星
与夜里的星 为我而常停。
(1934.8.22日)

Сопоставляя оригинал и перевод, мы заметим, что этот метод позволяет переводчику свободно изливать чувства – и свои, и автора – и в принципе не извратить первоначальный смысл оригинала. Например: «Много звёзд у летней ночи: / Отчего же только две у вас». Кроме потери частицы «же», перевод совершенно адекватен, кажется и естественным, и лапидарным. Такой подход плодотворнее подхода последователя Гу Юньпу, который переводит так: «У летнего ночного неба звёзд чрезвычайно много, / Отчего есть только две в вашем теле?»

Но при общем обзоре всего переводного текста мы не можем признать, что это типичные стихи. Это всего-навсего проза с отделением строк и с рифмой. Соположение в строках фраз то длинных, то коротких, т. е. в длинных строках есть 11 иероглифов, а в коротких – 4 или 5. Такая трактовка нарушает соразмерность и красоту, которые необходимы в форме стихов. Переводчик отходит от основного принципа «переводить стихи стихами». Надо сказать, что Вэнь Пэйцзюнь перевёл смысл, а не образ. Мы же полагаем, что необходимо вернуть поэзии поэзию, проза не может считаться поэзией в настоящем смысле слова. Недостаток переводного текста Вэнь Пэйцзюня и в том, что он произвольно прибавил одну строфу к оригиналу: в оригинале три строфы, а в переводе – четыре. Переводчик «превысил полномочия» и не имеет намерения воссоздать форму стихов. Такая перестройка не позволяет достичь единства формы и смысла. Кстати, в переводе Вэнь Пэйцзюнь самовольно превратил «вы» в «ты». Это свидетельствует о культурной лакуне переводного текста.

Со второй половины 80-х годов, по мере того, как уровень знания русского языка у переводчиков повышается, быстро улучшается качество перевода. Многие переводчики стремятся к совершенному единству формы и содержания, стараются при выборе слов, выражении замысла максимально сохранить ту эмоционально-эстетическую целостность, которую сумел создать сам автор. Но не всегда на практике они могут добиться идентичности, порою невольно впадая в пристрастия.

В Китае существуют разные переводческие школы, которые возглавили преимущественно Юй Чжэнь, Ван Чжилян и др. (на юге) и Гу Юньпу, Гу Юй, Чжан Сюйцзэн и др. (на севере). Ван Чжилян, не раз называя Юй Чжэня своим учителем, придерживается переводческого кредо своего учителя: где рифмуется в оригинале, там рифмуется и в переводе. В его переводе «Евгения Онегина» Пушкина определённо улавливается традиция Юй Чжэня. Сходство стиля школ состоит в том, что все они придают важное значение буквальному переводу, стараются быть верными оригиналу и в форме, и в содержании, хотя, как отмечает Юй Чжэнь, эта цель не может быть абсолютно достигнута. С другой стороны, они переводят стихи Лермонтова формой уставных стихов (Люйши), но не собираются совсем не обращать внимание на русское стихосложение и превратить стихи Лермонтова в чистое китайское четверостишие – пятисловное, как Цю Цюйбо, или в семисловное, между тем не готовы учиться у Вэнь Пэйцзюня, который также не учитывает русское стихосложение, делает стихи Лермонтова стихами с прозаическим оборотом, а стремятся к точному воспроизведению русского стихосложения. Отличие заключается, во-первых, в том, что буквальный перевод у Юй Чжэня, Ван Чжиляна чаще проявляется в простом перемещении слов. По мнению Гу Юньпу, поскольку русский и китайский языки относятся к разным семьям, буквальный перевод смысла русских стихов часто требуется новое сочетание слов. Заметим, что такой перевод всё-таки должен считаться текстуальным, хотя не прямолинейным, не шаблонным. Например, инверсия в стихотворении «Парус» в переводе превратилась в нормальный порядок слов. Такой приём несколько не мешает верно передать смысл произведения, которое приобретает новую музыкальность, а напротив, помогает точнее воспроизвести возвышенный поэтический дух текста. Во-вторых, Юй Чжэнь при переводе, например, стихотворений «Желание», «Три пальмы», «Листок», «Морская царевна», которыми он особенно доволен, находит эквивалент между числом слогов оригинала и иероглифов перевода, т. е. один слог соответствует одному иероглифу. Например, в «Трёх пальмах» он строго соблюдает число слогов (иероглифов) в шестистишии: в первом двустишии 11 слогов (иероглифов), во втором – 12, а в третьем – 11. По форме оригинал (слог) и перевод (иероглиф) согласуются друг с другом. Кстати, рифмовка также одинакова: ААББВВ как в оригинале, так и в переводе:

В песчаных степях аравийской земли (11)	在那阿拉伯大陆的沙漠上 (shang, 11)
Три гордые пальмы высоко росли. (11)	有三棵棕榈在高傲地生长。(zhang, 11)
Родник между ними из почвы бесплодной, (12)	从枯瘠的地下涌出一股清泉, (quan, 12)
Журча, пробивался волною холодной, (12)	泉水淙淙地泛起寒冽的微澜, (lan, 12)
Хранимый, под сенью зелёных листов, (11)	它被隐护在绿叶的笼罩下, (xig, 11)
От знойных лучей и летучих песков. (11)	避开了毒土和漫天的风沙。(sha, 11)

Между тем, в переводе этого стихотворения Гу Юньпу каждая строка состоит из 11 иероглифов, и он строго придерживается китайской рифмовки. Гу Юньпу очень уважает китайский эстетический вкус и большое внимание уделяет передаче смысла стихов, стараясь не пропускать и красоту художественной формы оригинала. Он считается единственным переводчиком, который уделяет особое внимание воссозданию ритма и перемещению звучания из оригинала в перевод. Чтобы сохранить ритм и музыкальность оригинала, Гу Юньпу заменяет стопу, например, ямбическую, дактилистическую, анапестическую и др., паузой в китайском языке, при помощи чего и воссоздается ритм оригинала, т. е. одна стопа = одна пауза. Между тем он не останавливается на способах рифмовки оригинала, отдавая дань традиционной рифмовке в китайской поэзии. В тех случаях, когда задачи рифмовки противоречат адекватной передаче смысла, в жертву приносится рифма с целью сохранения смысла. К сожалению, по словам самого переводчика, из-за того, что русский и китайский языки имеют разные фонетические системы, замена стопы паузой не помогает «услышать» оригинал.

Меры по исправлению ситуации, которые диктуются обстоятельствами, дают возможность максимально наверстать упущенное. При необходимости он не жалеет отказаться от рифмовки оригинала, с целью дать представление о красоте его звукописи он прибегает к китайской рифме для гармонии звука, т. е. в одном стихотворении только одна рифма. Например, в его переводе «И скучно и грустно...» есть рифма лишь «ou». Во-первых, поэт и переводчик как будто вместе придерживаются поэтического кредо М. В. Ломоносова «...поэт, слагая стихи, подбирает слова не только по смыслу, но и по звучанию» [6, с. 22]. Анализ показывает, что в стихотворении Лермонтова «И скучно и грустно...» максимально использованы буквы «о» и «у», которые у Ломоносова связаны с гневом, печалью. А «грусть» в китайском языке произносится как «忧愁» («youchou»). Итак, в рифме господствует «ou», последний финал едва ли не всех чётных строк сильно подпитывает «скучную и грустную» атмосферу стихотворения. Звучание сделало стихотворение нераздельным по атмосфере, при помощи которого гнев и грусть усиливаются, эффективно решило проблему с перенесением звука. Перевод, как и оригинал, здесь достиг полной гармонии формы и содержания. В конце концов, и в оригинале, и в переводе звучание приобрело смысл. Во-вторых, стихотворение Лермонтова «И скучно и грустно» состоит из трёх строф, каждая строфа имеет свою перекрёстную рифмовку: АБАБ, ВГВГ, ДЕДЕ. Хотя существует разновидность рифмовок, которые по-разному произносят, они верно передают общее настроение «и грусти, и скуки» и заостряют изменчивые внутренние переживания, волнения лирического героя при помощи звучания, а Гу Юньпу только одной рифмовкой (чётные строки рифмуются), одним духом раскрашивает, слушает грустное и скучное психологическое настроение лирического героя. На взгляд Гу Юньпу, лишь такая трактовка совпадает с музыкальным ощущением читателей, как китайских, так и русских. Это должно считаться удачным образцом перенесения звука в истории переводоведения китайской поэзии.

Давайте посмотрим, как Гу Юньпу заменяет стопу паузой и как он вносит китайскую рифмовку в русскую:

Тучи

Тучки не|бесные,| вечные| странники!| (А, 12)
 Степью ла|зурною,| цепью жем|чужною| (Б, 12)
 Мчитесь вы,| будто как| я же, из|гнанники| (А, 12)
 С милого| севера| в сторону|южную|. (Б, 12)
 Кто же вас| гонит: судь|бы ли ре|шение|? (В, 12)
 Зависть ли|тайная?| злоба ль от|крытая|? (Г, 12)
 Или на| вас тяго|тит престу|пление|? (В, 12)
 Или дру|зей клевет|а ядо|витая|? (Г, 12)
 Нет, вам на|скучили| нивы бес|плодные|... (Д, 12)
 Чужды вам| страсти и| чужды стра|дания|; (Е, 12)
 Вечно хо|лодные,| вечно сво|бодные|, (Д, 12)
 Нет у вас| родины,| нет вам из|гнания|. (Е, 12)

云

天上的⁶行云, |永不停留的|漂泊者| (zhe)! (□,⁷ 13)
 你们像珍珠串|飞驰在|碧空之上| (shang)。 (б, 13)
 仿佛|和我一样|是被放逐的|流囚| (qiu), (□, 13)
 从可爱的|北国|匆匆|发配到南疆 | (jiang)。 (б, 13)

是谁|把你们驱赶: |命运的|裁判| (pan)? (□, 12)
 暗中的|嫉妒, |还是|公然的|怨望| (wang)? (б, 12) .
 莫非是|罪行|压在|你们的头上 | (shang)。 (□, 12)
 还是|朋友|对你们|恶意地中伤| (shang)? (б, 12)

不, |是贫瘠的|田野|令你们|厌倦| (juan)..... (□, 13)
 热情和痛苦|都不关|你们的|痛痒 | (yang) ; (б, 13)
 永远|冷冷漠漠|, 自由自在啊!⁸ (a), (□, 11)
 你们|没有祖国|, 也|没有流放| (fang)。 (б, 11)

Мы видим, что стихотворение с нестрофическим четырёхстопным дактилем под пером Гу Юньпу сделалось строфическим с четырьмя паузами. Между тем, строки у Гу Юньпу, на первый взгляд, не так аккуратны, как у Юй Чжэня, но такая «неаккуратность» не мешает ритму стихов: они читаются с расстановкой, наполнены внутренней красотой при помощи «необузданности» звучания. Мы видим, что Гу Юньпу не слепо придерживается русского стихосложения, а смело сочетает его с элементами стихосложения китайского (китайские стихи характеризуются тем, что рифмуются только чётные строки, а нечётным не требуется рифмовка). Более важно, что пауза в переводе становится эквивалентом стопы в оригинале, т. е. четыре стопы = четыре паузы. Но из-за различия языков особенности дактиля в переводе не сохраняются.

То же стихотворение Лермонтова у Юй Чжэня приобрело совсем иную трактовку. Чтобы подчеркнуть его квадратную форму, мы пока уберём знаки препинания внутри строки:

云

天空的行云啊永恒的流浪者 (zhe⁹)! (Aa, 12)
 你们逐放的流囚正同我一样 (yang), (Б, 12)
 经过碧色的草原象联珠似地 (di), (A, 12)
 由可爱的北国匆匆奔向南方 (fang)。 (Б, 12)
 是谁在迫害你们命运的决定 (ding)? ([A], 12)
 隐秘的嫉妒还是公然的毁谤 (bang)? (Б, 12)
 苦磨着你们的是自己的罪行 (xing), ([A], 12)
 还是朋友们狠毒的恶意中伤 (shang)? (Б, 12)
 不是荒凉的田野使你们烦腻 (ni).....(A, 12)
 你们不知道什么痛苦和怅惘 (wang) ; (Б, 12)
 你们是永远冷漠永远自由的 (di), (A, 12)
 你们没有祖国也不会有逐放 (fang)。 (Б, 12)

Мы видим, что Юй Чжэнь стремится найти эквивалент числу слогов оригинала (12) в числе иероглифов перевода (12). Он акцентирует внимание на количестве слогов (иероглифов), и в его стихах часто встречается одинаковое число иероглифов в каждой строке: 10, 12 или 13. Таким образом, из-под пера Юй Чжэня часто выходит квадратная форма, внешне она выглядит аккуратно и красиво. Мы заметим даже, что по форме перевод более аккуратен, чем оригинал. Такое явление связано с тем, что количество букв в русском слове разнится, а иероглиф – равновеликая единица в китайском языке. При сравнении с текстом Гу Юньпу, в строках Юй Чжэня более выдержан принцип русской перекрёстной рифмовки, хотя отличие существует, т. е. не АБАБ ВГВГ ДЕДЕ, как в оригинале, а АБАБ [А]Б[А]Б АБАБ. Здесь мы опять сталкиваемся с тем, что абсолютно точное воссоздание рифмовки в переводе сделать нетрудно, но воссоздание размера (например, здесь дактиля) практически невозможно.

Порой, стремясь к аккуратности и красоте формы, Юй Чжэнь старается избежать чередования (хотя бы и регулярного) количества слогов в чётных и нечётных строках и акцентирует внимание на одинаковой сумме иероглифов в каждой строке. В стихотворении «Родина» используется вольный ямб, но в последней строфе количество слогов регулярно чередуется, т. е. в нечётной строке 9 слогов, а в чётной – 8. А под пером Юй Чжэня разносложные строки превратились в строки длиной в 10 иероглифов:

Люблю дымок спалённой жнивы, (9)	我爱那野火冒起的青烟、(10)
В степи ночующий обоз (8)	草原上过夜的大队车马、(10)
И на холме средь жёлтой нивы (9)	苍黄的田野中小山头上 (10)
Чету белеющих берез. (8)	那一对闪着微光的白桦 (10)
С отрадой, многим незнакомой, (9)	我怀着人所不知的快乐 (10)
Я вижу полное гумно, (8)	望着堆满谷物的打谷场、(10)
Избу, покрытую соломой, (9)	覆盖着稻草的农家草房、(10)
С резными ставнями окно; (8)	镶嵌着浮雕窗板的小窗；(10)
И в праздник, вечером росистым, (9)	而在有露水的节日夜晚 (10)
Смотреть до полночи готов (8)	在那醉酒的农人笑谈中, (10)
На пляску с топаньем и свистом (9)	观看那伴着口哨的舞蹈, (10)
Под говор пьяных мужичков. (8)	我可以直看到夜半更深。(10)

При сопоставлении с текстом Юй Чжэня, перевод Гу Юньпу не ограничен одинаковым числом иероглифов. В данной строфе их количество у Гу Юньпу постоянно варьируется (13, 13, 12, 12, 14, 14, 14, 10, 11, 10, 11), а в рифмовке по-разному рифмуются чётные строки, а нечётные не рифмуются (□А□А, □В□В, □Г□Г). Однако такая «дисгармония» ритма и мелодии по-иному, но верно передаёт сложные и богатые чувства поэта к деревенской России, выражает его сильное душевное волнение, его своеобразный патриотический пафос. Одним словом, стихи Лермонтова под пером Гу Юньпу не так аккуратны, как под пером Юй Чжэня, по форме, но перевод как текст в целом у Гу Юньпу более удачен, чем у Юй Чжэня. Переводной текст Юй Чжэня написан на древнекитайском языке. Стихи у него гладкие, но в них отсутствуют пафос и пылкость, которые являются важными чертами лермонтовской лирики. В сопоставлении с Юй Чжэнем ясно, почему многие переводные стихи Гу Юньпу, отличаясь прекрасным и живым литературным слогом, поэтичным и виртуозным выражением, современным духом, стали общепризнанными шедеврами и пользуются большим авторитетом в китайском лермонтоведении.

В китайской поэзии не существует понятия рифмовки «перекрёстной», «смежной», «охватной», ещё и «тройной». Поэтому переводчику, стремящемуся как можно точнее передать гармонию русской поэзии, трудно сохранить черты китайского стихосложения, вне канонов которого читатель не сможет опознать переводной текст как поэтический. Необходимо указать, что в классической китайской поэзии в первой строфе 1-я (не обязательно), 2-я, 4-я строки должны рифмоваться, а в следующих строфах только чётные рифмуются, а нечётным это не требуется. Однако из всех русских рифм перекрёстная наиболее близка к рифме китайской поэзии, и поэтому китайские переводчики часто используют рифму либо чисто русскую перекрёстную, как Юй Чжэнь, либо видоизменённую, как и Юй Чжэнь, и Гу Юньпу, либо традиционную китайскую, как Гу Юньпу и Цюй Цюбо.

Касаясь передачи стопного деления, мы должны признать, что пауза в китайских стихах в большей степени передаёт смысл, а не звук. Считается, что при переводе самой большой трудностью является соответствие фонола (финаля) между оригиналом и переводом, подражать здесь труднее, чем в стихе или строфе. Недаром Гу Юньпу отмечает: «...для перенесения фонола в сфере переводов и по сей день не найдено эффективного метода. На наш взгляд, при этом пока только по принципу относительного эквивалента можно перенести красоту музыкальности языка “А” в язык “Б”» [7, с. 9]. Но он трезво осознаёт, что такие меры всё-таки не приведут к адекватной замене, поскольку стандарты красоты звучания в поэзии двух стран неодинаковы. В русских стихах имеется слог ударный и неударный, а в китайских совсем иначе – четыре тона (– / V \). Первые два (– /) – это ровные тоны (пин; 平), а третий и четвёртый (V \) – ломаные тоны (цзэ; 仄). Ровные тоны звучат тише (более плавно и ниже), а ломаные – громче (круче и выше). Ровные напоминают нам неударные слоги в русском языке, а ломаные – ударные. Все они чередуются по правилам, но при этом в китайских стихах нет таких размеров, как ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, действуют совсем другие каноны.

В качестве примера приведём чередование парами: либо пин/пин, либо цзэ/цзэ, что в некоторой степени напоминает русские спондеи и пиррихий, одно семисловное восьмистишие, которое начинается с ровного тона:

一山飞峙大江边,	yīshān fēizhì dàjiāngbiān,	平 ⁰ 平 [仄 ¹] ¹² 仄仄平平
跃上葱茏四百旋。	yuèshàng cōnglóng sìbǎi xuán.	仄仄平平仄仄平
冷眼向洋看世界,	lěngyǎn xiàngyáng kàn shìjiè,	仄仄[平平][平]仄仄
热风吹雨洒江天。	rèfēng chuīyǔ sǎjiāngtiān.	[平平][仄仄]仄平平
云横九派浮黄鹤,	yúnhéng jiǔpài fúhuáng hè,	[平平][仄仄]平平仄
浪下三吴起白烟。	làngxià sānwú qǐbái yān.	[仄仄]平平仄仄[平]
陶令不知何处去,	táoling būzhī hé chùqù,	[仄仄]平平平仄仄
桃花源里可耕田?	táohuā yuánlǐ kě gēngtián?	平平 [仄仄]仄平平

Mao Цзэдун

При этом мы приходим к окончательному выводу, что китайские и русские размеры вообще не могут быть эквивалентны друг другу в настоящем смысле слова, и в этом нет необходимости. Ведь даже если бы переводчик с большим трудом добился своего, т. е. так называемого эквивалента во всех элементах стихосложения, читатели не опознают в получившемся стихи. В этом проявляется «непереводимость» двух языков, но это очень ценная непереводимость. Мы полагаем, что при переводе стихов передаются смыслы, которые скрываются за словами, – это важнее, т. е. содержание важнее формы. Когда ритм и смысл нельзя одновременно сохранить, то надо выбирать смысл. Иными словами, чрезмерное требование к рифме часто нарушает смысл текста. Юй Чжэнь при переводе первой строки стихотворения «Родина»: «Люблю отчизну я, но странною любовью...», чтобы зарифмовать первую и вторую строки, трактует «любовь» как чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. Нельзя не считать это промахом в его переводе, серьёзно разрушающим смысл оригинала. Мы полагаем, стихи в конце концов служат чувствам. При переводе стихов нам нельзя забывать основное и гнаться за частностями, нельзя, по китайскому крылатому слову, подрезать ноги, чтобы подогнать их к туфлям. Рифмовать только для рифмования – это табу при переводе. При крайней необходимости лучше сохранить смысл, изменив форму. Гу Юньпу выбрал иное значение этого слова – «чувство глубокой эмоциональной привязанности, преданности кому, чему-либо, основанное на врождённом, внутреннем чувстве, инстинктивной потребности» [8, с. 363]. Это ближе к первоначальному творческому импульсу. Причём Гу Юньпу не жалеет, что отказался от рифмования, тем более что в китайском стихосложении первая строка в первой строфе рифмуется факультативно.

Недостаток внешней аккуратности в школе, которую возглавил Юй Чжэнь и др., заключается ещё и в том, что с целью сохранить красоту формы, т. е. равное число иероглифов в строке, переводчики часто добавляют дополнительные иероглифы, делая стих не только не очень лапидарным, но и не точным. Кстати, из-за поворотов истории уровень знания русского языка у Юй Чжэня ниже, чем у Гу Юньпу, Чжан Сюэцзэна и других молодых переводчиков. Заметим, что в издании 1953 года Юй Чжэнь при переводе стихотворения «Тучи» выбрал в качестве названия иероглиф со следующим значением: большое, преимущественно тёмное густое облако, грозящее дождём, градом, снегом. Очевидно, такой выбор не совпадает с контекстом «степью лазурною, цепью жемчужною», игнорируя такие входящие в образ понятия, как «белые», «плывущие». Позже он, наверное, заметил своё отклонение в понимании и превратил «тёмное облако» просто в «облако», которое продолжает оставаться в заглавии по сей день. Чжан Сюэцзэн даже переводит название данного стихотворения как «Плывущее облако»; по нашему мнению, данный вариант более всего приближается к очарованию оригинала. В переводном тексте «Родина» Юй Чжэнь не знает, что суффикс «-ист-» обозначает «много», он называет «росистый вечер» «вечером с росой». Очевидно, здесь существуют семантические лакуны. А Гу Юньпу называет такой вечер «вечером с многими росами». При переводе поэмы «Песня про царя Ивана Васильевича...» Юй Чжэнь нередко допускает ошибки то в понимании, то в выборе слов. Но даже это, по сути, не затмит «блеск переводчика Юй Чжэня». Чжоу Цин и Лу Хунъюнь пишут: «Юй Чжэнь отличается строгим стилем, его текст точен и жив. Переводчик Юй Чжэнь глубоко пользуется трогательным очарованием поэта Лермонтова» [9, с. 31]. Конечно, здесь отчасти сказывается пристрастие учёных. Но зато в переводном тексте Юй Чжэня веет классическим духом. Слог у него солидный и щедрый.

По возрасту Гу Юньпу должен считаться последователем Юй Чжэня. Гу Юньпу признаётся в послесловии к книге «Избранные стихотворения» (1985): «Кроме новых переводных текстов, переводчик в некоторой степени заимствовал достижения Юй Чжэня и других предшественников» [7, с. 11]. Однако, как говорят в Китае, «синее рождается из голубого, но гораздо гуще последнего». В отличие от Юй Чжэня, Гу Юньпу считает литературный перевод новым творчеством, в котором содержатся три уровня: «новый творческий импульс для переводчика, новое восприятие красоты для читателей переводного текста, новая разработка языка в переводном тексте» [10, с. 132]. Впрочем, мы не думаем, что такое воссоздание является синонимом европейского термина «transcreation» (творческий перевод). Придерживаясь принципа буквального перевода, он точно и верно, посредством образов, выражает своё чувство, воссоздаёт смысл оригинала, но не слепо копирует слова. Он обладает прекрасной подготовкой в области китайской классической поэзии. Это позволяет ему хорошо передать замысел и дух оригинала. Между тем язык его переводов точный, лапидарный, эмоциональный и живой. Пользуясь лучшими, наиболее удачными опытами своих предшественников в переводе, Гу Юньпу поэтому стоит выше них, и его достижения значительно влияют на последователей.

Говоря об искусстве Пушкина, известный переводчик и художник Гао Ман замечает: «Весьма жаль, что китайский перевод не в силах отразить все прелести поэзии Пушкина» [11]. Гао Ман подчёркивает актуальность пушкинской поэзии для наших современников. Отзыв о мастерстве Пушкина также годится для оценки Лермонтова. Это неизбежное сожаление должно быть отнесено не столько к различиям культурного контекста, сколько к ограниченности и безграничности любого национального языка.

Библиографический список

1. Лермонтов, М. Ю. Избр. произведения : в 2 т. / под ред. И. Андронникова. – М., 1975.
2. Чжоу Цин, Лу Хунъюнь. Изучение М. Ю. Лермонтова в Китае : т. 3 // Чень Цзяньхуа. История исследования русской и советской литературы в Китае / под ред. Чунцин, 2007.
3. Цюй Цюбо. Гоголь и Лермонтов. В Т. 2. Т. 2. Русская литература / Цюй Цюбо ; под ред. Цзян Гуанцы и Цюй Цюбо. – Шанхай, 1927. – С. 162–170.
4. Гао Ман. Дома-музеи классиков русской литературы. Изд. «Путешествия по Китаю». – Пекин, 2005.
5. Фэн Цыкай. Беседа о переводе // Преподавание иностранных языков и переводы. 1951. – № 1. – С. 73.
6. Баевский, В. С. История русской поэзии. – М., 1996. – С. 22.
7. Гу Юньпу. Предисловие // Полное собрание лирических стихотворений М. Лермонтова. Лирика. Нанкин: Леса переводов, 2006. – С. 9.
8. Большой академический словарь русского языка. – М.; СПб., 2007. Т. 9: Л–Медь. С. 363.
9. Чжоу Цин, Лу Хунъюнь. Изучение М. Ю. Лермонтова в Китае // История исследования русской и советской литературы в Китае / под редакцией Чень Цзяньхуа. – Чунцинское издательство, 2007.
10. Гу Юньпу. О труде при переводе «Полного собрания лирических стихотворений М. Лермонтова. Т. 2» // Одна книга и один мир – мастера-переводчики о «входе» знаменитых иностранных произведений в Китай. – Куньлунь, 2005.
11. Гао Ман. Прочтение Пушкина при экономическом кризисе // Индустрия китайской культуры. – 2009. 8 июня.
12. Гу Юньпу. Исследование М. Ю. Лермонтова. Посвящается 200-летию со дня рождения великого поэта. – Издательство Пекинского университета, 2014.
13. История исследования русской и советской литературы в Китае : в 4 т. Т. 3 / под редакцией Чень Цзяньхуа. – Чунцинское издательство, 2007.
14. Собрание переводных произведений Вэнь Пэйцзюня. – Пекин : Издательское бюро, 1993.
15. Теория перевода Советского Союза / под редакцией Цай И и Дуань Цзинхуа. – Хубэйское издательство «Просвещение», 2000.

Примечания

¹ Движение за новую культуру – это движение, которое произошло в 1919 году. Его возглавили Ху Ши, Чэнь Дусю, Лу Синь, Ли Дачжао и др., получившие западное образование, т. е. «новое образование». Их лозунгами являются: «Долой традиции, долой конфуцианство, долой старый литературный язык (вэньянь)». «Движение» нанесло удар по феодальным нравственным нормам, которые господствовали в Китае больше 2000 лет, разбудило демократическую сознательность народных масс, привело современную науку и культуру в движение.

² До Цюй Цюбо Ван Аньлань при помощи известного русского синолога В. М. Алексеева перевёл стихотворение М. Ю. Лермонтова «Три пальмы» (1909), которое в переложении Лю Дабэня классическим китайским стихом было опубликовано в Пекине. Но перевод распространялся всего лишь в узком окружении.

³ Цюй Цюбо – публицист, переводчик, общественный и политический деятель. Кроме стихотворений М. Ю. Лермонтова, он ещё перевёл Пушкина («Цыганы»), Тютчева «Silentium». Перевод стихотворения в прозе М. Горького «Песня о Буревестнике» достиг неповторимого совершенства и по сей день пользуется популярностью.

⁴ См.: Чжоу Цин, Лу Хунъюнь. Изучение М. Ю. Лермонтова в Китае // Чень Цзяньхуа. История исследования русской и советской литературы в Китае / под ред. Чунцин, 2007. Т. 3. С. 31.

⁵ См. кн. «Теория перевода Советского Союза». Под редакцией Сай И и Дуань Цзинхуа. Хубэйское издательство «Просвещение». 2000. С. 217.

⁶ | – пауза.

⁷ □ – отсутствие рифмы.

⁸ Здесь отсутствует одна пауза.

⁹ В древней китайской поэзии, на которую ориентируется здесь переводчик, «e» и «i» приблизительно рифмуются.

¹⁰ 平 – ровный тон.

¹¹ 仄 – ломаный тон.

¹² Квадратные скобки обозначают видоизменение: ровный тон превратился в ломаный или наоборот. Но это происходит только при возможности. Например, третий знак в первой строке по правилу [仄], но на деле «平». Такое отклонение признано, как случайно встречающийся спондей или пиррихий.

Van Lie, Beijing University of Foreign Languages

THE HISTORY AND METHODS OF CHINESE TRANSLATIONS OF M. Y. LERMONTOV'S LYRICS

The article traces the history, methods and their evolution in the translations of the lyrics of M. Y. Lermontov in Chinese language: from deviations from Russian prosody to the interpretation of Lermontov's poems in prose and then to literal translations, which are faithful to the original both in form and in content. The attitude expressed in the article is that meaning is more important than form. The cultural gaps in translation are captured. Much attention is paid to the transfer of the original sound into the translation.

Keywords: creative translation, correct translation, literal translation, transference of the original sound.

References

1. Lermontov M. Yu. *Izbr. proizvedeniya* : v 2 t. [Selected Works in 2 Volumes] ed. by I. Andronnikov. Moscow, 1975.
2. Chzhou Tsin, and Lu Khun"yun" *"The Study of M. Y. Lermontov in China."* The History of the Russian and Soviet Literature Study in China. Vol. 3. Chongqing, 2007.
3. Cjui Cjubo. *Gogol' i Lermontov* [Gogol and Lermontov] V T. 2. T. 2. Russkaja literatura. Shanhaj, 1927. P. 162–170.
4. Gao Man. *Doma-muzei klassikov russkoj literatury* [House-museums of the classics of Russian literature]. Pekin, 2005.
5. Fjen Czykaj. *Beseda o perevode. The Teaching of foreign languages and translations.* 1951, No. 1, pp. 73.
6. Baevskij V. S. *Istorija russkoj poezii* [The History of Russian poetry]. Moscow, 1996, pp. 22.
7. Gu Jun'pu. *Predislovie. Polnoe sobranie liricheskikh stihotvorenij M. Lermontova.* [Complete collection of lyric poems. – M. Lermontov. Lyrics.], 2006. P. 9.
8. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka v 9 T. [Great academic dictionary of the Russian language]. Moscow, 2007. P. 363.
9. Chzhou Tsin, and Lu Khun"yun" *"The Study of M. Y. Lermontov in China."* The History of the Russian and Soviet Literature Study in China. Vol. 3. Chongqing, 2007.
10. Gu Jun'pu. O trude pri perevode «Polnogo sobranija liricheskikh stihotvorenij M. Lermontova. T. 2» [About work in the translation of "Complete collection of lyrical poems by M. Lermontov. Vol. 2"], 2005.
11. Gao Man. Reading Pushkin with the economic crisis. *Industrija kitajskoj kul'tury.* 2009. June 8. P. 6.
12. Gu Jun'pu. *Issledovanie M. Ju. Lermontova. Posvjashhaetsja 200-letiju so dnja rozhdenija velikogo pojeta* [The Research Of M. Y. Lermontov. Dedicated to the 200th birthday of the great poet]. 2014.
13. *Istorija issledovanija russkoj i sovetskoj literatury v Kitae* : v 4 t. T. 3 [The history of the study of Russian and Soviet literature in China] / pod redakciej Chen' Czjan'hua. Chuncinskoe Publ., 2007.
14. *Sobranie perevodnyh proizvedenij Vjen' Pjejcjunja* [A collection of translated books Wen Paczyna]. Pekin. Izdatel'skoe bjuro Publ., 1993.
15. *Teorija perevoda Sovetskogo Sojuza* [Translation theory in the Soviet Union]. pod redakciej Caj I i Duan' Czinhua. Hubjejskoe izdatel'stvo «Prosveshhenie» Publ., 2000.

© Ван Лие, 2016

Автор статьи – Ван Лие, доктор филологических наук, профессор, Пекинский университет иностранных языков, КНР, e-mail: cyzhv@inbox.ru

Рецензенты:

Е. А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, руководитель Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского.

Чжао Гуянянь, доктор филологических наук, профессор, Пекинский университет, КНР.

С. А. Асеева,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ИЛЛЮСТРИРОВАНИЕ Л. О. ПАСТЕРНАКОМ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» КАК ФАКТ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОГО И ФИЛОСОФСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИВОПИСИ

В статье иллюстрации Л. О. Пастернака к эпическому роману Л. Н. Толстого «Война и мир» рассматриваются в интермедийном (взаимодействие литературы и изобразительного искусства) и в философском аспектах. Автор доказывает, что художнику средствами изобразительного искусства удалось выразить ключевые категории философской антропологии Л. Н. Толстого, нашедшей отражение на страницах книги «Война и мир».

Ключевые слова: литература, изобразительное искусство, интермедийность, «Война и мир», иллюстрации Л. О. Пастернака, философская антропология Л. Н. Толстого.

В 1893 году художник Леонид Осипович Пастернак создал небольшую серию иллюстраций к роману-эпопее Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Живописцу повезло познакомиться с автором книги на Передвижной выставке художников, проходившей 5 апреля 1893 года в Третьяковской галерее, в Москве. После этого художник был приглашён в дом Толстого в Хамовниках, где показал свои рисунки, которые были высоко оценены писателем. Об этом факте известно из книги Л. О. Пастернака «Записи разных лет»: «Сначала Толстой не проронил ни слова. Потом <...> обратился ко мне: *Ведь вот как странно это бывает <...> Когда у белки уже нет зубов, ей преподносят орешки! А ведь когда-то, когда я писал "Войну и мир", я мечтал о таких иллюстрациях <...> Прекрасно, прекрасно!*» [4, с. 176]. Вопрос об иллюстрировании Л. О. Пастернаком «Войны и мира» исследован мало. О нём говорится, главным образом, как о факте биографии Леонида Пастернака. В качестве примера можно привести статьи Э. Зальцбурга [2], Е. Кричевской [3]. При этом специальные историко-литературные и искусствоведческие исследования, посвящённые иллюстрациям Л. О. Пастернака к «Войне и миру» Толстого, практически отсутствуют.

Между тем данную серию рисунков целесообразно рассматривать в аспекте интермедийного взаимодействия литературы и изобразительного искусства, уделяя особое внимание исследованию возможности выражения мировоззрения Л. Н. Толстого средствами живописи.

Из воспоминаний художника известно, что в 1893 году по предложению петербургского журнала «Север» Пастернак выполнил несколько рисунков к роману «Война и мир». Четыре его рисунка («Наташа Ростова на первом балу», «Наташа Ростова и князь Андрей Болконский в Мытищах», «Расстреливание французами поджигателей в Москве» и «Наполеон и Лаврушка на переходе из Вязьмы к Цареву-Займищу») вошли в иллюстрированный альбом – приложение к этому журналу. Всего Л. О. Пастернак сделал шесть иллюстраций, выполненных в технике цветной акварели, но его работы «Балашов в палатке Наполеона» (рис. 1) и «Князь Василий Курагин с дочерью на балу» (рис. 2) в альбом не вошли, так как не были завершены художником и остались лишь эскизными набросками.

В настоящее время акварели Пастернака к роману «Война и мир» хранятся в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве.

Тематически они разнообразны и представляют собой зарисовки как мирной, так и военной жизни. На них запечатлены и главные герои (Наташа Ростова, князь Андрей Болконский, Пьер Безухов), и второстепенные персонажи (князь Василий, Элен, Балашов), и исторические лица (Наполеон), и простые люди (лакей Лаврушка).

Остановимся на анализе эпизодов, запечатлевших поворотные моменты в жизни главных героев романа.

Сцена «Наташа Ростова на первом балу» (рис. 3) построена Л. О. Пастернаком на контрасте реалистической чёткости, с которой выписаны центральные герои, и импрессионистической размытости фона, которым служат остальные персонажи. В литературном источнике сказано, что «князь Андрей с учтивым и низким поклоном» [1, т. 10, с. 203] подошёл к Наташе, «занося руку, чтоб обнять её талию ещё прежде, чем он договорил приглашение на танец <...>» [1, т. 10, с. 204]. Переход в построении Наташи от страха и волнения к радости автор описывает так: «То замирающее выражение

лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой» [1, т. 10, с. 204]. Художник-иллюстратор это состояние передаёт на рисунке с помощью преобладающих нежных пастельных тонов и обилия света, заливающего зал, в точности следуя замыслу автора «Войны и мира».

Рис. 1. Л. О. Пастернак. Балашов в палатке Наполеона (эскиз)

Рис. 2. Л. О. Пастернак. Князь Василий Курагин с дочерью Элен на балу (эскиз)

Рис. 3. Л. О. Пастернак. Наташа Ростова на первом балу

Встреча Наташи Ростовой с раненым Андреем Болконским (рис. 4) важна для понимания философских взглядов писателя на любовь и смерть, поэтому изображение места действия, внешняя обстановка, где происходит это событие, соседствуют с описанием мыслей, чувств и переживаний главных героев.

Предваряя эпизод свидания с Наташей, писатель фиксирует динамику внутренних изменений взглядов на любовь и смерть, произошедших с раненым князем Болконским: «Да, мне открылось новое счастье, неотъемлемое от человека, – думал он, лежа в полутёмной тихой избе <...> Счастье, находящееся вне материальных сил, вне материальных внешних влияний на человека, счастье одной души, счастье любви!» [1, т. 11, с. 386] <...> Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить её. Она есть сущность души» [1, т. 11, с. 387]. Таким образом, князю Андрею открывается новое понимание всепрощающей, «божеской любви». Именно эта истина вызывает в его душе желание видеть Наташу, чтобы выразить это чувство, которое стало нравственной доминантой его души. Мысли же о смерти Толстой проецирует на мифологический образ сфинкса, возникающий в спутанном, переменяющемся бредом сознании героя: «Но, кроме этого, было ещё одно важное. Это было белое у двери, это была статуя сфинкса <...>» [1, т. 11, с. 386]. Примечательно, что у древних греков сфинкс – это мифологическое существо женского пола, загадывающее людям загадки и отбирающее жизнь у тех, кто не мог их разгадать. Таким образом, эта фигура у писателя символически связана с понятием смерти, и Толстой подчёркивает, что этот образ неоднократно возникает у Болконского: «Всё так же <...> с красным кругом горела свечка, та же рубашка-сфинкс лежала у двери <...>» [1, т. 11, с. 387].

Сама сцена свидания так описана в романе: «Когда он очнулся, Наташа <...> которую из всех людей в мире ему более всего хотелось любить той новой, чистой, божеской любовью, которая была теперь открыта ему, стояла перед ним на коленях. Он <...> не удивился, но тихо обрадовался. Наташа

<...> испуганно, но прикованно <...> глядела на него, удерживая рыдания. Лицо её было бледно и неподвижно. <...> Князь Андрей облегчительно вздохнул, улыбнулся и протянул руку» [1, т. 11, с. 388]. Толстой, воссоздавая эпизод встречи князя с Наташей, переключает внимание читателя то на внешнюю обстановку, то на душевное состояние героев. Так, Наташа, стоя на коленях, взяв руку князя Болконского, просит у него прощения, раскаиваясь в содеянном. Но у князя Андрея в этот момент уже нет и мысли о прощении, поскольку он простил её ранее, когда познал иную, нематериальную, высшую любовь, вышел на новый уровень духовного развития и теперь признаётся Наташе, что любит её «больше, лучше, чем прежде» [1, т. 11, с. 388], потому что он в свете новой, постигнутой им истины, ещё до встречи с ней, вспоминая её ранее, как пишет Толстой, «в первый раз представил себе её душу. И он понял её чувство, её страдания, стыд, раскаянье. Он теперь в первый раз понял всю жестокость своего отказа, видел жестокость своего разрыва с нею» [1, т. 11, с. 387]. Из текста становится понятным состояние души Наташи, которой стало ясно, что чувствовал князь, и то, что она прощена, поэтому её глаза, как описывает их автор романа, «налитые счастливыми слезами, робко, сострадательно и радостно-любовно смотрели на него» [1, т. 11, с. 388].

Следуя философским взглядам автора и описаниям, данным в произведении, художник верно изображает всё происходящее с персонажами этой сцены. На картине Пастернака изображены раскаивающаяся Наташа, протягивающий ей руку князь Андрей, раненый Тимохин, лежащий в углу на кровати, белый сфинкс в образе сидящей на полу старухи. Противопоставление между тёмной избой и образом Наташи в ореоле горящей свечи («В избе этой было темно. <...> на лавке стояла <...> салная свечка» [1, т. 11, с. 382]) показано художником с помощью контрастной игры светлых и тёмных тонов. На переднем плане отчётливо выступают фигуры князя Болконского и Наташи, озарённые светом радостного чувства любви и всепрощения. Художником визуализирован толстовский символический образ смерти-сфинкса, который в тексте романа представлен лишь в бреду раненого Болконского. Тимохин описан Толстым как безмолвный свидетель встречи героев романа, он «давно уже видел всё, что делалось и, старательно закрывая простыней своё неодоетое тело, ёжился на лавке» [1, т. 11, с. 388]. У Пастернака Тимохин – это второстепенный персонаж, оттеняющий ключевое событие эпизода.

В эпизоде расстрела поджигателей (рис. 5) действие, согласно тексту книги, разворачивается неподалёку от Девичьего монастыря, на огороде, «на котором стоял столб. За столбом была вырыта большая яма с свежевыкопанной землей, и около ямы и столба полукругом стояла большая толпа народа» [1, т. 12, с. 40]. Вероятно, неслучайно писатель выбрал в качестве места казни поле около Девичьего монастыря, желая этим подчеркнуть, что действием массовой насильственной смерти, казни, попораны христианские ценности человеколюбия, добродетели. Пастернак нашёл адекватный художественный приём для выражения этой мысли, избрав церкви монастыря заволоченными дымом, оставив на виду только купола как символы христианской веры. По-видимому, дым на полотне символизирует мракобесие, творящееся в обществе людей.

Рис. 4. Л. О. Пастернак. Наташа Ростова и князь Андрей Болконский в Мытицах

Экспозиция эпизода полно и детально отразилась в иллюстрации художника в соответствии с текстом романа: «Справа и слева столба стояли фронты французских войск в синих мундирах с красными эполетами, в штиблетах и киверах» [1, т. 12, с. 40]. Фоном картины служит «толпа народа», дым от пожара Москвы и от ружейных выстрелов, сквозь который неясно проглядывают очертания Девичьего монастыря. На рисунке изображены «чиновник-француз» [1, т. 12, с. 41], читающий приговор, солдат с барабаном, «молодой солдат с мертвенно-бледным лицом», который после расстрела очередной пары пленных, «как пьяный, шатался», пытаясь «поддержать своё падающее тело», и старый солдат, который только что «втащил его в роту» [1, т. 12, с. 43] и смотрел на него с укоризной.

У Толстого сцена расстрела дана сквозь призму сознания главного героя Пьера Безухова. В книге описание этого события неразрывно связано с его внутренним состоянием: «Несколько барабанов вдруг ударили с двух сторон, и Пьер почувствовал, что с этим звуком как будто оторвалась часть его души <...> Он потерял способность думать и соображать. Он только мог видеть и слышать. И только одно желание было у него – желание, чтобы поскорее сделалось что-то страшное, что должно было быть сделано» [1, т. 12, с. 40]. Толстой подчёркивает, что при этом «неприятном и непостижимом деле» [1, т. 12, с. 41] чувства Пьера созвучны ощущениям всех присутствующих: «На всех лицах русских, на лицах французских солдат, офицеров, всех без исключения, он читал такой же испуг, ужас и борьбу, какие были в его сердце» [1, т. 12, с. 41]. Пьер, страдая и ужасаясь зрелищу казни, постоянно задавался вопросами: «<...> что это такое?», «Да кто же это делает наконец?» [1, т. 12, с. 41]. Автор романа, фиксируя каждую фазу изменения душевного состояния героя, отмечает: «Он со все возрастающим ужасом, не ощущая ни радости, ни успокоения, смотрел на то, что делалось [1, т. 12, с. 42]. <...> стоял у столба, и никто не отгонял его» [1, т. 12, с. 43]. Для того чтобы передать внутреннее состояние рефлексирующего главного героя, Пастернак нашёл адекватное художественное решение, сделав фигуру Пьера доминирующей над толпой, чётко выписав её.

Иллюстрация «Наполеон и Лаврушка» (рис. 6), вошедшая в альбом-приложение к журналу «Север», по воспоминаниям Л. О. Пастернака, вызвала интерес у Л. Н. Толстого: «Помню, как Лев Николаевич громко и весело рассмеялся, когда взглянул на мою акварель, изображавшую группу кавалеристов в разноцветных мундирах: на переднем плане, в походном платье, серьёзный и озабоченный Наполеон слушает пьяную болтовню скачущего рядом с ним Лаврушки. Толстой смеялся сопоставлению сосредоточенности Наполеона с ужимками подвыпившего Лаврушки, наслаждающегося своим враньем» [4, с. 178]. Эта сцена из романа замечательна противопоставлением хитрости Лаврушки, выходца из простого народа, мнимому величию императора Наполеона, развенчанному писателем Толстым.

Рис. 5. Л. О. Пастернак. Расстреливание французами поджигателей в Москве

Рис. 6. Л. О. Пастернак. Наполеон и Лаврушка на переходе из Вязьмы к Цареву-Займишу

Л. О. Пастернак был одним из первых иллюстраторов художественного творчества Л. Н. Толстого. Создавая акварели к «Войне и миру», он стремился, прежде всего, воссоздать жизнь людей в большом мире, в обществе, с точки зрения художника, исследовать их поведение как в радостные, счастливые минуты, так и перед лицом смерти, бесчеловечной массовой гибели на войне. В этом он следует за Толстым.

Серия иллюстраций к роману «Война и мир», выполненная Пастернаком, важна, потому что она была показана автору произведения, удостоилась высокой оценки Л. Н. Толстого. В иллюстрациях посредством живописи были отражены как изображения эпизодов, так и основные философские интенции писателя, выраженные в соответствующих фрагментах книги.

Взаимодействие двух медиа, каждое из которых обладает своим языком, а именно, литературы и живописи, оказалось результативным, потому что трактовки одних и тех же эпизодов совпадают у писателя и у художника. При этом у читателя складывается наиболее полное, цельное, образное, яркое художественное впечатление от произведения. Подобное воздействие достигается за счёт синтетического интермедиального взаимодействия двух искусств, которые в данном случае выступают как два типа медиа: вербальное (литература) и визуальное (живопись). Таким образом, соседствуя с текстом произведения, иллюстрации способствуют одновременному зрительно-слуховому восприятию романа-эпопеи аудиторией.

Библиографический список

1. Толстой, Л. Н. ПСС в 90 т., юб. изд. / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1928–1958. – Т. 10, с. 203, 204, т. 11, с. 382, 386, 387, 388, т. 12, с. 40, 41, 42, 43.
2. Зальцбург, Э, Пастернак, Ж. Л. Биография отца. Вступительная статья, публикация, комментарии Эрнста Зальцберга / Э. Зальцбург, Ж. Л. Пастернак // Семь искусств. – 2011, № 10 [Электронный ресурс] Э. Зальцбург, Ж. Л. Пастернак. – Режим доступа: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer10/Zaltsberg1.php> свободный.
3. Кричевская, Е. Художник Пастернак иллюстрирует Льва Толстого, свою семью и всю Россию [Электронный ресурс] / Е. Кричевская. – Режим доступа: <http://goo.gl/fVMjpN> свободный.
4. Пастернак, Л. О. Записи разных лет / Л. О. Пастернак. – М. : Советский художник, 1975. – С. 176, 178.

S. A. Aseeva, Moscow State University

ILLUSTRATION OF LEO TOLSTOY'S NOVEL «WAR AND PEACE» BY LEONID PASTERNAK AT THE ASPECT OF INTERMEDIAL INTERRELATION OF LITERATURE AND PAINTING

The article analyses the illustrations of an epic novel «War and Peace» by Leo Tolstoy made by Leonid Pasternak at an intermedial (as the interrelation of literature and fine art) and at a philosophical aspect. The author proves, by means of fine art, the painter managed to express key categories of the philosophical anthropology by Leo Tolstoy that reflects on the pages of the book «War and Peace».

Keywords: literature, fine art, intermediality, «War and Peace», the illustration by Leonid Pasternak, the philosophical anthropology by Leo Tolstoy.

References

1. Tolstoy L. N. *Polnoye sobranie sochineniy v 90 t.* Jub. izd. [Complete collect. of 90 vol. Jub. ed.], vol. 10, p. 203, 204, vol 11, p. 382, 386, 387, 388, vol. 12, p. 40, 41, 42, 43. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1928–1958.
2. Zaltsburg E., Pasternak Zh. L. *Biographia otca. Vstupitelnaya statia, publicatsia, kommentarii Ernsta Zaltsburga.* [Father's biography. Preface, publication, comments by E. Zaltsburg] / E. Zaltsburg, Zh. L. Pasternak // *Sem' iskusstv*, 2011, № 10. Available at: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer10/Zaltsberg1.php>.
3. Krichevskaya E. *Khudozhnik Pasternak illustriruet Lva Tolstogo, svoyu semju i vs'u Rossiyu.* [The painter Pasternak illustrates a Leo Tolstoy, his family and all Russia] / E. Krichevskaya. Available at: <http://goo.gl/fVMjpN>
4. Pasternak L.O. *Zapisi raznykh l'et.* [Notes made during different years]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1974. P. 176, 178.

© С. А. Асеева, 2016

Автор статьи – Светлана Александровна Асеева, аспирантка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, e-mail: nathalie1812@yandex.ru

Рецензенты:

В. Б. Катаев, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

М. С. Макеев, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

УДК 821.161.1

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.26

А. В. Подворная,

Омский государственный педагогический университет

СЕМАНТИКА САДА В СТИХОТВОРЕНИИ И. АННЕНСКОГО «ЛИШЬ ТОМУ, ЧЕЙ ПОКОЙ ТАИМ»

В статье представлен интертекстуальный анализ стихотворения И. Анненского. Раскрывается поэтологическая семантика сада, в свете которой в стихотворении намечается традиционный мотив явления Музы в уединённый приют поэта. Топос солнечного сада связывается с двумя контекстами: «золотым веком» античности и пушкинской поэтической эпохой.

Ключевые слова: русская поэзия, сирень, Муза, теория творчества, Царское село.

Поэтическое наследие Анненского, как справедливо отмечает В. Гитин, представляет собой «узкий круг тем, для раскрытия которых поэт находит множество сюжетов и интонационных ключей» [3, с. 34]. В связи с этим учёный определяет творческий метод автора «Тихих песен» и «Кипарисового ларца» как «интенсивный». С таким определением трудно не согласиться, поскольку лирика Анненского изобилует константными образами, и один из ключевых – образ сада.

В стихотворении «Лишь тому, чей покой таим» пространство сада, связанное с героиней стихотворения, условно-поэтическое: «Ты придёшь, коль верна мечтам,/ Только та ли ты?/ Знаю: сад там, сирени там/ Солнцем залиты./.../ Пчёлы в улей там носят мёд,/ Пьяны гроздами». Раскрытию символики сада помогает анализ ряда мотивов.

Одна из деталей сада – «пчёлы», носящие «в улей мёд», отсылает нас к традиционным метафорам поэта-пчелы и поэзии-мёда. К. Тарановский восстанавливает один из ранних источников данного образа [8, с. 126]. Это диалог Платона «Ион»: «Говорят же нам поэты, что они летают, как пчёлы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз» (перевод В. Я. Боровского)» [6, с. 262]. Отметим, что Анненский использует данную метафору и в своей оригинальной в драме «Фамира-кифаред»: под впечатлением от игры Евтерпы Фамира чувствует, «как к пальцам приливает / Из сердца кровь – там золотые пчёлы / Соскучились по струнам» [1, с. 524].

Другим атрибутом сада в стихотворении становится сирень. Восстановить семантику данного фитообраза в рамках только этого стихотворения сложно, но в контексте всей лирики Анненского сирень связана с устойчивыми мотивами. Упоминание этого цветка встречается, к примеру, в стихотворении И. Анненского «Л. И. Микулич», посвящённом Царскому селу: «Там были розы, были розы // Пускай в поток их унесло. // Там всё, что навсегда ушло, // Чтоб навевать сиреням грезы». Г. Савельева отмечает, что сирень у Анненского, как правило, связана с исходным состоянием полусна-полуяви. Для понимания его семантики исследователь обращается к статье Анненского «Пушкин и Царское Село», где Анненский пишет, что «процесс творчества соединялся у Пушкина: или с **грёзами** первосония, или с лесными зарослями где-нибудь у воды» [2, с. 310–311]. «Грёзы сиреней» становятся в «Л. И. Микулич» символом самого творческого процесса [7, с. 148].

Итак, сад и сирень репрезентируют в лирике Анненского семантику искусства, тогда справедливо будет предположить, что обительница сада в стихотворении «Лишь тому...» – это Муза. Такое предположение подтверждается и подтекстом заключительного стихотворения «Трилистника одиночества». Мимо внимания исследователей проходит внутренняя соотнесённость «Дальних рук» с фрагментом из «вакхической драмы» «Фамира-кифаред». Так, в драме Анненского образ Евтерпы складывается из повторяющегося мотива *холодности*, а также упоминания о *руках* или *пальцах* богини. В портрете Музы настойчиво подчёркиваются пальцы богини, но с разными эпитетами: «розовые», «тонкие», «длинные». В стихотворении «Дальние руки» образ возлюбленной рисуется сходными штрихами:

Зажим был так сладостно сужен,
Что пурпур дремоты поблёк, –
Я розовых, узких жемчужин
Губами узнал холодок [1, с. 138].

Это наводит на мысль, что в стихотворении «Дальние руки» на глубинном уровне Анненский так же, как и в первом тексте «Трилистника одиночества», развивает одновременно тему любви и творчества, и в обличье возлюбленной проступают черты Музы.

В стихотворении «Лишь тому, чей покой таим» топосы поэта и его Музы различны, отделены друг от друга. Если пространство Музы – сад, то поэта – дом («Лишь тому, чей покой таим, / Сладко дышится... / Полотно над окном моим / Не колышется»). Так в стихотворении намечается традиционный мотив явления Музы в уединённый приют поэта.

Муза обитает в солнечном весеннем саду. Весенний пейзаж, солнечность сада позволяют предположить, что Муза Анненского принадлежит пространству «золотого века», это античная муза мимезиса или жизнеутверждающей поэзии, на что косвенно намекает и любовная тематика. Но одна деталь – сирень – выпадает из античного контекста. Сирень является частью русского усадебного текста. Как писал Е. Золотницкий, «у русских связано с сиренью воспоминание о старинных помещичьих усадьбах» [5, с. 289]. Таким образом, топос солнечного сада актуализирует в стихотворении Анненского два контекста: «золотой век» античности и одновременно пушкинский поэтический век, век воплощённого Идеала, век «обетованья красоты».

В художественном мире «Тихих песен» и «Кипарисового ларца» сад становится манифестацией определённой «теории творчества». Эта идея Анненского эксплицирована в его в речи о Достоевском, где он выделяет два прототипа поэта, или «две героизированные теории творчества», идущих из древности. Первая – «эллинская, с преобладанием активного момента. Это был похититель огня, платоновский посредник между богами и людьми. Поэт, гений, по теории этой, был демоном,

а поэзия – оказывалась чем-то вроде божественной игры. Второй прототип сохранился Библией. Это была пассивная форма гения, и здесь поэт являлся одержимым. Это был пророк, т. е. сосуд со скрытым в нём и вечно бодрым пламенем, и от этого сосуда волнами расходились среди людей их же, только просветлённые страдания, их же, только обострённые сомнения.

Гёте, Пушкин, Гейне, парнасцы говорили нам не раз о первом поэте и звали за ним *в прохладные сады Академа* (выделено мною – А. В.); но, читая Достоевского, Эдгара По, Гоголя, Толстого или Бодлера, мы чаще думали о втором, там, на выжженных берегах Мёртвого моря» [2, с. 239].

Нельзя не заметить, что смысловой нерв в многозначной символике «сада» связывается у Анненского с эллинской теорией творчества, в которую включается и пушкинский текст. Это позволило О. Ивановой выделить в его поэзии сквозную мифологему, античную по происхождению и связанную с именем Пушкина: «Ликейский аполлонический сад или парк». Сад, как указывает исследователь, для Анненского – это, прежде всего, Царское Село, а «современное Анненскому Царское Село и его парки имеют для поэта две ипостаси в античности: Дельфийский храм Аполлона и Ликей Аристотеля» [4, с. 140–141].

Библиографический список

1. Анненский, И. Ф. Стихотворения и трагедии / И. Ф. Анненский. – Л. : «Сов. писатель», 1990.
2. Анненский, И. Ф. Книги отражений / И. Ф. Анненский. – М., 1979.
3. Гитин, В. Е. «Интенсивный метод» в поэзии Анненского (поэтика вариантов: два «пушкинских» стихотворения в «Тихих песнях») / В. Е. Гитин // Русская литература. – СПб. – 1997. – № 4.
4. Иванова, О. Ю. А. С. Пушкин в античных мифологемах И. Ф. Анненского / О. Ю. Иванова // Пушкин и мир античности. – М. – 1999.
5. Золотницкий, Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. – СПб., 1991.
6. Платон. Избранные переводы / Платон. – М., 1965.
7. Савельева, Г. Т. Два мифа о Царском Селе. Анненский и Мандельштам / Г. Т. Савельева // Иннокентий Анненский и русская культура XX века. – СПб., 1996.
8. Тарановский, К. О поэзии и поэтике / К. Тарановский. – М., 2000.

A. V. Podvornaya, Omsk's state pedagogical university

THE SEMANTICS OF THE GARDEN IN THE POEM I. ANNENSKOGO «ONLY THE ONE WHOSE KEEP CALM»

This article presents the intertextual analysis of I. Annensky's poem, where poetological semantics of the garden is explained. Traditional motif of Muse appearance in the poet's secluded house is written in the poem. Space of solar garden binds to two contexts: the «golden age» of antiquity and Pushkin's poetic century.

Keywords: the Russian poetry, semantics of the garden, Muse, theory of creativity, Tsarskoye Selo.

References

1. Annensky I. F. *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad, 1990. 640 p.
2. Annensky I. F. *Knigi otrazhenii* [Books reflections]. Leningrad, 1979. 679 p.
3. Gitin V. "Intensive method" in the poetry of Annensky 's. *Russian literature*, 1997, no. 4, pp. 34–53.
4. Ivanova O. Pushkin in ancient mythologems I. F. Annenskogo. *Pushkin i mir antichnosti*, Moscow, 1999, pp. 139–149.
5. Zolotnitsky N. F. *Cveti v legendah i predaniyah* [Flowers in the legends and traditions]. Saint Petersburg, 297 p.
6. Platon. *Izbrannie perevodi* [Favorite translations], Moscow, 1965, 442 p.
7. Savelyev G. T. Two of the myth of Tsarskoye Selo. Ann and Mandelstam. Innokenty Annensky and the Russian culture of the XX century. Saint Petersburg, 1996. pp. 143–152.
8. Taranovsky K. *O poezii i poetike* [About poetry and poetics], Moscow, 2000. 432 p.

© А. В. Подворная, 2016

Автор статьи – Алла Владимировна Подворная, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: alla_omsk@bk.ru

Рецензенты:

Е. А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, руководитель Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского.

Е. В. Беликова, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет.

А. С. Герасимова, О. С. Иссерс,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЁМЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ТЕЛЕКОНКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОКАЛЬНОГО ШОУ «ГОЛОС»)

Статья посвящена коммуникативно-прагматическому аспекту речевого взаимодействия в СМИ. Для понимания особенностей коммуникативного поведения в современном теледискурсе актуальна задача описания наиболее типичных речевых средств носителей языка в стереотипных ситуациях, одной из которых становится ситуация оценивания. В данной статье рассматриваются тактические приёмы при положительном оценивании в телешоу.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, модель коммуникативного поведения, стратегия оценивания, тактический приём.

Речевое общение является процессом социального взаимодействия, благодаря которому коммуниканты при использовании конкретных видов речи осуществляют свои стратегические и тактические действия. Успешность речевого взаимодействия определяется достижением говорящим своих стратегических целей, а также минимизацией конфликтогенных факторов при общении, что можно отнести к задачам тактического порядка. Для того чтобы выполнились оба условия, говорящий вынужден планировать своё коммуникативное поведение (более широкий термин в отличие от термина «речевое поведение», предложенный И. А. Стерниным [8]). Для человека, привыкшего рефлексировать по поводу собственной речи, стратегическое и тактическое прогнозирование своих высказываний – вполне естественный процесс. Особое значение осознанные навыки речевого поведения приобретают в условиях публичной коммуникации, где цена речевой либо коммуникативной ошибки гораздо выше, чем в межличностном общении.

Для понимания особенностей национального коммуникативного поведения актуальна задача описания наиболее типичных стратегий и тактик носителей языка в стереотипных ситуациях общения. Анализом русского коммуникативного поведения занимались многие исследователи: И. Н. Борисова, Е. М. Верещагин, В. З. Демьянков, О. С. Иссерс, Е. В. Клюев, С. А. Сухих, Т. Е. Янко [1–3, 5–7, 9, 12]. Однако, несмотря на обширную литературу, в современных дискурсивных практиках обнаруживаются новые модели речевого поведения, требующие научного осмысления. К их числу относятся стратегии и тактики публичного оценивания, востребованные в развлекательных жанрах телевидения – конкурсах, шоу и т. п.

В настоящей работе мы попытаемся определить наиболее типичные тактики одобрения и согласия в рамках стратегии конкурсного оценивания. Такой коммуникативный сюжет, регулярно встречающийся в различного рода телеконкурсах, обусловлен ситуацией выбора участников для дальнейших соревнований. Как правило, он, в отличие от отказа, не является конфликтогенным, однако также может привести к коммуникативной неудаче (см. подробнее в работах О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, А. Мустайоки, Е. С. Olsina, D. Verdonik [4, 13–15]), так как потенциально содержит определённый риск для имиджа членов жюри и предполагает обозначение «положительного полюса» на шкале оценки. При решении подобных коммуникативных задач всегда важно остаться искренним и не преувеличить степень похвалы.

Эмпирической базой для исследования послужили 40 речевых ситуаций, отобранных из телевизионного эфира вокального телепроекта «Голос» (1–3 сезоны), в которых певцу разрешается дальнейшее участие в конкурсе. Единицей анализа считается отдельное высказывание члена жюри телешоу, содержащее оценочный компонент.

Любое творческое телешоу («Фабрика звёзд», «Минута славы», «Танцуй» и др.) строится на концепции программы, в которую входит распределение социальных и сценарных ролей её участников. Не является исключением и вокальный телепроект «Голос», где атмосфера концерта и постановки номеров диктует правила двух миров: сцены и закулисы, за порядком которых наблюдают члены жюри – популярные артисты и деятели искусств России (в первых трёх сезонах в него входили А. Градский, Л. Агутин, Пелагея Ханова (псевдоним Пелагея), Д. Билан). Каждый из них предстаёт

в своём амплуа – в зависимости от пола и возраста, профессионального опыта и, что более актуально для нас, речевого поведения.

Особенностями коммуникативных условий в вокальном телепроекте «Голос» являются публичность оценивания и тот факт, что любое оценочное суждение, произнесённое в студии, рассчитано на двойного адресата – участника шоу и массового зрителя у экрана телевизора. Таким образом, выражая своё оценочное мнение, членам жюри надо быть одновременно искренними, чтобы аудитория в зале и у экранов телевизоров поверила в их профессионализм. Поэтому все члены жюри телешоу предстают не столько в образе беспристрастных критиков, сколько в роли наставников, способных помочь ученикам в их творческом росте. Отсюда возникает и большая значимость оценочных суждений как высказываний наставнического, психологического, эстетического характера, что в целом определяет специфику речевого поведения членов жюри.

Ситуация «одобрения и согласия» предполагает, что наставники довольны исполнением участника и готовы работать с ним дальше, поэтому членам жюри ничего не остаётся, как восхититься исполнением, отметить удачные моменты, прокомментировать отличные вокальные данные. По результатам наших наблюдений установлено, что стратегия оценивания в ситуации «одобрения и согласия» включает следующий набор тактик:

- 1) тактика восхищения;
- 2) тактика похвалы;
- 3) тактика комплимента;
- 4) тактика самооправдания;
- 5) тактика самопрезентации;
- 6) тактика уговора;
- 7) тактика удивления.

Помимо основных тактик рассматриваемая коммуникативная ситуация обслуживается сопутствующими тактическими приёмами (коммуникативными ходами). Например, базовая тактика восхищения реализуется как самостоятельно, так и посредством подкрепляющей её сопутствующей тактики «Нет слов...», которая подчёркивает неоспоримость прекрасных вокальных данных. Тактика комплимента дополняется сопутствующей тактикой «Он похож на N», когда наставники сравнивают исполнение участника с исполнением этого же произведения известным артистом или же апеллируют к внешности звезды. Список сопутствующих тактик остаётся открытым в силу того, что каждая новая речевая ситуация будет предполагать возникновение новых коммуникативных шагов, позволяющих реализовать прагматический потенциал оценочных высказываний. В наши задачи входит рассмотреть базовые тактические приёмы стратегии оценивания в рамках творческого телешоу.

Тактики восхищения, похвалы и комплимента относятся к эмоционально настраивающим тактикам. Все они чем-то схожи между собой, так как их основная коммуникативная цель в любом творческом телепроекте – отметить высокое качество выступления и тем самым вызвать симпатию, расположить к себе не только участника, но и телезрителя. Семантическим ядром данной группы становится крайний полюс положительной оценки – «отлично» / «хорошо». Не всегда можно однозначно дифференцировать тип тактического приёма, однако во многих случаях это можно сделать, ориентируясь на набор лексических средств. В частности, тактика восхищения чаще всего ограничивается оценочными словами «браво», «здорово», «потрясающе», «восхитительно», «класс», «я в восхищении»; междометиями «у-у-у», «а-а-а», «о-о-о», «а-е-е-е», «вау», «ух». Большую роль для этой тактики играет просодическая сторона высказывания – интонация. В ситуации «одобрения и согласия» данная тактика помогает открывать оценочное суждение:

1) *Д. Билан: У-у-у-у! У-ху-у-у!*

Л. Агутин: Круто это было! Здравствуйте! Как Вас зовут? Откуда Вы?

2) *Пелагея: Вау! Ага!*

Д. Билан: Здравствуйте!

3) *Л. Агутин: Браво!*

Д. Билан: Мне так радостно, потому что Вам радостно!

В контексте всего диалога базовая тактика восхищения, как уже упоминалось ранее, дополняется сопутствующей тактикой «Нет слов», а также тактикой «Обязан был повернуться» или тактикой «Всё ясно». Обратимся к примерам:

1) *А. Градский: У-у-у! Так, всё, у нас «no words». Давай, иди целоваться (Смеётся.). Ещё какой экземпляр!*

Пелагея: Я счастлива! Всё!

Л. Агутин: Замечательная, очаровательная, потрясающая!

А. Градский: Не фиг говорить!

2) Л. Агутин: Честно говоря, да, я-то 14 уже набрал. Но я просто не мог этого не сделать.

3) Л. Агутин: Знаете, Артур, довольно сложно говорить, когда не о чем говорить. Когда всё сказано пением.

4) Д. Билан: Вы знаете, я в качестве профформы, как будто бы может показаться, скажу. Просто благодаря Вашему исполнению было понятно, что Вы ещё можете, как Вы это можете и насколько здорово. Я это всё почувствовал, поэтому не повернуться не мог, – это было бы нечестно.

Последний пример очень ярко демонстрирует динамичную смену сопутствующих тактик: тактика «Нет слов» плавно перетекает в тактику имплицитного уговора – наставник «был бы счастлив» иметь такого участника в своей команде. Дополнительная тактика «Всё ясно» сменяется коммуникативным ходом «Обязан был повернуться», что обеспечивает удачное завершение диалога. Фраза «Это было бы нечестно» апеллирует к искренности мнения наставника, а также усиливает восхищение.

Главное отличие тактики похвалы от тактики восхищения и комплимента заключается в том, что для первой положительная оценка является основной целью. Комплимент и восхищение – удачный способ сообщить о добрых чувствах, благорасположении. Это легко заметить на примерах:

1) Пелагея: Я присоединюсь к Александру Борисовичу. При этом хочу похвалить как раз вот очень интеллигентное начало, очень аккуратненько всё, очень хорошо. И Вы прям статусочка такая. Вас бы вручить!

2) А. Градский: Я понятия не имел, кто поёт. В этом репертуаре я же не слышал тебя. Я не догадался и нажал, потому что здорово спела. С нужной сипотцой. Ну всё на месте! [...] Лика, выглядишь – просто королева! Королева!

Различия между восхищением, комплиментом и похвалой обнаруживаются ещё и в том, что похвала предполагает оценку качеств, навыков, умений, знаний, таланта адресата. Таким образом, в область диктума включается само исполнение музыкального материала участником, проявленное в условиях телепроекта. Чтобы получить похвалу, необходимо профессионально спеть, проявить себя с положительной стороны.

В контексте телешоу тактика комплимента зачастую дополняется сопутствующей тактикой «Он похож на N» (комплимент через сравнение). Цель данного коммуникативного хода – создание желательных для говорящего ассоциаций, сравнений. Это позволяет перенести позитивную оценку из одной когнитивной области в другую, автоматически приписать достоинства какого-либо известного человека данному конкретному участнику:

1) А. Градский: Ленка, поздравляю! Девка замечательная!

Пелагея: Бриджит Бардо к нам зашла.

2) А. Градский: Ты молодец! Молодец! Умница!

Д. Билан: Вы, конечно, вылитый Дмитрий Хворостовский.

Сравнение конкурсанта может основываться не только на отсылке к реально существующим личностям, но и на метафорическом переосмыслении образа человека. Когнитивное свойство метафоры известно ещё со второй половины XX в. [10]. В комплименте через перенос значения с одного объекта на другой, сходный каким-либо образом с первым, происходит модальная характеристика последнего:

1) Пелагея: Я думаю, что Вы разносторонний человек, такой печальный светлый рыцарь, знаете. И такая какая-то светлая была грусть в Вашем голосе, потому что это очень сложная эмоция, которую очень сложно передать.

2) Пелагея: Мне очень нравятся низкие женские голоса. Я люблю, когда девочки низко разговаривают, низко поют – это настоящее «мясо», вот это вот хорошее, оно у тебя есть.

Д. Билан: Ты говоришь «мясо». Ты посмотри, какая на самом деле невероятная, прекрасная, красивая барышня! Лишнего мяса я не вижу.

Последний пример интересен ещё и тем, что здесь происходит языковая игра, основанная на полисемии: в музыкальном сленге «мясо» означает низкий, приятный, бархатистый грудной тембр. В контексте «лишнего мяса я не вижу» наставник, употребляя слово в прямом значении, акцентирует внимание на стройной фигуре конкурсантки.

Нередко тактики восхищения, похвалы и комплимента используются совместно с тактикой оправдания для того, чтобы сгладить неловкий момент недооценки таланта участника. Конечно, тактика

оправдания более подходит для ситуации «отказа», однако в ситуации «одобрения и согласия» возникают такие моменты, когда наставник не готов взять исполнителя в свою команду. У каждого члена жюри есть на это свои причины, поэтому каждый пытается оправдаться, объяснить, почему хорошее исполнение осталось без должного внимания.

1) *Л. Агутин: Александра, у меня горит позорная красная дорожка передо мной, поэтому, казалось бы, я и слова-то не имею права молвить. Но вынужден сказать, что у меня просто технически так получилось, что я не мог уже нажимать кнопку, но я бы это сделал, наверно, уже на третьей Вашей фразе, потому что это просто восхитительно!*

2) *Пелагея: Я на самом деле не развернулась, просто потому что не стала уж тут мешать. Тут три мэтра, которые знают, мне кажется, что с тобой делать вообще.*

В первом примере тактика восхищения завершает высказывание, тем самым подчёркивает безукоризненность исполнения. Если бы не технические причины, наставник обязательно бы нажал кнопку. Интересно то, что достаточно часто члены жюри не поворачиваются к участнику только потому, что считают его более подходящим для команды партнёра. Отсюда рождается вспомогательный коммуникативный ход «Передаю партнёру». Второй пример ярко демонстрирует данную тактику. На наш взгляд, это очень выигрышный вариант ведения беседы, так как даёт возможность не указывать на недостатки исполнения (если таковые есть).

Если члены жюри всё же считают нужным прокомментировать отрицательные стороны выступления участника, то они стараются подкреплять своё мнение объективными аргументами или дать некоторые советы, как исправить неудачные моменты. Такие коммуникативные ходы (дополнительная тактика «поиск недостатков», дополнительная тактика «совет») становятся также вполне эффективными в тактике самооправдания, потому что они помогают не просто извиниться или сгладить ситуацию, а объясняют действия члена жюри. Кроме того, подобные замечания не звучат обидной критикой (ведь участник всё равно попадает в проект), а наоборот, становятся приятным дополнением, пожеланием:

1) *Пелагея: Я категорически, к сожалению, можно скажу, не согласна с тем, как Вы работаете со словом. Вот это чисто моё мнение. Я бы спела все слова совершенно иначе. [...] Потому что именно вокальный талант – он безусловен.*

2) *А. Градский: Димочка забрал Вас, слава Богу! Теперь у него есть возможность с Вами поработать. [...] Но по поводу этого исполнения – кантилены не было совсем, вообще просто. Такая вот вся пятнистая и так далее... Все ноты рваные, за исключением двух-трёх мест, о которых говорил Дима. Значит, мне вот этих двух-трёх мест не хватило. С дыханием надо работать.*

Стоит отметить, что, в отличие от ситуации «одобрения и согласия», в ситуации «отказа» коммуникативный ход «Совет» становится самостоятельной тактикой, которая служит для объективизации отрицательной оценки.

Субъективизм положительного оценочного высказывания ярче всего проявляется в тактике самопрезентации, которая тесно соотносится с задачами построения имиджа. Стратегия самопрезентации в телешоу связана с интенцией говорящего не просто создать собственный образ на экране, но и постараться найти точки соприкосновения с участником, тем самым расположив его к себе. Так, при оценивании наставники нередко апеллируют к любимым песням и стилям, личному опыту, чувствам, мыслям, пожеланиям, знакомствам:

1) *Д. Билан: Я могу сказать, я просто знаю этого человека, между прочим, кстати, уже года три или четыре. Не могу сказать, что я угадал по первым нотам, но я угадал песню, которую я очень люблю!*

2) *А. Градский: У меня ситуация несколько сложнее, потому что то, как Вы это делали, и то, зачем Вы это делали, – это как раз то, что мне самому нравится.*

Тактика самопрезентации ориентирована на систему нравственных ценностей, вкусов и предпочтений, умений или неумений говорящего. Таким образом участнику предоставляется возможность проанализировать ситуацию и определить, с кем из членов жюри ему/ей будет комфортнее работать, чей репертуар будет легче исполнять. Кроме того, эффективной речевой манипуляцией в данной тактике является категория «свой круг». «Дихотомически противопоставленные концепты «свой» – «чужой» позволяют установить отношения между говорящим, его собеседником и третьими лицами» [5, с. 202]. В такой системе координат наставник осуществляет самопрезентацию, очерчивая «свой круг», включая туда участника, что позволяет добиться запланированного перлокутивного эффекта – воздействовать на исполнителя и забрать его в свою команду.

1) *Пелагея: Давай познакомимся сначала! Как Вас зовут? (Участник отвечает: «Злат».) Прекрасно! Меня Пелагея! Странные имена – мы сработаемся!*

2) *А. Градский: Прекрасно! Наконец-то я слышу родную музыкальную подготовку!*

3) *Л. Агутин: [...] Понравилось Ваше внутреннее состояние. И я как раз Вашего тембра. Я Вас поздравляю!*

В первом примере категория «своих» основана на необычности имён наставника и участника, во втором члена жюри и исполнителя объединяет школа профессиональной подготовки, в третьем – тембр голоса.

По большому счёту, используя тактику самопрезентации, наставники соперничают между собой и, так или иначе, стремятся привлечь участника «в свой круг». Не выраженная эксплицитно сопутствующая тактика «конкуренция» находит своё явное отражение в тактике уговора.

Может показаться, что уговор ничем не отличается от просьбы. Однако это не так. По мнению О. С. Иссерс, наиболее очевидным отличием уговора от просьбы является «количественный признак», а предварительным условием выбора первой тактики – убеждение говорящего в том, что партнёр не согласится выполнить необходимое с первого раза [5, с. 142]. Различие этих двух тактик имеет ещё и психологическую основу. Уговоры воздействуют на чувства и эмоциональный мир адресата, в то время как просьба направлена на разум человека. Цель уговоров в творческом телешоу – побудить участника присоединиться к команде наставника. Член жюри исходит из того, что исполнитель мог уже запланировать свой выбор и совсем не обязательно в пользу него. Особенностью позиции говорящего является большая личная заинтересованность в таланте участника, при этом далеко не всегда это выражается эксплицитно. По словам М. Ю. Федосюка, в уговорах приводятся доводы и аргументы, которые подчёркивают причину, почему адресату необходимо сделать нечто в интересах говорящего (в нашем случае – присоединиться к команде) [11, с. 94]. Подтверждение этому находим в нашем материале:

1) *Пелагея: Я бы очень хотела бы, потому что, мне кажется, Вы очень интересный молодой человек, мне кажется, что у Вас такой вот прямо взгляд думающий, там столько мыслей как будто бы... Мне бы очень хотелось эти мысли услышать и вместе с Вами поработать, вот. [...] Выбери! Меня!*

2) *А. Градский: [...] Мне не очень понравилось, как Вы эту вещь сделали, потому что... Объясню, почему: Вы её можете сделать намного лучше при определённом, так сказать (Смеётся.), взаимодействии. Поэтому, захотите исправиться и улучшиться – прошу ко мне! Есть куда улучшиться. Я просто вижу куда.*

И в первом, и во втором оценочном высказывании тактика уговора представлена имплицитно – члены жюри зазывают исполнителя к себе, при этом объясняют, почему именно такой выбор будет удачен. Что касается эксплицитности уговоров, то она выражается через перформативные высказывания, типа: «я прошу», «я настаиваю», «я требую». Обратимся к примерам:

1) *Пелагея: [...] Я не представляла себе сознательно, как там Вы выглядите и так далее. Мне очень понравилось. Такая лёгкая выбранная Вами манера подачи вообще себя, характера своего. Поэтому я бы тоже мягонько настаивала, Григорий, на прибытии Вас в мою команду. Мне кажется, нам будет очень интересно вместе!*

2) *Пелагея: Пожалуйста, Пьер, давайте я не буду танцевать? Пожалуйста! Я просто..., мне казалось, что там такая вообще... Вы на меня действуете магнетическим образом как будто бы. У меня столько мыслей по поводу того, что мы могли с Вами спеть. Пожалуйста, пойдёмте ко мне в команду! Я действительно Вас прошу! Пожалуйста! Серьёзно!*

Вторая коммуникативная ситуация открывается интересной фразой: «Пожалуйста, Пьер, давайте я не буду танцевать?». Это не случайно, потому что в рамках телепроекта члены жюри нередко используют невербальные приёмы воздействия на участника – танцы, аплодисменты стоя. В некоторых случаях наставники поют вместе с участником.

Особым приёмом уговаривания является так называемое «канюченье». Этот коммуникативный ход используется в основном детьми и женщинами. Для его успешной реализации субъект должен быть особенно настойчив, а высказывания лишены аргументации. Наш языковой материал показывает, что среди всех членов жюри подобным приёмом пользуется только Пелагея:

1) *Пелагея: Доверься, пожалуйста, мне! Выбери меня! Я очень нуждаюсь в тебе! [...] Я мечтаю о тебе! Пожалуйста, выбери меня!*

2) *Пелагея: Ну пожалуйста, я хочу 15-го участника Самвела. Хочу! Ну пожалуйста!*

Как видим, в представленных примерах нет ни одного намёка на аргументацию, зато присутствует большое количество эмоционально окрашенных повторов одного и того же побуждения.

Особое место среди базовых тактик в стратегии «одобрения и согласия» в телешоу занимает тактика удивления. Данный коммуникативный ход выражается как при помощи языковых средств, так и невербально. Более того, невербальное поведение может подкреплять речевое действие наставника:

1) Д. Билан: *Не-е-е-е-т! А-а-а-а! (Вспрыгивает с кресла, встаёт, хлопает стоя.)*

2) Д. Билан: *Вай-вай-вай! Что это? Это как вообще? Это почему?*

3) А. Градский: *Да я всё пытаюсь это как-то сопоставить!*

Тактика удивления не подразумевает многословности, потому что сама когнитивная эмоция удивления, возникающая в неожиданной ситуации, задерживает развитие мысли, а следовательно, и ограничивает речевой поток. Так как удивление – эмоция, возникающая в связи с неожиданной ситуацией, оно длится недолго и переходит в другое эмоциональное состояние – страх, интерес или радость. В нашем случае исполнение музыкального материала рождает положительные оценки, основанные на неподдельной заинтересованности членов жюри в личности участника, а также на большой радости, что исполнитель попадает в проект:

1) А. Градский: *Интересно, неужто Вы и в других стилях также здорово ориентируетесь? Тогда вообще будет сказка!*

2) А. Градский: *Короче говоря, ты тут с нами со всеми и никуда теперь не денешься! Мы тут все будем этим заниматься, поэтому кого бы ты ни выбрала, все равно мы будем тебя обожать и любить, что бы ты ни делала.*

Во втором примере очень удачно представлена сопутствующая тактика «Сокращение дистанции». В контексте публичного общения, требующего учёта этических аспектов, этот коммуникативный ход становится наиболее интересным. В русскоязычной культуре процесс сближения с говорящим происходит не так быстро, как это можно наблюдать в западных странах. Именно поэтому формулы обращения «на Вы» широко распространены в русскоязычной речевой публичной коммуникации. Как видим, в рамках телешоу члены жюри в основном обращаются к конкурсантам «на Вы», однако в ряде случаев наблюдается тенденция использования более неформальных высказываний, которые считаются демократичными, символизируют общение «на равных» между членами жюри и участниками проекта и обеспечивают последним комфорт в межличностном общении. Важно подчеркнуть, что сопутствующая тактика «Сокращение дистанции» может дополнять любую из базовых тактик, описанных нами ранее. Кроме того, к подобным универсальным дополнительным коммуникативным шагам следует отнести сопутствующую тактику «Расспрос» и тактику «Выражение благодарности».

Сопутствующая тактика «Расспрос», с одной стороны, помогает наставнику убедиться в своих догадках относительно участника проекта, с другой – помогает исполнителю перестать волноваться и рассказать о себе. Такая тактика разряжает обстановку конкуренции:

1) А. Градский: *Нормально. Дёрнулась, уже проорала – не имеет значения. Всё, всё, всё (Успокаивает участницу, потому что девушка плачет от радости и волнения.) Представьтесь, пожалуйста. Где Вы родились? Что Вы? Как Вы? Сколько Вам лет?*

2) Пелагея: *Ну, извините, конечно, выбора у Вас нет – чему я бесконечно рада! Как Вас зовут? Или ещё поговорить? О том, какой Вы классный. А чем Вы занимаетесь, Зариф?*

Сопутствующая тактика благодарности в ситуации «одобрения и согласия» усиливает положительную оценку, в отличие от ситуации «отказа», где данная тактика сглаживает отрицательные суждения, критику.

1) А. Градский: *Ребят, а ребят, прежде чем мы спросим исполнителя, давайте встанем в память о Юрии Сергеевиче Саульском, а? Все ж таки. Я всех попрошу это сделать (Весь зал встаёт.). Спасибо! Вынула просто (Обращаясь к участнице.).*

В данном примере наставник искренне благодарит участницу за глубокое точное исполнение музыкального материала. Однако бывает и так, что дополнительная тактика «Благодарность» закрывает оценочное высказывание и служит неким формальным компонентом, своеобразным знаком, что конкурсанту пора покинуть сцену:

2) А. Градский: *[...] Вам придётся что-то такое придумать. Эта сторона (исполнения) мне ясна, с ней можно где-то согласиться, где-то нет. А вот надо посмотреть, что ещё. Спасибо большое!*

Итак, мы рассмотрели тактики, реализующие интенцию одобрения и согласия в ситуации телешоу, среди которых выделили 7 базовых и 13 сопутствующих. Стоит отметить, что для данной, достаточно простой в психологическом аспекте ситуации тактический арсенал довольно разнообразен, что говорит о желании членов жюри не просто расположить к себе участников, но и любыми способами забрать

понравившихся к себе в команду. Сложнее обстоит дело в ситуации отказа, где наставникам приходится искать нужные слова, чтобы развлекательная телепередача всё-таки осталась развлекательной и в то же время не потеряла элементов шоу, где возможно всё – и радость, и слёзы.

Библиографический список

1. Борисова, И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / И. Н. Борисова. – Екатеринбург, 1996. – С. 21–48.
2. Верещагин, Е. М. Речевые тактики «призыва к откровенности» / Е. М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер // Вopr. языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82–93.
3. Демьянков, В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) / В. З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 327–337.
4. Ермакова, О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык и его функционирование: Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 30–64.
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2012. – С. 142, 202.
6. Иссерс, О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 276 с.
7. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е. В. Ключев. – М., 2002. – 317 с.
8. Стернин, И. А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung / И. А. Стернин. – Halle, 1989. – С. 279–282.
9. Сухих, С. А. Речевые интеракции и стратегии / С. А. Сухих // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: КГУ, 1986. – С. 71–76.
10. Теория метафоры: сборник статей / Н. Д. Арутюнова [и др.]; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
11. Федосюк, М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры / М. Ю. Федосюк. – Екатеринбург, 1996. – С. 73–94.
12. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 384 с.
13. Mustajoki, A. Risks of miscommunication in various speech genres // Borisova E., Souleimanova O. (eds). Understanding by communication. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 33–53.
14. Olsina, E. C. Managing understanding in intercultural talk: An empirical approach to miscommunication // Atlantis. 2002. Vol. XXIV (2). P. 37–57.
15. Verdonik, D. Between understanding and misunderstanding // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42 (5). P. 1364–1379.

A. S. Gerasimova, O. S. Issers, Omsk State University n. a. F.M. Dostoevsky

COMMUNICATIVE MEANS OF POSITIVE ASSESSMENT ON TV (BASED ON THE MATERIAL OF A VOCAL TV-SHOW «THE VOICE»)

The article is devoted to the communicative and pragmatic aspects of oral interaction in mass media. For better understanding of communicative behaviour in a modern TV-discourse it is vital to analyse typical speech patterns used by the people in stereotypic situations where assessing is considered to be the matter. Thus, the article provides communicative tactics of positive assessment in a TV-show.

Keywords: TV-discourse, model of communicative behaviour, assessment strategy, tactic means.

References

1. Borisova I. N. *Diskursivnye strategii v razgovornom dialoge* // *Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoj kul'tury* [Discourse strategies in an oral dialogue. Russian speech as a city cultural phenomenon]. Ekaterinburg, 1996, P. 21–48.
2. Vereshchagin E. M., Ratmajr R., Rojter T. *Rechevye taktiki «prizyva k otkrovennosti»* [Speech tactics of call to responsibility]. *Vopr. Yazykoznanija*, 1992, №6, P. 82–93.
3. Dem'yanov V. Z. *Konvencii, pravila i strategii obshcheniya: (Interpretiruyushchij podhod k argumentacii)* [Conventions, rules and strategies of communication: (Interpreting way of argumentation)]. *Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*, 1982, T. 41, № 4, P. 327–337.
4. Ermakova O. P., Zemskaya E. A. *K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga)* [Typology of miscommunication (based on the material of Russian language)]. Moscow, Nauka, 1993, P. 30–64.

5. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2012, P. 142, 202.
6. Issers O. S. *Lyudi govoryat... Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [People are talking... Modern discourse types]. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2012, 276 p.
7. Klyuev E. V. *Rechevaya kommunikaciya: uspešnost' rechevogo vzaimodejstviya* [Oral communication: successful speech interaction]. M., 2002, 317 p.
8. Sternin I. A. *O ponyatii kommunikativnogo povedeniya // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung* [Meaning of the term «communicative behaviour»]. – Halle, 1989. – P. 279-282.
9. Suhij S. A. *Rechevye interakcii i strategii* [Speech interactions and strategies]. Kalinin: KGU, 1986, P. 71-76.
10. Arutyunova N. D. *Teoriya metafory: sbornik statej* [The theory of metaphor]. Moscow, Progress, 1990. – 512 s.
11. Fedosyuk M. Yu. *Kompleksnye zhanry razgovornoj rechi: «uteshenie», «ubezhdenie» i «ugovory» // Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoj kul'tury* [Complex speech genres: «consolidation», «persuasion» and «remonstrance». Russian speech as a city cultural phenomenon]. Ekaterinburg, 1996, P. 73-94.
12. Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoj rechi* [Communicative strategies of the Russian speech]. Moscow, Yazyki slavyan. kul'tury, 2001, 384 p.
13. Mustajoki A. *Risks of miscommunication in various speech genres // Borisova E., Souleimanova O. (eds). Understanding by communication. Cambridge Scholars Publishing, 2013, P. 33-53.*
14. Olsina E. C. *Managing understanding in intercultural talk: An empirical approach to miscommunication // Atlantis. 2002. Vol. XXIV (2). P. 37-57.*
15. Verdonik D. *Between understanding and misunderstanding // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42 (5). P. 1364–1379.*

© А. С. Герасимова, О. С. Иссерс, 2016

Авторы статьи:

Анастасия Сергеевна Герасимова, аспирантка, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Рецензенты:

Н. В. Орлова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Н. Д. Федяева, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

УДК 070 (091)

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.36

А. В. Ляпина,

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

АКСИОСФЕРА ФРОНТАЛЬНОГО МЕДИАТЕКСТА ЖУРНАЛА «КОСТЁР» ЗА 1941–1945 ГГ.

В статье рассматривается аксиосфера пионерского журнала «Костёр» за 1941–1945 годы. Несмотря на общий исследовательский интерес к ценностным аспектам средств массовой информации, аксиосфера художественной периодики для детей на сегодняшний день в науке представлена фрагментарно. По итогам изучения обложки журнала делаются выводы о том, что медиатекст демонстрирует базовые ценности российского общества, среди которых ведущее место занимает патриотизм с присущими ему признаками: «преданность отечеству», «готовность к любым жертвам в интересах родины и её граждан». Визуальный ряд утверждает значимость семейно-родового союза.

Ключевые слова: аксиосфера, аксиология, журналистика, журнал «Костёр», Великая Отечественная война.

Аксиологический подход – один из ведущих в современной гуманитарной науке. Интерес к этому исследовательскому направлению, в том числе в журналистике, обусловлен тем, что средства массовой информации как явление культуры изначально соотносятся с миром ценностей, обладают ценностной значимостью.

Детские журналы, неразрывно связанные с интеллектуальной и духовной жизнью общества, аккумулируют и передают традиционные ценности, множественные модели бытового поведения и «жизнестроения», помогают юному читателю вовлекаться в социальные связи с миром, становиться творчески сопричастным культурно-историческому опыту человечества.

Годы Великой Отечественной войны – особое время в истории русских детских журналов. С одной стороны, заметен стиль авторитарной эпохи, усилены классовые позиции, роль руководителей коммунистической партии в процессе воспитания молодёжи. С другой – не игнорировались и те духовные ценности, которыми Россия жила в течение столетий и которые передавались от поколения к поколению: дом, семья, природа, вера, традиции, культура предков, отечество и др.

В этом аспекте интерес представляет содержание журнала «Костёр» в самую институциональную эпоху, а в рамках статьи – его обложка. Общеизвестно, что обложка журнала репрезентирует контент периодических изданий и является одним из читаемых мест [1–3 и др.], однако фронтальный медиатекст детского журнала не становился предметом специальных филологических исследований. Специалисты по истории советской журналистики для детей изучили содержательную сторону издания, типологию, его структурное наполнение [4–6]. Нам представляется важным подчеркнуть, что обложка журнала также является существенным компонентом аксиологической стратегии печатных СМИ.

Предметом изучения в данной статье становится ценностное содержание вербальных и невербальных компонентов фронтального медиатекста журнала «Костёр» за 1941–1945 гг., художественные способы его реализации.

С. Я. Маршак, идейный вдохновитель журнала, большое значение придавал иллюстрации и считал её важным компонентом детского издания. Художники ставили своей задачей не «украшение книги иллюстрациями, а органичное соединение рисунков и текста» [7, с. 90]. «Никогда, кажется, великое значение искусства рисования не становится яснее, нежели при виде того влияния, какое оказывает оно на детскую душу, того глубокого внимания и живого интереса, которое оно в них возбуждает. Вот почему развитие художественного вкуса в детях должно быть поставлено журналом в основу его влияния, в его главнейшую воспитательную задачу», – писал М. Н. Васильевский в книге «Нужен ли детям детский журнал» [8, с. 21].

С журналом сотрудничали известные художники-иллюстраторы детской книги: В. М. Конашевич, Н. А. Тырса, А. Ф. Пахомов, О. А. Зуев, В. В. Лебедев и др., которые создавали летопись ленинградского блокадного детства, проходившего под знаком журнала «Костёр».

«Костёр» – один из немногих журналов, издававшихся в годы Великой Отечественной войны, в годы блокады Ленинграда (с сентября 1941 по январь 1944 гг.). В 1941 году было издано 8 номеров; в 1942 году – 10 номеров; в 1943 году – 8 номеров; в 1944 году – 12 номеров; в 1945 году – 12 номеров. В годы войны существенно снизился тираж (в № 1–3 за 1941 год тираж насчитывал 60 000 экземпляров; в период блокады – 7 000 экземпляров; к концу войны – 15 000 экземпляров), но сотрудники редакции не прекращали своей деятельности. В самое трудное для города время содержание журнала передавалось по радио.

Фронтальный медиатекст включает вербальные и невербальные компоненты.

Количество вербальных компонентов минимально. К ним традиционно относятся название журнала, наименование учредителя, номер и год выпуска.

Все перечисленные компоненты, а также размер шрифта информативны и репрезентативны. Читатель получает общее представление об издании. Заглавие идеологически маркировано («Костёр»); наименование учредителя (ЦК ВЛКСМ) включает этот журнал в контекст идеологических установок. Обозначение номера и года выпуска свидетельствует о его периодичности и приучает детей к регулярному получению информации. Так шло формирование устойчивой привычки к чтению, а обзор событий и беллетристика с «продолжением» создавали ситуации ожидания.

К невербальным компонентам обложки относят изображение (предметно-тематическое), цветовое оформление, оптико-кинетические составляющие (позу, выражение лица, мимику). Рисунок репрезентирует содержание номера, чаще – его ведущую тему. Символика деталей, атрибутов, представленная обстановка, орудия труда, одежда отражают культурные реалии эпохи, знакомят с историческим контекстом, позиционируют ведущие идеологемы и аксиологемы времени. Тем, кто изучает визуальное искусство, могут быть интересны техника исполнения рисунка, стилистические находки графиков и художественные приёмы.

Содержание фронтального медиатекста журнала «Костёр» за 1941–1945 годы, как и журнальных публикаций, направлено в первую очередь на реализацию патриотической идеи с присущей ей мотивно-образным комплексом. Анализ лексикографических источников помог нам выделить важные смысловые

составляющие этой константы: «нравственный принцип», «социальное чувство», «любовь к родине», «гордость за родину», «подчинение интересов родине», «защита родины и её граждан».

1. Мотив *«гордости за родину»* – один из ведущих в идее патриотизма. Он реализуется в сюжетах рисунков обложки. Названия иллюстраций («Взрыв дота», рис. В. Тамби (1941, № 2); «Проводы коммунара», рис. К. Рудакова (1941, № 3); «Смерть врагу», рис. В. Лебедева (1941, № 7); «Крейсер в походе» (рис. 2), рис. В. Тамби (1941, № 8); «Боевая вахта», рис. Г. Петрова (1942, № 7–8); «Танковый десант», рис. И. Астаповой (1943, № 2); «Огонь по фашизму», рис. В. Николаева (1943, № 4); «За родину», рис. В. Серова (1943, № 7); «Атака Красной Конницы», рис. Т. Ксенофонтова (1944, № 1); «Битва при Гангуте», рис. Ю. Мезерницкого (1944, № 4); «Нахимовцы», рис. Ю. Мезерницкого (1944, № 7–8); «Автоматчики наступают», рис. М. Таранова (1945, № 2)) расширяют временные границы и вводят события Великой Отечественной войны в более широкий культурно-исторический контекст. Подача материала в синхронном и диахронном аспектах усиливает патриотическую направленность публикаций. На рисунке «Проводы коммунара» родные (жена, дети) провожают главу семьи на баррикады сражаться за свободу и независимость Франции. Отдельные рубрики этого номера (1941, № 3) посвящены героям Парижской Коммуны как своеобразный упрек правительству Франции, принявшему в 1940 году решение о капитуляции.

Исторические параллели знакомят с богатыми патриотическими и интернациональными традициями народов, борющихся за свою независимость в интересах Отечества, повышали статус государственного деятеля и формировали образ идеального государства. «Всё, о чем мечтали коммунары, осуществляется в нашей стране», – так завершается статья о героях Парижской Коммуны.

Например, содержание обложки «Битва при Гангуте» отражает знаменитое морское сражение во время Северной войны 1714 года. Известно, что дата 9 августа 1714 года – первая в истории России победа русского флота над шведами.

Таким образом, исторический контекст наглядно демонстрирует сходную судьбу всех завоевателей, пришедших покорять русскую землю – их бесславный конец. Державная мощь и величие рассматривались как доказательство правильности государственного устройства и государственной идеологии.

Обложка журнала *изображала людей, прославивших страну и город*. Так, например, майский номер журнала за 1943 год открывал рисунок В. М. Конашевича «Ленинград – город славы», на котором изображён памятник А. В. Суворову на Марсовом поле. Как видим, в военно-исторической парадигме центральное место занимает «другой» памятник. Это первый в России памятник некоронованной особе, символ воинской славы. На заднем плане рисунка – Михайловский замок. Именно Павел I был инициатором установления памятника генералиссимусу. Открытие произошло в мае 1800 года, в годовщину смерти великого воина.

С образом великих исторических деятелей России и великих событий связан *мотив памяти*. Именно в памяти заключается залог бессмертия. Память о предшествующих событиях помогает потомкам созидать новый духовный идеал.

Обложка журнала «Костёр» рассказывала о подвигах подводников, корабельных зенитчиков, танкистов, лётчиков и героических действиях пехоты, конницы, но самыми многочисленными стали рисунки, посвящённые подвигам моряков Краснознаменного Балтийского флота, сыгравшего серьёзную роль в судьбах России. Благодаря победе над шведами и выходу к рубежам Европы Россия стала Империей.

Идея патриотизма включает и *семейную сферу*. Многие рисунки демонстрируют тесную связь ребёнка и взрослого. Система взаимоотношений строится по модели «отец–сын», актуализирующей семейно-родственные связи. Например, на рисунке Ю. Мезерницкого «Нахимовцы» (1944, № 7–8) курсанты на боевом корабле изучают комплектацию боевой единицы под руководством своего наставника, морского офицера. Эта иллюстрация, с одной стороны, оперативно информирует об открытии в июне 1944 года Нахимовского училища для обучения и воспитания сыновей воинов Военно-Морского Флота, Красной Армии и партизан Великой Отечественной войны. С другой – дуалистическая модель «взрослый – ребёнок», реализованная посредством визуальных образов, восходит к традиции представления о месте человека в семейно-родовом союзе, где ведущая роль отводится отцу как хранителю нравственной атмосферы в семье, защитнику, ответственному за передачу ценностей от поколения к поколению и сохранение семьи в её культурном предназначении.

Связь между взрослыми и детьми поддерживали письма. Жители блокадного города с волнением ждали вестей с фронта. На рисунке А. Пахомова «Письмо с фронта» (1943 год, № 3) трогательный сюжет: пионерка-школьница открыла почтовый ящик, откуда показался уголок конверта. Все замерли в ожидании, в надежде получить весточку от своих близких. Эта «детская» картинка военной

поры вызывает чувство сопереживания. Тяжело было тогда всем – и взрослым, и детям, и на фронте, и в тылу. И отправляли письма на фронт, надеясь получить долгожданный ответ (рис. Н. Петровой «Письмо папе на фронт», 1944, № 3).

Аксиологически маркированная модель «взрослый – ребёнок» репрезентирует идею культурной преемственности в ходе исторической смены одного поколения другим, а значит, и крепости нации. У читателя формируется устойчивое чувство гордости за свою страну, свой народ и уверенность в непобедимости русского человека.

Поддержанию патриотических настроений способствовало и *изображение на обложках журнала значимых для страны и города событий*. Мотив «гордости за родину» прочитывается в рисунке «Салют в честь освобождённого города» (1944, № 2). Главным радостным событием для ленинградцев стала дата 27 января 1944 года. Был опубликован Указ Верховного Главнокомандующего о полном освобождении города. На рисунке запечатлено это значимое для всех событие. Салют в годы Великой Отечественной войны – исключительное явление. Горожане пришли на стрелку Васильевского острова праздновать победу. Салют оказал огромное моральное воздействие на ленинградцев. Под его впечатлением А. А. Ахматова написала стихотворение «27 января 1944 года».

2. Во фронтальном медиатексте журнала «Костёр» реализуется мотив «*подчинение интересам родины*», раскрывающий концептуальные признаки аксиологической константы. Этот мотив активнее всего проявляется в сфере повседневных занятий ленинградцев в годы войны и блокады.

Жители города оказывали посильную помощь фронту: трудились на совхозных полях (В. Бомаш «В совхозе осенью», 1942, № 9–10), занимались заготовкой лекарственных трав («На огороде», рис. Н. Петровой, 1944 год, № 9–10). В марте 1942 года было издано Положение «О личных потребительских огородах трудящихся». Перед трудящимися ленинградцами была поставлена задача обеспечить себя собственными овощами. Огороды разбивали на пустырях, стадионах, в парках и скверах. На Исаакиевской площади выращивали капусту, а на площади Декабристов – картошку. В Летнем саду на грядках росли белокочанная и цветная капуста, морковь, свёкла, картофель и укроп.

В. М. Конашевич на рисунке «Ленинградские дружинницы» (1942 год, № 3–4) (рис. 1) запечатлел реальные события: в апреле 1942 года так называемые «бытовые отряды» и дееспособные ленинградцы вышли очищать город от мусора. На примере благородной деятельности отрядов журнал призвал проявить заботу друг о друге. Общими усилиями ленинградцам удалось предотвратить опасность эпидемических заболеваний в осаждённом городе. По контрасту с постоянным громом и ужасом – тишина и мир городской жизни, включённые в более простое и спокойное внешнее обрамление. Живой взгляд девочек-дружинниц, пастельные краски, вопреки драматизму ситуации, передают веру художника в скорую победу. Труд на благо родины развивает у детей понимание необходимости органического сочетания общественного интереса с личным, укрепляет чувство долга перед людьми и обществом.

В течение 1942 года печать пропагандировала и всячески способствовала развёртыванию всеобщего обучения. Активно работали тимуровские бригады; школьники вязали рукавицы, шили кисеты для табака и отправляли бойцам на фронт (рисунок Н. Петровой «Готовим подарки бойцам», 1943 год, № 9).

С 1944 года в журнале стала доминировать тема мирного, созидательного труда, о чём свидетельствует содержание журнальных обложек: «В освобождённом городе», рис. Н. Муратова (1944 год № 5–6); «На каникулах», рис. А. Пахомова (1945, № 1); «В библиотеке», рис. Н. Петровой, 1945, № 3–4 (в городе были открыты библиотеки, во Дворце пионеров работали кружки и секции), «За уроками», рис. К. Рудакова (1945, № 9); «Юный строитель», рис. А. Пахомова (1945, № 10). Дети возобновляют учебные занятия в школах, ремесленных училищах. На страницах журналов активно пропагандировались занятия спортом и физической культурой (А. Бесперстов «Лыжник», 1941, № 1; «На катке», рис. Б. Семёнова, 1944, № 11–12). Стране нужны были люди, готовые к труду и обороне, готовые восстанавливать город, разрушенный в годы войны.

3. Мотив «*защиты родины и её граждан*» реализуется посредством визуального оформления рисунков, подчеркнуто аскетичного, вполне отвечающего требованиям времени. В центре внимания художника – человек или группа лиц, чаще в движении («В атаку», «Огонь по фашизму», «Танковый десант»). Так создаётся ощущение реальности происходящего и пропагандируется дух коллективизма. И во всём: в цвете, свете, внешнем облике героев войны – минимализм. Крупным планом – лицо солдата, суровое, сосредоточенное. Психологами замечено, что ребёнку свойственно фиксировать внимание на человеческих лицах. Здесь важен контакт глаз. Иллюстраторы продумывали изобразительные элементы с учётом возрастных особенностей читателя, тщательно прорабатывали детали сюжета. Герои всех рисунков – молодые люди, активные деятели, защитники Отечества, земли своих предков.

Мотив «защиты родины и её граждан» проявляется и в заглавиях («За родину!», «В атаку!»), которые носят лозунговый, призывный характер и рассматриваются как руководство к действию. Как отмечает В. В. Корнилова, «характерным признаком журналов этого времени было новое конструктивное решение обложек, когда соединялись различные техники, например, фотомонтаж и рисунок, сообщавшие изображению плакатную броскость, а подчас, и рекламный характер» [3, с. 23].

Особое аксиологическое значение придаётся изображению на обложках журнала главного атрибута рассматриваемой константы – красного флага как символа движения пролетариата, продолжения дела великой революции, как символа государства, как союза рабочих и крестьян.

Мотив «защиты родины и её граждан» реализуется в сфере христианской аксиологии. Советские люди, причастные к православным традициям, защищали не только православные святыни, но и сами жили благодаря сохранившейся в душах вере. На обложке журнала за 1942 год (№ 11–12, рисунок С. Молчанова «Возвращайся с победой») изображён работающий у станка юноша. На заднем плане рисунка, в окне, отчётливо просматривается купол Исаакиевского собора. В годы тяжелейших утрат вера в небесных покровителей города, вера в мужество и стойкость людей питали и поддерживали дух ленинградцев и всех русских людей.

Мотив «защита родины и её граждан» связан с идеей защиты детства, которое в данном контексте рассматривается как будущее семьи, рода, нации. Обложка журнала раскрывает тему несовместимости войны и детства (рисунок Н. Петровой «Изучай винтовку», 1942 год, № 5–6). Война заставляет ребёнка вместо игрушки держать автомат.

Визуальный контент журнала активно пропагандировал ценности дружбы между братскими народами. На рисунке А. Яковсона «Слава Победителям» (1945, № 5) победе радуются русские, украинцы, грузины, узбеки, ненцы. Победа в Великой Отечественной войне стала возможной благодаря усилиям всех наций и народов, населявших СССР. Рисунок Н. Петровой «Праздник» (1945, № 11) приурочен к празднованию годовщины Великой Октябрьской революции. Украинский танец гопак исполняют ленинградские школьники.

Заключительный номер журнала за 1945 год посвящён самому счастливому и мирному празднику – Новому году. На обложке изображена ёлка со всеми атрибутами: игрушками, гирляндами, красной пятиконечной звездой. Вокруг ёлки хоровод водят счастливые дети в маскарадных костюмах.

Обзор фронтального медиатекста журнала «Костёр» за 1941–1945 гг. позволил сделать ряд наблюдений:

- 1) обложка журнала является важным компонентом аксиологической стратегии издания;
- 2) фронтальный медиатекст демонстрирует базовые ценности российского общества, среди которых ведущее место занимает патриотизм с присущим ему мотивно-образным комплексом: «готовность к любым жертвам в интересах родины и её граждан», «гордость за своё отечество», «подчинение интересам родины»;
- 3) художники используют различные вербальные и невербальные средства репрезентации патриотических мотивов: подача визуального ряда в синхронном и диахронном аспектах; изображение людей, прославивших страну; изображение значимых событий и разновидностей повседневного труда на благо родины; цвето-световое оформление рисунка; заглавия лозунгового, призывного характера; визуализация аксиологически маркированной модели «взрослый – ребёнок»; изображение православных святынь и атрибутов, раскрывающих концептуальные признаки патриотизма;
- 4) тема патриотизма в художественном оформлении обложки журнала «Костёр» имеет свои особенности: во-первых, совершенно очевидно, что, несмотря на масштаб исторических событий, она реализуется прежде всего в пространстве культурных традиций Петербурга; во-вторых, актуализируется роль ребёнка в культурно-исторической парадигме, его место в так называемом семейно-родовом союзе, символизирующем крепость нации;
- 5) невербальные компоненты обложки позиционируют идею братства народов, дух коллективизма, уважительное отношение к культурным ценностям своей страны и других народов, христианским православным святыням;
- 6) рисунки замечательных художников представляют не только художественную ценность, но и ценность документальную. Авторы рисунков создавали хронику героической борьбы ленинградцев, повседневной жизни осаждённого города. Кроме достоверности и объективности, все изображения демонстрируют глубокую личную привязанность художников к различным уголкам родного города, что придаёт рисункам подлинную одухотворённость. Художники любят город за красоту, мужество,

«единственность» [9, с. 287]; это не только память, это и послание потомкам. Ленинградское блокадное детство многих формировалось и проходило под знаком журнала «Костёр»;

7) техника исполнения, художественное оформление обложек соответствуют духу времени и возрастным особенностям читательской аудитории;

8) визуальные высказывания дают возможность ощутить ту горечь, которую чувствовали жители осаждённого Ленинграда, и ту радость, которую испытали они в день Победы.

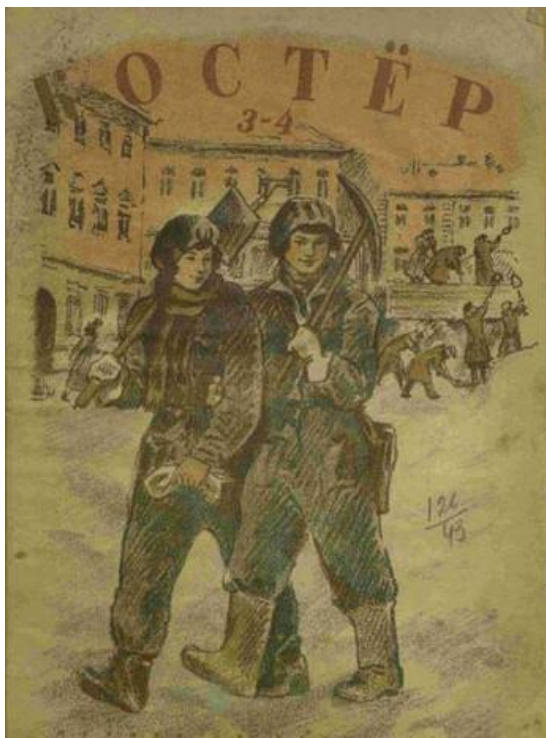

Рис. 1. В. Конашевич. «Ленинградские дружинницы», 1942, № 3–4

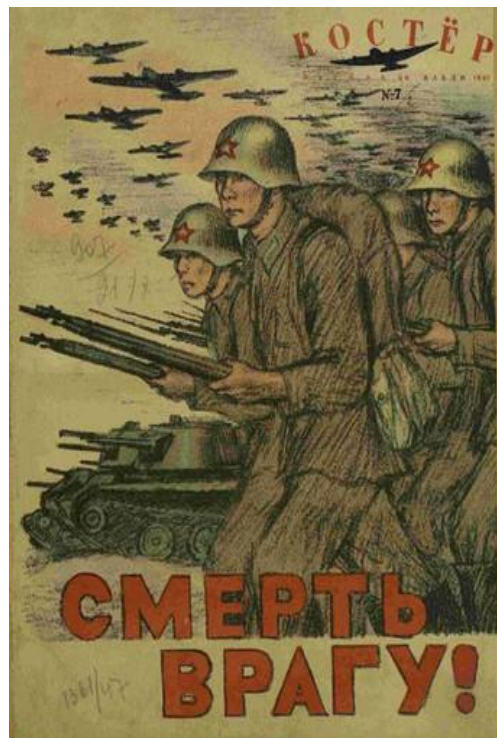

Рис. 2. В. Лебедев. «Смерть врагу», 1941, № 7

Особо отметим, что визуальный контент обложки журнала не только идеологически детерминирован (известно, что потребности пионерской организации определяли характер и структуру журналов), но и ориентирован на сохранение, познание, популяризацию культуры как «негенетической памяти народа» (Ю. М. Лотман).

Фронтальный медиатекст создавал условия для нравственного, духовного, эстетического, интеллектуального развития читателя и являлся эффективным проводником патриотических идей.

Таким образом, изучение ценностных конструктов средств массовой информации позволит целостно представить историко-культурный и литературный контекст, расширить представления о динамике духовно-нравственного, эстетического, идеологического воспитания посредством художественной и научно-популярной литературы для детей, определить место каждого издания в общем процессе развития отечественной журналистики и духовной жизни общества, в процессе формирования национальной самобытности русского народа.

Библиографический список

1. Кайгородова, М. Е. Фронтальный медиатекст гендерно-ориентированного издания как особый тип когнитивной структуры / М. Е. Кайгородова // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 5. – С. 36–40.
2. Шевченко, В. Е. Визуальный контент как тенденция современной журналистики / В. Е. Шевченко // Медиаскоп. – 2014. – № 4. – С. 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru>.
3. Корнилова, В. В. Детские иллюстрированные журналы в художественной жизни Петербурга XIX – первой половины XX века: типология и эволюция: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / В. В. Корнилова. – СПб., 2002. – 30 с.

4. Колесова, Л. Н. Детские журналы России. XX век : монография / Л. Н. Колесова – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. – 372 с.
5. Колесова, Л. Н. Этапы большого пути (из истории журнала «Костёр» 1936–1972) / Л. Н. Колесова // Проблемы детской литературы. – Петрозаводск : ПГУ, 1976. – С. 213–227.
6. Холмов, М. И. Становление советской журналистики для детей / М. И. Холмов – Л. : Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1983. – 209 с.
7. Петров, В. Н. Владимир Васильевич Лебедев, 1891–1967 / В. Н. Петров – Л. : Художник РСФСР, 1972. – 304 с.
8. Васильевский, М. Н. Нужен ли детям детский журнал / М. Н. Васильевский – СПб. – М. : Тов-во М. О. Вольф, 1911. – 42 с.
9. Город глазами художников. Петербург–Петроград–Ленинград в произведениях живописи и графики / А. М. Гордин [и др.]. – Л. : Художник РСФСР, 1978. – 394 с.

A. V. Liapina, Omsk state University n.a. F.M. Dostoevskiy

AXIOSPHERE OF THE FRONTAL MEDIA TEXT OF THE MAGAZINE «BONFIRE» DURING THE PERIOD OF 1941–1945

The article introduces the axiosphere of the pioneer magazine “Bonfire” during the period of 1941–1945. Despite the general research interest to value aspects of mass media, axiosphere of fiction periodicals for children nowadays is presented in fragments in science. As the results of the magazine cover research the conclusion are the following. Media text shows basic values of the Russian society, which patriotism with its features: “devotion to motherland”, “responsibility to the people”, “willingness to sacrifice whatever in the interests of homeland and its citizens” takes the first place. The visual range claims the family generic union significance.

Keywords: axiosphere, axiology, journalism, magazine “Bonfire”, topic of the Great Patriotic War.

References

1. Kaygorodova M. E. Front media text of gender-oriented Publication as a special type of cognitive structure. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2010, Vol. 5, pp. 36–40.
2. Shevchenko V. E. Visual content as a tendency of modern journalism. *Mediascope*. 2014, Vol. 4, p. 19. Available at <http://www.mediascope.ru>.
3. Kornilova V. V. *Detskie illyustrirovannye zhurnaly v khudozhestvennoy zhizni Peterburga XIX – pervoy poloviny XX veka: tipologiya i evolyutsiya* [Children's picture magazines in the artistic life of St. Petersburg of XIX – first half of XX century: typology and evolution] Extended abstract of PhD dissertation. Saint Petersburg, 2002, 30 p.
4. Kolesova L. N. *Detskie zhurnaly Rossii. XX vek* [Russian children's magazines. The twentieth century]. A monograph. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2009, 372 p.
5. Kolesova L. N. Milestones (from the history of the "Fire" magazine 1936–1972). *Problemy detskoj literatury*. Petrozavodsk, PGU Publ., 1976, pp. 213–227.
6. Kholmov M. I. *Stanovlenie sovetskoy zhurnalistiki dlya detey* [The establishment of the Soviet journalism for children]. Leningrad, Leningrad state University named after. A. A. Zhdanov, 1983. 209 p.
7. Petrov V. N. *Vladimir Vasil'evich Lebedev, 1891–1967* [Vladimir V. Lebedev, 1891–1967]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR, 1972, 304 p.
8. Vasil'evskiy M. N. *Nuzhen li detyam detskiy zhurnal* [Do children need children's magazine]. Saint Petersburg. Moscow, Tovarishchestvo M. O. Vol'f, 1911, 42 p.
9. Gordin A. M. *Gorod glazami khudozhnikov. Peterburg–Petrograd–Leningrad v proizvedeniyakh zhivopisi i grafiki* [The city through the eyes of the artists. Petersburg–Petrograd–Leningrad in the paintings and graphics] Leningrad, Khudozhnik RSFSR, 1978, 394 p.

© А. В. Ляпина, 2016

Автор статьи – Алина Викторовна Ляпина, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: a.v.liapina@mail.ru

Рецензенты:

Л. О. Бутакова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

С. А. Демченков, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

С. Е. Груенко,
Омский государственный институт сервиса

К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

Несмотря на большое количество трудов по проблематике заимствования, изучение сущности данного лингвистического феномена остаётся по-прежнему актуальным. Не менее важными являются вопросы терминологического характера, сопряжённые с процессами адаптации заимствования. Особого внимания заслуживает проблема классификации заимствованной лексики, о чём и пойдёт речь в данной статье.

Ключевые слова: заимствованная лексика, степень освоения слова, терминология заимствований, классификации иноязычных слов, релевантность иноязычных лексем.

Являясь представителем чужой культуры в языке-реципиенте, заимствование проходит сложный путь адаптации от экзотизма и варваризма до лексемы, входящей в состав основного словарного фонда языка. Вследствие этого заимствованные единицы могут находиться на разных уровнях ассимиляции, а значит, относиться к разным видам иноязычной лексики в языке-реципиенте.

На разных этапах развития лингвистической науки предпринимались попытки классификации словарного состава языка и заимствованной лексики.

Общеизвестной является традиционная классификация заимствований, выдвинутая в своё время немецкими лингвистами Г. Хиртом, О. Бехагелем, Ф. Вреде и др. В основе данной классификации была идея деления всей иноязычной лексики по степени её освоения в языке на заимствования (*Lehnwörter*) и иностранные слова (*Fremdwörter*). Авторы классификации руководствовались критерием времени вхождения единицы в язык, не принимая во внимание особенности функционирования заимствованных слов в немецком языке [1, с. 69–70].

К так называемым *Lehnwörter*, т. е. заимствованиям, были отнесены слова, заимствованные до XV века, а также древнекельтские и латинские заимствования первых веков новой эры. Термином *Fremdwort* назывались заимствования после XV века. Э. Рихтером была предпринята попытка дифференцировать слова последней группы. Но в целом классификация немецких лингвистов не раз подвергалась критике: «Общепринятые термины немецкой лексикологии *Lehnwörter* и *Fremdwörter* – терминологически малопригодны. Так как и те, и другие заимствованы и «чужие», но ведут себя по-разному в заимствующем их языке» [2, с. 139].

В отношении традиционной классификации О. Б. Шахрай отмечает, что «главный недостаток деления слов иноязычного происхождения на «заимствованные» и «иностранные» (чужие) заключается в том, что оно обычно оказывается лишенным единого основания. В основу этого деления, прежде всего, кладётся функциональный критерий (характер употребления слова), но лингвисты, оперирующие понятиями «иностранные» и «заимствованные» слова, практически часто руководствуются формальными критериями» [3, с. 54].

В советской германистике также были предложены классификации заимствованной лексики в составе немецкого языка. Так, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева рассматривали в качестве целого весь состав немецкого языка и разделяли его на слова немецкие и слова иностранные. К первой группе относятся слова исконно немецкие и заимствования, ассимилировавшиеся полностью или частично. Внутри группы авторы выделяют особый слой – *интернационализмы*. Ко второй группе относятся заимствованные слова, отвечающие нескольким критериям: а) иноязычное звучание; б) наличие параллельно функционирующих немецких синонимов; в) слабая словообразовательная продуктивность заимствований; г) специфическая иностранная семантика [4, с. 185].

В рамках другой классификации, предложенной Л. Ю. Гранаткиной, выделяется три группы иноязычных слов:

1. Интернациональные слова (общественно-политические, научно-технические термины).
2. Общеупотребительная иноязычная лексика (слова различных сфер, нейтральны стилистически, нет синонимов в немецком языке).
3. Малоупотребительная иноязычная лексика (совпадает с группой иноязычных слов из предыдущей классификации).

Предложенные классификации имеют свои достоинства и недостатки, однако, каждая из них демонстрирует особенности существования заимствованной лексики в немецком языке [4, с. 184].

Классик отечественной терминологии Д. С. Лотте, принимая деление заимствований на «своих» и «чужих», предлагает следующие критерии этого деления:

1. Насколько звуковое сочетание данного слова соответствует принятым звуко сочетаниям данного языка.
2. Насколько морфологическая форма и отдельные принадлежности слова соответствуют принятым в языке, гармонируют со строением языка.
3. Имеются ли производные от данного слова [5, с. 12].

По мнению учёного, взаимодействие этих трёх факторов позволяет считать слово либо «усвоенным», либо «иностранным».

Отечественный языковед Р. А. Будагов выделяет *культурно-исторические* и *чисто языковые* заимствования. Культурно-исторические, в свою очередь, делятся на две группы: а) слова, проникающие в другой язык с предметом, или понятием, либо создающиеся в языке по аналогии с другим языком. Большую часть данной подгруппы составляют так называемые кальки; б) слова, заимствующиеся без нового понятия для дифференциации уже существующих. К чисто языковым заимствованиям относятся слова, при создании которых используются языковые ресурсы древних языков.

Кроме того учёный различает заимствованные слова:

- 1) по источнику (прямые и косвенные);
- 2) составу (заимствованные слова или культурные заимствования);
- 3) степени проникновения и характеру ассимиляции в новой языковой среде;
- 4) своеобразию смысловых изменений, которым подвергаются заимствования в системе другого языка [6, с. 129].

Как подчёркивает Р. А. Будагов, процесс заимствования не свидетельствует о пассивном состоянии языка-реципиента: «Он, как бы протягивает свои щупальца для того, чтобы взять для себя то, что ему нужно в данный исторический период» [6, с. 121].

Рассматривать заимствования как наиболее распространённый источник культурных изменений предлагают Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, В. П. Садохин. Учёные считают, что заимствования в культурном аспекте могут подразделяться на *прямые* (через международные контакты индивидов) и *косвенные* (через потребляемые товары, средства массовой информации, образование и т. д.). Авторы отмечают, что народ-реципиент заимствует не всё подряд, а только близкое его культуре и отвечающее внутренним потребностям данного этноса [7, с. 87].

Исследуя заимствования с точки зрения актуальности для языка-реципиента, Л. И. Тавабилова предлагает считать заимствования *оправданными* и *неоправданными*. Оправданным является заимствование, которое означает в языке то понятие, которого ранее в этом языке не существовало (*шоколад, галоши, телефон*). В основном, оправданные заимствования встречаются в медицине, науке и технике. Неоправданным заимствованием является слово, которое вводится в язык из иностранного языка и используется в нём в качестве синонима для определения того или иного понятия, в то время как в языке уже имеются слова, определяющие это понятие. Вместе с тем существует мнение, что такие слова, наоборот, обогащают язык синонимами. Примером неоправданных заимствований автор считает: *паркинг, парковка – стоянка, автостоянка; дайвинг – ныряние; лингвистика – языкознание; рефрижератор – холодильник; кавалерия – конница; федерация – союз* [8, с. 261–264].

Принимая во внимание структурные и функциональные различия заимствований, Л. П. Крысин выделяет три типа иноязычных слов: *заимствованные слова, экзотическая лексика, иноязычные вкрапления*. Лексика, относящаяся к первому виду иноязычных слов, структурно неоднородна, в ней различают: а) слова, структурносовпадающие с иноязычными прототипами (изменены графически средствами заимствующего языка); б) лексемы, морфологически оформленные средствами заимствующего языка; в) слова с частичной морфологической субституцией.

Слова, относящиеся ко второму и третьему типам, «чисто» иноязычны и в системе употребляющего их языка, морфологически нечленимы (экзотические слова изменены только графически; иноязычные вкрапления часто не изменяются никак). Основное различие данных двух типов заключается в соотношении иноязычного слова с системой использующего его языка. Употребление их обуславливается определенной тематикой для экзотизмов и степенью знакомства говорящего с иностранным языком, стилистическими и жанровыми особенностями для иноязычных вкраплений [9, с. 49–60].

Кроме разграничения типов иноязычных слов Л. П. Крысин выделяет виды и типы мигрирующих элементов: *заимствование слова, заимствование фонемы, заимствование морфемы, заимствование синтаксическое, или структурно-синтаксическое, заимствование семантическое (калька)*. Все эти виды заимствований взаимосвязаны: морфологическое заимствование невозможно без лексического; калькирование и структурно-семантическое заимствование предполагают знание языка, а именно его лексико-семантической системы и семантического строя [9, с. 24–25].

Швейцарский лингвист Ш. Балли выделяет два вида заимствований:

1. Слово, заимствованное без изменений: такие изолированные заимствования обычно ассимилируются языком в целом, их произношение приводится в соответствие с фонологической системой, а значит «приноравливается» к словам, с которыми они ассоциируются.

2. Заимствования многочисленные и одного происхождения, благодаря чему они составляют группу с общими структурными чертами. Такие заимствования поддаются анализу и дают заимствующему языку формативные элементы (основы, префиксы, суффиксы, типы словосочетаний) [10, с. 348].

Учёный также отмечает, что заимствования, вопреки всему, подчиняются основным и в то же время противоположным законам того и другого языков [10, с. 349].

Авторы литературы по немецкой лексикологии предлагают следующую классификацию заимствованной лексики. Заимствованная лексика (*Lehngut*) разделяется на:

1. Формальные (простые, прямые) заимствования (*formale, einfache, direkte Entlehnung*), включающие в себя иностранные слова (*Fremdwort*).

2. Осложнённые заимствования (*Lehnprägung*): калькирование (*Lehnübersetzung*); заимствование иностранного значения к немецкому формативу (*Lehnbedeutung*) и случаи передачи морфемной структуры иноязычного слова средствами заимствующего языка (*Lehnübertragung*).

Отдельную категорию образуют экзотизмы (*Bezeichnungsexotismen*) [1, с. 49].

В немецком научном мире распространена классификация Бельца (1974). Учитывая данную классификацию, Кристине Рёмер и Бригитте Мацке предлагают различать следующие виды заимствований:

1) иностранные слова (*Fremdwörter*)

2) интернационализмы (*Internationalismen*)

3) освоенные заимствования, заимствованные слова (*Lehnwörter*)

4) заимствованные формы, кальки (*Lehnprägungen*), которые включают в себя образование слов по примеру иностранных слов (*Lehnbildungen*) и заимствование значений (*Lehnbedeutungen*) [11].

Иностранные и заимствованные слова дифференцируются практически во всех классификациях. В классификации Römer/Matzke отмечается, что «иностранные слова отличаются тем, что их звучание и написание свидетельствуют об их иноязычном происхождении» [11, с. 43]. Авторы выделяют несколько признаков иностранных слов, среди которых: наличие иностранных фонем (*Fremdphoneme*), иностранных графем (*Fremdgrapheme*), иностранных фонемно-графемных отношений (*fremde Graphem-Phonem-Relationen*), иностранных фонемных или графемных отношений (*fremde Phonem(Graphem)-kombinationen*), иноязычной акцентуации (*fremde Akzentuierungen*), иностранных флексийных маркеров (*fremde Flexionsmarker*), иностранных словообразовательных морфем (*fremde Wortbildungsmorpheme*) [11, с. 44].

Следующая группа в рамках данной классификации – интернационализмы (*Internationalismen*). По мнению французских исследователей Ж. Селар и М. Сомман, помета *International* означает, что слово в каждом отдельном языке имеет свою форму, но фактически вошло в международный языковой узус в одном и том же значении [12, с. 10].

Группа интернационализмов в рамках классификации Römer/Matzke включает экзотизмы (*Exotismen*) и модные слова (*Modewörter*). Кроме того к данной группе относятся заимствования, которые распространены повсюду.

Анализ представленных в немецкой научной и учебной литературе классификаций свидетельствует об имеющихся разногласиях относительно группы освоенных заимствований (*Lehnwörter*). Немецкий исследователь Т. Шиппан предлагает считать заимствованными словами (ассимилировавшимися заимствованиями) иноязычный словарный состав, полностью инкорпорированный в лексико-семантической системе немецкого языка и ассимилировавшийся с немецкой языковой системой, не воспринимаемый носителями языка как заимствованный и считающийся немецким [13, с. 263–264].

Полагая, что предложенное определение не учитывает синхронический аспект, К. Рёмер и Б. Мацке в качестве ассимилировавшихся слов рассматривают лексемы, уподобившиеся звучанию и написанию заимствовавшего их языка, но, по их мнению, эту ассимиляцию едва ли можно считать завершённой [11, с. 44].

В лингвистической литературе наблюдается неоднозначное отношение к термину калькирование (*Lehnprägung*, *Lehnübersetzung*). Лингвисты И. Г. Ольшанский и А. Е. Гусева определяют *Lehnprägung* как осложнённое заимствование, т. е. оформление иноязычного содержания средствами собственного языка [14, с. 146].

Вообще данный термин сегодня используется редко и, как уже упоминалось выше, подразумевает два вида заимствований (*Lehnbildungen* и *Lehnbedeutungen*) (ср. классификацию Römer/Matzke). При этом под *Lehnbedeutung* понимают заимствование чужого значения к немецкому формативу [13]. В то время как *Lehnbildung* – это образование слов по примеру иностранных слов.

В работах других авторов приводятся термины *Lehnübersetzung* – калькирование, структурное заимствование [13] и *Lehnübertragung* – более свободная передача морфемной структуры иностранного слова средствами собственного языка [13].

Отметим, что перечисленные выше три вида заимствований (*Lehnübersetzung*, *Lehnübertragung*, *Lehnbedeutung*) Т. Шиппан относит к группе частичных заимствований (*Teilentlehnungen*), а не к так называемым осложнённым заимствованиям (*Lehnprägung*) [13, с. 266].

Нетрудно видеть, что имеющиеся в лингвистике классификации различаются, во-первых, терминологическими обозначениями, а во-вторых, определением статуса того или иного вида заимствования.

Рассмотрим следующую классификацию, которая, на наш взгляд, является наиболее полной и логичной. Данная классификация приводится в популярном справочнике по немецкому языку Вернера Кёнига *Atlas Deutsche Sprache* [15, с. 70].

Предложенная классификация заимствований включает все описанные выше основные типы заимствований (см. схему). С другой стороны, более подробно, с примерами представлена группа заимствованных форм (*Lehnprägung*), объединяющая разные типы формальных заимствований (*Lehnformung* и *Lehnschöpfung*).

Копирование формы иноязычного слова может происходить точно, слово в слово, сохраняя, таким образом, неразрывную связь с иноязычным словом (*Lehnübersetzung*). В других случаях имеет место более свободная передача морфемной структуры иностранного слова средствами собственного языка, связь новообразования с иноязычным словом ослабевает (*Lehnübertragung*) [15, с. 70]. Тем не менее провести однозначную границу между указанными формами заимствования весьма проблематично.

Как показывает анализ теоретических источников, систематизация заимствований так или иначе зависит от конкретного языка, воспринимающего элементы другой языковой системы. Отчасти классификации заимствований на материале разных языков могут совпадать, при этом различаться терминологически. Вместе с тем конкретная языковая ситуация обуславливает выделение иных, чем в других языках, типов заимствования.

На материале английского языка Т. И. Арбекова предлагает этимологическую классификацию лексики, разделяя её на исконную и заимствованную [16, с. 144].

Аналогичная классификация представлена в трудах И.В. Арнольд, которая разделяет лексику английского языка на *Native word* и *Loan word, borrowed word or borrowing*. Заимствования, в свою очередь, подразделяются на *translation* и *semantic loans* [17, с. 252–255].

Изучая английские заимствования, Т. И. Арбекова определяет три способа заимствования:

1. Транскрипция – фонетический способ, при котором сохраняется звуковая форма.
2. Транслитерация, предусматривающая замену букв заимствованного слова буквами родного слова.
3. Калькирование, под которым подразумевается заимствование ассоциативного значения и структурной модели слова или словосочетания [16, с. 145].

Во французской лексикологии О. М. Степанова и М. И. Кроль описывают языковые формы, которые могут быть заимствованы из языка:

1. Слово (*un mot*). Лексические заимствования приходят в другой язык в основном или специализированном (*spécialisé*) значениях. Слово может быть заимствовано в измененной форме или претерпеть изменения уже в заимствующем языке.
2. Значение (*une signification*).
3. Внутренняя форма (*une forme interne*) – калька (*calque*).
4. Морфологические элементы (*des éléments morphologiques*).

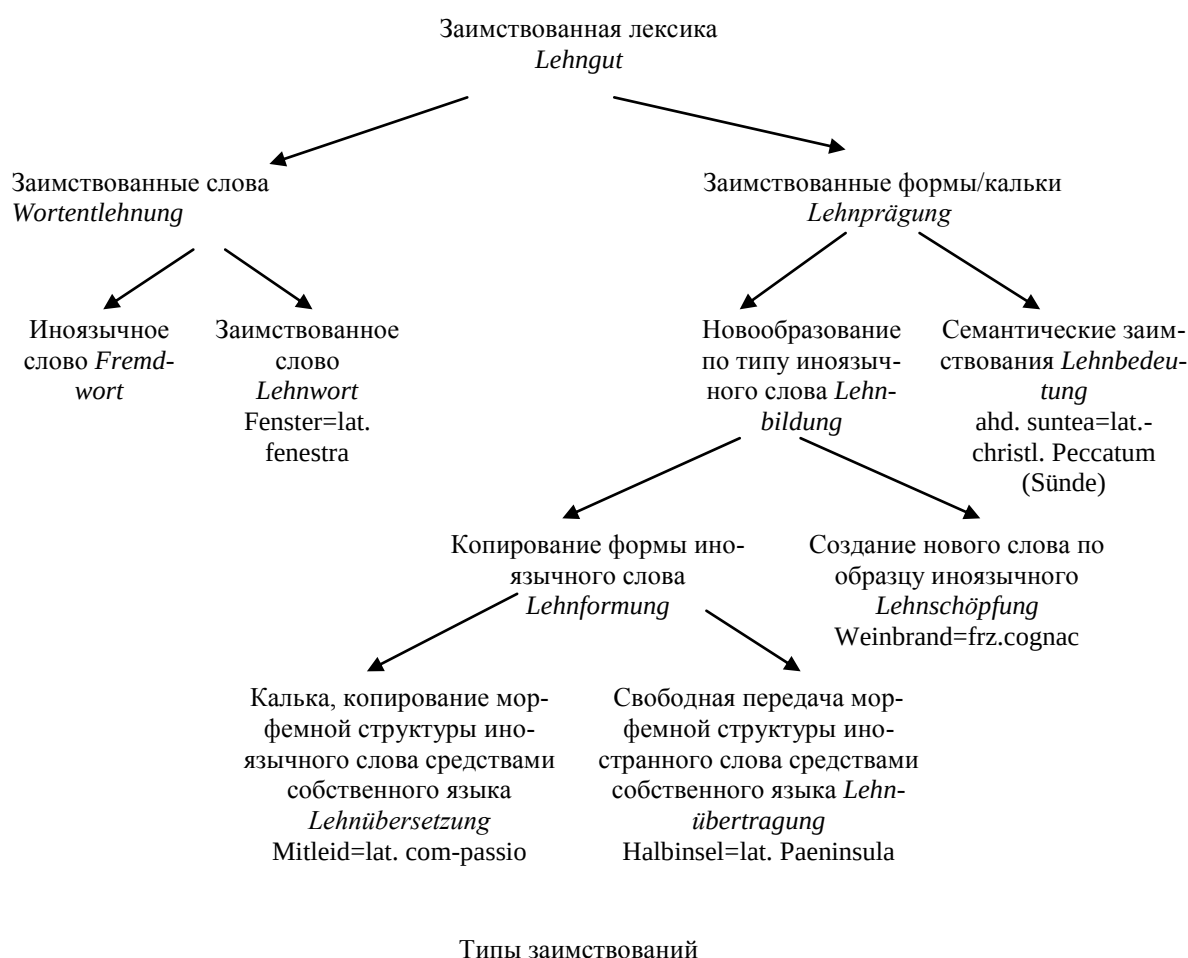
Проходя определённые этапы ассимиляции, заимствования в разные периоды развития языка могут относиться к разным группам:

- а) экзотизмы (*mots exotiques*) – это заимствования со слабой степенью ассимиляции, они сохраняют национальный колорит;

б) слова, подчиняющиеся графически и фонетически структуре национальной лексики, часто это приводит к созданию фонетических дублетов;

в) слова, «получившие гражданство» (*mots naturalisés*), т. е. изменённые в разной степени графически и фонетически и служащие для образования производных слов [18, с. 35–39].

Всё вышесказанное позволяет говорить о существовании в лингвистике большого количества классификаций заимствований. Лингвисты рассматривают и анализируют заимствования с разных точек зрения, принимая во внимание форму заимствования, его семантическую самостоятельность в акцептирующем языке, путь заимствования, источник пополнения словарного состава, оправданность и степень распространения заимствования, уровень освоенности иноязычного слова в языке-реципиенте. Классификации заимствований на материале разных языков совпадают только отчасти, так как в отдельно взятом языке заимствования представляют собой определённую систему, обусловленную языковыми и культурными потребностями. Несмотря на большое количество трудов по проблематике заимствования, изучение сущности данного лингвистического феномена остаётся по-прежнему актуальным. Не менее важными являются вопросы терминологического характера, сопряженные с процессами адаптации заимствования.

Библиографический список

1. Stepanova, M. D. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: (Лексикология современного немецкого языка) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведения / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
2. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 536 с.
3. Шахрай, О. Б. К проблеме классификации заимствованной лексики / О. Б. Шахрай // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 53–59.
4. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М. : Высшая школа, 1962. – 309 с.

5. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – М. : Наука, 1982. – 149 с.
6. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке : учебное пособие / Р. А. Будагов. – 2-е изд., переработ. и доп. – М. : Просвещение, 1965. – 490 с.
7. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин; под ред. А. П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
8. Тавабилова, Л. И. К вопросу о влиянии заимствованных слов на формирование детской речи / Л. И. Тавабилова // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: Сб. материалов международной научно-практической конф., 9 февраля 2011 г., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак / Отв. ред. А. Л. Фатыхова. – Стерлитамак : Стерлитамакская гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишевой, 2011. – С. 161–164.
9. Крысин, Л. П. Русское слово, своё и чужое / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.
10. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
11. Römer, Ch. Lexikologie des Deutschen / Ch. Römer, B. Matzke. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2005. – 236 S.
12. Cellard, J. 500 mots nouveaux définies et expliqués / J. Cellard, M. Sommant. – Paris : Editions Duculot, 1979. – 101 p.
13. Schippan, Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / Th. Schippan. – Tübingen : Max Nimeyer Verlag, 1992. – 306 S.
14. Ольшанский, И. Г. Лексикология: Современный немецкий язык. Lexikologie: der deutschen Gegenwartssprache : учеб. для студ. лингв. фак. высш. уч. завед. / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М. : Изд. центр «Академия», 2005. – 416 с.
15. König, W. Atlas Deutsche Sprache / W. König. – 16., durchgesehene und korrigierte Auflage. – München : Deutscher Taschenbuchverlag, 2007. – 256 S.
16. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка (Практический курс) : учебное пособие для II–III курсов ин-тов и фак. ин. яз-в / Т. И. Арбекова. – М. : Высшая школа, 1977. – 239 с.
17. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / И. В. Арнольд. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1986. – 295 с. : ил. – на англ. яз.
18. Степанова, О. М. Практикум по лексикологии современного французского языка : учебное пособие / О. М. Степанова, М. И. Кроль. – М. : Высш. школа, 2006. – 167 с.

S. E. Gruenko, Omsk State Institute of Service

TO DEBATE THE QUESTION OF BORROWED TERMINOLOGY

The subject of the research is still under discussion in spite of the numerous research works having done recently. The terminological questions bound to the adaptation of the borrowed terminology are also of high importance. The problem of the classifying of the borrowed terminology occupies a special place in the research field and is discussed in the article.

Keywords: borrowed terminology, the degree of using the word, terminology of borrowed vocabulary, classification of borrowed foreign words, relevance of foreign lexemes.

References

1. Stepanowa M. D., Chernysheva, I. I. Lexicology of the German language. Moscow, Academy Publ., 2003, 256 p.
2. Reformatskij, A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. – Moscow, Aspekt Press Publ., 1998, 536 p.
3. Shahraj, O. B. To the problem of classification of borrowed words. *Voprosy yazykoznanija*, 1961, no. 2, pp. 53–59.
4. Stepanova, M. D., Chernysheva, I. I. *Leksikologiya sovremennogo nemeckogo yazyka* [Lexicology modern German language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1962, 309 p.
5. Lotte, D. S. *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnyh terminov i terminoehlementov* [The issues of borrowing and streamlining of foreign terms and term elements]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 149 p.
6. Budagov, R. A. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965, 490 p.
7. Grushevickaya, T. G., Popkov, V. D., Sadohin, A. P. *Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii* [Fundamentals of intercultural communication]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2002, 352 p.
8. Tavabilova, L. I. To the question about the influence of loanwords on the formation of children's speech. *Sovremennaya filologiya v kontekste vzaimodejstviya yazykov i kul'tur*. 2011. pp. 161–164.
9. Krysin, L. P. *Russkoe slovo, svoyo i chuzhoe* [The Russian word, his and others]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 883 p.
10. Balli, Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow, Ehditorial URSS Publ., 2001, 416 p.

11. Römer, Ch. Lexicology of the German. Tübingen, Gunter Narr Publ., 2005, 236 p.
12. Cellard, J. 500 new words agreed and explained. Paris, Editions Duculot Publ., 1979, 101 p.
13. Schippan, Th. Lexicology of the German language. Tübingen, Max Nimeyer Publ., 1992, 306 p.
14. Ol'shanskij, I. G., Guseva, A. E. *Leksikologiya: Sovremennij nemeckij yazyk* [Lexicology: Modern German language]. Moscow, Izd. centr «Akademiya» Publ., 2005, 416 p.
15. König, W. Atlas German Language. München, Deutscher Taschenbuchverlag Publ., 2007, 256 p.
16. Arbekova, T. I. *Leksikologiya anglijskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977, 239 p.
17. Arnol'd, I. V. *Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka* [Lexicology of modern English]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986, 295 p.
18. Stepanova, O. M., Kroll, M. I. *Praktikum po leksikologii sovremennogo francuzskogo yazyka : uchebnoe posobie* [Workshop on lexicology of modern French language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006, 167 p.

© С. Е. Груенко, 2016

Автор статьи – **Светлана Евгеньевна Груенко**, кандидат филологических наук, Омский государственный институт сервиса.

Рецензенты:

Л. Б. Никитина, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

Т. Н. Шарапова, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный технический университет.

УДК 81'23

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.49

Т. О. Прокофьева,

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

МИФЫ И СКАЗКИ КАК ИСТОЧНИК ЭРГОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОНОМАСТИКОНА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Представлены результаты исследования особенностей функционирования в ономастическом пространстве отдельно взятого региона эргонимов, основанных на прецедентных феноменах (ПФ), источником которых являются мифы и сказки. Актуальность темы обусловлена недостаточной разработанностью проблем использования мифологических и сказочных ПФ для образования названий деловых объединений людей. Выявленные эргонимы классифицированы по характеру прецедентной основы, в качестве которой востребованы различные виды мифонимов, сказочные формулы, сказочные ситуации и тексты, а также по национально-культурному признаку и концептуальной освоенности содержания образующих их ПФ. Определены особенности актуализации значений мифологических и сказочных ПФ, выступающие в качестве мотивов эргонимической номинации. Установлено, что неудачные, вызывающие противоречие или негативные ассоциации эргонимы являются результатом «энциклопедических» ошибок номинаторов, выбора прецедентного имени по звучанию без учёта его семантики, а также обусловлены вторичной мотивацией имяназвания. По результатам исследования делается вывод, что эргонимы, основанные на мифологических и сказочных ПФ, воздействующие на архетипы сознания и содержащие определённый объём энциклопедической, лингвокультурной и социально-экономической информации, обладают высокой степенью суггестивности, что позволяет говорить о значительном прагматическом потенциале и перспективности использования подобных номинаций в нейминге.

Ключевые слова: эргоним, ономастика, прецедентный феномен, мифоним, архетип, лингвокультурология, прецедентная мотивация, нейминг.

В современных исследованиях ономастики особую актуальность в рамках антропоцентрической парадигмы приобретает лингвокультурологическое направление, изучающее способы, «которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру» [1, с. 30]. Применительно к именам собственным основная задача лингвокультурологии, по определению А. С. Щербак, заключается в установлении «механизмов, на основе которых осуществляется взаимодействие онимов как единиц языка с семантикой культурного кода» [2, с. 151]. Следуя этой проблематике, в качестве одной из областей наиболее яркого проявления национального культурно-языкового своеобразия в

ономастике следует рассматривать сферу прецедентных феноменов, которые отражают «взаимосвязи условий существования народа, культуры, языка и ментальности» [3, с. 11] и в этой роли участвуют в формировании национального лингвокультурного пространства.

Понятие прецедентности было введено в научный оборот в 80-е гг. XX в. Ю. Н. Карауловым, который назвал прецедентными «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216].

В ходе дальнейших разработок этой теории Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаева распространили определение прецедентного текста Ю. Н. Караулова на более широкий круг единиц, которые они обозначили как «прецедентные феномены» (ПФ) и среди которых выделили собственно вербальные – прецедентное имя и прецедентное высказывание – и вербализуемые (поддающиеся вербализации) феномены – прецедентная ситуация и прецедентный текст, а также невербальные, включающие в себя произведения различных видов искусства (музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т. д.) [5, с. 46–47]. При этом, определяя ПФ как «являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена» [6, с. 65], исследователи относят их к сфере представлений, которые, в свою очередь, наряду с концептами, знаниями и понятиями рассматриваются ими как ментефакты – «единицы содержания сознания» [6, с. 64], представляющие собой базовые элементы когнитивного уровня.

Если основополагающим для этого коллектива учёных является принцип исследования «от единицы языка к единице культуры», то Г. Г. Слышкин в изучении проблемы прецедентности идёт «от культуры к языку» и рассматривает ПФ как особый тип лингвокультурных концептов – комплексных ментальных единиц, которые принадлежат сознанию, детерминируются культурой, определяются в языке [7, с. 8] и «формируют в рамках лингвокультуры прецедентную концептосферу» [7, с. 23]. На основе когнитивной теории концептуализации Г. Г. Слышкин исследует прецедентные антропонимы в качестве своеобразной формы существования культурной информации.

Несколько иное направление концептуальных разработок теории прецедентности на материале ономастики представлено в исследованиях Е. А. Нахимовой. Объединяя когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический подходы к изучению прецедентных имён собственных, она устанавливает прямую обусловленность первичного (основного, номинативного) и метафорического значений онима, соответственно, его денотативным и коннотативным употреблением в качестве прецедента [3, с. 50]. При этом Е. А. Нахимова делает замечание, что важным признаком прецедентного имени является «регулярное метафорическое использование в соответствующих текстах без дополнительных разъяснений истоков его метафоричности» [8, с. 74], поскольку в случае особой известности феномена нет смысла пояснять метафору. Подобная трактовка прецедентности основывается на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафорическими в широком смысле признаются все тропы и конструкции, функционирующие как «системные средства для переопределения концепта и для изменения области его применимости» [9, с. 156] путём объяснения сложной для осознания сущности – область цели (target domain) – через более простой и понятный феномен – область источника (source domain) [9, с. 9]. Вместе с тем, такое представление Е. А. Нахимовой о многоуровневой семантике прецедентного онима соответствует природе ономастического концепта как особой единицы знания об имени собственном, которая «отражает сведения о ментальности отдельного человека, сообщества людей, народа, нации; иллюстрирует специфику языкового сознания и форм освоения мира в языке» [10, с. 41].

Применительно к материалу нашего исследования, опираясь на приведённые выше определения, под прецедентным феноменом, лежащим в основе эргонимической номинации, мы будем понимать образно-ассоциативный комплекс, апеллирующий к коллективному представлению о значимом для данного сообщества явлении и периодически актуализирующийся в акте коммуникации в виде онима или высказывания, которые обладают собственной прецедентностью либо указывают на прецедентный текст или ситуацию. Соответственно, такие, наделённые особой лингвокультурной коннотацией прецедентные онимы и прецедентные высказывания, которые в роли концептуальной метафоры используются как «собственное имя делового объединения людей» [11, с. 151], мы будем называть эргонимами с прецедентной основой.

С учётом взаимодействия когнитивного и лингвокультурологического подходов к исследованию ономастики особый научный интерес, на наш взгляд, представляет тема функционирования в качестве эргонимических номинаций ПФ, источником которых являются мифы и сказки. Поскольку, с одной стороны, эргонимы, основанные на сказочных и мифологических ПФ, как лингвокультурологические единицы представляют собой особым образом структурированное знание и апеллируют к базовым, имеющим архетипическую природу понятиям национального менталитета и культуры, которые составляют основу мироощущения и миропонимания представителей лингвокультурного сообщества и потому не всегда в полной мере ими осознаются. С другой стороны, эргонимы как одни из самых изменчивых единиц ономастикона являются своеобразным средством вербального воплощения мыслей, желаний, представлений и предпочтений, обусловленных социальными, культурными, политическими, экономическими обстоятельствами, сложившимися в данный период времени в социуме, и таким образом отражают систему ценностей его членов.

Необходимо отметить, что в русской ономастике исследованием проблем прецедентности активно занимался Е. С. Отин, предложивший термин «коннотоним» для обозначения собственного имени, «в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [12, с. 279]. На обширном материале художественной литературы, разговорной речи, территориальных диалектов и публицистики XVIII–XX вв. с привлечением средневековых памятников славянской письменности он составил «Словарь коннотативных собственных имён» (2004), который и на сегодняшний день является наиболее полным собранием онимов разных разрядов, с узуальной, т. е. устоявшейся, освоенной в речевой деятельности лингвокультурного сообщества, прецедентностью [13].

Современными лингвистами явление прецедентности в ономастиконе активно исследуется на примерах из художественных текстов, дискурса рекламы и массовой коммуникации [14–17]. Что же касается эргонимов, то номинации, основанные на ПФ и, в частности, образованные от мифонимов, изучаются либо в рамках общего класса коммерческих наименований наряду с прагматонимами, гемеронимами и т. д. [18–20], либо в узких границах конкретных сфер деятельности человека: в торговле, туризме, салонном и ресторанном бизнесе [21–24]. Однако комплексных разработок проблем функционирования мифологических и сказочных ПФ в качестве эргонимических номинаций в отечественной ономастике на данный момент нет. Это обстоятельство и определяет актуальность проводимого исследования.

Наша цель – на примере номинаций Тамбовской области выявить востребованные в эргонимии источники мифологических и сказочных ПФ и определить особенности актуализации их значений в качестве мотивов имяназечения.

Материалом для исследования послужил массив эргонимов, сформированный методами ориентированного поиска и сплошной выборки из электронных баз данных справочных интернет-ресурсов www.tamboff.ru, www.tambov7m.ru, <http://tambov.spravker.ru/>, www.morefirm.ru/tambov, а также из рекламно-информационных изданий и текстов вывесок предприятий и учреждений Тамбовской области¹.

Проведённый нами анализ показывает, что источники заимствований мифологических и сказочных ПФ, лежащих в основе эргонимических номинаций, по национально-культурному признаку можно разделить на 6 групп:

1. Наиболее востребованы в эргонимии Тамбовской области ПФ античной мифологии. Это исключительно прецедентные имена, в частности:

– теонимы: кафе «*Посейдон*», парикмахерская «*Юнона*», агентство по организации торжеств и праздников «*Амур*», рекламная компания «*Аврора*», компания по оптовой торговле зерном ООО «*Веста*», хлебопекарня «*Церера*», ювелирная мастерская «*Гелиос*», ЧОП «*Прометей*», фирма по оптовой торговле алкогольными напитками «*Бахус*», агентство недвижимости «*Ирида*»;

– мифоантропонимы: автосервис «*Электра*», кафе «*Одиссей*», строительная фирма «*Дедал*», продуктовый магазин «*Галатея*», ЗАО «*Парис*», агентство путешествий «*Калипсо*», магазин алкогольных напитков «*Ариадна*»;

– мифозоонимы: транспортная компания ООО «*Пегас*», ЧОП «*Феникс*»;

– мифохремонимы: компания по производству общестроительных работ «*Арго*», магазин ювелирных украшений «*Золотое руно*»;

– топонимы-реалионимы: ООО «*Торгово-строительная компания «Олимп»*», магазин металлоконструкций «*Парнас*», строительная компания «*Троя*». Мы относим феномены, лежащие в основе этих эргонимов, к мифологическим, поскольку номинаторами востребована их прецедентность не в качестве реальных локусов, а как мест действия сюжетов античной мифологии. К примеру,

в приведённом выше эргониме топоним Олимп актуализируется не в значении самого высокого горного массива Греции, а в качестве священной горы, на которой обитали боги древнегреческого пантеона, и как следствие этого мифологического статуса – в роли метафоры, обозначающей «сообщество авторитетов, мастеров, специалистов высшего уровня» [13, с. 258].

2. ПФ славянской мифологии и русского фольклора представлены в меньшем количестве, но более широким кругом единиц, среди которых:

- теонимы: ресторанный комплекс «*Перун*», компания по оптовой торговле сельскохозяйственным сырьём и животными ООО «*Велес*», конно-спортивный клуб «*Яровит*», магазин для будущих мам «*Лада*», кафе «*Лель*». Необходимо заметить, что определение Лады и Леля как славянских божеств любви, брака и плодородия, активно поддерживаемое А. С. Фаминцыным [25] и Б. А. Рыбаковым [26], другими исследователями, к примеру, О. Н. Трубачевым [27], признаётся спорным либо вовсе надуманным, результатом «кабинетной мифологии», такую позицию, в частности, отстаивал А. А. Потебня [28]. Оставляя вопрос о научной обоснованности чьей-либо точки зрения открытым, мы рассматриваем эти имена в качестве теонимов исходя из того, что опрошенные нами номинаторы как члены лингвокультурного сообщества относят Ладу и Леля к языческим божествам древних славян, опираясь на сведения, почерпнутые из художественной и научно-популярной литературы, фильмов и музыкальных произведений, в которых поддерживается мифологический статус данных персонажей;

- мифоантропонимы: фитнес-клуб «*Добрыня*», магазин товаров для рукоделия «*Марья Искусница*», оптово-продовольственная база «*Садко*», детский сад «*Алёнушка*»;

- мифоперсонимы: торгово-закупочная компания «*Берендей*», баня «*Яга*», магазин «*Колобок*»;

- мифозоонимы: компания по производству кондитерских изделий ООО «*Финист*», фирма по оптовой торговле рыбой, морепродуктами и рыбными консервами ООО «*Золотая рыбка*», магазин-студия рукоделия «*Сорока-Белобока*», продовольственный магазин «*Курочка Ряба*», оптовая продовольственная компания ООО «*Сирин*»;

- мифотопонимы: кафе-кемпинг «*Лукоморье*», компания по оптовой торговле продуктами питания ООО «*Вирий*»;

- прецедентные высказывания: кафе «*Иван да Марья*», кафе-пельменная «*Жили-были*»;

- прецедентная ситуация: агентство по организации праздников и торжеств «*По ищущему веленью*»;

- прецедентные тексты: магазин продуктов «*Теремок*», детский сад «*Аленький цветочек*».

3. Из европейских сказок номинаторами Тамбовской области оказались востребованными лишь 6 ПФ:

- мифоантропонимы: клининговая компания «*Золушка*», детские сады «*Белоснежка*» и «*Красная Шапочка*»;

- название сказочного предмета: детский сад «*Хрустальный башмачок*»;

- прецедентная ситуация: банный комплекс «*Три поросёнка*», магазин модной детской одежды «*Золушка*».

Следующие источники заимствования представлены единичными ПФ.

4. Восточные сказки:

- мифоантропонимы: чайхана «*Али-Баба*», кафе «*Алладин*»²;

- прецедентная ситуация: магазин постельных принадлежностей и домашнего текстиля «*Тысяча и одна ночь*».

5. Германо-скандинавская мифология:

- теонимы: строительная компания ООО «*Тор*», салон красоты «*Freya*»;

- мифотопоним: оптовая компания ООО «*Валгалла*».

6. Индуистская мифология:

- теонимы: йога-студия «*Натараджа*», салон меха «*LAKSHMI*».

Массовое использование номинаторами Тамбовской области греко-римских мифонимов – дань довольно устойчивой традиции в нейминге в целом и в эргонимии в частности, которую ещё в 20–30-х гг. XX в. как «пережиток прошлого» весьма тонко высмеивали И. Ильф и Е. Петров. Вспомним упоминаемую в романе «Двенадцать стульев» кустарную артель «Пегас и Парнас», где Остап Бендер, возможно, «занимался выжиганием по дереву, что видно из обнаруженного в кармане фрака удостоверения, выданного 23/VIII-24 г. <...> за №86/1562» [29, с. 366] или единственный в Старгороде ресторан «Феникс», в котором, несмотря на статус, как и в рядовых пивных, по вечерам пиво поднималось в цене.

Однако античные мифонимы по-прежнему востребованы в эргонимии, что можно объяснить общечеловеческим характером представляемых ими ПФ. В данном случае мы опираемся на концепцию Г. Г. Слышкина, который, исходя из количества носителей, воспринимающих концепты,

формируемые прецедентными текстами, разделил последние на «микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие» [30, с. 28]. Общечеловеческие феномены (в терминологии Д. Б. Гудкова, В. В. Красных – «универсально-прецедентные») входят в «универсальное когнитивное пространство» [31, с. 104] как результат межкультурного диалога, т. е. они либо воспринимаются представителями иной культуры в оригинальном виде, либо подвергаются незначительной адаптации под особенности национального менталитета. Таким образом, актуальность общечеловеческих феноменов в эпоху глобализации вполне закономерна, т. к. источники их происхождения известны, а значит, и коннотации основанных на них эргонимов будут понятны каждому достаточно образованному члену развитого сообщества.

Очевидно, это обстоятельство является также одной из причин того, что, в отличие от общечеловеческих, национальные ПФ, выраженные в нашем случае феноменами славянской мифологии и русского фольклора, в современной эргонимии Тамбовской области востребованы в меньшей степени, поскольку они воплощают национально-культурную специфику, которую, как правило, довольно трудно, иногда почти невозможно перевести на язык другой культуры. Вместе с тем, вполне закономерно, что такие ПФ представлены в тамбовском эргонимиконе полным составом – это и прецедентные имена, и высказывания, и ситуации, и прецедентные тексты сказок. Так как по национальному признаку основную часть населения Тамбовской области составляют русские (согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. – 97 % [32, с. 94]), культурологический потенциал ПФ славянской мифологии и фольклора в нашем регионе освоен более глубоко, поэтому они являются богатейшим материалом для создания богатых ассоциациями и эффективно работающих эргонимов. Последнее подкрепляется ещё и заключением маркетологов, что экономически активная, но финансово менее обеспеченная часть среднего класса российских потребителей «малознакомым иностранным маркам всё больше предпочитает откровенно национальные брэндсы» [33].

Низкая степень востребованности в эргонимии Тамбовской области национальных ПФ германо-скандинавской и индуистской мифологии также соответствует сложившимся обстоятельствам. Такие ПФ мы определяем как инокультурные и отличаем их от представленных в тамбовском эргонимиконе феноменов европейских и арабских сказок, которые на современном этапе развития общества известны по всему миру и обладают статусом общечеловеческих. ПФ германо-скандинавских и индуистских мифов обладают ограниченной прецедентностью, поэтому их эффективное функционирование в качестве основы эргонимических номинаций требует наличия у номинатора и адресата специальных знаний либо дополнительной, разъясняющей их значение информации в составе многословного названия. На примере ономастического Тамбовской области можно заключить, что в эргонимии инокультурные феномены используются с целью подчеркнуть национальную специфику предлагаемых деловым объектом товаров или услуг, например, йога-студия «*Напараджа*» названа по имени одного из самых популярных в индуизме иконографических образов «Шивы – царя плясунов» [34, т. 1, с. 541]; либо в качестве необычной, но осмысленной номинации: название салона красоты «*Freya*» представляет собой английский вариант написания имени скандинавской богини плодородия, любви и красоты, в оригинале – др.-исл. *Freyia* [34, т. 2, с. 572].

В этой связи важно отметить, что в целом применение ПФ в качестве основы эргонимической номинации строится на прецедентном типе мотивации, предполагающем наличие у номинатора и адресата определённого уровня культурной грамотности (cultural literacy – термин, введённый в научный обиход Э. Д. Хиршем), т. е. базовых фоновых знаний (background knowledge [35, p. viii]) в области науки, истории, литературы, искусства, религии и т. д., достаточных для успешной коммуникации. При этом в процессе мотивации имяназвания, который для номинатора заключается в реализации мотива номинации, а для адресата – в его интерпретации, из памяти обоих коммуникантов извлекаются формулы механизма глубинной предикации, что в нашем случае проявляется в осуществлении изначально заложенной в сознании человека ономастической функции пожелательности путём приписывания объекту номинации качеств, свойств, состояний и действий ПФ: «Я называю тебя N. = Я желаю, чтобы ты был таким, как N.»; «Я называю тебя N. = Я знаю, кто этот N.»; «Я называю тебя N. = Я знаю, почему называется N.»; «Это называют N... = потому что...» [36, с. 9]. Очевидно, чтобы формулы эффективно работали, признаки ПФ, выделенные номинатором в качестве мотивирующих эргоним, должны быть актуальными как для объекта, так и для адресата, который на основании ассоциативно-образной связи феномена с деловым объединением составит себе некое представление о деятельности последнего, предлагаемых им товарах и услугах, профессионализме его членов и т. д., причём образ этот, по замыслу номинатора, должен быть максимально привлекательным.

Проведённый нами анализ эргонимов Тамбовской области свидетельствует о том, что использование в качестве основы номинаций мифологических и сказочных ПФ имеет свои особенности мотивации в случае прецедентных имён, высказываний, ситуаций и текстов.

1. При выявлении признаков мифонимов, мотивирующих использование их в качестве названий деловых объектов, мы опирались на разработанную Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко и В. В. Красных структуру прецедентного имени, ядром инварианта восприятия которого являются дифференциальные признаки, составляющие многоуровневую «сложную систему определённых характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных» [5, с. 80], из них актуальными для нашего исследования являются характеристики «по внешности» и «по чертам характера» [5, с. 81].

1.1. По нашим наблюдениям, в эргонимии Тамбовской области актуализация признака «внешний вид/физические данные» лишь в единичных случаях основывается на конкретных характерных чертах носителя прецедентного имени. Так, мотивом номинации ювелирной мастерской «Гелиос» является образ древнегреческого бога солнца, который, согласно мифам, «в **золотом** шлеме» восседает «на престоле из **драгоценных камней**», днём скачет по небу «на **золотой** колеснице», а ночью переплывает море «в **золотой** чаше» [34, т. 1, с. 271]. Номинация также может быть мотивирована основным (прямым) значением какого-либо компонента в структуре многословного мифонима, которое применимо для характеристики деятельности либо результатов деятельности именуемого объекта: салон красоты «Елена Прекрасная», продовольственный магазин «Курочка Ряба», магазин ювелирных украшений «Золотое Руно», фирма по оптовой торговле рыбой, морепродуктами и рыбными консервами ООО «Золотая рыбка».

В большинстве же случаев прецедентная мотивация по признаку внешности строится на общих представлениях о красоте, силе, прочности и т. д., символами которых и выступают мифологические и сказочные персонажи/объекты. Например: в качестве прецедентной основы названия мехового салона «LAKSHMI» используется образ богини Лакшми – воплощения грации, красоты и обаяния в индуизме; мотивом номинации фитнес-клуба «Добрыня» является представление об идеальном телосложении былинного богатыря; созданный мифами образ Трои – прекрасного и настолько прочно укрепленного города, что его едва ли бы разрушила многолетняя осада, если бы не хитрость данайцев, мотивирует использование этого топонима для номинации строительной компании.

1.2. Прецедентная мотивация «по чертам характера» наблюдается в тех случаях, когда мифологические функции или сказочные роли персонажа/объекта ассоциируются со сферой деятельности именуемого делового объединения, как, например, в следующих эргонимах Тамбовской области: предприятие по разведению рыбы ООО «Нептун», фирма по переработке, хранению и продаже зерна ОАО «Деметра», строительная фирма «Дедал», фирма по оптовой торговле алкогольными напитками «Бахус», компания по оптовой торговле сельскохозяйственным сырьём и животными ООО «Велес», клининговая компания «Золушка», юридическая фирма «Фемида», магазин для будущих мам «Лада», магазин товаров для рукоделия «Марья Искусница», магазин-студия рукоделия «Сорока-Белобок», предприятие по производству строительных металлических изделий ООО «Гефест».

1.3. Эргонимическая номинация также может быть мотивирована этнокультурной принадлежностью носителя прецедентного имени, который в этом случае выступает в роли национального символа. К примеру, мифоантропонимы Али-Баба и Аладдин в качестве названий чайханы и кафе олицетворяют восточную кухню и её традиции, хотя о кулинарных способностях этих героев арабские сказки умалчивают.

2. Анализируя мотивы использования в качестве основы эргонимов прецедентных высказываний, мы вслед за авторами лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» считаем таковыми предикативные и непредикативные цитаты, крылатые выражения, пословицы и поговорки, которые воспринимаются как «существующее в готовом виде конструктивное и семантическое целое» и употребление которых в акте коммуникации «всегда «отсылает» к фоновым знаниям, формирующим когнитивный уровень сознания» [37, с. 38].

В тамбовском ономастике нами обнаружено всего 3 эргонима, основанных на прецедентных высказываниях – сказочных формулах. Причём использование в качестве номинаций двух из них – «Иван да Марья» и «Жили-были» – опирается на то «глубинное значение, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания» [5, с. 101] и которое при соотнесении их с именуемыми объектами (в обоих случаях это кафе) актуализируется как определение сказочного бытия: неиссякаемого изобилия угощений и беззаботного времяпрепровождения. В третьем случае в названии агентства по организации праздников и торжеств «По щучьему веленью» фраза из одноимённой

русской народной сказки актуализирует уже прецедентную ситуацию исполнения любого самого невероятного желания без каких-либо усилий со стороны человека.

3. Важно отметить, что в силу компактности формы эргонимических номинаций прецедентная ситуация как «некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определённых коннотаций», и прецедентный текст как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица» [5, с. 47] в эргонимии не могут быть представлены посредством компенсирующего контекста или в форме пересказа. По этой причине они вербализуются связанными с ними прецедентными именами и высказываниями, выступающими как бы «пусковой кнопкой» развёртывания в большей или меньшей степени известного сценария, за которым закреплёно устойчивое эмоциональное переживание (преимущественно позитивное)» [38, с. 199] и который формирует у адресата соответствующее отношение к объекту номинации.

Пример подобного мотивирующего номинацию сценария мы находим в повести С. Минаева «MEDIA SAPIENS», когда успешный московский пиарщик Антон Дроздилов выбирает в качестве названия фиктивной компании, задействованной в схеме рейдерского захвата «бывшего военного завода», имя одного из божеств древнегреческой мифологии: «...В этот-то момент и появляется компания “Прометей”, связанная с правительством Москвы, которая предлагает директору и народу продать акции хорошим людям, которые ни за что не разрушат их родной завод <...>. И всё, что “Прометей” хочет – это вернуть заводу нормальное хозяйствование, с зарплатами вовремя, путёвками и детским садиком дешёвым. То есть “Прометей” выполняет свое предназначение – отдать священный огонь/завод в руки людей» [39, с. 53].

Среди эргонимов Тамбовской области лишь единичные номинации мотивированы сказочными прецедентными ситуациями. Так, в названии магазина модной детской одежды «Золушка» заложена сцена, в которой фея-крёстная одаривает главную героиню нарядом столь прекрасным, что в нём можно смело отправляться на бал: «Крёстная только дотронулась до неё своею палочкой, и тотчас же платье её превратилось в наряд, вышитый золотом и серебром и весь усеянный драгоценными камнями; потом она дала ей пару туфелек, отороченных мехом, таких красивых, что красивее и не бывает» [40, с. 55]. В эргониме «Тысяча и одна ночь» из многотомного сборника арабских сказок актуальной для магазина постельных принадлежностей и домашнего текстиля является лишь обстановка, в которой Шахерезада рассказывает свои волшебные истории: тёплые восточные ночи и богатое убранство покоев шаха Шахрияра. Вместе с тем, в этой номинации актуализируется и «поверхностное значение» прецедентного высказывания, равное сумме значений его компонентов [5, с. 101]: словосочетание с числительным выступает как гарантия качества и долговечности службы предлагаемого магазином товара.

Что касается прецедентных текстов, то в эргонимии Тамбовской области нами обнаружено всего 2 феномена. Так, для именованной оптовых компаний, магазинов, кафе и детских садов номинаторы часто используют название русской народной сказки «Теремок», кумулятивный сюжет которой, перенесённый в сферу деятельности соответствующих объектов, воспринимается как метафора обещания, что в гостеприимном «Теремке» каждый всегда найдёт то, что ему нужно – товар, угощение, занятие – по душе и по вкусу. В случае со вторым феноменом в качестве основы номинации детского сада «Аленький цветочек» прецедентный сказочный текст, без отсылки к обстоятельствам его сюжета и персонажам, используется в общем ассоциативно-образном уподоблении сказки детству, когда мир полон удивительных загадок и тайн и чудеса кажутся реальными.

4. Отметим, что довольно часто употребление прецедентных имён в качестве основы эргонимических номинаций непосредственно не мотивировано ни их дифференциальными признаками, ни вербализуемыми ими прецедентными ситуациями или текстами. В качестве примеров можно привести следующие эргонимы Тамбовской области: ЧОП «Сатурн», оптовая топливная компания ООО «Юпитер», мини-маркет «Селена», компания по оптовой торговле обувью ООО «Марс», фирма по оптовой торговле пивом ООО «Юнона», строительная компания ООО «Тор», рекламная компания «Зевс», компания по оптовой торговле зерном, семенами и кормами для сельскохозяйственных животных ООО «Орфей», фирма по оптовой торговле лесоматериалами ООО «Атлант», фирма по производству деревянных строительных конструкций и столярных изделий ООО «Персей». Прецедентная мотивация в подобных случаях основывается не на декларируемых свойствах и функциях мифологических персонажей, которые можно ассоциативно связать с деятельностью объектов номинации, а имеет глубинный психологический характер и определяется базовыми архетипическими представлениями о богах и героях.

В брендинге практическое применение теории архетипов К. Г. Юнга строится на обращении к базовым человеческим потребностям и мотивациям [41, с. 34], которое должно обеспечить эффективное взаимосогласование бренд-концепции с личным опытом потенциальных потребителей. В частности, система двенадцати архетипов, разработанная К. Пирсон и М. Марк на базе учения К. Г. Юнга и теорий мотивации, даёт нам основание рассматривать эргонимы, образованные от теонимов и мифоантропонимов и не мотивированные свойствами их носителей, как воплощающие архетипы Правителя и Героя соответственно. Архетип Правителя, как указывают исследователи, на подсознательном уровне даёт «ощущение совершенного владения собой» [41, с. 226] и полного контроля над любыми ситуациями, а архетип Героя «учит нас ставить цели и достигать их, преодолевать препятствия» [41, с. 19]. Таким образом, эргонимы, мотивированные архетипическими значениями ПФ, позволяют номинатору, не указывая конкретных характеристик, выразить сущностный смысл профессиональной деятельности объекта номинации и сформировать устойчивое положительное отношение к нему, установив глубокую эмоциональную связь с адресатом.

Ввиду этого, массовое использование имён сказочных детских персонажей в качестве названий дошкольных учреждений также обусловлено не качествами героев или обстоятельствами их приключений, а воплощаемым ими архетипом Ребёнка, который апеллирует к естественной биологической потребности человека обезопасить своё потомство, поместив его в комфортные условия. Иными словами, в семантике названий детских садов «Золушка», «Белоснежка», «Красная Шапочка», «Алёнушка» заложены не индивидуальные признаки обладающих прецедентностью референтов, а обобщённый образ нуждающегося в опеке и защите ребёнка, возникающий в сознании людей при произнесении соответствующего мифоантропонима вне контекста.

В целом, такая сложная мотивированность эргонимов с прецедентной основой и позволяет нам, как указывалось выше, говорить о комплексном характере образов и ассоциаций, побуждающих номинаторов к выбору подобных названий. Причём нередко эти образы и ассоциации оказываются весьма противоречивыми или негативными, вследствие чего вызывающие их номинации расцениваются как неудачные. Так, выбор названия «*Медя*» для медицинского центра кинезитерапии выглядит довольно сомнительным, поскольку эта калхидская царица «прославилась» тем, что убила собственных детей и брата. Однако если в случае медучреждения такая номинация мотивирована даром исцеления, которым, согласно древнегреческим мифам, обладала Медя, а также фонетической ассоциацией её имени со словом «медицина», то использование этого мифоантропонима для названия салона постельных принадлежностей и домашнего текстиля следует признать необоснованным. Другой пример неудачного эргонима в ономастике Тамбовской области – ООО «*Плутон*». Имя владыки царства мёртвых применительно к компании, торгующей автотранспортными средствами, вызывает неоднозначные и даже негативные ассоциации, которые к тому же поддерживаются созвучием со словом «плут».

Проведённое нами исследование показывает, что подобные неудачи в эргонимии можно объяснить в целом недостаточным уровнем культурной грамотности номинаторов, о чём свидетельствуют следующие типичные ошибки прецедентной мотивации:

а) «энциклопедические», когда признаки одного ПФ приписываются другому, как в случае с античными богинями Афиной и Афродитой, в результате – в Тамбове есть салон-парикмахерская «*Афродита*» и салон красоты «*Афина*»;

б) выбор прецедентного онима по звучанию без учёта его семантики. Например, ООО «*Стикс*» – номинаторы искали известное имя собственное, созвучное роду деятельности фирмы по оптовой торговле материалами для остекления, однако название, принадлежащее в древнегреческой мифологии реке царства мёртвых, в данном случае трудно назвать удачным.

в) неоднозначное или негативное восприятие эргонимов с прецедентной основой может быть обусловлено вторичной мотивацией имянаращения, что довольно часто происходит с греко-римскими мифонимами, поскольку они массово используются в терминологии и различных сферах ономастики. Так, называя фирму по переработке металлолома «*Тантал*», номинаторы имели ввиду не фригийского царя Тантала, осуждённого за гордыню и оскорбление богов на вечные муки голода и жажды, а металл, который из-за трудностей его получения в чистом виде и был назван именем этого персонажа древнегреческих мифов [42, с. 494].

На основании изложенного можно сделать вывод, что эффективное использование мифологических и сказочных ПФ в качестве основы эргонимических номинаций должно опираться на общие культурные коды, когнитивные аспекты и мотивационные сферы личности номинатора и адресата как членов лингвокультурного сообщества.

Воздействуя на архетипы сознания, такие эргонимы в определённой степени настраивают адресата на восприятие реальности через призму мифа, сказки и воплощают некую условную модель достижения желаемого: от прозябания в обыденности – к реализации мечты. Таким образом устанавливаются позитивные ассоциации между миром магии и волшебства и объектом номинации, за счёт чего его деятельность и результаты этой деятельности получают положительную характеристику. Следовательно, эргонимы, основанные на мифологических и сказочных ПФ, обладают достаточно высокой степенью суггестивности, поскольку задают эмоциональный настрой, определяют эстетические переживания и формируют определённые ожидания в отношении объекта номинации.

Вместе с тем, такие эргонимы носят аксиологический характер. С одной стороны, апелляция к известным с детства образам и выражениям, заложенная в семантике эргонимов, основанных на мифологических и сказочных ПФ, объясняет довольно устойчивую традицию употребления таких образований в нейминге. С другой стороны, по востребованности определённого типа ПФ можно сделать вывод о сложившейся в лингвокультурном сообществе системе ценностей и стереотипов. Так, одними из самых частотных в эргонимии Тамбовской области являются имена Гермеса (30 номинаций), в древнегреческой мифологии покровителя путников и торговли, посредника в делах богов и людей, и соответствующего ему в древнеримском пантеоне бога Меркурия (27 номинаций). Причём среди объектов, названных этими мифонимами, есть такие, которые непосредственно занимаются перевозками, торговыми или посредническими операциями (магазины, торгово-закупочные и транспортные компании, агентства недвижимости), а также, к примеру, архитектурно-строительная организация ООО «Гермес» и фирма, производящая электромонтажные работы, ООО «Меркурий», что вполне соответствует современным экономическим условиям, когда деятельность подавляющего большинства деловых объединений людей так или иначе направлена на получение прибыли в рамках товарно-денежных отношений.

Таким образом, есть все основания говорить о значительном прагматическом потенциале эргонимов, основанных на мифологических и сказочных ПФ, и перспективности использования их в нейминге в настоящем и ближайшем будущем. Поскольку при современных темпах роста объёмов информации особенно актуально стоит вопрос об увеличении скорости её передачи при минимизации носителя, эту проблему в какой-то мере и позволяет решить использование ПФ в качестве основы эргонимических номинаций как уже освоенного комплекса ассоциативно-образной информации, который в функции концептуальной метафоры способствует презентации нового объекта. В этом случае основная задача номинатора заключается в том, чтобы грамотно выбрать ПФ (имя, высказывание, ситуацию, текст) и оригинально его подать, избегая неясности мотивов имянаращения, негативных и противоречивых ассоциаций, для чего в процессе создания эргонима необходимо работать с энциклопедическими и ассоциативными словарями, а также опираться на лингвокультурологические исследования ПФ.

Примечания

¹ В статье эргонимы Тамбовской области приводятся с сохранением оригинальной орфографии и особенностей графикации, которые зафиксированы в указанных источниках.

² В данном случае номинатором допущена орфографическая ошибка – имя этого персонажа сборника сказок «Тысяча и одна ночь» пишется «Аладдин».

Библиографический список

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Щербак, А. С. Ономастический концепт как единица знания / А. С. Щербак // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 150–165.
3. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : монография / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2011. – 276 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. / Ю. Н. Караулов. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

6. Красных, В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии / В. В. Красных // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 60–66.
7. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 40 с.
8. Нахимова, Е. А. Критерии прецедентности имени собственного / Е. А. Нахимова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 1. – № 1–2. – С. 73–83.
9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
10. Щербак, А. С. Концептосфера языка как ментальная основа формирования топонимов / А. С. Щербак // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 3. – С. 40–45.
11. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии – 2-е изд., перераб и доп. / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
12. Отин, Е. С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов / Е. С. Отин // Отин Е. С. Избранные работы. – Донецк : Донецчина, 1997. – С. 279–285.
13. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
14. Кушнерук, С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имён в российской и американской рекламе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Л. Кушнерук. – Челябинск, 2006. – 22 с.
15. Боярских, О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Боярских. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.
16. Нахимова, Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2011. – 44 с.
17. Ларина, Т. Ю. Когнитивные особенности онимических прецедентных феноменов в художественном тексте / Т. Ю. Ларина // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 5 (95). – С. 112–115.
18. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : автореф. дис. ... докт. филол. наук / И. В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 40 с.
19. Новичихина, М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации : автореф. дис. ... докт. филол. наук / М. Е. Новичихина. – Воронеж, 2004. – 36 с.
20. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имён / Т. П. Романова // Вестник СамГУ. – 2007. – №5/2 (55). – С. 204–214.
21. Долганова, А. Ю. Процессы трансоимизации в эргонимии (на материале названий магазинов Ижевска) / А. Ю. Долганова // Вестник Удмуртского университета. Сер. Филологические науки. – 2006. – № 5 (2). – С. 25–30.
22. Баранов, И. Ю. Имена нездешней красоты. Иноязычный компонент в нейминге услуг «уход за внешностью» (часть 1) / И. Ю. Баранов // Бренд-менеджмент. – 2008. – Ч. 1. – № 05 (42). – С. 300–326; Ч. 2. – № 06 (43). – С. 372–388.
23. Алексеева, М. С. Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. С. Алексеева. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.
24. Чубина, Е. А. К вопросу об использовании мифонимов в названиях объектов сферы туризма / Е. А. Чубина // СЕРВИС PLUS. – 2012. – № 2. – С. 52–56.
25. Фаминцын, А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцын. – С.-Петербург : Типография Э. Арнольда, 1884. – 336 с.
26. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Академический Проект, 2013. – 640 с.
27. Трубаев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубаев. – М. : Издательство АН СССР, 1959. – 212 с.
28. Потебня, А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен: в 2 ч. Ч. 1 / А. А. Потебня. – Варшава : в тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1883. – [2], 268, VIII, IV с.
29. Ильф, И., Петров, Е. Двенадцать стульев : роман / И. Ильф, Е. Петров. – М. : Панорама, 1995. – 656 с.
30. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
31. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
32. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с.
33. Ляпоров, В. Двойное гражданство // Нижегородский бизнес-журнал. – 2005. – № 10 (46). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.btl.ru/info/articles/211>
34. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев – 2-е изд. – Т. 1. А-К. – М. : Советская Энциклопедия, 1987. – 671 с.; Т. 2. К-Я. – М. : Советская Энциклопедия, 1988. – 719 с.
35. Hirsh, E.D. Jr., Kett, J.F., Trefil, J. The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know / E.D. Hirsh, Jr., J.F. Kett, J. Trefil. – Boston–New York : Houghton Mifflin Company, 2002. – 669 p.
36. Щербак, А. С. Ономастический знак-символ в когнитивном аспекте / А. С. Щербак // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология. – 2007. – Вып. № 7 (51). – С. 7–11.

37. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилева [и др.] ; под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
38. Кушнерук, С. Л. Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 198–205.
39. Минаев, С. MEDIA SAPIENS. Повесть о третьем сроке / С. Минаев. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 310, [10] с.
40. Перро, Ш. Золушка, или Туфелька, отороченная мехом : пер. с фр. А. Федорова / Ш. Перро // Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями : пер. с фр. С. Боброва, А. Федорова и Л. Успенского / под ред. А. Андреева; послесл. Н. Андреева; ил. Н. Гольц. – М. : Правда, 1986. – 288 с., ил., 6 л. ил.
41. Марк, М., Пирсон, К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов : пер. с англ. / М. Марк, К. Пирсон / под ред. В. Домнина, А. Сухенко. – СПб. : Питер, 2005. – 336 с.
42. Химическая энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Полимерные – Трипсин / редкол.: Н. С. Зефиоров (гл. ред.) и др. – М. : Большая Российская энцикл., 1995. – 639 с., ил.

T. O. Prokofyeva, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

MYTHS AND FAIRY TALES AS A SOURCE OF ERGONYMS (ON THE EXAMPLE OF ONOMASTICON TAMBOV REGION)

The article presents the results of research of features functioning in the onomastic space of a single region of ergonyms based on precedent phenomena, which is borrowed from myths and fairy tales. The theme urgency is caused by insufficient development of problems of the use mythological and fairy-tale precedent phenomena to create names for business groups. Found ergonyms classified by properties of precedent bases, which demanded different mythonyms, fairy-tale phrases, fairy-tale situations and texts, as well as on national and cultural lines and conceptual development of the content of their forming a precedent phenomena. Were marked features of actualization of meaning mythological and fairy-tale precedent phenomena that act as motives ergonomically nomination. Found that failed, causing a contradiction or negative association ergonyms are the result of "encyclopedic" errors of nominators, selection of precedent name in sound without regard to its semantics and is caused by the secondary motivation of naming. The results of the study it is concluded that ergonyms, based on mythological and fairy-tale precedent phenomena, affect the consciousness of archetypes and contain a certain amount of encyclopaedic, linguistic-cultural and socio-economic information, therefore, possess a high degree of suggestibility, that allows to speak about considerable pragmatic potential and promising use of such onyms in naming.

Keywords: ergonym, onomastics, precedent phenomenon, mythonym, archetyp, cultural linguistics, precedent motivation, naming.

References

1. Maslova V.A. *Lingvokul'turologija*. Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. Zavedenij [Cultural linguistics]. Moscow, Akademia Publ., 2001, 208 p.
2. Shcherbak A.S. Onomasticheskiy koncept kak edinica znaniya. *Kognitivnye issledovaniya jazyka*. Vol. IV: *Konceptualizacija mira v jazyke*. Moscow-Tambov, 2009, pp. 150-165.
3. Nahimova E.A. *Precedentnye onimy v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikacii: teorija i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* : monografija [Precedent onym in modern Russian mass communication: theory and methods of cognitive-discursive study : monograph]. Ekaterinburg, Ural'skij gos. ped. un-t Publ., 2011, 276 p.
4. Karaulov Ju.N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010, 264 p.
5. Krasnyh V.V. *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologija*. Kurs lek-cij [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics : Lectures]. Moscow, ITDGK «Gnozis», 2002, 284 p.
6. Krasnyh V.V. Osnovnye postulaty i nekotorye bazovyje ponjatija lingvokul'turologii. *Russkij jazyk za rubezhom*, 2011, no 4, pp. 60-66.
7. Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Lingvocultural concepts and metaconcepts]. Volgograd, 2004, 40 p.
8. Nahimova E.A. Kriterii precedentnosti imeni sobstvennogo. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2011, vol. 1, no 1-2, pp. 73-83.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 256 p.
10. Shcherbak A.S. Konceptosfera jazyka kak mental'naja osnova formirovaniya toponimov. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2007, no 3, pp. 40-45.
11. Podol'skaja N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 192 p.

12. Otin E.S. *Razvitie konnotonii russkogo jazyka i ego otrazhenie v slovare konnotonimov*. Izbrannye raboty [Selected works]. Donetsk, Donechina Publ., 1997, pp. 279-285.
13. Otin E.S. *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [The dictionary of connotative proper names]. Donetsk, Jugo-Vostok, Ltd Publ., 2004, 412 p.
14. Kushneruk S.L. *Sopostavitel'noe issledovanie precedentnykh imjon v rossijskoj i amerikanskoj reklame*. Avtoref. dis. cand. filol. nauk [A comparative study of precedent names in Russian and American advertisements]. Chelyabinsk, 2006, 22 p.;
15. Bojarskih O.S. *Precedentnye fenomeny so sferoj-istochnikom «Literatura» v diskurse rossijskikh pechatnykh SMI (2004-2007 gg.)*. Avtoref. dis. cand. filol. nauk [The precedent phenomena from the source domain "literature" in the discourse of Russian print media (2004-2007)]. Ekaterinburg, 2008, 24 p.
16. Nahimova E.A. *Teorija i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovanija precedentnykh onimov v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikacii*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Theory and methods of cognitive-discursive study of precedent names in modern Russian mass communication]. Ekaterinburg, 2011, 44 p.
17. Larina T.Ju. Kognitivnye osobennosti onimicheskikh precedentnykh fenomenov v hudozhestvennom tekste. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. 2015, no 5(95), pp. 112-115.
18. Krjukova I.V. *Reklamnoe imja: ot izobretenija do precedentnosti*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Advertising name: from invention to precedent]. Volgograd, 2004, 40 p.
19. Novichihina M.E. *Teoreticheskie problemy issledovanija effektivnosti kommercheskoj nominacii*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Theoretical problems of the study of the efficiency of the commercial names]. Voronezh, 2004, 36 p.
20. Romanova T.P. Sistema sposobov slovoobrazovanija reklamnykh sobstvennykh imen. *Vestnik SamGU*, 2007, no 5/2 (55), pp. 204-214.
21. Dolganova A.Ju. Processy transonimizacii v ergonimii (na materiale nazvanij magazinov Izhevskaja). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filologicheskie nauki*, 2006, no 5(2), pp. 25-30.
22. Baranov I.Ju. Imena nezdeshej krasoty. Inojazychnyj komponent v nejminge uslug «uhod za vneshnost'ju». *Brand management*, 2008, part 1, no 05 (42), pp. 300-326; part 2, no 06 (43), pp. 372-388.
23. Alekseeva M.S. *Precedentnye fenomeny v internet-reklame predpriyatij restorannogo biznesa*. Avtoref. dis. cand. filol. nauk [Precedent phenomena in the Internet Advertising of the Restaurant]. Ekaterinburg, 2009, 24 p.
24. Chubina E.A. K voprosu ob ispol'zovanii mifonimov v nazvaniyah objektov sfery turizma. *SERVICE PLUS*, 2012, no 2, pp. 52-56.
25. Famincyn A.S. *Bozhestva drevnih slavjan* [The gods of the ancient Slavs]. S.-Peterburg, E. Arngold Publ., 1884, 336 p.
26. Rybakov B.A. *Jazychestvo drevnih slavjan* [The paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2013, 640 p.
27. Trubachev O.N. *Istorija slavjanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevnejshih terminov obshhestvennogo stroja* [History of Slavic terms of relationship and some most ancient terms of a social order]. Moscow, The USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 212 p.
28. Potebnja A.A. *Objasnenija malorusskikh i srodnih narodnykh pesen* [Explanations of folk songs of little Russia and allied Nations]. Warsaw, M. Zemkeovich and V. Noakovskij Publ., part 1, 1883, [2], 268, VIII, IV p.
29. Il'f I., Petrov E. *Dvenadcat' stul'ev* [The Twelve Chairs]. Moscow, Panorama Publ., 1995, 656 p.
30. Slyshkin G.G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguistic-cultural concepts of precedent texts in the discourse and consciousness]. Moscow, Academia Publ., 2000, 128 p.
31. Gudkov D.B. *Teorija i praktika mezhekul'turnoj kommunikacii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, ITDGG «Gnozis», 2003, 288 p.
32. Social'no-demograficheskij portret Rossii: Po itogam Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. Moscow, IIC «Statistika Rossii», 2012, 183 p.
33. Ljaporov V. Dvojnoe grazhdanstvo. *Nizhegorodskij biznes-zhurnal*, 2005, no 10(46). [Elektronnyj resurs]. Available at: <http://www.btl.su/info/articles/211>
34. Mify narodov mira. Enciklopedija. Vol. 1, A-K. Moscow, Sovetskaja Enciklopedija Publ., 1987, 671 p.; Vol. 2, K-Ya. Moscow, Sovetskaja Enciklopedija Publ., 1988, 719 p.
35. Hirsh, E.D. Jr., Kett, J.F., Trefil, J. *The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. Boston–New York, Houghton Mifflin Company, 2002, 669 p.
36. Shcherbak A.S. Onomasticheskij znak-simvol v kognitivnom aspekte. *Vestnik TGU. Serija: Gumanitarnye nauki. Filologija*, 2007, no 7(51), pp. 7-11.
37. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskij slovar': Vyp. 1. Ed. I.V. Zaharenko, V.V. Krasnyh, D.B. Gudkov. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 318 p.
38. Kushneruk S.L. Ispol'zovanie precedentnykh fenomenov dlja situativnogo promoushena v rossijskoj pechatnoj reklame. *Political Linguistics Journal*, 2006, no 20, pp. 198-205.
39. Minaev S. *MEDIA SAPIENS. Povest' o tret'em sroke* [MEDIA SAPIENS. The story of the third period]. Moscow, Astrel', AST, 2007, 310 [10] p.

40. Perrault Ch. Zolushka, ili Tufel'ka, otorochennaja mehom. *Skazki matushki Gusyni, ili Istorii i skazki bylyh vremen s pouchenijami*. Ed. A. Andres. Moscow, Pravda Publ., 1986, 288 p.
41. Mark M., Pearson C. *Geroj i buntar'. Sozdanie brenda s pomoshh'ju arhetipov* [The Hero and The Outlaw. Building Extraordinary Brands Through the Power of Archetypes]. SPb, Piter Publ., 2005, 336 p.
42. Himicheskaja enciklopedija. Vol. 4, Polimernye – Tripsin. Ed. N.S. Zefirov u.a. Moscow, Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija Publ., 1995, 639 p.

© Т. О. Прокофьева, 2016

Автор статьи – **Татьяна Олеговна Прокофьева**, аспирантка, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина.

Рецензенты:

А. А. Бурыкин, доктор филологических наук, доктор исторических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

Е. Б. Патракеева, кандидат филологических наук, доцент, Тамбовский государственный технический университет.

УДК 81'373.7

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.61

С. В. Троян,

Омский государственный педагогический университет

О РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «БОЛЬНОЙ – ЗДОРОВЫЙ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье проводится когнитивный анализ способов репрезентации концептуальной оппозиции «больной – здоровый» на уровне фразеологических и паремиологических единиц русского языка. В результате изучения семантики фразеологических и паремиологических единиц языка, относящихся к сфере «здоровье – болезнь», позволило нам выявить определённый набор когнитивных признаков, свойственных указанной оппозиции, которые отражают специфику менталитета русского человека.

Ключевые слова: концептуальная оппозиция, когнитивный анализ, ценность и антиценность.

В лингвокультурологии выделяется три основных составляющих языковой картины мира: лексическая картина мира, фразеологическая картина мира, пословицная картина мира [4, с. 273]. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать особенности языковой репрезентации концептуальной оппозиции «больной – здоровый» в паремиологическом и фразеологическом фондах русского языка, определить набор когнитивных признаков, свойственных указанной оппозиции в русском языковом сознании. В центре нашего внимания находится концептуальная оппозиция, которая является универсальным средством познания мира, т. к. помогает формировать представления человека об окружающей действительности.

Когнитивные стереотипы сознания, закодированные в единицах языка, определяют специфику менталитета русского человека. Эти представления можно выявить, обратившись к изучению семантики фразеологических и паремиологических единиц языка, в наибольшей степени отражающих обусловленные национальной культурой особенности мировосприятия его носителей.

В. Н. Телия считала, что пословицы – это «прескрипции – стереотипы народного самосознания», это «по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [11, с. 240–241]. По мнению В. П. Аникина, «в пословице заключены наблюдения народного ума, народная оценка жизни». Пословицами становились и могли существовать на протяжении многих веков только те изречения, которые согласовывались с образом жизни и мыслями множества людей. Пословицы выражают народное мнение [1, с. 102]. Именно поэтому паремиологические единицы языка представляют несомненный интерес для лингвокультурологии и теории концептов. Наиболее важные стереотипы массового национального сознания могут быть реконструированы с помощью паремий. Их изучение позволяет выявить культурно

обусловленный компонент языковых значений и рассмотреть когнитивные механизмы формирования важнейших культурных стереотипов. Паремиологические единицы являются средством хранения и передачи народного опыта, своего рода «кристаллизацией этнического мировоззрения» [2], отсюда они обнаруживают органическую связь с концептами как культурно-специфическими вариантами понятий, которые составляют когнитивный базис национальной языковой картины мира. Кроме того, «в пословично-поговорочном фонде языка находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры» [2]. В этом смысле нам представляется интересным рассмотрение концептуальной оппозиции «больной – здоровый» через призму пословиц и поговорок.

Не менее ценным источником сведений о культуре и менталитете народа является фразеологический фонд языка, который, по мнению В. А. Масловой, «включает в себя представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении. Фразеологические единицы (ФЕ) приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают её, выражают к ней отношение» [9, с. 43]. По мнению А. В. Кунина, «фразеологизмы часто носят ярко национальный характер» [5]. Б. А. Ларин говорит о том, что «фразеологизмы в строгом смысле слова всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи» [7].

Фразеологию в аспекте языковой картины мира рассматривали многие лингвокультурологи: Т. З. Черданцева, Н. Ф. Алефиренко, О. А. Корнилов, В. М. Мокиенко, Ю. П. Солодуб, Н. М. Шанский, Р. Х. Хайруллина и др. Интересно обратиться к мнению Т. З. Черданцевой, которая отмечает: «Идиоматика любого языка представляет собой ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражаются видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нём народа. Благодаря фразеологии, а особенно идиоматике, можно проникнуть в далёкое прошлое не только языка, но и истории, и культуры его носителей. Говоря о «прошлом», мы имеем в виду факт сохранения в составе фразеологии слов и словосочетаний, вышедших из употребления, и синтаксических структур, не встречающихся в современном свободном синтаксисе» [12, с. 58].

По мнению Д. В. Лагоденко, каждая ФЕ является составляющей строгой системы и выполняет определённые функции в описании реалий окружающей действительности [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение семантики фразеологических и паремиологических единиц языка действительно позволяет выявить когнитивные стереотипы сознания и определить специфику менталитета русского человека.

Рассмотрим реализацию заявленной оппозиции во фразеологическом и паремиологическом фондах русского языка.

Здоровье находится на первом месте в иерархии ценностей людей. Здоровье относится к разряду высших, универсальных ценностей, так как оно имеет непреходящее, всеобъемлющее и вневременное значение. В то же время здоровье является ценностью-средством, так как «существует не само по себе» [10], а является условием существования ещё более значимой ценности – жизни: можно жить, будучи нездоровым, но нельзя, будучи здоровым, не жить. Антиподом здоровья в ценностном измерении выступает болезнь как антиценность и как его бинарная оппозиция.

Концептуальная оппозиция «здоровье – болезнь» наполняется ФЕ, пословицами и поговорками, которые мы попытались разделить по подгруппам, репрезентирующими следующие смыслы:

Здоровый:

1. **Сила, выносливость.** Здоровый человек – сильный, крепкий, выносливый: *В силе* – наделён физической и духовной энергией; *жив – здоров*; *в здоровом теле – здоровый дух*; *крепок на ухо*; *крепок на ногах*; *кровь разыгралась*; *кровь бурлит / кипит / играет в жилах*; *набираться сил*. Данные фразеологические и паремиологические единицы указывают на наличие жизненных сил, силу как признак отличного состояния здоровья.

2. **Красота, бодрость.** *В полном (в самом) соку*; *как огурчик*; *кровь с молоком*; *где здоровье, там и красота*; *пышущий здоровьем*; *как маков цвет*; *заливаться румянцем*. Здоровый человек – это цветущего вида человек, красивый, поэтому здоровье оценивается через внешний вид. Здоровье ассоциируется с внешней красотой, а красивая внешность обязательно предполагает здоровье.

3. **Работоспособность.** *Долбней не убьёшь*; *пахать можно*; *на нём хоть воду вози*. Данные паремии говорят о человеке, обладающем достаточной силой и здоровьем для того, чтобы выполнять тяжёлую физическую работу. Работоспособность является показателем физического здоровья и силы.

4. **Особенности тела.** *Косая сажень в плечах; входит в тело.* Данные единицы указывают на наличие крепкого телосложения, развитой мускулатуры, здоровой полноты как на показатели крепкого здоровья человека.

5. **Заботы о сохранении здоровья:** *Береги платье снову, а здоровье смолоду; противное зелье лучше болезни; и собака знает, что травой лечатся; держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле; лук да баня всё правят; баня – вторая мать; на свежем воздухе долго быть – долгую жизнь прожить; настроение хорошее – и жизнь хороша; печаль старит, радость дух поднимает; пока здоров – добро дорого, заболеешь – жизнь дорога; чистота – залог здоровья; труд закаляет, сон освежает; утро встречай зарядкой, вечер провожай прогулкой; труд – первое лекарство от всех болезней; в доме, где свежий воздух и солнечный свет, врач не надобен; двигайся больше – проживешь дольше.* Русский паремиологический фонд очень богат пословицами и поговорками, которые заключают в себе смысл «сохранение здоровья», и нами процитированы далеко не все единицы. Жизнь и здоровье являются главнейшими ценностями человека, именно поэтому в паремиях содержится столько советов для поддержания крепкого здоровья на протяжении всей жизни. В первую очередь к ним относятся свежий воздух, правильное питание, движение, чистота, добрые мысли.

6. **Счастье.** *Здоровье и счастье не живут друг без друга.* Здоровье воспринимается человеком как счастье. Здоровый человек не может быть несчастлив..

7. **Доброта.** *Добрый человек здоровее злого; добрым быть – долго жить.* В русском языковом сознании здоровый человек воспринимается как добрый, отзывчивый. Злой человек никак не может быть здоров.

Таким образом, можно сделать вывод, что здоровый человек – это физически благополучный человек: он обладает крепким здоровьем, бодростью, полон сил, находится в хорошем физическом состоянии и в здравом уме, так как здоровье – это правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Ср.: *в здравом уме и твёрдой памяти; в здравом / полном / твёрдом рассудке / в своём уме* – в нормальном психическом состоянии. *В здоровом теле – здоровый дух.*

Отдельно хочется отметить фразеологизмы, в основе которых лежит сравнение. В сравнениях используются названия домашних животных и птиц, а также диких зверей и дичи. Особенно часто употребляются названия таких животных, как лошадь, волк, конь и некоторые другие. Создание многих образов в сравнениях с названиями животных и птиц в языках основано на одних и тех же наиболее характерных свойствах животных и птиц [3]. Идиоматические единицы, часто основанные на метафорах и сравнениях, являются эталонами свойств человека или предмета, своего рода стереотипами, которые своеобразно характеризуют образцы здоровья, красоты человека, полезности предметов и т. д. Так, эталоном здоровья в русской ментальности выступают бык, корова и лошадь: *здоров как бык, здорова как корова, пахнешь как лошадь.* Данные ФЕ в своей внутренней форме сохраняют и воспроизводят стереотипные представления народа – носителя языка. Далее рассмотрим смыслы, входящие во второй член концептуальной оппозиции.

Больной:

1. **Слабость.** *Еле-еле душа в теле; пареный да вяленый; мало каши ел; у кого болят кости, тот не думает идти в гости.* Больной человек – слабый, немощный, хилый, чахлый. Прагматическая оценка отсутствующих физических сил.

2. **Особенности внешности как проявление болезни, некрасивость.** *(Бледный) как смерть; (ни) кровинки в лице нет (не осталось); краше в гроб кладут. Болезнь человека не красит; болезнь и скотину не красит; в три погибели согнуло.* Больной человек ассоциируется с бледностью. Подчеркивается, как болезнь уродует человека. Больной человек не может быть красивым.

3. **Отношение к работе (неработоспособный).** Нездоровый – не способный работать, уставший от тяжёлой работы человек, и поэтому выглядящий как больной: *пареный да вяленый; руки отваливаются.*

4. **Проявления болезни, симптомы.** *В глазах темнеет (мутится, зеленеет), лежать в лёжку, едва (чуть, еле, с трудом) ноги волочить (таскать), тяжёл на ногу (ноги).* Данные ФЕ указывают на конкретные физические проявления болезни. Именно симптоматика больного позволяет поставить ему верный диагноз.

5. **Причины болезни:** *где мусор – там мухи, где мухи – там болезни; человек, ничего не делающий – человек больной; коли ешь всё подряд, еда – яд; куришь, бездельничаешь и пьёшь – от хворобы не уйдёшь; курящий некурящего жалит; недосыпаешь – здоровье теряешь; сладко есть и пить – по врачам ходить.* Пословицы и поговорки русского народа изобилуют единицами, указывающими на причины болезни, среди которых выделяются: вредные привычки, обжорство, лень, грязь.

6. **Особенности тела субъекта.** Больной человек – это очень худой человек. *Кожа да кости; живые (ходячие) мощи; были бы кости, а мясо нарастёт; талия в рюмочку; спасть с тела; поправиться из кулька в рогожку; лица нет; высох, как лист, как спичка; кости да кожа, одни рёбра.* В данных ФЕ подчеркивается именно болезненная худоба.

7. **Особенности характера.** *Дурной характер – без боли болезнь; жадность здоровью – недруг; кто людям зла желает, тот болезни на себя навлекает.* В русском языковом сознании больной человек мыслится как обладающий пороками, жадный, злой. Добрый человек больным быть не может.

8. **Тяжёлое состояние больного.** *Лежать пластом; болен как Лазарь; болезнь да горе изведут скоро; глядеть в гроб; на ладан дышит; одной ногой в могиле; не жилец на свете; тепличное растение; при последнем издыхании.* Состояние больного человека описывается в рассматриваемых единицах как близкое к гибели.

9. **Выздоровление.** Это особое состояние организма, наступающее за окончанием какого-либо болезненного процесса и продолжающееся до полного восстановления нормального питания и деятельности всех органов. В создании образности ФЕ фразеосемантической подгруппы «Выздоровление» участвует соматическая лексика [10], а именно нога. В русском языке выздоровление ассоциируется с тем, что человек снова стоит на своих ногах: *становиться / вставать / подниматься на ноги* – выздоравливать, оправляться от болезни

10. **Несчастье.** *Болезнь пришла – беда в дом вошла.* Болезнь понимается как горе, беда, несчастье.

Исходя из описанных выше смыслов ФЕ и перемий, больной человек представляется измождённым, худым, недобрым, несчастным. Нездоровый человек не может выполнять физические и умственные действия, так как не имеет достаточных жизненных сил. Как мы видим, смыслы, входящие во второй член концептуальной оппозиции – «больной» – гораздо шире, их больше по количеству, что доказывает более тревожное отношение русского человека к болезни, нежели к здоровью. Смыслы, наполняющие член «больной», несут в себе отрицательную оценку – жалость, безразличность к больному. «Здоровый» же репрезентирует смыслы с положительной оценкой.

Итак, концептуальная оппозиция «больной – здоровый» представляет собой единство двух блоков, в основе которых лежит противопоставление: один из них включает ФЕ, пословицы и поговорки с семантикой, коррелирующей с конвенциональной ценностью (здоровье), а другой – ФЕ, пословицы и поговорки, семантика которых коррелирует с конвенциональной антиценностью (болезнь).

Мы уже подчёркивали, что здоровье находится на первом месте в иерархии ценностей. Это связано не только с возможностью жить, но и со способностью работать: *здоров будешь – всё добудешь; будь не красен, да здоров.* Для русского человека характерна установка на здоровье, оно всегда являлось важной ценностью для человека: *здоровье дороже богатства; здоровья не купишь; здоровье горы своротит; будь не красен, да здоров; не дай бог лечиться да судиться; здоровье – первое богатство, а второе – счастливое супружество.* С пожеланием друг другу здоровья связаны и распространённые восклицания, приветствия в русском этикете – *Здравствуйте! Будьте здоровы!* При анализе ФЕ и паремий мы увидели, что все единицы, относящиеся ко второму члену оппозиции – «здоровый», подтверждают важность и особую роль здоровья для человека. Точно так же ФЕ и паремии, относящиеся к члену «больной», выражают страх перед недугом, отрицательное отношение человека к хвори.

Таким образом, изучив семантику фразеологических и паремиологических единиц языка, относящихся к сфере «здоровье – болезнь», мы выявили определённые стереотипы сознания, которые отражают специфику менталитета русского человека.

Библиографический список

1. Аникин, В. П. Мудрость народов / В. П. Аникин // Пословицы и поговорки народов Востока. – М. : Иностр. лит-ра, 1961. – С. 56–273.
2. Бабаева, Е. В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда: межвузов. сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. – С. 25–35.
3. Гутман, Е. А. Названия животных в составе сравнений (На материале русского и французского языков) / Е. А. Гутман, М. И. Черемсина // Вопросы языка и литературы. Вып. 4. № 1. – Новосибирск : Наука. 1970. – С. 253–267.
4. Иванова, Е. В. Мир в английских и русских пословицах : учебное пособие. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.
5. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1986. – 336 с.
6. Лагоденко, Д. В. Образная основа фразеологизмов как способ осмысления действительности / Д. В. Лагоденко // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса : Астропринт, 2010. – № 15. – С. 154–157.

7. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С. 149–162.
8. Лебединская, В. А. Семантика процессуальных фразеологизмов: учебное пособие Текст. / В. А. Лебединская, Н. Б. Усачёва. – Курган : Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – 186 с.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М. : Academia, 2001. – 208 с.
10. Платон. Сочинения в четырёх томах. Т. 3. Ч. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древне-греч. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 731 с.
11. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки культуры», 1996. – 288 с.
12. Черданцева, Т. З. Итальянская фразеология и итальянцы – М. : ЧеРо, 2000. – 303 с.

S. V. Troyan, Omsk State Pedagogical University

ON THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPTUAL OPPOSITION «SICK – HEALTHY» IN PAREMIOLOGICAL AND PHRASEOLOGICAL FUNDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article presents a cognitive analysis of methods of representation of the conceptual opposition «sick – healthy» level of phraseological and paremiological units of the Russian language and set of cognitive characteristics indicated opposition in the Russian language consciousness.

Keywords: conceptual opposition, cognitive analysis, value and antiamnesty.

References

1. Anikin, V.P. Wisdom of the people. Posloviцы i pogovorki narodov Vostoka, Moscow, 1961, pp. 56-273.
2. Babaeva, E.V. Reflecting cultural values in the language. Jazyk, komunikacija i social'naja sreda: mezhvuzov. sb. nauch. tr. Voronezh, 2002, vol. 2, pp. 25-35.
3. Gutman, E.A., Cheremsina M.I. The names of the animals in the composition of comparisons (On a material of Russian and French). Voprosy jazyka i literatury, vol.4, no 1, Novosibirsk, Nauka. 1970, pp. 253-267.
4. Ivanova, E.V., Mir v anglijskih i russkih poslovicah: Uchebnoe posobie [Peace in English and Russian proverbs: Textbook], Publisher Peterburg University Press; Filol . Faculty of St. Petersburg State University, 2006, 280 p.
5. Kunin, A.V. Kurs frazeologii sovremenного anglijsкого jazyka [Course phraseology of modern English]. Moscow, Vysshaja shkola, 1986. 336 p.
6. Lagodenko, D.V. Phraseology shaped base as a way of understanding reality. Mova. Naukovo-teoretichnij chasopis z movoznavstva, no 15, Odessa, Astroprint, 2010, pp. 154–157.
7. Larin, B.A. Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie [History of the Russian language and general linguistics]. Moscow, 1977, pp. 149–162.
8. Lebedinskaya, V. A. Semantika processual'nyh frazeologizmov, uchebnoe posobie, tekst. [Semantics procedural phraseology, a tutorial, text], Kurgan, Izd-vo Kurganskogo gosuniversiteta, 1999, 186 p.
9. Maslova, V.A. Lingvokulturologija: ucheb. posobie dlja studentov vyssh. ucheb. zavedenij [Cultural linguistics: the textbook for students of higher educational institutions], Moscow, Academia, 2001, 208 p.
10. Platon. Sochinenija v chetyreh tomah. T. 3. Ch. 2, pod obshh. red. A.F.Loseva i V. F. Asmusa, per. s drevne-grech. [Works in four volumes. T. 3. Part 2, under total. ed. A.F. Losev and V.F. Asmus, trans. with the ancient – greek], SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; «Izd-vo Olega Abyshko», 2007.—731 p.
11. Teliya, V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty [Russian phraseology . Semantic and pragmatic aspects and lingvokulturologicheskij]. – Moscow, Shk. «Jazyki kul'tury», 1996, 288 p.
12. Cherdanceva, T.Z. Ital'janskaja frazeologija i ital'jancy [Italian phraseology and Italians], Moscow, CheRo, 2000, 303 p.

© С. В. Троян, 2016

Автор статьи – Светлана Викторовна Троян, соискатель, Омский государственный педагогический университет, e-mail: sveta-fajyz@mail.ru

Рецензенты:

Н. Д. Федяева, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.
С. А. Демченков, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

М. А. Харламова,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

О СПЕЦИФИКЕ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ НАРОДНОЙ РЕЧИ

Целью статьи стало обоснование одного из принципов нового лексикографического проекта – нацеленности на реконструкцию диалектной картины мира полиэтнического региона. Статья посвящена выявлению факторов и тенденций, определяющих своеобразие современного состояния народной речи Среднего Прииртышья и специфику электронного диалектного словаря. Кроме того, показана детерминированность специфики нового диалектного словаря различными факторами, прежде всего самым материалом – языковыми данными поликультурного региона. Полиэтничность как характерная черта языкового пространства региона предопределила и выбор основной единицы описания в словаре, сквозь призму которой возможно начать воссоздание комплексной лингвистической истории региона.

Ключевые слова: поликультурный регион, интерференция, константа, диалектная картина мира.

Специфика диалектного словаря обусловлена разными факторами. Это, прежде всего, предмет описания – языковой материал, включённый в словарь. Отбор языковых фактов, подлежащих лексикографированию, опирается на главную теоретическую установку нового словаря – нацеленность на реконструкцию региональной картины мира (в нашем понимании – картины мира сельского жителя). (См. подробно [9]). Языковое пространство изучаемого региона даёт нам своеобразный материал, передающий культурные и языковые традиции этносов, издавна проживающих на данной территории [9, с. 13–24].

Полиэтничность как специфическая черта Омского Прииртышья констатируется исследователями и подтверждается показаниями языкового сознания диалектоносителей: Ана хохлушка// А он-жы па па-метрикам ('свидетельство о рождении') был русский// Мать украинка отец украинец а-сын русский// Рас здесь радился был русский (д. Заливино, Тарский р-н, Каниболоцкая Г. А., 71 г., 8 кл., старож., 2007) [6; 8; 9, с. 13–24; 10; 11;].

Как отмечает А. С. Герд, исторически «большинство культурных центров полиэтнично по своей структуре» [3, с. 255]. Обосновывая идею, высказанную ещё в 1991 году В.И. Трубинским, о существовании современных русских региолектов, А. С. Герд предлагает взглянуть на проблему региолекта шире, обратившись к истории формирования региональных типов языков в разных национальных языках [7]. Ученый справедливо утверждает, что «история диалектов тесно связана с межэтническими миграциями» [3, с. 257]. Описывая историю сложения языков и диалектов средневековья, А.С. Герд выявляет факторы, способствующие эволюции диалектов и языков, и подчёркивает, что «для эволюции диалекта <... (как и для языков)> характерны: 1) связь с ареалом, этносом, этническими миграциями; 2) отсутствие тесной взаимосвязи между диалектным и письменным языком; 3) тенденция к иррадиации; 4) хронологическая неограниченность иррадиации во времени; 5) открытость влиянию субстрата и адстрата; 6) отсутствие резкой политической и географической замкнутости; 7) предрасположенность к междиалектной, межъязыковой интерференции и трансформации в новые типы речи [3, с. 257–258]. Процессы эти обнаруживаются «и в истории поздних малых славянских литературных языков», а не только в двух древнейших славянских культурных центрах – Дубровнике и Пскове, на примере которых А. С. Герд показывает верность своих теоретических положений [3, с. 259–262]. Полагаем, что процессы, обозначенные выше, актуальны и для современного языкового состояния территорий позднего заселения. Для нашего исследования особенно важны позиции один, пять и семь.

Цель статьи – выявление факторов и тенденций, определяющих своеобразие современного состояния народной речи Среднего Прииртышья и детерминирующих специфику нового электронного лексикографического проекта.

Анализ языковой ситуации показал, что междиалектная и межъязыковая интерференция в Омском Прииртышье происходит особенно интенсивно. Эта интенсивность и активность обусловлена как историей формирования культурного и языкового пространства региона, так и современными процессами трансформации различных форм речи на обширной территории. Регион испытал несколько волн переселений: начало формирования русских старожильческих говоров относится к XVII – первой половине XVIII в. (См. о термине старожильский говор [1, с. 3–8]). Они сложились

на основе «материнских», европейских говоров северо-востока и северного Приуралья [6, с. 70]. Повсеместно распространено самоназвание носителей этих говоров – чалдоны/ челдоны: А-фсё мы как-челдоны/ нас как-челдонами звали тут/ ну-найерна нация наша челдонская// (д. Качесово, Муромцевский р-н, Фектистова В.В., 72 г., неграмот., старож., 2005).

Сложение новосельческих русских говоров шло в основном за счёт выходцев из средне- и южнелинкорусских губерний во второй половине XVIII–XIX вв. и началось после прокладывания Московского тракта [10, 11]: Я-то тут радилась/ ф-Сибири// Чалдоны у-нас были ф-Кабурлах/ шас ужэ разбежались// (д. Лаврино, Нижнеомский р-н, Сухомозова Н. Д., 78 л., 7 кл., новосел., 2007); Па-мойму челдонка/ а ризанские хахлы// Кагда мален'кие были кричали ани чилдон чилдон а мы на-них хахол хахол// Ф паспарте руская// (д. Хомутинка, Нижнеомский р-н, Миронова Е. С., 75 л., 2 кл., новосел., 2007).

Вторая переселенческая волна середины XIX в. состояла из новосёлов, выходцев из различных губерний России. Новые переселения были вызваны присоединением к России Причерноморья, заселением Новороссии и ростом малоземелья в центральных губерниях. Переселенческие потоки крестьян из южных и центрально-чернозёмных областей России приняли массовый характер во второй половине XIX в. В Омском уезде переселенцы были расселены в основном вблизи Омска, Тюкалинска и по Сибирскому тракту [2]. Северные районы Омской области в это время остались в стороне от потока переселенцев.

Южные и юго-западные районы области сформировались за счёт массовых переселений XIX – начала XX в. Именно времена Столыпинских реформ изменили состав населения Омской области. Хотя переселенцы создавали посёлки на новых местах, почти не смешиваясь со старожильческим населением [6, с. 74], «следы» средне- и южнорусов мы обнаруживаем не только в современных говорах юга, юго-востока области, но и на территории традиционно старожильческих говоров. Названия многих деревень указывают на географию миграционных потоков в Прииртышье: Тамбовка, Рязановка, Орловка, Полтавка, Павлоградка, Таврическое, Новоградка и др.

«Рассейскими», «самоходами», «хохлами», «кацапами» называют переселенцев (и они себя сами) из Смоленска, Курска, Тамбова, Пензы, Воронежа и др., проживающих в Омском Прииртышье: А-Кам-Курским как-та чяс/ ужэ там мала хахлоф а-их кам-курских тока хахлы звали// (д. Качесово, Муромцевский р-н, Фектистова В. В., 72 г., неграмот., старож., 2005); Диревня была называли сибя кацапы/ люди как люди// (д. Лаврино, Нижнеомский р-н, Сухомозова Н. Д., 78 л., 7 кл., новосел., 2007).

В истории формирования говоров Омской области особое место занимает переселение конца XIX – начало XX вв. с Украины и Белоруссии (из малоземельных Харьковской, Полтавской, Херсонской, Киевской губерний), с территорий Латвии, Литвы, немецкого Поволжья и др. губерний и областей России, где не хватало земли, и крестьяне ехали в Сибирь «за землёй» [12]: А-потом з'десь в-этом дому жыли латышы// Были фсе вмес'те//; Вод было нескол'ко семей немцэф тожэ// Оне и-сийчас-вот ихны дома// ...Они с-Поволжья были вакуированы сюда// (с. Такмык, Большереченский р-н, Петрова В. П., 70 л., 7 кл., старож., 1999).

На территории Среднего Прииртышья обнаружены компактные места проживания представителей западославянских (чехов и поляков) и неславянских языков (эстонцев, латышей, немцев и др.) [4; 5; 9; 13]: Аткуда ани были? с-Украины аткуда-то// Худо жыли наверна да новорят где-то ф-Сибири харашо жыть/ земли многа/ ну-и-так астались тут// здесь-вот дирэвня/ здесь хахлы были чэ-хи-там// Чэхи перэшли дал'шэ/ так абразавалась Наваһратка// (д. Новоградка, Калачинский р-н, Яндер А. И., муж., 72 г., грамот., чеш.-рус., 2004); Они приехали с-Украины из-за земли/ там-где иё мало было они приехали сюда// детей было многа земли мала/ вот// (д. Новоградка, Калачинский р-н, Вондра Ф. И., жен., 79 л., неграмот., чеш.-рус., 2004). См. подр. [9].

Переселившись в Сибирь, украинцы, белорусы, немцы, латыши, литовцы, чехи и др. этносы во многом сохраняли свою культуру, язык и национальный быт. Разрушение внутреннего уклада «маленькой Чехии» (д.д. Новоградка, Репинка), «маленькой Латвии» (д. Верхняя Бобровка), «маленькой Литвы» (д. Курляно-Дубовка), «маленькой Эстонии» (д.д. Михайловка, Юрьевка) и др. особенно заметно стало после Великой Отечественной войны, когда с фронта не вернулись молодые мужчины.

Другие этнические группы, по разным причинам оказавшись на территории Среднего Прииртышья (чаще всего это смешанные браки), не создали компактных поселений. Так, в качестве единичного информанта была отмечена этническая мордовка на территории Нижнеомского района (д. Старомалиновка – большая часть населения – носители новосельческих говоров), а в районном центре Горьковское сделана запись речи этнической зырянки, однако по языковым особенностям последний информант является носителем русского старожильского говора.

Кроме того, на описываемой территории есть поселения тюркоязычных народов, таких, как сибирские татары и казахи, sporadически отмеченные во многих районах области – Тарском, Большереченском, Саргатском, Тюкалинском и др. [6, с. 70–84].

Изменение структуры населения региона происходило и происходит постоянно в связи с активными миграционными процессами XX–XXI вв. (освоением целинных земель юга Омской области, переселением русских после распада СССР и др.).

Важно подчеркнуть, что сейчас все записанные и исследуемые нами респонденты говорят по-русски, с одной стороны, сохраняя в разной степени и на разных языковых уровнях черты «материнских» говоров или родных языков (старшее поколение чехов и эстонцев, например, в быту, в семье чаще говорит на чешском диалекте, тогда как поляки практически не владеют родным языком), а с другой – отражая языковые процессы, характерные для современного состояния русского языка, и результаты междиалектного и межъязыкового контактирования. Для нашего лексикографического проекта важно, что носители народной речи полиэтнического региона во многом воплощают основные черты русской народной ментальности и особенности традиционной русской культуры. См. подр. [9, с. 37–42, 48–52, 64–65, 66–71, 90–91 и др.].

Итак, своеобразная история формирования говоров Среднего Прииртышья (разнодиалектный и разноразговорный состав населения, оторванность от «материнских» говоров, междиалектная и межъязыковая интерференция славянских и неславянских языков, разновременность их появления на территории Омской области, постоянные миграционные процессы) повлияла на создание различных типов говоров и во многом определила специфику языковой ситуации, а именно: сосуществование различных народно-разговорных типов речи в данном регионе (русские говоры с разной диалектной основой, сельское просторечие и т. п.). Так, кроме сибирских старожильческих и новосельческих говоров на лингвистической карте области представлены смешанные говоры: русско-украинские, русско-белорусские, русско-чешские, русско-польские, русско-литовские, русско-немецкие, русско-эстонские и т. п. [8, 9]. Помимо этого, все они испытывают влияние со стороны городского просторечия и литературного языка и активно взаимодействуют в современных условиях, формируя в недрах народной речи разные типы говорения. Комплексное лингвистическое исследование региона позволило обобщить наблюдения и обозначить своеобразную речь современных сельских жителей Среднего Прииртышья как народную речь, не выделяя многочисленные типы. Понятие «народная речь», с нашей точки зрения, включает все устные формы речи сельского населения, сосуществующие на обозначенной территории и наиболее ярко отражающие национальное своеобразие традиционной русской культуры.

Как справедливо полагает А. С. Герд, «воссоздать историю диалекта <...> исключительно по диалектным данным невозможно», но «вполне реально воссоздать комплексную лингвистическую историю <...> региональных центров во всем многообразии типов их языковых состояний» [3, с. 258]. Частью такого комплексного исследования, с нашей точки зрения, может стать электронный словарь народной речи Среднего Прииртышья. Народная речь Омского Прииртышья адекватно может быть представлена именно через лексику, репрезентирующую константы и динамично отражающую все особенности быта и традиций и специфику региональной поликультурной языковой среды. Полагам, что словарь, описывающий базовые культурно значимые константы народной «речемысли» (А. А. Потебня), известные носителям разных этносов Среднего Прииртышья, способен передать историю и современное состояние традиционной языковой культуры и особенности народной ментальности.

Библиографический список

1. Блинова, О. И. О термине «старожильческий говор Сибири» / О.И. Блинова // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 2. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1971. – С. 3–8.
2. Вибе, П. П. Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма: дис. ... канд. ист. наук / П. П. Вибе. – Томск: ТГУ, 1989. – 21 с.
3. Герд, А. С. Основные тенденции и параметры формирования региональных типов языков / А. С. Герд // Севернорусские говоры. Межвуз. сб. – Вып. 13. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2014. – С. 249–254.
4. Жиров, А. А. Поляки в условиях Тарского Прииртышья в XIX–XX вв. / А. А. Жиров // Славянские чтения. Духовная культура и история русского народа: материалы докладов науч.-практ. конф. Вып. IV. Ч. 2. – Омск: Изд-во Омск. отд. Международ. фонда славянской письменности и культуры, 1995. – С. 173–175.

5. Мулина, С. А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. / С. А. Мулина. – Омск, 2005. – 22 с.
6. Садретдинова, Г. А. История заселения русскими Западной Сибири в связи с изучением сибирских старожильческих говоров / Г. А. Садретдинова // Диалектологические и историко-лингвистические проблемы. – Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. – С. 70–111.
7. Трубинский, В. И. Современные русские региолекты: приметы становления / В. И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение. – Псков : ПГПИ, 1991. – С. 156–162.
8. Харламова, М. А. Говоры Среднего Прииртышья: хрестоматия / М. А. Харламова. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 104 с.
9. Харламова, М. А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация : монография / Науч. ред. Н. В. Орлова / М. А. Харламова. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – 290 с.
10. Харламова, М. А. О типе и диалектной основе современных говоров Среднего Прииртышья (по материалам диалектологической экспедиции 2006 года) / М. А. Харламова // Великое русское слово: сборник статей, посвященный Году русского языка. – Архангельск : КИРА, 2007. – С. 89–99.
11. Харламова, М. А. Современное диалектное членение говоров Среднего Прииртышья / М. А. Харламова // Диалектологическая практика: программа и методические указания к проведению диалектологической практики (для студентов II курса очного отделения филологического факультета / Сост. М. А. Харламова, Л. С. Зинковская. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. – С. 15–16.
12. Харламова, М. А. Тенденции развития близкородственных языков в условиях междиалектного контактирования / М. А. Харламова // Фонетика и письмо в их эволюции и корреляции. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2012. – С. 41–46.
13. Харламова, М. А. Чехи на территории Среднего Прииртышья: результаты межъязыковой интерференции / М. А. Харламова // Вопросы русистики / Под ред. Ежи Калишана. – Poznań, 2007. Spółka Jawna. – С. 77–86.

M. A. Kharlamova, Omsk state University n. a. F. M. Dostoevskiy

ABOUT SPECIFIC ELECTRONIC DICTIONARY VOICE OF THE PEOPLE

The article underpins one of the principles underlying a new lexicographic project, namely, aiming to reconstruct the dialect world-image of the polyethnic region. The article highlights the factors and tendencies which determine the distinctness of the modern folk speech in the Middle Irtysh region and describes the distinguishing features of the electronic dialect dictionary. Besides, it shows how these distinguishing features of the new dialect dictionary are determined by various factors, particularly by the material itself – the language data of the polycultural region. Polyethnicity as a defining characteristic of the region's linguistic space has predetermined the choice of the descriptive unit in the dictionary, by means of which it becomes possible to reconstruct the complex linguistic history of the region.

Keywords: polycultural region, interference, constant, dialect picture of the world.

References

1. Blinova O.I. On the term "old-speaking Siberia". *Voprosy yazykoznanya i sibirskoy dialektologii*. Tomsk, 1971, issue 2, pp. 3-8.
2. Vibe P.P. *Krest'anskaya kolonizatsiya Tobolskoi gubernii v epokhu kapitalizma*. Avtoref. dis. kand. istor. nauk [The peasant colonization of the Tobolsk province in the era of capitalism]. Tomsk, 1989, 21 p.
3. Gerd A.S. Main trends and types of parameters of formation of regional languages. *Severnorrusskiye govory*. SPb, 2014, vyp. 13, pp. 249-254.
4. Zirov A.A. Poles under Tarski Irtysh in XIX - XX centuries. *Slavyanskyye chteniya. Duhovnaya kultura i istoriya russkogo naroda: materialy dokladov nauchno-practicheskoy konferencyy*. Omsk, 1995, vyp. 4, vol.2, pp. 173-175.
5. Mulina S.A. *Uchastniki polskogo vosstaniya 1863 goda v zapadnosibirskoy ssylke*. Avtoref. kand. istor. nauk. [Members of the Polish uprising of 1863 in the West Siberian exile]. Omsk, 2005, 22 p.
6. Sadretdinova G.A. The history of Russian colonization of Western Siberia in connection with the study of old-Siberian dialects. *Dialektologicheskyye i istoriko-lingvisticheskyye problemy*. Omsk, 1999, pp. 70-111.
7. Trubinskiy V.I. Modern Russian regiolekty: signs of becoming. *Pskovskyye govory i ih okruzenye*. Pskov, 1991, pp. 156-162.
8. Kharlamova M.A. *Govory Srednego Priirtysh'ya: hrestomatiya* [Dialects of the Middle Irtysh: reader]. Omsk, 2011, 104 p.
9. Kharlamova M.A. *Konstanty narodnoy rechemyssly i ich leksikograficheskaya interpretatsiya* [Constants popular speech and thought lexicographical interpretation: monograph]. Omsk, 2014, 290 p.
10. Kharlamova M.A. On the type of dialect, and the basis of modern dialects of the Middle Irtysh region (based on dialectological Expedition 2006). *Velikoe russkoe slovo: sbornik statei, posvyash'onyi godu russkogo yazyka*. Arhangelsk, 2007, pp.89-99.

11. Khrarlamova M.A. Modern dialectal division of the dialects of the Middle Irtysh. *Dialektologicheskaya praktika: programma i metodicheskiye ukazaniya k provedeniyu dialektologicheskoi praktiki* (dlya studentov 2 kursa ochnogo otdeleniya filologicheskogo fakulteta. Omsk, 2007a, pp. 15-16.
12. Khrarlamova M.A. Trends in the development of closely related languages in a dialect between contacting. *Fonetika i pismo v ih korelyacyi*. Omsk, 2012, p. 41-46.
13. Khrarlamova M.A. Czechs in the territory of the Middle Irtysh: the results of cross-language interference. *Voprosy rusistiki*. Poznan, 2007b, pp. 77-86.

© М. А. Харламова, 2016

Автор статьи – **Марина Александровна Харламова**, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: khr-spb@mail.ru

Рецензенты:

Н. В. Орлова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Л. Б. Никитина, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

УДК 37.013.46

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.70

Е. В. Цупикова,

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск

О. С. Фисенко,

Российский университет дружбы народов, г. Москва

ИНТЕГРАЦИЯ НАУК В ПОИСКАХ СМЫСЛА В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ СЕМАСИОЛОГИИ

Современная семасиология – наука интегративного плана, предметом которой является семантика (значение и смысл) языковых и речевых единиц, рассмотренная с позиций функционирования рече-мыслительного процесса коммуниканта.

Ключевые слова: семасиология, семантика, смысл и значение, информация, интеграция.

«Можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества, такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии... Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются... Лингвистика – только часть этой общей науки; законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике...»

Ф. де Соссюр

Несомненным достижением лингвистики 2-й половины XIX века является зарождение и интенсивное развитие семантики как раздела языкознания, изучающего содержание, информацию, передаваемые языком или какой-либо его единицей. В качестве самостоятельной лингвистической дисциплины семасиология выделилась к концу XIX в. Современная семасиология уходит своими корнями в ряд лингвистических и смежных с ними дисциплин, из которых важнейшими являются лексикография (Л. В. Щерба, Ш. Балли Э. Сэпир, К. Эрдман, Дж. Фирт, В. В. Виноградов и др.), лингвистическая семантика 40-х и 50-х годов XX в. [1–5], исчисление высказываний математической логики [6–9]. Сам термин «семантика» для обозначения раздела науки был впервые введён в 1883 году М. Бреалем. Вплоть до конца 1950-х годов XX в. наряду с ним широко использовался также термин «семасиология».

Появившиеся к середине XX в. теории, опирающиеся на представление о функционировании языка и его элементов, значительно обогатили лингвистику. Исследователей стала интересовать не простая регистрация фактов, а выявление механизмов их функционирования. В связи с этим постепенно наметился переход к многоаспектному исследованию языковых явлений, осуществляющему «структурно-семантическое и вместе с тем функциональное изучение грамматического строя языка, связанное с углублённым вниманием ко всем сторонам избранного объекта» [10]. Постепенно в науке оформилось направление, которое заключается в комплексном, интеграционном подходе к анализу, учитывающему и формальное устройство

единицы языка, и значения, которые передаются ею, и функциональную характеристику данного языкового явления. Такой многомерный подход к описанию языка нашёл отражение в трудах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. В. Щербы и др. В современной лингвистике функционально-семантический взгляд на исследуемую область языка значительно углублён и реализуется в работах таких учёных, как Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Г. А. Золотова, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Н. Ю. Шведова и др.

В настоящее время семантика – одна из ведущих теоретических дисциплин, смело вторгающихся во все разделы современной лингвистики. И, как отмечают, «с руслом семантических исследований совпадает столбовая дорога науки, а само изучение указанных проблем перестаёт быть уделом отдельных учёных», «изучение семантики становится программой целых направлений и школ» [1].

Современное понимание сущности семасиологии отражают следующие взгляды: «семантика есть наука о понимании...» [12]. И. М. Кобозева определяет семантику (семасиологию) как раздел языкознания, изучающий содержание (информацию) единиц языка и речи [13]. К области семасиологии «...относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развёртывании высказывания и которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации этого высказывания» [14].

Построение новой парадигмы науки повлекло за собой изменение её структуры, разделов, содержания и установления междисциплинарных связей с науками, объектом которых является информация, заложенная в единицах языка и речи. Тесно связанными с семасиологией оказываются такие науки, как когнитивная лингвистика, логика, лингвокультурология, психолингвистика и теория информации. Когнитивная лингвистика изучает язык как общий когнитивный механизм и инструмент кодирования (репрезентации и трансформирования) информации. Основными понятиями в этом случае выступают объём и содержание понятий, обозначаемых языковыми единицами (экстенционал и интенционал в логике). Основным понятием когнитивной лингвистики является концепт. Однако известно, что разные языки по-разному кодируют информацию и включают в содержание концепта ментальные компоненты, характерные для того или иного этноса. Концепты и другие явления с лингвокультурной спецификой изучаются лингвокультурологией. Особенности употребления, комбинирования и понимания единиц в общении изучает психолингвистика, рассматривая данные особенности с точки зрения функционирования речемыслительного процесса. Теория информации даёт сведения о количественных и качественных характеристиках информационных данностей. Семасиология оказывается наукой, находящейся на стыке перечисленных научных направлений – она изучает информацию, заложенную в единицах языка, способы её репрезентации и трансформирования в речи (процессы порождения текста), механизмы её переработки в целях понимания и присвоения (процессы понимания), а также семантические единицы и их компоненты, характерные для этноса коммуникантов, раскрывающие особенности их национального мышления и восприятия действительности.

На данном этапе семасиология как учебная дисциплина более всего подходит для достижения социальных требований к развитию личности специалиста – а именно для целей развития речи и мышления обучающихся.

Проблемы развития связной речи привлекали внимание учёных на всём протяжении развития методической мысли. Работы Ф. И. Буслаева, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, В. И. Водовозова, Н. Ф. Бунакова, А. Д. Алфёрова, В. В. Голубкова, А. В. Миртова, И. И. Срезневского, Н. М. Соколова, М. А. Рыбниковой, А. М. Пешковского, В. А. Добромыслова, Е. Н. Тихеевой и др. стали методической классикой, а высказанные в них идеи не утратили своего значения и сегодня.

Проблемы методики развития речи начали ставиться и решаться в 60-е годы, когда внимание учёных привлекли вопросы использования в обучении отрезков больших, чем предложение, и к речи подошли не только как к результату (тексту), но и как к процессу (текстообразованию). Высказанная Выготским (1956) мысль о формировании мышления и речи обучающегося в процессе практической деятельности послужила фундаментом для разработки теории речевой деятельности. В то же время появилась теория Н. И. Жинкина об упреждающем синтезе, лежащем в основе механизмов речи, и в распоряжении методики оказались данные, касающиеся вопросов развития речи и мышления обучающихся и наблюдений за трудностями, возникающими в этом процессе.

Дальнейшие научные исследования в этой области привели к радикальным изменениям в процессе обучения. Современный процесс обучения лингвистике должен иметь познавательно-практическую направленность, т. е. сформировать у студентов лингвистическое мировоззрение; вооружить их знаниями о языке и речи и обеспечить эстетическое воспитание средствами лингвистики как учебной дисциплины. Процесс обучения должен быть организован так, чтобы каждый его шаг

был пронизан идеей взаимосвязи языка, мышления, культуры и текста. Постановка этого класса задач выявила необходимость интеграции знаний на самом высоком уровне – на стыке логики, теории информации, психологии, педагогики, лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии. Труднейшие сами по себе проблемы психологии, языкознания, культурологии и теории информации оказались связанными воедино с проблемами коммуникации, адекватности восприятия и порождения текста. Этому и должны послужить теория и практика семасиологии как дисциплины, обучающей студентов навыкам работы с текстовой информацией. Предлагаемый нами способ систематизации, уточнения и обогащения знаний, умений и навыков и повышения ВПД средствами семасиологии призван показать один из эффективных путей решения обозначенного противоречия.

Н. И. Жинкин [15] показал в своих исследованиях, что внутренняя речь богаче по содержанию, чем внешняя. Только часть внутренней речи репрезентируется во внешней речи, а значительная часть (пресуппозиция) остается невыраженной. Учёный разделил также всю семантику текста на семантику внешней речи (значение) и семантику внутренней речи (смысл). Значение текста определяется семантическим отношением слова к другим словам в системе языка, а смысл текста определяется отношением слова к семантике текста.

Отличие семантической организации внутренней речи от внешней заключается в том, что тематическая организация внешней речи определяется опорными словами самого текста, а чтобы установить опорные денотаты, необходим денотативно-предикативный анализ, чему и надо обучать в процессе развития речи и мышления студентов.

В соответствии с концепцией общая стратегия обучения выглядит следующим образом: вначале усваивается материал в метонимических парах (тройках и т. д.) слов, даются задания на составление предложений с использованием этих слов, затем выполняются задания на гипонимическую репрезентацию, потом задания на различные предикативные связи метонимов, выражающих различные ситуации и формирующие полисемию; например, *ветер воет, человек воет, зверь воет*.

Семасиология, даже при узком понимании её предмета, служит необходимым дополнением к традиционным лингвистическим дисциплинам, поскольку в её рамках фокус внимания переносится с языковых средств и способов, принадлежащих каждому из уровней языка, на выражаемое с их помощью значение, которое становится объектом углублённого изучения [13]. Кроме того, именно на долю семасиологии выпадает задача синтеза знаний о значениях единиц разных уровней (например, знаний о значениях слов со знанием о значениях синтаксических и интонационных конструкций), поскольку она должна объяснять, как из значений единиц определённого уровня формируется значение единиц более высокого уровня. Если же исходить из широкой трактовки предмета семантики, то она ставит перед исследователем вопросы, выходящие далеко за рамки компетенции лингвистики: пути создания и выявления пресуппозиций в тексте, способы соотнесения мыслительного содержания с действительностью, методика порождения и восприятия замысла целого текста (т. е. вопросы семантики высказывания и текста).

Описывая основные направления и школы современной лингвистической семантики (узкую и широкую семантики), И. М. Кобозева отмечает, что в рамках широкой концепции семантики оформился такой раздел, как семантика высказывания, а также происходит становление семантики текста как нового раздела семантики. Автор разводит понятия лексикологии и лексической семантики: описание значений слов в семантике «понимается как интегральная часть общего описания языка» [13].

Таким образом, семасиология изучает информацию, заложенную в единицах языка, способы её репрезентации и трансформирования в речи (процессы порождения текста), механизмы её переработки в целях понимания и присвоения (процессы понимания), а также семантические единицы и их компоненты, характерные для этноса коммуникантов, раскрывающие особенности их национального мышления и восприятия действительности.

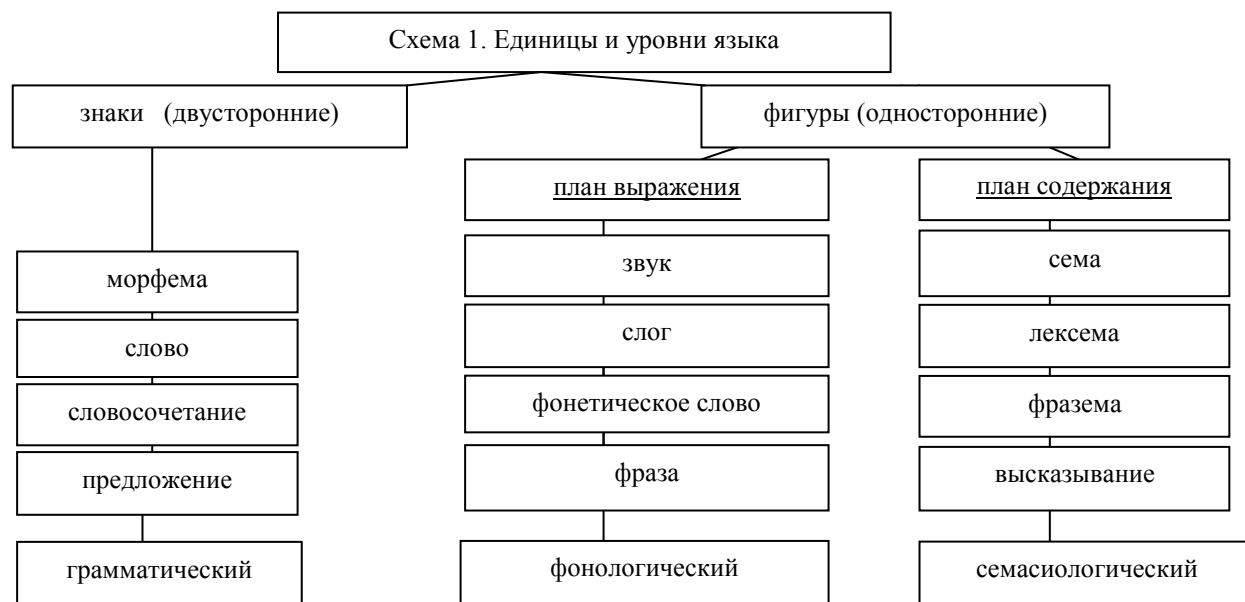
Круг вопросов, входящих в компетенцию семасиологии, таким образом, требует определения степени и качества, описания структуры и информативности единиц языка (с учётом грамматической семантики и прагматики в том числе), состава системных лексических отношений и их характеристик, разграничения денотативной и предикативной (данное деление представляется нам необходимым для обоснования связи языка и мышления, а именно речемыслительных категорий и способов их представления в речи); рассмотрения ЛСГ существительных как позиций для формирования полисемии (онтологическая теория полисемии, принятая в современной науке, отождествляет лексическое значение и предмет, в то время как позиционная теория полисемии предоставляет лингвистическое обоснование механизма переноса значений); разграничения лексического значения и понятия с точки зрения речемыслительного процесса, а следовательно, разграничения понятий значения и смысла;

разграничения понятий переносного и образного значений (образные значения отличаются от переносных, имеют лингвокультурную природу и описываются с помощью концептов, а не с помощью лексических и синтаксических позиций), тропа и фигуры, символа и образа; описания идиоматических компонентов языковых единиц (вслед за Мельчуком мы считаем, что идиомами могут быть все знаки языка, главным свойством идиомы является её отнесённость к данному языку и невозможность эквивалентного представления в другой семантической системе; фразеологию мы понимаем как часть идиоматики, опираясь на воззрения Е. Д. Поливанова); рассмотрения понятия концепта как культурного гештальта, выраженного в языке и сознании нации. Основными единицами рассмотрения выступают языковые и речевые знаки (текст).

Перечисленные вопросы позволяют структурировать разделы семасиологии и определить её природу следующим образом. С точки зрения теории знаков и фигур Л. Ельмслева, семасиологию можно определить как раздел языкознания, изучающий синтагматические и парадигматические свойства фигур плана содержания. Разделами семасиологии являются лексикология, теория высказывания и теория текста. Лексикология занимается изучением семантики лексем и их составляющих (семантика морфемы и слова), теория высказываний рассматривает семантику словосочетаний и предложений, где лексика выступает как техника оформления универсальных и исторически устойчивых сущностей семантики, подчиняющихся фундаментальным законам эволюции, и теория текста. Лингвокультурологическая часть дисциплины изучает такие ментально-языковые образования, как образное значение, символ, идиома, концепт. Фразеология рассматривается в рамках лингвокультурологии, так, опорным словом фразеологической единицы является символ, часто с идиоматической спецификой.

Определяя состав семасиологических единиц, обратимся к вопросу о месте семасиологического уровня в уровневой организации языка. Все разделы языкознания могут быть охарактеризованы как изучающие парадигматические и синтагматические свойства фигур плана выражения (фонетика), либо фигур плана содержания (семасиология), либо знаков как двусторонних единиц, устанавливающих корреляцию плана выражения и плана содержания (грамматика).

Знаки состоят из фигур плана выражения и фигур плана содержания, объединённых в ассоциативное единство. Число знаков не ограничено, число фигур ограничено: язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их всё новым и новым расположениям может быть построено большое количество знаков [16]. Ведущим уровнем является уровень знаков – грамматический уровень.

Кроме уровня знаков, выделяются два уровня фигур – уровень фигур плана содержания (семасиология) и уровень фигур плана выражения (фонология) (Ср. Г. В. Степанова и А. Н. Шрамм [17], описывая лексико-семантическую систему, говорят о семантическом ярусе (уровне) языка).

Единицы каждого уровня, составляющие подуровни (ярусы), обладают разной величиной (единицы более высокого подуровня состоят из единиц более низкого подуровня). При этом не все единицы знакового уровня находятся между собой в отношениях членимости без остатка: так, предложение не делится без

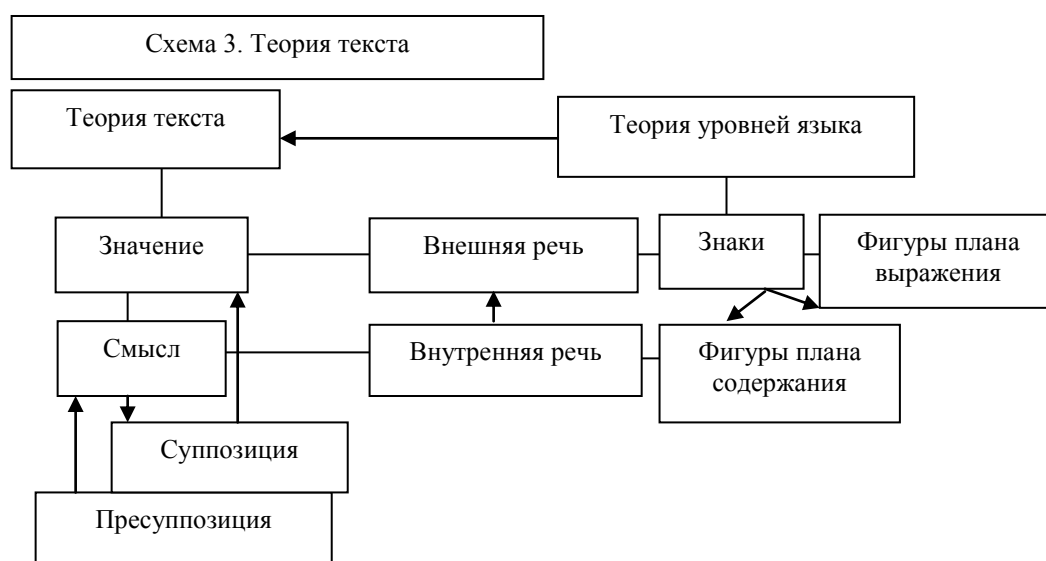
остатка на словосочетания (но при этом делится без остатка на группы). Между единицами разных уровней существуют отношения корреляции, а не иерархические отношения (предложение не совпадает, но соотносится с фразой и высказыванием, слово соотносится с фонетическим словом и лексемой и т. д.). Единицы разной величины (подуровни, ярусы) в пределах одного уровня находятся между собой в отношениях часть – целое (целое – часть). Единицы языка располагаются в координатах синтагматики, парадигматики и значения, а единицы речи, кроме того, ещё и в координатах прагматики и смысла.

Вся информация по курсу семасиологии делится на четыре блока: 1) теория уровней; 2) теория речемыслительного процесса; 3) лексическая семантика; 4) теория высказываний (текста). Содержание науки соотнесено с механизмами речемыслительного процесса и описано соответствующим образом:

– лексическая семантика описана как совокупность внешних и внутренних структур, которые, в свою очередь, разделены по признаку денотативности-предикативности:

– теория текста описана с опорой на теорию уровней языка: фигуры плана содержания, относящиеся ко внутренней речи и имеющие смысл, частично выражаются через значения знаков внешней речи. Полностью смысл может быть выявлен в тексте. Текст имеет внешние и внутренние уровни, вступающие в отношение вариантов-инварианта:

Таким образом, современная семасиология предстаёт дисциплиной синтезирующего плана, основанной на взаимосвязи и взаимодействии теоретических знаний, почерпнутых из разных наук (теории информации, теории интериоризации, формальной логики, психолингвистики, лингвокультурологии), в соотношении с природой и проблемами информационного обмена текстового характера с учётом психолого-педагогических условий развития речи и мышления студентов.

1. Понятия семасиологии соотносены с понятиями теории внешней и внутренней речи, в связи с чем разграничены понятия значения и смысла.

2. Систему построения категорий семасиологии определяет соотношение их с денотативно-предикативной структурой текста. С этим связано разделение лексики на денотативную и предикативную, разделение характеристик лексики на внешние и внутренние (разделение лексики произведено с целью наиболее оптимального описания психолингвистических закономерностей процессов понимания и порождения текста).

3. Оптимальному построению структуры лексики способствует освоение таких категорий, как гипонимия, гетеронимия, семантическая предикация как основа для определения семантики денотативных лексем.

4. Построение речевых ситуаций (высказываний) в первую очередь обеспечивается изучением внешней метонимии (основы для их построения).

5. Денотативные компоненты лексики в тексте выступают в качестве его постоянных элементов. Предикативные компоненты являются переменными элементами; они обеспечивают развёртывание смысла текста. К предикативным категориям лексики относятся антонимия и синонимия. Конверсия с точки зрения значений выступает в качестве разновидности антонимии, а с точки зрения смысла является разновидностью синонимии.

6. Внутреннюю структуру лексических отношений образует полисемия, которая также подразделяется на денотативную (метонимия, синекдоха) и предикативную (метафора, функциональный перенос). Основным механизмом образования полисемии выступает предикация как взаимосвязь денотативной и предикативной лексики. Эта взаимосвязь осуществляется в рамках основных лексико-семантических групп, которые служат лексическими сильными и слабыми позициями для разграничения прямых и переносных значений (лингвистический подход к определению полисемии на основе синтагматических распределений категорий в ЛСГ).

7. При анализе семантики текстов лексический анализ дополняется денотативно-предикативным анализом текстов и способов текстообразования, а также лингвокультуроведческим анализом, который предполагает учёт трансформационных возможностей текста (вариативного выражения смысла), сопоставление данных нескольких семантических систем (анализ ФЕ по ключевому символу позволяет строить интерпретационные тексты, служащие для качественного перевода и адекватной передачи смысла, предлагаемая методика анализа концептов ограничивает семантику рассматриваемых явлений рамками текста или тематической сетки текстов, что позволяет точно определить замысел говорящего).

Как видим, в рамках когнитивно-семантического и коммуникативно-когнитивного подходов семантике уделяется значительно большее внимание – она рассматривается не только в плоскости внешней речи (текста), но и как атрибут внутренней речи человека, его мышления, шире – интеллекта. С точки зрения психолингвистического подхода в изучении семасиологии внимание уделяется факторам ситуации и её участников [18]: исследователей интересуют процессы порождения и восприятия текста, которые рассматриваются как результат речемыслительной деятельности индивида, как «способ отражения действительности в сознании ... с помощью элементов системы языка» [19]. Если лингвистика рассматривает текст как «реально высказанное (написанное) предложение или совокупность предложений, ... могущее ... служить материалом для наблюдения фактов данного языка» [20], то в психолингвистике текст принято определять как «опредмеченную форму акта коммуникации, минимально необходимыми компонентами которой являются предмет коммуникации, автор и реципиент» [21].

Разработанные в рамках психолингвистики модели порождения и восприятия текста обеспечили методику возможностью построить алгоритмы текстопорождающей деятельности и деятельности освоения текста. Инновационность в организации учебного процесса состоит в том, что последние исследования в области психологии общения, в использовании скрытых резервов человеческой психики, в частности, произвольной памяти, дают преподавателю огромные возможности в совершенствовании педагогических и методических правил.

В реализации представленной выше концепции развития речи и мышления на основе семасиологии учёт положений психологии, педагогики и их разделов позволил определить оптимальную структуру организации учебного материала с целью наиболее эффективного его усвоения и применения.

Библиографический список

1. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Изд-во Просвещение, 1964. – 244 с.
2. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1972.
3. Pottier, B. La définition sémantique dans les dictionnaires. – Travaux de linguistique et de littérature... 1965. Vol. 3. № 1.
4. Heller, L.G., J. Macris. Parametric linguistics. The Hague; Paris, 1967.
5. Толстой, Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии / Н. И. Толстой // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. – М., 1968.
6. Тарский, А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук / А. Тарский. – М., 1948.
7. Черч, А. Введение в математическую логику / А. Черч. – М., 1960. – 140 с.
8. Хомский, Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике. – М., 1962. Вып. 2. – 264 с.
9. Адамец, П. Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. – Прага, 1966. – 120 с.
10. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания, 1999. – № 1. – с. 14–15.
11. Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный. – М., 1991. – 238 с.
12. Вежицкая, А. Словарный состав как ключ к этносоциологии и психологии: модели «дружбы» в различных культурах / А. Вежицкая // Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М. : Изд-во Русские словари, 1999. – 776 с.
13. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник для студентов факультетов филологического профиля / И. М. Кобозева; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Изд. 3-е, стер. – М. : Изд-во URSS, 2007. – 350 с.
14. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (Универсальное, типовое и специфическое в яз.) / А. Е. Кибрик. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 335 с.
15. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Изд-во Наука, 1982. – 159 с.
16. Ельмслев, Луи (1899–1965) : Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев ; пер. с англ. [В. А. Звегинцев и др.] Москва : URSS, 2005. – М. : Ленанд. – 243, [4] с.
17. Степанова, Г. В. Введение в семасиологию русского языка / Г. В. Степанова, А. Н. Шрамм. – Калининград : КГУ, 1980. – 72 с.
18. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику : курс лекций / Л. В. Сахарный. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 180, [1] с.
19. Белянин, В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. – М., 2000.
20. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
21. Апухтин, В. Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977.

H. V. Tsoupikova, Siberian state automobile and road academy, Omsk
O. S. Phisenko, Russian university of peoples' friendship, Moscow

INTERGATION OF SCIENCES TO EXAMINING THE SENSE: SEMASIOLIGY AS A MODERN SCIENCE OF SYNCRETIC NATURE

Modern semasiology is a science of syncretic nature, and its subject is semantics (i.e. sense and meaning) of language and speech units considered from the standpoint of speech-and-thinking process of communicants.

Keywords: semasiology, semantics, sense and meaning, information, integration.

References

1. Shmelev D. N. *Essays on semasiology of Russian* / D. N. Shmelev. Moscow, Publishing house of Education, 1964. – 244 p.
2. Gak V. G. *The Statement and the situation* // Problems of structural linguistics, Moscow, 1973.
3. Pottier B. *Définition La sémantique dans les dictionnaires*. – Travaux de linguistique et de littérature... 1965. Vol. 3. No. 1.
4. Heller L. G., Macris J. *Parametric linguistics*. The Hague; Paris, 1967.
5. Tolstoy N. Some problems of comparative Slavic semasiology. *Slavic linguistics*. VI international Congress of Slavists: Reports of the Soviet delegation. Moscow, 1968.
6. Tarski A. *Introduction to logic and methodology of deductive Sciences*. Moscow, 1948.
7. Church A. *Introduction to mathematical logic*. Moscow, 1960. – 140c.
8. Chomsky N. Syntactic structures. *New in linguistics*. – Moscow, 1962. Vol. 2. – 264p.
9. Adamec P. *The order of the words in modern Russian language*. Prague, 1966. – 120p.

10. Shvedova N. Yu. The theoretical results obtained in the work on the «Russian semantic dictionary». *Problems of linguistics*, 1999, No. 1. – p. 14-15.
11. Kubrakova E. S., Shakhnarovich A. M., Saharnyi L. V. *The Human factor in language. Language and speech production*. M., 1991. – 238p.
12. Vezhbitskaya A. *Lexicon as a key to ethnic sociology and psychology: models of friendship in different cultures*. M., 1999. – 776 p.
13. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics: a textbook for students of philological faculties profile*. Moscow, 350 p.
14. Kibrik A. E. *Essays on General and applied aspects of linguistics (Universal, typical and specific in the language)*. Moscow, 1992, 335p.
15. Zinkin N. I. *The speech as the conduit of information*. M., 1982, 159 p.
16. Elmsliev Louis. *Prolegomena to a theory of language*. Moscow, 2005. 243 p.
17. Stepanov G. V., Schramm A.N. *Introduction to the semasiology of Russian language*. Kaliningrad, 1980. – 72 p.
18. Saharnyi L.V. *Introduction to psycholinguistics : a lecture Course*. L., 1989 – 180 p.
19. Belyanin V. P. *Foundations of psycholinguistic diagnostics: models of the world in literature*. M., 2000.
20. Ahmanova O. S. *Dictionary of linguistic terms*. M., 1966. 608 p.
21. Apukhtin V. B. *Psycholinguistic method of analysis of the semantic structure of the text: author. dis. candidate. doctor of Philology. Sciences*. M., 1977.

© Е. В. Цупикова, О. С. Фисенко, 2016

Авторы статьи:

Елена Викторовна Цупикова, кандидат педагогических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск, e-mail: chisel43@yandex.ru

Ольга Сергеевна Фисенко, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, г. Москва.

Рецензенты:

А. П. Жигадло, доктор педагогических наук, Сибирская автомобильно-дорожная академия.

Т. А. Воробец, кандидат филологических наук, доцент, Сибирская автомобильно-дорожная академия.

УДК 81'373.612

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.77

Н. Н. Щербакова,

Омский государственный педагогический университет

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ XVIII в.: СООТНОШЕНИЕ МОРФЕМНОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

В статье рассмотрено соотношение морфемного и семантического словообразования при создании оценочной лексики. Установлено, что в процессе образования оценочных лексических единиц русского просторечия XVIII века ведущую роль играет семантика мотивирующего слова. Это положение сохраняется даже в случае морфемной деривации.

Ключевые слова: морфемная деривация, семантическая деривация, русское просторечие XVIII века.

Русское просторечие XVIII века содержит немало лексических единиц, основной смысловой нагрузкой которых является оценочность, причём из двух видов оценки – рациональной и эмоциональной – явно преобладает последняя. При этом абсолютно справедливым является вывод Г. П. Князьковой о том, что «просторечию русского языка XVIII столетия свойственно иное, отличающееся от разговорной и просторечной лексики современного русского языка соотношение собственно оценочной, эмоционально-оценочной и лишённой оценки лексики. Разговорная и просторечная лексика языка нашего времени более разнообразна и по видам оценочности. Ей присущи более тонкие градации по мере и степени собственной и эмоциональной оценки» [1, с. 152].

Характеризуя оценочную лексику, исследователи нередко обращают внимание на её деривационные особенности, однако чаще всего представления о словообразовательных приметах той или иной группы слов ограничиваются морфемной деривацией, в то время как оценка создаётся и за счёт семантических способов словопроизводства. Разумеется, семантика слова и её трансформация не обойдены вниманием исследователей, однако эти процессы традиционно относятся к сфере

интересов таких разделов языкознания, как лексикология и лексическая семантика. Представляется, что данный подход обедняет анализ лексической единицы, поскольку не раскрывает механизма подобной трансформации. Слово является основной единицей языка и обладает как семантикой, так и структурой, свойственной той или иной языковой системе, а потому комплексный анализ, соединяющий достижения лексической семантики и теории словообразования, способен сделать подобный анализ более убедительным и достоверным. Это же положение поддерживают и современные исследования, выполненные в русле антропоцентрической научной парадигмы: «Психоментальная природа всех дериваций едина, как неизменна структурообразующая роль актуального признака для модификации когнитивной структуры в процессе речепорождения» [2, с. 22].

Принципы анализа деривационной структуры слова на основе словообразовательного типа [3, с. 135] могут быть использованы также в процессе исследования семантических преобразований. Попробуем показать это на примере оценочной просторечной лексики, зафиксированной словарями, отразившими лексику XVIII столетия¹.

На первый взгляд, абсолютное большинство оценочных слов, маркированных словарями как просторечные, является результатом исключительно морфемной деривации. Так, среди просторечной лексики с оценочным компонентом значения немало морфемных дериватов, созданных при помощи суффиксальных морфем, причём продуктивность в этой лексической группе обнаруживают только аффиксы общеславянского происхождения. Отметим, что к указанному периоду уже определились суффиксы, обнаруживающие продуктивность в системе восточнославянских диалектов, что особенно наглядно проявляется в сравнении с южнославянскими языками и диалектами. И хотя русское просторечие демонстрировало примеры с такими популярными в южнославянском языковом континууме суффиксами, как *-ость*, *-(е)ниѣ(е)*, *-ств(о)*, регулярностью эти аффиксы не отличались, а созданные ими слова в новый литературный язык в некоторых случаях так и не вошли. См., например, *протопопство* – «протоиерейский сан», *лекарство* – «должность или звание лекаря», *нахмурение* – «наморщивание», *горланенье* – «громкий крик, пение, спор» и т. д. Больше других «повезло» словообразовательному типу «основа прилагательного + суффикс *-ость*»: некоторые из созданных по данному типу слов вошли в состав литературной лексики и употребляются в языке до сих пор, например, *болтливость*, *жадность*, *кропотливость*, *мужиковатость*. Обращает на себя внимание то, что все эти слова так или иначе связаны с оценкой человека, чаще негативной. Возможно, книжный характер суффикса в какой-то степени нейтрализовал сниженность мотивирующих основ, и это позволило в дальнейшем включить подобные образования в фонд литературных языковых средств, однако количество их даже в стилистически сниженном регистре русского литературного языка невелико, видимо, в связи с непопулярностью суффикса в восточнославянской деривационной системе. Зато весьма популярными становятся в просторечии словообразовательные типы с формантами *-ак*, *-ач*, *-л(о)*, *-ль*, *-н(я)*, *-тяй*, *-ун*, *-ыш*, суффиксы с элементами *-г(а)*, *-х(а)*: *болтун*, *враль*, *лентяй*, *голодуха*, *голыш* – «бедняк», *лутило* – «взяточник», *волочага* – «бродяга, искатель приключений, авантюрист», *рубач* – «тот, кто склонен к дракам на шпагах», *болтня* – «болтовня» и т. п.

Одной из причин отнесения подобных образований к стилистически сниженному пласту лексики носителями русского языка XVIII в. (в т. ч. и составителями «Словаря Академии Российской»), возможно, могла стать их морфемная маркированность – суффикс, тяготеющий к просторечию. Однако невозможно не заметить, что в подобных случаях центральную роль в судьбе слова играла всё же семантика мотивирующей основы. Все перечисленные слова, как и множество им подобных, создавались на базе слов, так или иначе связанных с оценкой предмета, признака или действия. В одном случае эта оценка высказывается явно. Так, слова *болтать*, *врать*, *лень* называют действия и качества человека, осуждаемые во всех сообществах. В другом случае оценка связана с целой цепью ассоциаций, которые вызывает та или иная мотивирующая основа, как, например, в случаях с основами слов *голод*, *голый* – «бедный», *рубиться* (на шпагах). Все эти слова связаны с обозначением неприятных, а подчас и опасных для жизни ситуаций, в связи с чем нельзя считать причиной возникновения оценки у производного слова исключительно наличие суффикса. Это особенно очевидно при сравнении с данными современного русского языка, в составе которого немало оценочных слов, создание которых – следствие присоединения суффиксальной морфемы: *медалёха*, *комнатуха*, *житуха* и пр. Подобных образований ни словари, ни художественные произведения XVIII столетия не демонстрируют. Оценка как часть семантики мотивирующего слова обусловлена не формой слова, а его связями с мотивирующей основой. Производное слово чаще всего выполняет трансформирующую функцию. Да, *врать* – это действие, а *враль* – это наименование человека, но важно именно то, что этот человек врёт, это определяющее свойство его натуры, и именно это снижает оценку существительного. Эти связи обнаруживают большую прочность.

Например, глагол *шалить* в XVIII в. употреблялся в значении «вести себя глупо». Это значение является доминирующим во всех звеньях словообразовательной цепочки *шалить* – *шалун* – *шалунья*, о чём свидетельствует текст притчи А. В. Сумарокова, где рассказывается о коммуникативной неудаче барышни, решившей показать «знания» французского языка, в частности, фразы *faire une cure* – «лечиться»:

Шалунья некая в беседе,
В торжественном обеде,
Не бредила без слов французских ничего.
Хотя она из языка сего
Не знала ничего,
Ни слова одного,
Однако знанием хотела поблистать
И ставила слова французские некстати;
Сказала между тем: «Я еду делать кур».
Сказали дурище, внимая то, соседки:
«Какой плетёшь ты вздор! кур делают наседки!»

Данное стихотворение интересно ещё и употреблением синонимов: *шалунья* – *дурища*. И хотя оба эти слова имеют значение, обусловленное семантикой мотивирующих основ, есть и несомненная разница: сравнение пар *шалун* – *шалунья*, *дура* – *дурища* показывает, что роль суффикса в создании оценочного характера у существительного *дурища* значительно ярче выражена, поскольку суффикс квалифицирует степень глупости как наивысшую. Представляется, что подобные словообразовательные типы создавали почву для использования аффиксальных морфем как средства образования оценочной лексики в языке более позднего времени.

Таким образом, говоря о словообразовательных особенностях оценочной просторечной лексики XVIII в., созданной по законам морфемной деривации, можно заметить, что при всей разнице словообразовательных типов они обнаруживают сходство в структуре словообразовательного значения, которое носит трансформирующий характер, а главным элементом, определяющим специфику нового слова, является мотивирующая база: либо прямая оценка явления, содержащаяся в ней, либо ассоциативный потенциал слова [4]. В последнем случае мы имеем дело с пограничным явлением, в котором есть черты как морфемного словообразования, так и семантической деривации.

Как свидетельствуют исследования лексической семантики, информация о денотате или предикате содержит две части, которые Л. М. Васильев обозначил как интенционал, отражённый в языковом значении, и импликационал, представляющий собой семантический потенциал слова [5, с. 84–91]. Создание новой единицы языка вызывает семантический сдвиг, связанный с актуализацией какого-либо компонента значения. Упомянутый семантический сдвиг – это то средство, при помощи которого и создаётся новая единица, т. е. это фактически эквивалент форманта морфемного словообразования. В случае, когда оценочность новообразования наследуется от мотивирующей основы, семантического сдвига компонента, отвечающего за оценку слова, не происходит. Если же роль суффикса в создании оценки усиливается, происходит и семантический сдвиг, связанный с актуализацией какого-либо компонента импликационала. Например, в упомянутом выше примере усилился элемент степени проявления признака.

Однако самым популярным способом образования оценочной просторечной лексики в исследуемый период является ситуация, когда мотивирующей базой становится как раз ассоциативный потенциал слова, а в качестве эквивалента форманта выступает новая внутренняя форма слова. Таков механизм метафоры – продуктивного способа семантической деривации в русском просторечии XVIII в., при помощи которого созданы, например, такие слова: *глот* – перен. «обидчик, притеснитель», ср. *глот* – «обжора»; *кутерьма* – перен. «беспорядок, сумятица», ср. *кутерьма* – «метель»; *лакомство* – перен. «взяточничество», ср. *лакомство* – «роскошные яства»; *шушера* – перен. «люди низкого состояния», ср. *шушера* – «негодные вещи, мелочь» и т. д.

Обретая новую внутреннюю форму, слово попадает в новую лексическую парадигму, что демонстрирует, например, притча А. В. Сумарокова «Посол осёл».

В Венеции послом шалун какой-то был,
Был горд, и многим он довольно нагрубил.
Досадой на него венециане дышут

И ко двору о том, отколь посол был, пишут.
Там ведают уже о тьме посольских врак.
Ответствуют: «Его простите, он дурак.
Не будет со ослом у человека драк».
Они на то: «И мы не скудны здесь ослами,
Однако мы ослов не делаем послами».

Представленный в данном тексте синонимический ряд *шалун* - *дурак* - *осёл* наглядно демонстрирует изменение положения существительного *осёл* в ментальном лексиконе: оно не только попадает в новую тематическую группу, но и обретает новые синонимы (ср. в прямом значении: *осёл* – *ишак*).

Отметим, что метафора в художественном тексте может носить индивидуально-авторский характер, как, например, в басне И. А. Крылова «Кот и повар»:

Он порча, он чума, он язва деших мест...

Все выделенные слова употреблены автором как бранные, лишённые своего первоначального значения, но соотношение их с тематической группой «болезни» в сочетании с описанием ситуации, в которой они употреблены, а также использование типового способа создания новой языковой единицы способствует и пониманию их значения, и осознанию их как средств художественной выразительности.

Таким образом, анализ группы оценочной лексики показывает продуктивность и практическую ценность целостного представления о словообразовательной системе языка, поскольку именно такой подход позволяет уточнить механизмы образования единиц, объединяемых какой-либо семантической особенностью. Так, специфика слов с оценочным компонентом значения заключается в том, что они демонстрируют доминирование семантического компонента в процессе деривации даже в том случае, когда создаются при помощи аффикса. Это один из интересных примеров взаимосвязи и взаимозависимости семантической и морфемной деривации.

Примечание

¹ В качестве источников материала использовались следующие словари: Словарь Академии Российской: в 6-ти тт. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1789–1794; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6-ти тт. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1805–1822; Словарь русского языка XVIII века / отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.; СПб.: Наука, 1984–2004. – Вып – 1–14- (СлРЯ XVIII).

Библиографический список

1. Князькова, Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII века / Г. П. Князькова. – Л. : Наука, 1974. – 253 с.
2. Бутакова, Л. О. Природа семантической деривации: когнитивный аспект / Л. О. Бутакова // Семантическая деривация и её взаимодействие с морфемной: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск : ОмГУ, 2003. – С. 20–35.
3. Русская грамматика : В 2 Т. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Морфемика. Словообразование. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
4. Карцевский, С. О. Об ассоциативном механизме лингвистического знака / С. О. Карцевский // История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. – Ч. II. – М. : Высшая школа, 1965. – С. 85–90.
5. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1990. – 174 с.

N. N. Shcherbakova, Omsk State Pedagogical University

EVALUATION VOCABULARY OF RUSSIAN VERNACULAR XVIII CENTURY: CORRELATION OF MORPHEME AND SEMANTIC DERIVATE

The article is under consideration correlation of morpheme and semantic word-formation is considered at creation of evaluation vocabulary. It is set that in the process of formation of evaluation lexical units of Russian vernacular of XVIII age a leading role is played by semantics of explaining word. This position is saved even in the case of morpheme derivate.

Keywords: semantic derivation, narrowing of the word, the expansion of the word, the vernacular of the XVIII century.

References

1. Knyazkova G. P. *Russkoye prostorechiye vtoroy poloviny XVIII veka* [Russian vernacular of the second half of the XVIII century]. Leningrad: Nauka, 1974, 253 p.
2. Butakova L. O. *Priroda semanticheskoy derivatsii: koognitivnyi aspekt // Semanticheskaya derivatsiya i yeyo vzaimodeistviye s morfemnoy: Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [The stem of semantic derivate: cognitive aspect// the Semantic derivate and its co-operating with a morpheme: Interuniversity collection of scientific articles]. Omsk: OmGU, 2003. - P. 20-35.
3. Russkaya grammatika: V 2 tt. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Morfemika. Slovoobrazovaniye. [Russian grammr: In 2 volumees. V. 1: Phonology. Accentus. Intonation . Morphemics . Derivation]. - Moskow: Nauka, 1980. 783 p.
4. Kartcevskii S. O. Ob assotciativnom dualizme lingvisticheskogo znaka. *History of linguistics XIX-XX in essays and lessons* . Part II. Moskow: Vysshaya shkola Publ., 1965. P. 85–90.
5. Vassilyev L. M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics]. Moskow: Vysshaya shkola, 1990, 174 p.

© Н. Н. Щербакова, 2016

Автор статьи – **Наталья Николаевна Щербакова**, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: nata.ro@mail.ru

Рецензенты:

Л. Б. Никитина, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

Б. И. Осипов, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 81-139

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.81

А. А. Юнаковская,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ИЗ ОПЫТА «ТЕМАТИЧЕСКОГО» ОПИСАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Рассматривается формирование общего и профессионального образования XVIII – начала XX вв. на примере Омской крепости (г. Омска, 1782 г.).

Исследование является результатом контент-анализа архивных документов, отражающих разные типы дискурсивных практик, проведённого с упором на ключевые тематические понятия.

Проанализировано изменение характера учебных заведений в городе, появление новых типов общеобразовательных и профессиональных школ. Развитие образования связано с осуществляемой городом основной функцией: военно-охранительной новых территорий (XVIII в.), военно-административной Западной Сибири (первая половина XIX в.), торгово-промышленной (конец XIX – начало XX в.).

Ключевые слова: школьное дело, низшее и среднее образование, региональная особенность образовательной составляющей.

Омская крепость основана в 1716 г. для охраны границ осваиваемых новых территорий. Однако начало образованию в ней было положено через 50 лет. В начальный период её существования единственной возможностью для получения знаний людям разного возраста были *частные уроки*, которые давали духовные лица, офицеры, казаки, ссыльные (в т. ч. иноземные пленные). Мальчиков отправляли на учёбу в Тобольскую *гарнизонную школу*. В те времена обучение детей с 7 до 15 лет в такой школе было обязательным и приравнивалось к государственной службе.

В 1765 г. благодаря стараниям генерала И.И. Шпрингера в Омской крепости была открыта *гарнизонная школа* комплектом в 150 учащихся. Начальником её был назначен казачий атаман Фёдор Анциферов, который «*грамоте читать и писать достаточно умеет...*». В качестве учителей привлекались священнослужители, инженерные офицеры, ссыльные. Первые помогали изучать Часослов и Псалтырь. Военные, чаще всего окончившие Тобольскую гарнизонную школу,

приобщали к военному распорядку: в расписании значились *военный артикул* и *солдатская экзерциция*. Также преподавались *барабанищья наука* и игра на флейте. *Рисованию* и *малярному делу* в 1771 г. учил колодник Птицын [7]. Помимо этого, изучали *арифметику* и *географию*, приучались к *чтению* и *письму*. Это был обычный набор предметов гарнизонной школы.

Обучались в школе дети военнослужащих (солдат, драгун, казаков) и военные сироты, в связи с чем при гарнизонной школе открыли *военно-сиротское отделение*. Школьников не делили на классы, поэтому дети разных возрастов учились совместно, а выпускались по мере усвоения изучаемых предметов. В архивных источниках отмечается, что после окончания школы её воспитанников распределяли по полкам на должности писарей, урядников, направляли в качестве учителей в станичные школы, инженерную команду. При этом не успевающих в науках отправляли в полки для обучения «рукодельной науке»: слесарной, столярной, сапожной и т. п.

В 1766 г. небольшая *школа* была открыта при Омской комендантской канцелярии. В ней содержали учеников, из которых готовили толмачей для общения с азиатскими народами. В дальнейшем в 1789 г. по императорскому указу в Омске было открыто *Азиатское училище* для подготовки переводчиков. В нём обучались 25 воспитанников 10–12-летнего возраста: 20 из них изучали *татарский язык*, 5 – *калмыцкий* и *маньчжурский*. Ученики были детьми казаков, солдат, чиновников-магометан, состоящих на русской службе [4, ГИАОО. Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири). Оп. 1.]. Они изучали *словесность Российскую и Восточную*, *Закон Божий*, *начала истории географии* и *истории отечественной и всемирной*, *основания математики*. Большая часть выпускников определялась переводчиками, писарями или адъютантами при штабах приграничных и внутренних округов управления сибирскими киргизами.

Анализ документов показал, что ученики пользовались поддержкой государства: получали жалование из казны, обмундирование, питание, учебные пособия. Так, в одном из архивных документов указывается, что «для обучения ... детей от 10 до 12-ти лет, поступающих в школу, назначается ... жалованья каждому в год по шести рублей, а на всех ... в один год бумаги писчей 5 стоп по 2 руб., свеч сальных 3 пуда по 1 руб. 80 коп., чернил 3 ведра по 1 руб.», а также закупались азбуки, ножнички, перья, книги и проч. За провиант ... полагая каждому в месяц муки по 2 четверика, круп по 1 1/2 гарнца... [4. ГИАОО. Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири). Оп. 1. Д. 754. Л. 6].

В другом документе описываются предметы одежды учащихся. Это «*рубашки холста* (по пяти аршин, полагая за аршин по 8 копеек), *чулков шерстяных* (по одной паре, полагая каждые по 20 копеек), *кафтаны и штаны сермяжного сукна* (по 9 аршин, полагая за аршин по 15 копеек), *шуба баранья* (на каждого по одной, полагая по 2 руб. шубу), *шляпа шерстяная* (по одной, по 30 коп.)» [4. ГИАОО. Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири). Оп. 1. Д. 754. Л. 11]. Была введена единая форма для учеников, что позволяло выделять их среди горожан.

В 1798 г. произошла реорганизация гарнизонной школы: при ней было открыто военно-сиротское отделение, а в 1804 г. к ней присоединилось Азиатское училище. Основной задачей учебного заведения была подготовка грамотного солдата и низшего чина.

Помимо военного обучения существовала определённая система профессиональной подготовки. Так, в документах упоминаются *ученики лекаря* и *подлекаря*, *цирюльника*, различные *подмастерья* [4. ГИАОО. Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири). Оп. 1.].

Анализ документов показал, что образование получали лица мужского пола. Девочки в Омске оставались или вовсе без обучения грамоте, или изучали её на дому вместе с рукоделием, или учились у частных учителей.

В начале XIX в. г. Омск сохраняет охранительную функцию, поэтому в учебных заведениях могли обучаться только дети военных. Это были *Азиатское училище* и *военно-сиротское отделение* главной *гарнизонной школы*, которые были объединены в 1804 г., а на их основе в 1813 г. было открыто *училище Сибирского линейного казачьего войска*. Средства на его содержание выделяло линейное казачье войско из своего «экономического капитала». Небольшое количество воспитанников обучалось за свой счёт.

Первоначально срок обучения был определён в три года, затем его увеличили до семи, а позднее – до девяти лет. Помимо *части фронтовой*, *артиллерийской* и *фортификационной* наук ученики изучали *арифметику*, *алгебру*, *геометрию*, «прямолинейную» *тригонометрию*, *Закон Божий*, *русский*, *немецкий*, *французский* языки, *отечественную историю* и *географию*, *черчение*, *рисование*, *пение*, *танцевание*. Наряду с общеобразовательными предметами, в 7-летний курс обучения вошла дисциплина «*сельское хозяйство*». С 1833 г. при училище были введены свои опытные огороды и сад.

Первый выпуск 1817 г. назначали урядниками в казачьи полки и учителями в полковые и станичные школы. С 1822 г. училище стало выпускать офицеров.

В 1828 г. военно-сиротское отделение гарнизонной школы было преобразовано в кантонистскую школу (называемую *батальон*), и к нему было присоединено Азиатское училище. В реорганизованном образовательном учреждении открыты учительско-писарские классы, отделение мастеровых. В январе 1846 г. батальон преобразован в *закрытое учебное заведение* для дворянских детей – *Сибирский кадетский корпус* (среднее военно-учебное заведение с полным пансионом). В 1866 г. он преобразуется в *военную гимназию*, а в 1882 г. учебному заведению вновь был возвращён статус *кадетского корпуса* [4. ГИАОО. Ф. 19 (Сибирский кадетский корпус (1835–1917 гг.)). Оп. 1].

Благодаря тому, что из Тобольска в Омск были переведены учреждения главного военного и гражданского управления Западной Сибири (1839 г.), в нём в конце первой половины XIX в. числились учебные заведения различного типа: *Сибирский кадетский корпус*, *духовное* и *гражданское уездные училища*, *приходское училище* военного ведомства, *детский приют* и *магометанская школа* при мечети [9].

Со временем в городе начинает развиваться система специального образования: в 1852 г. учреждена войсковая *фельдшерская школа* при военном госпитале, рассчитанная на 10 воспитанников. Их обучали ординаторы госпиталя на общественных началах без утверждённой программы. В 1874 г. штат школы увеличили до 18 учеников, также открылось отделение по подготовке акушеров [4. ГИАОО. Ф. 113 (Омская центральная фельдшерская школа). Оп. 1].

В 1853 г. в Омске появилось первое общегражданское заведение – *Ильинская мужская приходская школа для мальчиков*. Содержать ее должны были местные власти и само население с целью обучения детей *чтению, письму, арифметике, Закону Божьему, основам природоведения и гигиены*. В первый год обучались 77 учеников (детей дворян и чиновников – 33, купцов и мещан – 22, солдат и крестьян – 22) [4. ГИАОО. Ф. 45 (Омское первое Высшее начальное училище и другие Омские приходские училища Западно - Сибирского учебного округа, г. Омск (1858 - 1919)). Оп.1. Д. 17, Л. 4, Л. 456]. В 1857 г. количество учеников увеличилось в два раза.

Со временем в Омске возникают образовательные учреждения для девочек. По данному вопросу ещё в середине XIX в. генерал-губернатор Г. Х. Гасфорт, отмечая недостаток женских учебных заведений в Западной Сибири, высказывался об открытии женского пансиона в Омске и женских приходских училищ в других городах, «в коих дочери местных жителей могли бы получать хотя бы самые необходимые элементарные познания в науках» [2]. В результате в 1858 г. уже действовала Омская *мещанская девичья школа*, с детским приютом «Надежда», в которых в последнее время воспитывалось 75 девиц [13]. В 1860/61 учебном году уже обучалось 90 девочек. Впоследствии в 1861 г. эта школа была преобразована в *женское училище II разряда*, в 1863 г. – в Омскую *женскую гимназию* почётных граждан Поповых (среднее общеобразовательное учебное заведение) [5].

Развитие просвещения привело к нехватке педагогических кадров. Во второй половине XIX в. вопрос о необходимости развития образовательной системы как средства воспитания и развития населения получил официальное признание. В результате в Омске в 1872 г. открывается *учительская семинария* (первое заведение подобного рода в Западной Сибири), готовившая учителей для городских, уездных и начальных училищ в течение трёх лет. В том же году начали обучение 19 человек. Данная семинария не имела статуса среднего учебного заведения и занимала промежуточное положение между начальной и средней школой, поэтому её выпускники не могли поступать в высшие учебные заведения [4. ГИАОО. Ф. 115 (Омская учительская семинария (1872 - 1919)). Оп. 1].

Тем не менее, в городе продолжают появляться общеобразовательные учебные заведения: в 1877 г. учреждена *женская прогимназия*, в 1879 г. открыто *мужское приходское Крестовоздвиженское училище*, являющееся общегражданским начальным учебным заведением для представителей всех сословий. В училище преподавали *родной язык* и *арифметику*.

Всего к 1881 г. в Омске насчитывалось 20 учебных заведений. При этом особым типом сословно-профессиональных учебных заведений оставались военные школы. В октябре 1878 г. в Омске открывается *ветеринарно-фельдшерская школа* Сибирского казачьего войска для подготовки в строевые части войска ветеринарных фельдшеров. В основу преподавания была положена программа Томской ветеринарно-фельдшерской школы, согласно которой учениками 1 класса изучались – *закон Божий, русский язык, латинский язык, арифметика, ботаника, зоотомия, физиология*; 2 класса – *общая патология, фармакогнозия, фармация, фармакология, рецептура, зоохирургия*; 3 класса – *эпизоотия, оперативная хирургия, акушерия* [4. ГИАОО. Ф.113 (Омская центральная фельдшерская школа (1883–1890)). Оп. 1].

Учитывая возрастающие потребности региона в квалифицированных специалистах технического профиля, по ходатайству генерал-губернатора Н. Г. Казнакова, в декабре 1882 г. в Омске было открыто *низшее механико-техническое училище* имени императора Александра III, носившее характер специальной школы без изучения общеобразовательных предметов [4. ГИАОО. Ф. 43 (Омское низшее механико-техническое училище Министерства народного образования г. Омска (1882–1917)). Оп. 1]. В 1894 г. появляется *техническое железнодорожное училище*.

В результате развития разных направлений в образовании в Омске в 1890-е годы действовали *мужская гимназия, женская гимназия, женская прогимназия, учительская семинария, техническое училище, фельдшерская школа, ветеринарно-фельдшерская школа, кадетский корпус*. Число учащихся в них составило более 1300 человек [14]. Также функционировала в городе с 1894 г. *женская воскресная школа*. В 1895 г. открыта первая в Сибири *лесная школа*. При Никольской церкви в 1897 г. учреждены Николаевское *мужское приходское училище* и *4-классная школа* для девочек и т. п. [1].

В результате в Омске продолжает формироваться слой интеллигенции, связанный с педагогикой. Согласно данным переписи 1897 г., в Омске насчитывалось 654 человека, которые занимались учебной и воспитательной деятельностью (включая членов семей) [11]. При этом наблюдается дефицит женских кадров (на 10 учителей с образованием приходилась одна женщина).

В 1906 г. в городе открывается среднее учебное заведение – *женское епархиальное училище*, в котором обучались только дочери священников, которые по окончании могли быть учителями в начальных школах.

С начала XX в. важной особенностью процесса развития сети учебных заведений в Сибири является открытие их частными лицами с привлечением средств общественности. Так, в 1903 г. открыта частная гимназия М. П. Эйнорович, а затем в 1907–1908 гг. – вторая (преобразованная из женской прогимназии) и третья женские гимназии. В 1912 г. открыты вторая *мужская гимназия, гимназии* для детей обоего пола М.В. Каеш (1914) и Н. Ф. Шанской (1914) [3]. В октябре 1915 г. учреждению М. В. Каеш было присвоено наименование «*частная гимназия*», гимназия Н. Ф. Шанской получила статус *частного учебного заведения второго разряда*.

В Омске продолжают появляться различные профессиональные учебные заведения. В 1910 г. открыто *Коммерческое училище* (внесловное открытое среднее учебное заведение) в составе двух отделений: экономического и коммерческо-технического [4. ГИАОО. Ф. 42 Омское коммерческое училище Министерства торговли и промышленности (1910–1920 гг.)). Оп. 1], также были открыты отделение *торговых классов* Общества просвещения Министерства торговли, *торговые классы* Омского биржевого общества (1911 г.) и *Омская торговая школа* (1912 г.). В 1911 г. появляется *землемерное училище*, дающее право на обучение в Межевом институте в Москве [4. ГИАОО. Ф. 64 (Омское землемерное училище (1872–1923)). Оп. 1]. В 1912 г. на базе низшей *школы молочного хозяйства* (1903 г.) сформировано Омское среднее *сельскохозяйственное училище*, состоящее из двух отделений (сельскохозяйственного и культурно-технического) [4. ГИАОО. Ф. 65 (Омское среднее сельскохозяйственное училище (1911–1919)). Оп. 1], финансируемых за счёт средств государственного казначейства и местных источников.

В 1912 г. появляется среднее специальное учебное заведение нового типа – *учительский институт* (с трёхгодичным обучением). В нём изучались *Закон Божий, русский язык, математика с началами алгебры, история, география, физика, естествознание* (с методикой), *педагогика, черчение, рисование, пение, гимнастика, практика* в школе [4. ГИАОО. Ф. 94 (Омский учительский институт (1912 - 1914)). Оп. 1. Д. 5]. В 1916 г. состоялось открытие *музыкального училища*.

В результате в Омске в 1916 г. действовало 24 учебных заведения, в том числе 11 средних общеобразовательных и 13 средних и низших профессиональных [10; 12]. Осенью 1917 г. появляется первое *высшее* учебное заведение – *Коммерческий институт*, в составе двух отделений: коммерческо-технического и экономического.

Итак, изучение архивных документов позволил выделить основные этапы формирования образовательной составляющей Омска и кратко представить её основные этапы.

1. Образование в городе-крепости. Региональной особенностью данного периода является преобладание охранительной функции, что ведет к преобладанию профессионального военного образования, получаемого только лицами мужского пола. В результате формируется сословно-корпоративное обучение, в т. ч. и для детей других национальностей и вероисповеданий

В XVIII в. также можно было получить домашнее, церковное, общеобразовательное образование. Первые государственные школы позволяли получать начальные и практические знания наряду с

основами богословия. (Хотя в XVIII в. предполагалось изучение богословия только в епархиальных школах.) Детям дворян разрешено было получать домашнее образование. Основы грамотности девочки получали при домашнем обучении.

2. Образование в малом уездном городе. В начале XIX в. Омск сохраняет охранительную функцию, поэтому воспитание военных является первоочередной задачей. В результате кадетский корпус становится «рассадником юных поколений» для всех городов Сибири. Другие учебные заведения города также способствовали расширению «местного» слоя образованных людей. Распространено домашнее обучение.

3. Образование в управленческом городе. При преобладании административно-управленческой функции во второй половине XIX в. требуется увеличение военной и городской интеллигенции, рост грамотности населения и т. п., что приводит к созданию различных типов образовательных учреждений (в т. ч. женских).

4. Образование в торгово-промышленном городе. Транссибирская магистраль, прошедшая через Омск, определяет торгово-промышленную функцию города. Наблюдается рост промышленности и торговли, что требует подготовки кадров, в т. ч. квалифицированных специалистов технического профиля,

В начале XX в. Омск становится лидером по количеству частных учебных заведений с гимназическим курсом в Западной Сибири. В границах города наряду с государственными учебными учреждениями функционируют земские, церковно-приходские, воскресные и частные школы для лиц обоего пола. Создаётся сеть профессиональных учебных учреждений (в т. ч. для женщин). Закладываются основы высшего образования.

Библиографический список

1. Акмолинские областные ведомости. 1897 г.
2. Балакшина О. Н. Запись её воспоминаний о декабристах в Сибири / О. Н. Балакшина // Декабристы в воспоминаниях современников – М. : МГУ. – 1988. – 375 с.
3. Гач О. Б. Развитие среднего образования в негосударственных учебных заведениях Западно-Сибирского учебного округа в начале XX века / О. Б. Гач // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане. – Омск, 2009. – С. 94–96.
4. ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области.
5. Горелова Ю. Р. Из истории развития низшей и средней школы в Омске (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю. Р. Горелова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2005. – № 11. – С. 236–242.
6. Ильина Л. Постигая премудрости грамоты / Л. Ильина // Третья столица. – № 18. – 2005 – С. 10.
7. Из истории Омска (1716–1917). Очерки, документы, материалы. – Омск, 1967. – 223 с.
8. Ищенко О. В. Формирование и развитие системы среднего специального и профессионального образования в г. Омске на рубеже XIX–XX вв. / О. В. Ищенко // История образования и просвещения в Западной Сибири. – Омск, 2007. – С. 145–150.
9. Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Т. 1. / И. И. Завалишин – М., 1862.
10. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. – Томск, 1916. – 121 с.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81. – СПб., 1904.
12. Сковородина И. С. К истории Омского среднего сельскохозяйственного училища (1911–1917 гг.) / И. С. Сковородина // Омск. XX век (вехи истории). – Омск, 2001. – С. 30–31.
13. Тобольские губернские ведомости. – 1862. – № 18. Часть неофициальная.
14. Толочко А. П. Среднее специальное образование в Омске в конце XIX – начале XX вв. / А. П. Толочко // Музей и общество на пороге XXI века. – Омск, 1998. – С. 102–104.

A. A. Yunakovskaya, Omsk state University n. a. F. M. Dostoevskiy

FROM THE EXPERIENCE OF «THEME» TO DESCRIBE ARCHIVAL DOCUMENTS ON THE BASIS OF CONTENT ANALYSIS

Discusses the formation of general and professional education of the 18th-early 20th centuries for example of the Omsk Fortress (city Omsk (1782 ad)). Research is the result of content-analysis of the archived documents, reflecting the different types of discursive practices, conducted with support on key thematic concepts. Analysis of the changing nature of educational institutions in town, of new types of causes of general and vocational schools. Development of education is related to carried out by a city by a basic function: the enforcement of new territories (XVIII th century), the military-administrative function in Western Siberia (first half of the XIXth century), industrial and commercial (end of XIXth century – beginning of XX th century).

Keywords: schooling, lower and upper secondary education, the regional feature of the educational component.

References

1. *Akmolinskie oblastnye vedomosti*. 1897 g. [Akmola regional statements]. 1897.
2. Balakshina O. N. *A recording of her memories of the Decembrists in Siberia*. Dekabristy v vospominaniyah sovremennikov. Moscow, Moscow state University Publ., 1988. 375 p.
3. Gach O. B. Development of secondary education in private educational institutions of the West Siberian educational district at the beginning of the twentieth century. *Istorija obrazovaniya i prosveshheniya v Sibiri i Kazahstane*. Omsk, 2009. p. 94–96.
4. GIAOO – Gosudarstveniy istoricheskiy archive omskoy oblasti.
5. Gorelova Y.R. of lower and secondary schools in Omsk (second half of XIX – beginning of XX century). *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja*. Omsk, 2005. No 11. p. 234–242.
6. Ilyina L. Learning the wisdom of ratification. *Tret'ya stolica*. No 18. 2005. P. 10
7. Iz istorii Omska (1716–1917). Ocherky, dokumenty, materialy [From the history of Omsk (1716–1917). Essays, documents, materials] Omsk, 1967. p. 223.
8. Ishenko O.V. the Formation and development of the system of secondary special and professional education in Omsk at the turn of XIX–XX centuries. *Istorija obrazovaniya i prosveshheniya v Zapadnoj Sibiri*. Omsk, 2007. p. 145–150.
9. Zavalishun I. I. Opisaniye Zapadnoy Sibiri [Description Of Western Siberia] Vol. 1. Moscow. 1867.
10. Pamyatnaya knizhka Zapadno – Sibirskogo uchebnogo okruga na 1916 g. [Memorial book of the West Siberian educational district in 1916] Tomsk. 1916. 121 p.
11. Pervaya vseobshaya perepisy naseknyan Rossiyskoy imperii. 1897. T. 81. [The first General census of the Russian Empire in 1897] Vol. 81. St. Petersburg. 1904.
12. Skovorodina I. S. K istorii Omskogo srednego selyskochozyaystvennogo uchilisha (1911–1917) Omsk. Twentieth century (milestones of history). Omsk, 2001. p. 30–31.
13. Tobolskiye gubernskie vedomosti. 1862. [Tobolsk provincial Gazette] No18. Chasty neoficialnaya.
14. Tolochko A. P. Secondary special education in Omsk in the end of XIX – beginning of XX centuries. *Muzej i obshchestvo na poroge XXI veka*. Omsk, 1998. p. 102–104.

© А. А. Юнаковская, 2016

Автор статьи – Алла Анатольевна Юнаковская, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: a.yunakovskaja@mail.ru

Рецензенты:

О. В. Попова, кандидат филологических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Л. О. Бутакова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 81'38; 801.6; 808

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.86

А. В. Смирнова,
Московский педагогический государственный университет

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассмотрено явление сравнительного оборота в контексте выражения личного отношения и передачи эмоционального состояния персонажа. Дана краткая характеристика оборота в русском и немецком языках. Далее представлены примеры сравнения в предложении и анализ его употребления в речи. В конце даны выводы по данной проблематике. Материалы статьи носят практический характер и могут быть использованы на лекциях и практических занятиях языковых факультетов, а также упомянуты в исследовательских работах.

Ключевые слова: сравнительный оборот, эмоциональное состояние, лексическое выражение, категория света, категория тепла / холода, категория жизни / смерти.

Человеку по своей природе свойственно делиться своими эмоциями и переживаниями, высказывать личное мнение, а значит, и отношение к разным предметам и событиям. Для этого часто употребляется

форма сравнительного оборота. В данной статье мы рассмотрим понятие сравнения в контексте передачи чувств и эмоций, а также лексические формы его выражения.

Толковый словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой даёт следующее определение сравнению: «Сравнение – 2. Слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой» [1].

Словарь-справочник лингвистических терминов добавляет, что в русском языке сравнение может выражаться: творительным падежом, например, «Снежная пыль столбом стоит в воздухе» (Б. Л. Горбатов); формой сравнительной степени прилагательного или наречия, например, «Ты всех милее, всех дороже, русская, суглинистая, жёсткая земля» (А. А. Сурков); оборотами со сравнительными союзами «как», «чем», «точно», «подобно», «словно», например, «Внизу, как зеркало стальное, синют озера струи» (Ф. И. Тютчев); лексически, при помощи слов «подобный», «похожий» и т. п., например, «Её любовь к сыну была подобна безумию» (М. Горький).

Выделяют простые, развёрнутые и отрицательные сравнения. Последние строятся на противопоставлении двух предметов или явлений, например: «То не кукушка в роще тёмной кукует рано на заре, – в Путивле плачет Ярославна одна на городской стене» («Слово о полку Игореве»). Простое сравнение – сравнение двух предметов, явлений по одному общему у них признаку: «Её уста, как роза, рдеют» (А. С. Пушкин). Развёрнутое сравнение построено на сопоставлении многих схожих черт, например: «Он (стихотворение Пушкина) нежен, сладостен, мягок, как рокот волны, тягуче густ, как смола, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл, душист и благовонен, как весна, крепок и могуч, как удар меча в руках богатыря» (В. Г. Белинский) [2].

В немецком языке основным средством выражения сравнения также является сравнительный союз «как» (нем. wie). С его помощью говорящий напрямую связывает своё внутреннее эмоциональное состояние с описываемыми предметами или событиями. Вержбицкая отмечает, что основным способом описания когнитивно основанных чувств является сравнительный оборот «как» [3, 305]. Здесь денотативная область может обладать как конкретными, наглядными характеристиками, так и абстрактными, например: Ich fühle mich wie im Himmel/ im Paradies/ im Märchen/ in der Hölle/ im Gefängnis/ in der Wüste/ in einem Albtraum/ in einem Käfig.

В состав сравнительного оборота могут входить лексические единицы, обозначающие характеристики объекта (качества человека, предмета), указание места (как реального, так и вымышленного), а также телесные состояния:

Denn wir sind wie Baumstämme im Schnee. (Franz Kafka)

Wie ein wilder Büffel stürmte er in seinem Zorn. (Franz Kafka)

Ihr war es, als sei sie im Dornröschenschloss. (Franz Kafka)

Sie fühlte sich wie in der Karibik. (Franz Kafka)

Ihm war, als würde er zum zweiten Mal geboren, nein, ... zum ersten Mal ... (Patrick Süskind, Das Parfum)

Sie fühlte sich wie durchgeschleudert. (Nadia Kouteva, Die Kerne im Schuh)

Подобный способ употребления сравнения может быть упрощён и использован без сравнительного союза «как». В следующих примерах устанавливается прямое сравнительное соотношение на основе идентичности: Ich bin doch ein Idiot/ Volltrottel/ Narr/ Rindvieh/ Esel/ Blödmann/ Glückspilz.

В литературе можно также найти многочисленные примеры, где эмоции передаются в сравнении с телесными ощущениями и состояниями, а также ситуациями, сложившимися в том или ином пространстве:

Ihr war, als ob ihr Herz brach.

Er sitzt mir im Nacken.

Das Herz ist mir schwer vor Kummer. (Franz Kafka, Tagebuch)

Frieling platzte nun bald aus der Wut, die ihm eng wurde wie ein Korsett beim Schnüren. (Kathrin Schmidt, Königs Kinder)

Sie fühlte sich wie unter einer Glocke.

Ihr war, als ob sie ihre Wut herausspucken müsse. (Lore Berger, Der barmherzige Hügel)

Анализируя способы передачи негативных эмоций, а точнее таких отрицательных состояний, как ярость, гнев, скорбь, страх, отчаяние, и в эксплицитных, и в имплицитных сравнениях явно доминируют слова со значением «смерть» и «умирать»:

Ich aber schwankte dort oben, es ist leider kein Tod, aber die ewigen Qualen des Sterbens. (Franz Kafka)

Ich fühle mich/ sehe aus wie eine Leiche.

Ich fühle mich wie tot./ Ich bin wie tot.

Sie macht gerade die Hölle durch.

Также, в связи с этой темой, часто используется цветовая категория, а точнее слова «тёмный» или «чёрный»: Ohne dich sind alle Tage grau dunkel.

Чтобы показать состояние ярости или гнева, в выражениях часто упоминается нечистая сила и её главный протагонист:

Ach, geh zum Teufel./ Der Teufel soll dich holen.

Verdammt soll er sein./ Verdammt noch mal.

Fahr doch zur Hölle./ In der Hölle soll er schmoren.

В контексте передачи негативного отношения апеллируют температурными категориями. Ощущая леденящее разочарование, ярость, страх, опасения, скорбь, мы используем слова в рамках концепта «холод»:

Kalt griff die Angst nach ihrem Herzen.

Es lief ihm eiskalt über den Rücken.

Sie litt unter seiner Gefühlskälte.

Говоря о передаче положительных эмоций, таких как счастье, радость, любовь, в первую очередь, в сравнительных оборотах используются слова, несущие в себе значение света, яркости, цвета светлых оттенков:

... überall Tag, wo die Liebe lacht. (Franz Grillparzer, Melusina)

Sie war glänzender Laune.

Sie strahlte vor Freude.

Ihr Glück zauberte ein Leuchtfeuer auf ihr Gesicht.

Положительные эмоции ассоциируются также с теплом и кодируются соответствующим образом. Выражения с подтекстом эротики и сексуальности получают, как следствие, более высокий градус, повышая его с теплоты до жары:

Ich war von warmen Glück durchströmt. (Richarda Huch an Richard Huch)

Heiße Küsse gab er ihr.

Glühendheiß spürte er sein Verlangen.

Также характер эмоций различается и в рамках нахождения в пространстве: положительные эмоции связаны с высотой, негативные – с глубиной, и следующим способом реализуются на языковом уровне:

Auf dem Tiefpunkt ihres Lebens kam sie wieder zu sich.

Bodenlos schien ihr Fall zu sein.

Sie fühlte sich wie im Himmel.

Hoch hinaus wollte sie in ihrem Glück.

При упоминании негативных эмоций и отрицательных высказываний о том или ином человеке, часто используют слова, обозначающие животных или их качества:

Die Kuh/ Ziege/ Der Ochse/ Das Schwein/ Die Ratte/ die Natter ...

Sie spann ihre intriganten Fäden immer weiter.

Wie eine gereizte Hornisse griff sie ihn an.

Diese linke Bazille nutzt ihr Mitleid nur aus.

Обозначения животных реализуются также и при положительной оценке, например, как уменьшительно-ласкательное имя (Hase, Bär ...), и по меньшей мере в форме диминутива (Schäfchen, Lämmchen, Vögelchen). В данном контексте чаще упоминаются животные определённой группы (семейства), в которой распространено употребление названия их детёнышей в качестве уменьшительных обращений (Mäuslein, Rehlein). Сравните, например, слова из категории «птица»:

Mein Spatz/ mein Goldkehlchen!

?? Mein Aasgeier! ?? Mein Flamingo!

Итак, целью использования сравнительных оборотов в тексте служит усиление его художественной выразительности, выделение или подчёркивание выдающихся признаков описываемых предметов или явлений, а также выражение эмоций и личного отношения говорящего.

Проанализировав способы употребления сравнения в речи, выделяем категорию цвета / света, жизни / смерти, тепла / холода: положительные эмоции всегда светлы, несут в себе жизнь и тепло, отрицательные эмоции мрачны, холодны, овеяны смертью. Также распространено сравнение предметов и людей с животными или их характеристиками; если о них говорят в позитивном ключе, то используют уменьшительно-ласкательные формы речи.

Любой язык богат и многогранен и служит средством коммуникации и обмена информацией. А использование стилистических средств для выражения эмоций и переживаний делает речь более красочной, часто обогащает её новыми оборотами и высказываниями.

Тематика данной статьи является актуальной, поскольку проблематика поставленного вопроса вызывает глубокий интерес в современной лингвистике. Проблема исследования способов выражения эмоциональности до конца ещё не изучена и представляет большой интерес для исследователей.

Библиографический список

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – издание 3-е, стереотипное – М. : Изд. АЗЪ, 1996. – 748 с.
2. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/linguistics/Sravnenie-615.html>, свободный
3. Wierzbicka, A. *Language across languages and cultures. Diversity and universals*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.

A. W. Smirnova, Moscow State Pedagogical University

COMPARISON AS MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONALITY IN GERMAN LANGUAGE

In this article we observe the phenomenon of a comparison in the context of expression of the personal relation and transfer of an emotional condition of the character. Comparison is the word or expression that contains likening of one subject to another, one situation to another. There exist simple, comprehensive and negative comparisons. In German language this term can be direct or abstract. Then there are given some examples of the comparison in the sentences and the analysis of its use. The purpose to use it in the text is strengthening of expressiveness, underlining some signs of the described subjects or phenomena or expression of emotions and personal opinion of the speaker. Having analysed the ways of using the comparison in the speech, we can mark out the category of color / light, life / death, heat / cold. So that positive emotions are always light and bring life and heat, negative emotions are gloomy, cold, bring the feeling of death. Widespread is the comparison of subjects and people with animals or their characters. Speaking about them positively, we use diminutive-hypocoristic forms of the speech. So, the usage of certain stylistic means for expression of emotions makes the speech more colourful and often enriches it with new turns and statements. Materials of this article have practical character and can be used at lectures and seminars of stylistics and at speech practice trainings at the language faculties, and also can be mentioned in research works.

Keywords: comparative turn, emotional state, lexical expression, category of light, category of heat / cold, category of life / death.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Moscow, 1996. 748 p.
2. Rozental' D.Je., Telenkova M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov*. Jelektronnyj resurs [Dictionary reference of linguistic terms] – Access: <http://enc-dic.com/linguistics/Sravnenie-615.html>
3. Wierzbicka A. *Emotion across languages and cultures. Diversity and universals*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1999. 364 p.

© А. В. Смирнова, 2016

Автор статьи – Анна Владимировна Смирнова, аспирантка, Московский педагогический государственный университет, e-mail: annettchen@yandex.ru

Рецензенты:

Н. М. Наер, кандидат филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет.

Н. В. Мельникова, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Е. Н. Белая,

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ, РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ГЛАЗА» С СЕМАНТИКОЙ ДЕЙСТВИЙ И ПОСТУПКОВ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена национально-культурной специфике английских, французских, русских фразеологических единиц с компонентом «глаза» с семантикой действий и поступков человека. Во внутренней форме многих устойчивых словосочетаний закрепляются те аспекты, которые ассоциируются с эталонами, стереотипами, мифологемами, архетипами. Компоненты фразеологических единиц соотносятся с различными кодами культуры (соматическим, зооморфным, предметным и т. д.).

Ключевые слова: культурная коннотация, архетип, символ, эталон, ритуалы, код культуры.

Язык является не только средством коммуникации, но и культурной памятью его носителей. Фразеология в этом плане занимает особое положение. Фразеологический корпус любого национального языка является своеобразным источником знаний о культуре того или иного народа. В глубинных связях устойчивых словесных комплексов закодированы сообщения о мире конкретной страны: о её истории, о душевном складе народа, об образе жизни в разные времена и др.

Утверждение о наличии в языковых единицах культурной информации предполагает существование категории, соотносящей язык и культуру, которая позволяет описывать их взаимодействие. Способом воплощения культуры в языковой знак является культурная коннотация.

Согласно В. Н. Телия, культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры [1]. Категориями культуры являются стереотипы, эталоны символы, архетипы, мифологемы, ритуалы и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры.

Согласно В. А. Масловой, во внутренней форме большинства фразеологических единиц (ФЕ) содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит [2]. И именно во внутренней форме фразеологизма закрепляются те аспекты, которые ассоциируются с эталонами, стереотипами, мифологемами, архетипами.

Кроме того, лингвокультурологический анализ осуществляется через коды культуры, которые определяются, согласно В. Н. Телия, как таксономический субстрат её текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в неё природных объектах, артефактах, явлениях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений [3].

В настоящей статье мы рассматриваем фразеологические единицы с компонентом «глаза» во французском, русском, английском языках. Они имеют значительный удельный вес во фразеологическом фонде рассматриваемых нами языков.

Большое количество русских, французских и английских ФЕ с компонентом «глаза» представлено в лексико-семантической группе «действия и поступки человека»: *мозолить глаза, закрывать глаза на что-либо, пыль в глаза пустить, колоть глаза, отводить глаза (в значении «намеренно отвлекать кого-либо от чего-либо»), jeter de la poudre aux yeux à qn, fermer les yeux, avoir les yeux malades, détourner les yeux, close one's eyes to smth, do smb. in the eye, blear somebody's eyes, say black in somebody's eye* и другие. Следует отметить, что действия и поступки человека, выраженные во многих ФЕ, носят негативный характер.

Например, в английском, французском и русском языках есть ФЕ *пускать пыль в глаза, jeter de la poudre aux yeux, blear smb's eyes*.

Французская ФЕ *jeter de la poudre aux yeux à qn* означает «пускать пыль в глаза, вводить в заблуждение, создавать ложное представление о себе у кого-либо». Согласно А. Г. Назаряну, источником данного выражения послужили соревнования в беге, проводившиеся в Древнем Риме. Бегун, шедший впереди, поднимал пыль, которая попадала в глаза тех, кто следовал за ним, и таким образом затруднял бег своих противников [4]. Компонент *jeter* соотносится с акциональным кодом культуры, компонент *poudre* – с вещественным кодом культуры, компонент *yeux* с соматическим кодом. Образ

ФЕ отображает стереотипное представление о ситуации, когда необходимо скрыть истинное положение вещей, ввести кого-либо в заблуждение.

В русском языке тоже имеется ФЕ *пускать пыль в глаза*, которая считается калькой с французского языка и употребляется с XVIII века. Есть русское выражение *бросать песок в глаза*. А. К. Бирх считает, что русское выражение связано с историческим случаем – тяжёлым поединком в Москве в XVI веке между литовцем и русским. Литовец во время боя подскочил к противнику и бросил в щель забрала шлема щепотку песка, так что ослепил и победил его [5].

В английском языке тоже есть фразеологическая единица с подобным значением, это *blear smb's eyes*. Но внутренняя форма данного выражения отличается от русской и французской. Компонент ФЕ *blear* означает «застилать плёнку, затуманивать» и соотносится с акциональным кодом культуры, компонент *eyes* соотносится с соматическим кодом культуры. Образ ФЕ отображает стереотипное представление о ситуации, когда необходимо скрыть истинное положение вещей, ввести кого-либо в заблуждение.

С отрицательными действиями и поступками можно рассмотреть и другие ФЕ, например, *закрывать на что-либо глаза*, *fermer les yeux sur qch*, *close one's eyes to smth*. Данные ФЕ означают «намеренно не обращать внимание, не реагировать». В основе ФЕ лежит метонимия «глаза – зрение», т. е. перенос названия по смежности с видения на понимание. *Глаза / yeux / eyes* как орган зрения уподобляются способности человека замечать что-либо, обращать внимание на происходящее вокруг него. ФЕ восходят к древнейшему архетипическому противопоставлению «свет-тьма» и к символически связанному с ним противопоставлению «жизнь-смерть». Компоненты ФЕ *закрывать / fermer / close* соотносятся с антропным кодом культуры; компоненты *глаза / yeux / eyes* – с соматическим кодом. Образ ФЕ основан на жестовой (мимической) символизации поведенческого акта. Нежелание видеть, замечать что-либо противоречит культурным установкам, согласно которым зрение – символ одной из наивысших ценностей в бытовой, социальной и духовной жизни человека. ФЕ передают стереотипное представление о нежелании замечать чьи-либо недостатки, реагировать на существующие трудности, явные ошибки, нарушения и т.п. В английской, французской и русской единицах совпадают значение и внутренняя форма.

В рассматриваемых нами языках есть и другие ФЕ с компонентом «глаза» с семантикой отрицательных поступков и действий.

Например, в английском языке ФЕ *do smb in the eye* означает «обманывать кого-либо». Образ ФЕ восходит к древнейшей форме осознания соматической части тела как целого. Компонент *do* соотносится с акциональным кодом культуры, компонент предлог *in* соотносится с пространственным кодом культуры, компонент *eye* – с соматическим кодом. ФЕ передает стереотипное представление о лжи.

Английская ФЕ *spit in smb's eye* означает «плевать на кого-либо, не обращать внимания на кого-либо, равнодушно относиться к кому-либо». Образ ФЕ восходит к древнейшей форме осознания соматической части тела как целого. Компонент *spit* соотносится с акциональным кодом культуры. Сам глагол *spit* символизирует равнодушное отношение к кому-либо, а в сочетании с предлогом *in* соотносится с пространственным кодом культуры. Компонент *eye* соотносится с соматическим кодом культуры. ФЕ передаёт стереотипное представление о равнодушном отношении к кому-либо.

В русском языке ФЕ *мозолить глаза* означает «раздражать своим постоянным присутствием». Компонент данного выражения *мозолить* может принадлежать к антропному и соматическому кодам культуры, компонент *глаза* соотносится с соматическим кодом. В основе образа ФЕ лежит метонимическое отождествление глаз и зрения, основанное на смежности перцептивного восприятия и эмоционального отношения, которое за ним следует. ФЕ передает стереотипное представление о надоедливом, вызывающем раздражение постоянном присутствии кого-либо, чего-либо.

Русская ФЕ *колоть глаза* означает «попрекать, укорять, порицать кого-либо». ФЕ произошла от поговорки «Правда глаза колет». Образ ФЕ восходит к одной из древнейших для окультуренного осознания мира форм – к мифологическому его восприятию, для которого характерно, в частности, представление абстрактных значений в конкретной форме. В данном случае говорение, речь метафорически уподобляются колющему предмету, оружию (ср. метафору «язык – острое оружие», а также выражение *тыкать в глаза*), которым можно *колоть* [5]. Компонент ФЕ *глаза* соотносится с соматическим кодом культуры. Следует отметить, что глаза, принадлежащие к телесному коду, благодаря антропоморфной метафоре уподобляются тому, что способно ощущать боль. ФЕ выступает в роли стереотипа протеста против порицаний.

ФЕ *говорить в глаза* означает «говорить кому-либо неприятные вещи прямо и открыто». Выражение собственно русское, производное от устаревшего оборота «плевать в глаза», а также выражающего порицание, но в более резкой форме [5].

Русская ФЕ **протереть глаза денежкам** означает «потратить деньги впустую, растратить деньги». Выражение основано на олицетворении понятия «деньги», которые здесь, как и все живые существа, имеют глаза. Допускается и другой подход, на основе поговорки «*Торг без глаз, а деньги слепы: за что отдаешь, не видят; У денег глаз нет*».

Русская ФЕ **отводить глаза** означает «намеренно отвлекать чье-либо внимание от чего-либо». Это народное выражение основывается на суеверном представлении, что колдуны, знахари, нечистая сила умеют напускать наваждение, или мару, на глаза, в результате чего человек не видит того, что перед ним, и наоборот, видит то, чего вовсе нет. А.К. Бирих утверждает, что выражение восходит не только к знахарству и гаданиям, но и к шулерству, когда для успеха дела нужно было отвлечь внимание [5]. ФЕ связывается с обычаем заезжих жуликов на старых базарах, особенно в ярмарочные дни, «ловко отводить глаза», усыпляя тем самым бдительность ротозеев показом чудес в решете.

В трёх языках есть ФЕ с компонентом «глаза» со значением положительных поступков и действий, например, **открыть глаза кому-либо на что-либо**, **ouvrir les yeux à qn**, **open smb's eyes to smth**, которые означают «открыть глаза на что-либо, открыть кому-либо истинное положение вещей». В основе ФЕ лежит метонимия «глаза – зрение», т. е. перенос названия по смежности с видения на понимание. **Глаза / yeux / eyes** как орган зрения уподобляются способности человека замечать что-либо, обращать внимание на происходящее вокруг него. ФЕ восходят к древнейшему архетипическому противопоставлению «свет-тьма» и к символически связанному с ним противопоставлению «жизнь-смерть». Компоненты ФЕ **открывать / ouvrir / open** соотносятся с антропным кодом культуры; компоненты **глаза / yeux / eyes** – с соматическим кодом. Образ ФЕ основан на жестовой (мимической) символизации поведенческого акта. ФЕ служит стереотипом ясного представления о ситуации, её полного понимания, раскрытия истинного положения вещей. В английской, французской и русской единицах совпадают значение и внутренняя форма.

В трёх языках есть ФЕ со значением «делать что-либо только из чувства симпатии, бескорыстно, даром, просто так»: **делать что-либо ради красивых глаз**, **faire qch pour les beaux yeux de qn**, **do for smb's fair eyes**, **do for the sake of smb.'s beautiful eyes**.

Французская ФЕ **faire qch pour les beaux yeux de qn** означает «делать что-либо ради красивых глаз». Выражение пришло из комедии французского драматурга Ж. Б. Мольера «Жеманницы» (1660). Отвергнутые жеманницами поклонники застают у них своих более счастливых слуг, выдававших себя за маркиза и виконта. Один из поклонников восклицает: «И если вы полюбите их, то это действительно будет ради их прекрасных глаз». Образ ФЕ восходит к древнейшей архетипической оппозиции «красивый – некрасивый». Компонент **faire** соотносится с акциональным кодом культуры, компонент **yeux** – с соматическим кодом, компонент **beaux** – с оценочно-качественным кодом культуры. В основе образа ФЕ лежит соматическая метафора, уподобляющая причину, основание для совершения бескорыстного действия, поступка, не предполагающего материальной выгоды, привлекательной внешности человека, а именно наличию у него прекрасных глаз. ФЕ выступает в роли стереотипного представления о поступках, действиях, поведении, не преследующих личной выгоды.

Русская ФЕ **делать что-либо ради прекрасных глаз** означает «делать что-либо только из чувства симпатии, бескорыстно, даром, просто так». ФЕ является калькой французской ФЕ **faire qch pour les beaux yeux de qn**. Компонент ФЕ **делать** соотносится с акциональным кодом культуры, компонент **ради** в значении «из-за, по причине» соотносится с каузативным, т. е. причинным, кодом культуры, предоставляющим информацию об источниках, основаниях, благодаря которым совершается что-либо. Компонент ФЕ **прекрасных** соотносится с оценочно-качественным кодом культуры, а компонент **глаз** – с соматическим кодом. Согласно Большому фразеологическому словарю русского языка под ред. В. Н. Телия, образ ФЕ **делать что-либо ради прекрасных глаз** восходит к средневековой культуре и связан с культом Прекрасной дамы, сформировавшим особую форму отношений между рыцарем и его избранницей. Согласно средневековым источникам, отношения рыцаря и дамы приравнивались к отношениям сеньора и вассала. Рыцарь должен был избрать себе объект поклонения и служить избранной даме как своему сеньору, даже если его чувство никогда не было вознаграждено. Особое значение в рыцарском кодексе придавалось бескорыстности, честности в отношениях, готовности к самопожертвованию и самоотречённости. Ради своей избранницы рыцари были готовы на всё, они часто давали обеты и клятвы, выполнение которых было сопряжено с особыми трудностями. Впоследствии культурная установка на служение даме становится неким стандартом поведения мужчин, требующим от них соответствия нормам благородного поведения [6]. Поэтому отнесённость образа ФЕ к мужчине или женщине влияет на его восприятие: совершение чего-либо ради прекрасных

глаз женщин часто осмысливается положительно, ради прекрасных глаз мужчин – неодобрительно, иронично, иногда пренебрежительно, поскольку воспринимается как нарушение сложившейся на протяжении столетий культурной установки. В современной интерпретации идея бескорыстного служения кому-либо, лежащая в основе образа ФЕ, утрируется, приобретая символический оттенок незаслуженного отношения: кому-то делают что-то как одолжение, не имея для этого достаточных оснований, а только из-за личного расположения, симпатии. ФЕ выступает в роли стереотипного представления о поступках, действиях, поведении, не преследующих личной выгоды.

Английская ФЕ *do for smb's fair eyes* означает «делать что-либо ради прекрасных глаз». Компонент *do* соотносится с акциональным кодом культуры, компонент *eyes* – с соматическим кодом, компонент *fair* – с качественным кодом культуры. В отличие от русского и французского языков, в английском языке это звучит как «делать что-либо ради светлых глаз».

В трёх языках есть ФЕ с компонентом «глаза», которые используются в значении «кокетничать с кем-либо»: *положить глаз на кого-либо, на что-либо, стрелять глазами (глазками), to make eyes at smb., to give the glad eye to smb., faire les yeux doux*.

Русская ФЕ *положить глаз на кого-либо, на что-либо* означает «обратить внимание, заметить, остановить свой выбор на ком-либо или на чём-либо». Образ восходит к древнейшей форме осознания соматической части человека как целого. Компонент *положить* соотносится с антропным кодом культуры, а компонент *глаз* – с соматическим. В основе ФЕ лежит метонимическое отождествление «глаз-взгляд», основанное на смежности понятий: орган зрения – зрение как перцептивный способ восприятия – зрение как то или иное чувство (здесь – желание обладать чем-либо, повышенное внимание к чему-либо или кому-либо) [6]. ФЕ передаёт стереотипное представление о выборе чего-либо понравившегося и о намерении его получить.

Другая русская ФЕ *стрелять глазами (глазками)* означает «кокетничать, стараться обратить на себя внимание, флиртовать». ФЕ восходит к мифологическому представлению о магической силе взгляда, связанному с мифом о том, что глаза испускают определённое свечение. Согласно И.К. Морозову, с мифологической точки зрения наши глаза отражают огненный блеск, рассеивают какую-то удивительную силу, порождающую у человека многие переживания и действия [7]. Компонент данной ФЕ *стрелять* соотносится с антропным кодом культуры, а компонент *глазами (глазками)* – с соматическим. Лежащая в основе образа ФЕ военная метафора основана на уподоблении глаз оружию, с помощью которого можно завоевывать внимание других людей. Очень трудно противостоять разрушительной силе красоты, которая отражается в женском взгляде. Образ ФЕ отображает стереотипное представление о женском поведении в ситуации, когда женщина стремится понравиться мужчине.

Во французском языке есть ФЕ *faire les yeux doux*, которая означает «кокетничать, заигрывать с кем-либо». Компонент ФЕ *faire* соотносится с акциональным кодом культуры, компонент *yeux* – с соматическим кодом, компонент *doux* – с оценочно-качественным кодом культуры. В основе образа ФЕ лежит понятие о силе женского очарования, содержащейся в женском взгляде. Понятие о взгляде как об одном из средств поражения, уничтожения представлено в мифологии, например, миф о Медузе Горгоне, взгляд которой превращал людей в камень. Образ отображает стереотипное представление о типично женском поведении в ситуации, когда женщина хочет сообщить о своём выборе, о своём предпочтении в отношении того или иного мужчины, а также в тех случаях, когда она стремится увлечь, заинтересовать его собой.

Английские ФЕ *to make eyes at smb., to give the glad eye to smb.* означают также «стрелять глазами». Компонент *to give* ФЕ *to give the glad eye to smb* соотносится с акциональным кодом культуры, но в отличие от французского и русского языков в английском используется глагол со значением «давать» или «дарить». Компонент *eye* соотносится с соматическим кодом культуры. Компонент *glad* означает «довольный» и соотносится с оценочно-качественным кодом культуры. Образ ФЕ отображает стереотипное представление о кокетливом поведении женщины.

Итак, лингвокультурологический анализ позволяет нам выявить и описать национально-культурную специфику русских, французских и английских фразеологизмов с компонентом «глаза». Источниками культурной интерпретации ФЕ с компонентом «глаза» являются символы, стереотипы, эталоны, мифологемы, архетипы. Фразеологизмы могут иметь одно и то же значение, но образы, лежащие в основе этих значений, в языках могут быть специфичны. Фразеологические единицы с данным компонентом восходят к явлениям из области культуры. В них отражаются исторические события различных эпох, религиозные убеждения, образы из литературных произведений. Каждый рассматриваемый нами язык отражает определённый способ восприятия и устройства мира, менталитет наций, их самобытность и мировоззрение.

Библиографический список

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : «Академия», 2001. – 208 с.
3. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
4. Назарян, А. Г. Почему так говорят по-французски / А. Г. Назарян. – М. : Наука, 1968. – 352 с.
5. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 928 с.
6. Большой фразеологический словарь русского языка / В. Н. Телия [и др.] ; общ. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2010. – 784 с.
7. Морозов, И. К. Основы культурологи. Архетипы культуры / И. К. Морозов. – Минск: Наука, 2001. – 608 с.

E. N. Belaya, Dostoevsky Omsk State University

CULTURAL SPECIFIC FEATURES OF ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS INCLUDING THE CONCEPT «EYES» WITH THE SEMANTICS OF HUMAN ACTIONS AND BEHAVIOR

The article is devoted to cultural specific features of English, French and Russian phraseological units including the concept “eyes” with the semantics of human actions and behavior. In the inner form of many established collocations we can find aspects which are associated with benchmarks, stereotypes, mythologem and archetypes. Components of phraseological units are relevant to different cultural patterns (systemic, zomorphic and objective ones).

Keywords: cultural connotation, archetypes, sign, benchmark, cultural patterns.

References

1. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semantichesky, pragmatichesky i kulturologichesky aspekty*. [Russia phraseology. Semantic, pragmatic and inguoculturological aspects]. Moscow, 1996, 288 p.
2. Maslova V.A. *Lingvokulturologia*. [Cultural linguistics]. Moscow. 2001, 208 p.
3. Teliya, V. N. *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava jazyka v kontekste kul'tury. Phraseology in the context of Colvtury*. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. P. 13–24.
4. Nazaryan A.G. *Pochemu tak govoryat po-frantsuzski?* [Why do the French people talk like that?]. Moscow, 1968, 352 p.
5. Birikh A.K., Mokiyenko V.M., Stepanova L.I. *Russkaya frazeologiya*. [Phraseology of the Russian language]. Moscow, 2005, 928 p.
6. Briliova I.S., Gudkov D.V., Kabakova S.V., Teliya. *Bolshoi frazeologichesky slovar russkogo yazika* [The large phraseological Dictionary of the Russian language]. Moscow, ACT-Press Kniga, 2010, 784 p.
7. Morozov I.K. *Osnovy kulturologii. Arkhetipy kultury*. [Fundamentals of culturology. Archetypes of the culture]. Minsk, Nauka, 2001, 608 p.

© Е. Н. Белая, 2016

Автор статьи – Елена Николаевна Белая, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: elena555-90@mail.ru

Рецензенты:

М. В. Моисеев, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Ю. И. Алферова, кандидат филологических наук, Омская академия МВД.

А. Ф. Галиуллина,
Омская гуманитарная академия

ОЦЕНКА КОММУНИКАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМИЧЕСКОГО КОДИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ

В статье рассматривается проблема эффективности комического кодирования рекламы. Анализируется, насколько успешно продвигается продукт на рынке, если в рекламном сообщении используется юмор.

Ключевые слова: юмор, рекламные ролики, респонденты, коммуникативная эффективность.

На сегодняшний день категория «комического» достаточно хорошо изучена в философии, литературоведении, лингвистике. В теории журналистики виды и жанры комического рассмотрены, прежде всего, на примере печатных СМИ. В телевизионной журналистике они практически не изучены, тем более с точки зрения тех изменений, которые происходят в телевизионном контенте сегодня. Рекламоведение ещё только начинает изучать комические коды в рекламном дискурсе, анализ невербальной составляющей комического ещё впереди.

Основной маркетинговый критерий при оценке любой коммуникации – её эффективность. Мы не можем рассматривать рекламу лишь как вид эстетической коммуникации, хотя и особого типа. Нельзя забывать о том, что реклама – это ещё и форма маркетинга, поэтому она должна быть эффективна. И использование в ней эстетических кодов должно быть аргументировано и осмыслено. Но какой рекламный текст можно считать эффективным? Это, наверное, один из самых сложных вопросов в области как рекламной теории, так и рекламной практики, при том, что эффективность – неизменное, базисное требование к рекламе, как, впрочем, к любой инвестиции [6]. Разные подходы к оценке эффективности рекламы различаются между собой именно тем, что считать результатом рекламы и как его измерять.

Отметим, что, хотя термин «эффективность» один, измерений у него **минимум** два: финансовое и коммуникативное. В наиболее общем виде финансовую или экономическую эффективность определяют как получение максимальной выгоды (максимальных продаж рекламируемого продукта) при минимальных затратах (на рекламу). Коммуникативная эффективность обычно определяется по степени выполнения определённых (коммуникативных же) задач, по воздействию рекламы, выражающемуся отношением между поставленной рекламной целью и степенью её достижения [Миртов]. В нашем исследовании мы делаем акцент на коммуникативной эффективности, причем полученные экспериментальные результаты доказывают, что различные варианты рекламного текста могут быть в разной степени эффективны в зависимости именно от «серьёзности» или же использования юмора.

В отечественном рекламоведении тема коммуникативной эффективности недостаточно изучена. Российские учёные вынуждены в большой степени апеллировать к западным источникам. Среди них особо следует выделить основоположников научной рекламы К. Хопкинса и Д. Старча, а также современных её теоретиков У. Аренса, Ф. Джефкинса, Ч. Сэндиджа, В. Фрайбургера, К. Ротцолла, Дж. Уитли и практиков в области копирайтинга Б. Бернбаха, А. Кромптона, Д. Огилви, В. Шенерта, Дж. Шугермао. Значительный вклад вносят работы по рекламным исследованиям Дж. Дэвиса, психологии рекламы А. Маслоу, В. Паккарда. В связи с обозначенной степенью исследованности проблемы мы сочли необходимым провести исследование, позволяющее доказать или опровергнуть одно из положений данной работы: эффективность использования юмористического кодирования рекламного дискурса.

Эмпирическим материалом исследования стали 15 пар рекламных роликов, продвигающих или один и тот же товар, или товар одной и той же товарной линейки. В одном из роликов используется юмористическое кодирование, другой ролик «серьёзный». В роликах рекламировались товары из разных сфер: машины и их обслуживание, товары для дома, продукты питания и питьевая вода. Методика анализа данного контента – личные интервью с использованием анкеты. При этом критериями оценки послужили 4 основных параметра коммуникативной эффективности рекламных роликов, а именно: узнаваемость (понимание того, какой товар или услуга рекламируются), запоминаемость (рекламного, но не рекламируемого продукта), притягательная сила рекламы (нравится ли рекламный ролик), агитационная сила рекламы (вызывает ли реклама желание купить рекламируемый продукт).

В вопросе эффективности рекламного сообщения немаловажную роль играет целевая аудитория, то есть те люди, на которых направлено рекламное сообщение. В нашем исследовании мы делим

респондентов по гендерному признаку и по возрастному. Выборка респондентов была следующая: 100 респондентов (50 респондентов мужского пола, 50 – женского). Основные возрастные группы для каждого гендера: 18–35 лет, 36–55/60 лет для мужчин и женщин соответственно, старше 55/60 лет. Иные критерии выборки мы не учитывали, так как реклама как маркетинговая коммуникация предполагает достаточно простую и быструю её интерпретацию респондентами вне зависимости от уровня образования или тому подобных критериев.

Гипотеза исследования. На момент начала исследования мы предположили, что использование юмора в рекламе по определению эффективно, а «серьёзная» реклама имеет менее эффективное действие на потенциальных потребителей.

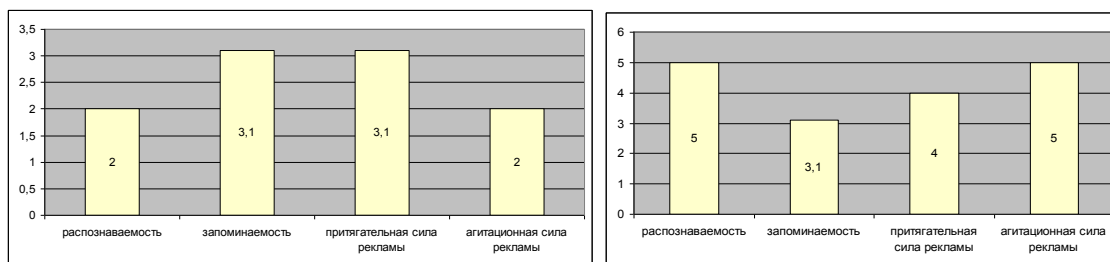
Цель нашего исследования – выявить эффективность или же неэффективность юмористического кодирования рекламы.

Сроки проведения исследования: 12.07.2015 – 12.08.2015.

Полученные результаты исследования показали, что в целом 33 % женщин отдают предпочтение «серьёзной» рекламе и считают её более эффективной в сравнении с юмористической. В возрастной группе от 18 до 35 лет женщины посчитали, что «серьёзная» реклама более понятна и лучше запоминается. По критериям «распознаваемость» и «агитационная сила рекламы» (то есть содействие покупке) юмористическая реклама набрала балл в 2,5 раза меньший, чем серьёзная.

Диаграммы по критерию юмористическая/неюмористическая.

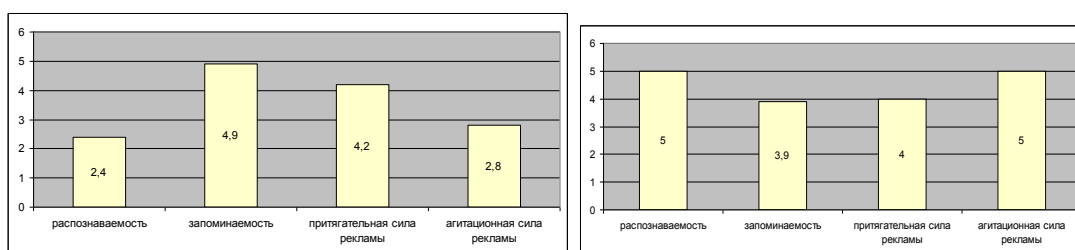
Категория респондентов: женщины 18–35

При этом 34 % всех женщин-респондентов посчитали юмористическую рекламу более эффективной (то есть поставили ей более высокий балл по критерию «агитационная сила рекламы»). В возрастной группе 36–55 лет женщины отдали предпочтение юмористической рекламе по критериям «запоминаемость» и «притягательная сила рекламы».

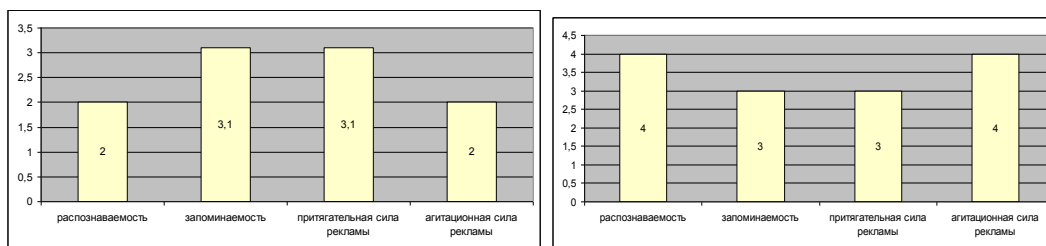
Диаграммы по критерию юмористическая/неюмористическая.

Категория респондентов: женщины 36–55

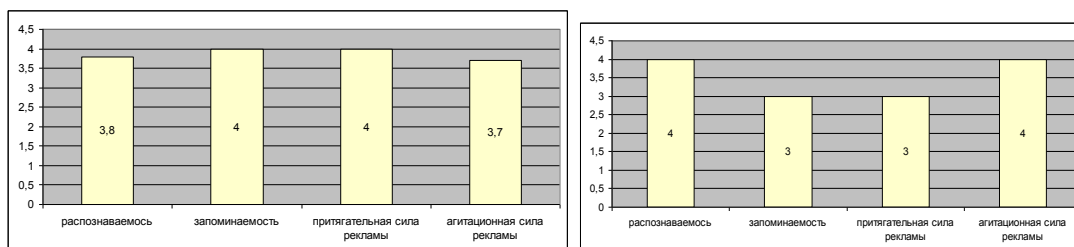
Женщины возрастной группы от 55 лет, а это 33 % от всей выборки, считают, что реклама, как юмористическая, так и «серьёзная», практически одинаково эффективна. В целом по критериям «запоминаемость» и «притягательная сила рекламы» у женской целевой аудитории юмористическая реклама набрала не намного больше баллов, чем «серьёзная» реклама. 67 % опрошенных женщин считают, что юмористическая реклама более эффективна по указанным двум критериям, и 33 % считают «серьёзную» рекламу эффективнее по всем критериям.

Диаграммы по критерию юмористическая/неюмористическая.
Категория респондентов: женщины старше 55

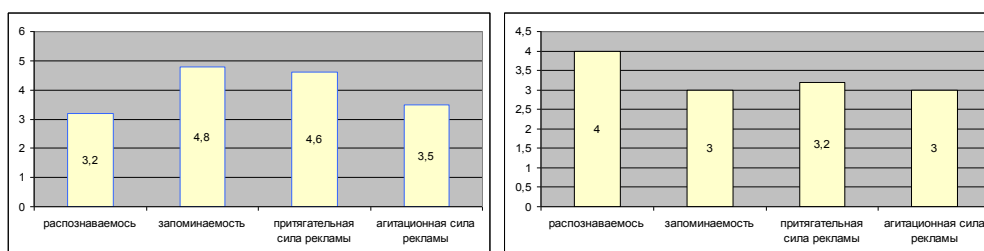
Респонденты-мужчины отдали предпочтение юмористической рекламе по всем критериям, лишь 33 % респондентов мужского пола считают, что «серьёзная реклама эффективна по двум критериям – «распознаваемость» и «агитационная сила рекламы» (группа 61 и старше). 100 % опрошенных мужчин считают, что юмористическая реклама эффективнее по критериям «запоминаемость» и «притягательная сила рекламы», и 77 % мужчин считают юмористическую рекламу эффективнее «серьёзной» по всем критериям оценки.

Диаграммы по критерию юмористическая/неюмористическая.
Категория респондентов: мужчины старше 61

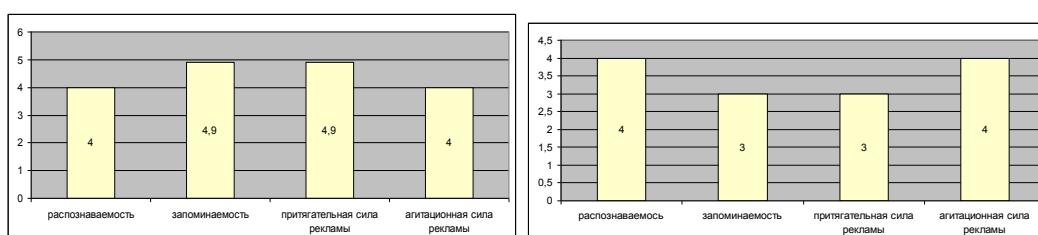
Для молодой категории респондентов мужского пола юмористическая реклама выигрывает по трём критериям из четырёх, причём по критериям «запоминаемость» и «притягательная сила рекламы» довольно значительно.

Диаграммы по критерию юмористическая/неюмористическая
Категория респондентов: мужчины 18–35

В следующей группе респондентов (мужчины 36–60) юмористическая реклама не только не проигрывает серьёзной по критериям «распознаваемость» и «агитационная сила рекламы», но, как и в предыдущей группе, значительно превышает последнюю по критериям «запоминаемость» и «притягательная сила рекламы». Вообще данная группа респондентов оказалась наиболее восприимчивой к юмористическому кодированию рекламы.

Диаграммы по критерию юмористическая/неюмористическая
Категория респондентов: мужчины 36–60

Гипотеза нашего исследования подтвердилась: юмористическая реклама действительно является более эффективной, чем «серьёзная», но «серьёзная» реклама тоже имеет свою целевую аудиторию, и для 33 % опрошенных женщин она является более эффективной.

По результатам проведённого нами исследования мы видим, что по критериям *запоминаемость* и *притягательная сила* юмористическая реклама набирает больше баллов, чем «серьёзная». Юмористическая реклама легко запоминается, выделяется на фоне других коммуникационных продуктов, практически всегда воспринимается как оригинальная, свежая, но она не всегда понятна и не всегда вызывает доверие и положительные ассоциации с товаром или услугой. «Серьёзная» реклама, напротив, вызывает желание приобрести товар, делает легко запоминающимся его название. Всегда понятно, что рекламируется, и ясен общий смысл рекламы. Таким образом, «серьёзная» реклама набирает больше баллов по критериям *распознаваемость* и *агитационная сила* рекламы.

Библиографический список

1. Арене, У. Современная реклама / У. Арене, М. Вейнголд, К. Арене. – М. : Эксмо, 2011 – 880 с.
2. Джефкинс, Ф. Реклама / Ф. Джефкинс. – М. : Юнита, 2002 – 226 с.
3. Дэвис, Дж. Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика. / Дж. Дж. Дэвис. – СПб. : Вильямс, 2003 – 864 с.
4. Кромптон, А. Мастерская рекламного текста / А. Кромптон. – Тольятти : Довгань, 1995 – 256 с.
5. Миртов, Ю. Эффективность рекламы: сквозь дебри мифов [Электронный ресурс] / Ю. Миртов. – Режим доступа: <http://www.metroreklama.ru/gn/press/p10.php#chl> (дата обращения: 22.01.2016).
6. Назайкин, А. Н. Эффективный рекламный текст в СМИ : монография / А. Н. Назайкин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, Ф-т журн. МГУ, 2011. – 480 с.
7. Ротцолл, К. Реклама: теория и практика / К. Ротцолл. – М. : Прогресс, 1989. – 630 с.
8. Шугерман, Д. Искусство создания рекламных посланий / Д. Шугерман. – М. : Эксмо, 2010 – 256 с.

A. F. Galiullina, Omsk academy of the humanities

THE ESTIMATION OF COMMUNICATIVE EFFICIENCY OF CODING COMIC ADVERTISING

The article examines the problem of the comic advertising coding efficiency. It analyzes how well the product moves in the market if the ad uses humor.

Keywords: humor, commercials, respondents, communication effectiveness.

References

1. Arene U., Veyngold M., Arene K. *Sovremennaya reklama* [Modern advertising]. Moscow, Eksmo Publ., 2011 – 880 p.
2. Dzhefkins F. *Reklama* [Advertising]. Moscow, Yunita Publ., 2002 – 226 p.;
3. Devis Dzh. Dzh. *Issledovaniya v reklamnoy deyatel'nosti: teoriya i praktika* [Research in advertising: theory and practice], Saint-Petersburg, Vil'yams Publ., 2003 – 864 p.
4. Krompton A. *Masterskaya reklamnogo teksta* [Advertising text workshop]. Togliatti: Dovgan' Publ., 1995 – 256 p.
5. Mirtov Yu. Advertising effectiveness: through the maze of myths. Available at <http://www.metroreklama.ru/gn/press/p10.php#chl> (date of visit: 01.22.2016).
6. Nazaykin A. N. *Effektivnyy reklamnyy tekst v SMI* [Effective ad copy in the media]. - Moscow. : Moscow state universaty Publ., 2011. - 480 p.
7. Rottsoll K. *Reklama: teoriya i praktika* [Advertising: theory and practice]. Moscow, Progress Publ., 1989. - 630 p.
8. Shugerman D. *Iskusstvo sozdaniya reklamnykh poslaniy* [The art of creating advertising messages]. Moscow, Eksmo Publ., 2010 – 256 p.

© А. Ф. Галиуллина, 2016

Автор статьи – Альфия Фаритовна Галиуллина, Омская гуманитарная академия, e-mail: alfya.07@mail.ru

Рецензенты:

О. В. Попова, кандидат филологических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Е. Ю. Кармалова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 82-4

Си Лэй,

Пекинский объединённый университет, КНР

**КНИГА-ИССЛЕДОВАНИЕ В. Г. БОНДАРЕНКО
«М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. МИСТИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ»
И СЕРИЙНЫЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ЧИТАЙ РОССИЮ» В КИТАЕ**

Монография известного русского литературного критика В. Г. Бондаренко «М. Ю. Лермонтов. Мистический гений» вышла в Китае в январе 2016 года. Она была издана в Пекине, в престижном научном китайском издательстве «Восток». Книгу перевёл профессор Пекинского университета иностранных языков Ван Лие, которого автор издания В. Бондаренко назвал «выдающимся учёным-русистом и лермонтоведом». Как отмечает переводчик Ван Лие в своём предисловии к монографии, значение выхода книги состоит, во-первых, в том, что в русском и мировом лермонтоведении за последние годы обнаружилось много нового, и это существенно восполнило представления исследователей о русской литературе XIX века в целом. Во-вторых, книга В. Бондаренко сильна своей фактографией и трактовкой отдельных произведений русского поэта, оттого может считаться важным фактором в побуждении к исследовательской и переводческой деятельности в сфере китайско-лермонтоведения.

Сразу же после выхода данного издания на него появилось множество рецензий. Как оказалось, китайские критики единогласно считают, что правдивая трактовка судьбы и творчества русского классика будет во многом способствовать интенсивному развитию китайского лермонтоведения и китайско-русских литературных связей в целом. В Поднебесной книга В. Бондаренко является первой монографией, которая посвящена подробному исследованию биографии М. Лермонтова. В связи с тем она вызвала неподдельно глубокий интерес у китайских читателей. Гу Юньпу, профессор Пекинского университета, крупнейший современный переводчик и исследователь лирики Лермонтова в Китае, лауреат международных премий (китайской, русской и др.) за переводы лирики М. Ю. Лермонтова, дал книге В. Бондаренко и переводу Ван Лие высокую оценку. По его мнению, книга справедливо защищает и точно разъясняет великий русский талант, которому он более полувека посвящал свои переводы и исследования. Гу Юньпу также отмечает, что именно книга «М. Ю. Лермонтов. Мистический гений» помогла ему постигнуть глубину душевного мира выдающегося русского писателя. Во-вторых, в качестве свидетеля процесса труда переводчика он отмечает, что профессор Ван Лие днём и ночью, не покладая рук, работал над этой книгой, добиваясь адекватности и совершенства её перевода и заботясь о том, чтобы ценная монография русского критика была выпущена в срок – в рамках юбилейного празднования 200-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова. В заключение учёный признаёт, что и автор, и переводчик внесли своими книгами огромный вклад в русско-китайскую компаративистику и в дело расширения культурно-просветительского диалога двух стран. Попутно отметим, что, следуя интересу в сфере творческой биографии русского классика, профессор Ван Лие в юбилейном 2015 году успел познакомить с фрагментами собственного теоретического исследования в области китайского лермонтоведения читателей из России, выступив с докладом в Московском государственном университете и опубликовав статьи в филологических журналах в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге.

Монография В. Бондаренко о М. Лермонтове включена в проект серийного издания книг под грифом «Читай Россию». Проект курируется Центром славистики в Китае при Столичном педагогическом университете во главе с председателем КАПРЯЛа и заместителем министра Китайского министерства просвещения Лю Лиминем, известными учёными-филологами Лю Вэньфеем и Чю Юньхуа. Серия состоит из трёх циклов. Во-первых, из переводов книг о жизни крупных культурных и литературных деятелей. Кроме книги «М. Ю. Лермонтов. Мистический гений» (В. Бондаренко, 2016), серийное издание будет включать ещё такие монографии, как «Дмитрий Лихачёв» (Ж. Нива, 2016), «А. Солженицын» (Вал. Попов, 2016). Во-вторых, из переводов шедевров русских классиков: уже выпущены «Избранные стихотворения поэтов серебряного века» (пер. Чажн Бин, 2015), готовится «Полное собрание произведений и писем А. А. Ахматовой» (2017). В-третьих, из научных монографий китайских учёных-филологов.

Филологический проект «Читай Россию» отличается демократическим стилем. В первую очередь, открытость проявляется в выборе тем. Данная серия характеризуется литературоцентризмом, между тем, литературные темы экстраполируются в разные культурологические области, в том числе в язык, философию, религию, искусство, в те сферы, которые помогают китайским читателям глубже постигать гуманистический потенциал России и приобщаться к её высоким научно-исследовательским достижениям. Во-вторых, для проекта характерна открытость формы издания. Данная серия не ограничена ни количеством авторских книг, ни хронологическим диапазоном изданий. Задача заключается в том, чтобы, обнаружив зрелую книгу, своевременно принять её к печати и сделать достоянием китайской нации. В-третьих, такая открытость сказывается ещё в определении мобильных групп из числа переводчиков и авторов. Сама идея об этой серии выдвинута Столичным педагогическим университетом. Редакционные советы образуются только из состава учёных-русистов данного университета. Серия «Читай Россию» принимает к публикации научные шедевры учёных-славистов всего мира, а за переводы отвечают высокопрофессиональные переводчики всего Китая.

© Си Лэй, 2016

Автор статьи – Си Лэй, доктор юридических наук, доцент Пекинского объединённого университета, КНР.

РАЗДЕЛ 2 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 2 PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 37.032:355

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.101

С. У. Баяхметов,
Военный институт Национальной гвардии Республики Казахстан
С. Т. Нурахметов,
Главное командование Национальной гвардии Республики Казахстан

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО САМОРАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ В ВОЕННОМ ВУЗЕ: ПОДХОДЫ, ПРИНЦИПЫ, КОМПОНЕНТЫ И УСЛОВИЯ

В статье приведён анализ состояния проблем процесса профессиональной подготовки на сегодняшний день, определяемой обстоятельствами учёбы в военном вузе и сознательно управляемой будущим офицером. Рассматриваются условия, способствующие реализации структурно-функциональной модели формирования профессионально-личностного саморазвития курсантов в образовательном процессе военно-профессиональной ориентации. Обоснованы педагогические подходы, принципы, условия, применяемые в исследуемом процессе. Профессионально-личностное саморазвитие курсанта является важнейшей составляющей становления военного специалиста. По сути, это непрерывный, сознательно-целенаправленный процесс профессионального и личностного совершенствования. Авторами статьи предпринята попытка научного поиска целесообразного сочетания личностно-деятельностного с системным подходом в русле высшего военно-профессионального образования. В качестве предметно-определяющего методологического инструментария авторы предлагают структурно-функциональное моделирование. Моделирование данного процесса для курсанта военного вуза включает: целевой компонент, отражающий мониторинг внешней и внутренней среды вуза; содержательно-действенный, отражающий формы, методы, технологии и средства профессионально-личностного саморазвития; результативный, определяющий мониторинг показателей и уровней саморазвития и решения задач подготовки специалиста высокого класса военного профиля.

Ключевые слова: педагогический подход, педагогический принцип, структурно-функциональная модель, профессионально-личностное саморазвитие, курсант.

В условиях ускорения качественных изменений в служебно-боевой деятельности Вооружённых Сил современного Казахстана проблемы совершенствования подготовки курсантов военных вузов обретают особую актуальность. Требуются максимально адаптированные офицеры новой формации, способные ориентироваться в сложных обстоятельствах и компетентно реализовывать себя в войсках.

Проанализировав выполнение выпускниками военных институтов (академии) различных министерств и ведомств Республики Казахстан своих должностных обязанностей (по письменным отзывам), мы обнаружили множество недочётов в их подготовке, среди которых наиболее характерные: плохое знание руководящих документов, недостатки в военной и методической подготовке, низкий уровень навыков организации и управления служебной деятельностью подчинённого подразделения, отсутствие требуемой информационной подготовки, неумение принимать обоснованно правильное решение при нестандартных (нештатных) обстоятельствах и т. д.

Являясь ключевой фигурой образовательного процесса, курсант обязан обладать совокупностью профессионально-значимых качеств, которые соответствовали бы возрастающим запросам общества и вооружённых сил.

Проблемы процесса профессионально-личностной подготовки являются особо злободневными в нынешних обстоятельствах и нуждаются в системном и целостном изучении.

Анализ последних публикаций показывает, что модель формирования таких качеств, как профессионально-личностное саморазвитие курсантов в образовательном и воспитательном процессе военного вуза и обоснование педагогических подходов, принципов, условий, рассматривается в различных работах [2, 4, 5], в которых отражены некоторые аспекты повышения профессиональной подготовленности будущих специалистов, в том числе и военных.

Обращаясь к нашей теме, следует учесть, что модель организационно-педагогической поддержки профессиональной подготовки обучающихся характеризуется рядом таких признаков, как гибкость, динамичность, преемственность, параллельность, вариативность, модульность [5, с. 139], а также наличие подготовленных кадров. Немаловажным является и уровень готовности субъектов образовательного процесса к осуществлению педагогических подходов, принципов, условий, применяемых в исследуемом процессе [4, с. 38]. Личность курсанта-военного имеет принципиальные отличия, которые определяются спецификой профессиональной направленности [2, с. 81–85]. В соответствии с этим нами предлагаются новые направления моделирования для личностного и профессионального саморазвития курсантов в военном вузе.

Целью статьи является разработка структурно-функциональной модели (СФМ) личностно-профессионального саморазвития курсантов в военном вузе, которая отвечает квалификационным характеристикам будущих офицеров с высшим военным образованием, и её включение в учебно-воспитательный процесс для обеспечения новых направлений обучения в военном вузе, а также в течение всей дальнейшей профессиональной деятельности офицеров.

Нами разработана СФМ формирования профессионально-личностного саморазвития будущих офицеров в военном вузе (рис.), включающая первую (мониторинг образовательной (внешней и внутренней) среды, научные подходы и принципы) и вторую части, имеющая единство цели и результата, структуру и динамику исследуемого процесса, компоненты, педагогические условия, результат.

Рассмотрим первую часть модели, а именно, остановимся подробно на научных подходах: личностно-деятельностном и системном.

В качестве основы профессионально-личностной направленности обучения курсантов мы опираемся на личностно-деятельностный подход. Его реализация ориентирует на моделирование в образовательной деятельности курсантов задачной структуры дидактической деятельности. Самой существенной формой реализации, по мнению В. В. Серикова, данного подхода является индивидуальный учебный план, который обеспечивает возможность непрерывного погружения обучающихся в контекст их будущей профессиональной деятельности [7, с. 16–20].

Другой исследователь, Е. Н. Шиянов, считает, что главной формой организации взаимодействия преподавателя и студента в рамках этого подхода является «в педагогическом процессе – диалог» [9, с. 96].

Близкий к предыдущему системный подход позволяет определить объект исследования в целостности. Так, например, исследователь А. И. Жилина считает, что системный подход есть методология исследования и конструирования действительности [3, с. 15]. Также она утверждает, что процесс построения системы, модели содержит ряд этапов: системный анализ, системное программирование, системное проектирование, а также обслуживание этой системы и корректировку. Всё зависит от изменения условий [3, с. 20].

В нашем случае можно утверждать, что системный подход есть основание по созданию структурно-функциональной модели. Основным преимуществом данной системы, по мнению Т. Е. Веденской, является цель её функционирования и развития. Цель в единстве со средством её достижения, как считает исследовательница Т. Е. Введенская, составляет программу жизнедеятельности системы. Программа же вырабатывается системой именно в процессе её саморазвития [1].

Структурно-функциональная модель формирования профессионально-личностного саморазвития будущих офицеров в военном вузе

Она же подчёркивает, что системный подход необходим для опоры на единство индивидуальных характеристик, прежде всего, на системном уровне функционирования [1].

Таким образом, базовыми методологическими основаниями исследования являются: личностно-деятельностный и системный подходы в педагогике. Только комплексное применение названных выше общенаучных подходов позволило разработать СФМ, которая учитывает запросы общества к офицерам с высшим военным образованием.

Кроме подходов в этой части СФМ использованы следующие **принципы**: профессиональной направленности, вариативности, связи обучения и практики, субъектности.

Дидактические принципы есть обобщение теории педагогической практики. Только охватив все стороны образовательного процесса вуза, мы можем придать ему целеполагающий, логически стройный характер. Остановимся подробно на каждом принципе.

Принцип профессиональной направленности создаёт условия для качественной подготовленности будущих офицеров. Для этого необходима специально организованная образовательная среда. Нами под специально организованной средой необходимо понимать комплекс педагогических условий в СФМ (см. «педагогические условия» на рис.). Он определяет содержательную сторону обучения и подготовки курсантов, что придаёт процессу практическую направленность [6]. В нашем случае для развития процесса профессиональной направленности необходимо разрешение противоречия между требованиями предпочитаемой деятельности и её профессионально-личностным смыслом для формирования профессионально-личностного саморазвития курсанта военного вуза.

Вариативность (слово от лат. *variatio* – изменение) есть некое отклонение, изменение от обычной формы. В нашем исследовании вариативность выступает как научный (педагогический) принцип. Вариативность нами понимается как основная тенденция инновационных изменений в системе военно-профессионального образования. Здесь, прежде всего, важно обеспечить курсантам не только право выбора, но и реальную возможность вариативности в обучении.

Принцип связи обучения и практики предусматривает использование в процессе подготовки курсантов полученных знаний в решении будущих служебно-должностных задач. Именно принцип связи обучения и практики придаёт формирующий характер, развивает курсантов, обеспечивая их готовность к будущей профессиональной деятельности. Единство принципа связи обучения и практики достигается усилиями всех его участников: как педагогов, так и курсантов.

Принцип субъектности, учитывающий активность, инициативность, самостоятельность курсантов, рассматривается как условие в СФМ, обеспечивающее его способность выполнять будущие должностные обязанности на качественном уровне, освоение тех задач предстоящей ратной деятельности, которые не предусмотрены программным курсом обучения. Практика показывает, что эта потребность возникает по прибытии молодого офицера в войска.

Вышеперечисленные принципы в рамках СФМ выражают запросы войск по содержанию и организации, технологии и методике формирования профессиональных и личностно-значимых качеств будущих офицеров в стенах военного вуза.

Последующим шагом рассмотрим *вторую часть*, включающую единство цели и результата, структуру и динамику исследуемого процесса, *компоненты, педагогические условия и результат*.

В рассматриваемой части СФМ представлена совокупность структурных **компонентов**: целевого, содержательного, технологического и результативного, отражающих возможности своевременного диагностирования уровня сформированности профессионально-личностного саморазвития курсантов, позволяющих определять её динамику, а также принимать управленческие решения, корректирующие содержание и организацию данного процесса в военном вузе:

- *целевой компонент* (отражает мониторинг образовательной среды вуза и уровень сформированности профессионального и личностного саморазвития курсантов, способствующих повышению требования к профессионализму, личным качествам и являющихся средством самоорганизации и самосовершенствования);

- *содержательный компонент* (анализ формирования самодиагностики профессионально-личностных качеств, практических умений у курсантов, необходимых для его осуществления в настоящей и будущей военно-специальной деятельности);

- *технологический компонент* (отражает формы, методы, технологии и средства к профессионально-личностному саморазвитию);

- *результативный компонент* (позволяет оценить результат, предполагается получить после реализации предлагаемых показателей, мониторинга, помощи и коррекции в реальной практике

в полном объеме, то есть достигнутый уровень сформированности профессионально-личностного саморазвития курсантов).

В современном мире изменение и развитие ключевых параметров профессиональной, служебной и образовательной сфер человеческой жизнедеятельности происходят достаточно динамично. Эти видоизменения касаются и категориальной базы общей дидактической теории. Постоянным преобразованиям подвергаются педагогические технологии, подходы, принципы обучения. Уточняются области применения и возможные вариации к обучению и воспитанию курсантов военного вуза.

Для описания СФМ необходимо раскрыть понимание категорий «процесс» и «формирование». Процесс в науке есть совокупность последовательности действий для достижения какого-либо результата, а также понимается как последовательная, непрерывная смена моментов развития» [8, с. 44–45]. Личность курсанта является практически сложившейся, если мы под «формированием» понимаем результат, процесс, в котором цели воспитания переходят в цели деятельности студента [10, с. 144].

Нами выявлена в СФМ совокупность педагогических условий, а именно:

- разработка системы задач профессионально-личностного саморазвития в образовательном процессе вуза;
- проектирование и внедрение в образовательный процесс СФМ профессионально-личностного саморазвития;
- педагогическое сопровождение процесса профессионально-личностного саморазвития;
- разработка и внедрение в образовательный процесс мониторинга профессионально-личностного саморазвития;
- повышение уровня профессиональной компетентности педагогических кадров военного вуза.

Действенность СФМ формирования профессионально-личностного саморазвития курсантов во многом зависит от своевременного внесения корректировок в содержательный и технологический компоненты, что позволяет модели результативно функционировать. Результативный компонент позволяет нам оценить результат, который предполагается получить после апробации СФМ в реальной практике.

Таким образом, рассмотренные составляющие СФМ формирования профессионально-личностного саморазвития курсанта военного вуза равнозначны и предполагают свою одновременную реализацию в образовательном процессе. Совокупность педагогических условий, обеспечивающих реализацию СФМ, позволяет эффективно управлять исследуемым процессом и прогнозировать его результат. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что ожидаемым результатом является курсант, обладающий способностью к саморазвитию, то есть развитию личностных свойств, стремлению к высоким результатам в освоении военных дисциплин, устранению личностных недостатков, развитию творческого потенциала, потребностью как в профессиональной, так и личностной самореализации.

Библиографический список

1. Введенская, Т. Е. Понятие «система» и системный подход в педагогике / Т. Е. Введенская // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №7 (20).
2. Жаксылыков, Р. Ф. Педагогические условия подготовки офицерских кадров для Национальной гвардии / Р. Ф. Жаксылыков // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 4. – С. 81–85.
3. Жилина, А. И. Системный подход как методология педагогического исследования / А. И. Жилина // Человек и образование. – 2007. – № 10–11. – С. 15–20.
4. Колесников, А. К. Структурно-функциональное моделирование в педагогическом исследовании / А. К. Колесников // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 4. – С. 38–41.
5. Кондратьева, О. Г. Структурно-функциональная модель поддержки самоуправления обучающихся в региональной системе профессионального образования / О. Г. Кондратьева // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 4. – С. 134–139.
6. Образцов, П. И. Дидактика высшей военной школы : учебное пособие / П. И. Образцов. – Орел : Академия специальной связи России, 2004. – 317 с.
7. Сериков, В. В. Личностно ориентированное образование / В. В. Сериков // Педагогика. – 1994. – № 5. – С. 16–20.
8. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова. – М. : Инфра, 1998. – С. 44–45.
9. Шиянов, Е. Н. Гуманистические аспекты обучения студентов педагогической технологии / Е. Н. Шиянов // Приобщение к педагогической профессии: практика, концепции, новые структуры. – Воронеж, – 1992. – С. 96.
10. Щукина, Г. И. Роль деятельности в учебном процессе / Г. И. Щукина. – М. : Просвещение, 1986. – С. 144–146.

S. U. Bayakhmetov, Military Institute of the National Guard of the Republic of Kazakhstan
S. T. Nurakhmetov, General Headquarters of the National Guard of the Republic of Kazakhstan
**STRUCTURAL-FUNCTIONAL MODEL OF FORMING PROFESSIONAL
AND PERSONAL SELF-DEVELOPMENT OF PROSPECTIVE OFFICERS AT
A MILITARY INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION: APPROACHES, PRINCIPLES,
COMPONENTS AND CONDITIONS**

The article is devoted to the topical problem of the professional training process, which is predetermined by the conditions of studying at a military institution of higher education and consciously controlled by a future officer. The authors suggest a structural and functional model of forming professional and personal self-development within the framework of military education process. The article presents a substantiation report on the educational approaches, principles, and conditions used in the process under study. Professional and personal self-development of a cadet is the most important component in forming a military specialist. As a matter of fact, this is a continuous conscious task-oriented process of professional and personal enhancement. The authors of the article made an attempt of scientific research in the sphere of combining person-oriented activity approach with the system approach in the higher military education. The authors suggest structural-functional modeling as a subject-determining methodological set of tools. Modeling of this process for a military student includes: target component which reflects the monitoring of both the outer and inner environment of an institution of higher education; content-activity component reflecting the forms, methods, technologies and means of professional and personal self-development; resultant component, which determines the monitoring of parameters and levels of self-development, as well as solving the tasks of training a high-level specialist in the military sphere of activity.

Keywords: pedagogical approach, pedagogical principle, structural-functional model, professional and personal self-development, cadet.

References

1. Vvedenskaya T. E. The concept of "system" and system approach in pedagogy. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015, No. 7 (20).
2. Zhaksylykov R. F. Pedagogical conditions of training of officers for the National guard. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 2015, No. 4, pp. 81–85.
3. Zhilina A. I. System approach as methodology of pedagogical research. *Chelovek i obrazovanie*. 2007, No. 10–11, pp. 15–20.
4. Kolesnikov A. K. Structural-functional modeling in pedagogical research. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2012, No. 4, pp. 38–41.
5. Kondrat'eva O. G. Structural-functional model of support for self-government of students in the regional system of professional education. *Sibirskii pedagogicheskiy zhurnal*, 2012, No. 4, pp. 134–139.
6. Obratcov P. I. *Didaktika vy'sshei voennoi shkoly* [Didactics of higher military schools]. Orel, Akademiia spetsial'noi svyazi Rossii Publ., 2004, 317 p.
7. Serikov V. V. Learner-centered education. *Pedagogika*, 1994, No. 5, pp. 16–20.
8. *Sotsiologicheskii e'ntsiclopedicheskii slovar'* [Sociological encyclopedic dictionary]. Ed. by Osipova G. V., Moscow, Infra Publ., 1998, pp. 44–45.
9. Shiiyanov E. N. Humanistic aspects of teaching students of pedagogical technologies. *Priobshchenie k pedagogicheskoi professii: praktika, kontsepcii, novye struktury*, Voronezh, 1992, p. 96.
10. Shchukina G. I. *Rol' deiatel'nosti v uchebnoy protsesse* [The role of activity in educational process]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986, pp. 144–146.

© С. У. Баяхметов, С. Т. Нурахметов, 2016

Авторы статьи:

Серик Умутбаевич Баяхметов, начальник военно-научного отдела (учёный секретарь), Военный институт Национальной гвардии Республики Казахстан, e-mail: vno.pvuu@mail.ru

Сагатбек Тулеубаевич Нурахметов, заместитель Главнокомандующего Национальной гвардией Республики Казахстан по технике и вооружению, Главное командование Национальной гвардии Республики Казахстан, аспирант ОмГПУ, e-mail: vno.pvuu@mail.ru

Рецензенты:

А. Ж. Мурзалинова, доктор педагогических наук, профессор, Институт повышения квалификации педагогических работников по Северо-Казахстанской области.

В. В. Егоров, доктор педагогических наук, профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова.

Э. Ж. Мухамедина,

Военный институт Национальной гвардии Республики Казахстан

ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ ВУЗОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: УСЛОВИЯ, МОДЕЛЬ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПОДХОДЫ

В статье рассматривается актуальный вопрос подготовки военных преподавателей. Современная высшая школа и тенденции в обществе свидетельствуют о необходимости приведения в соответствие качества педагогической подготовки офицера-преподавателя к профессиональной деятельности. Будущий педагог, в том числе военный, обязан обладать набором необходимых знаний и умений, генерировать их в дальнейшем, способностью ориентироваться в сложных педагогических ситуациях.

В работе раскрыты основные направления педагогической подготовки: организационно-педагогические условия, реализация которых способствует формированию педагогически значимых компетенций; модель подготовки военных преподавателей, состоящая из множества взаимодополняемых компонентов; обеспечения, включающего комплекс взаимообусловленных по дидактическим целям и педагогическим проблемам воспитания, образования.

В статье предложены модульный и дифференцированный подходы к искомой проблеме, специфике её организации с учётом требований к содержанию педагогической подготовки, что требует от преподавателей постоянной творческой готовности, овладения методологией профессиональной деятельности, непрерывной самореализации, саморазвития.

Данный процесс находит отражение в создании и реализации новых позиций в области военного образования, что станет залогом успешности профессиональной деятельности вновь назначенных преподавателей высшей военной школы.

Ключевые слова: подготовка преподавателя военного вуза, деятельность профессиональная, организационно-педагогические условия, структурно-функциональная модель, дидактическое обеспечение, профессионально-значимые компетенции, модульный подход, дифференцированный подход.

В современной высшей школе необходимо обеспечивать высокое качество образовательной деятельности за счёт внутренних резервов самой системы и оперативного внедрения инновационных педагогически полезных (целесообразность, эффективность и экономическая эффективность) образовательных продуктов различного назначения. Главными условиями решения таких задач являются готовность и уровень профессиональной компетентности преподавательского состава высших учебных заведений. Необходимость качественных изменений образовательного уровня согласно требованиям ФГОС актуализирует проблему целенаправленной организации педагогической подготовки преподавателей военных вузов, базируясь на компетентностном и субъектном подходах, определяющих цели и результаты их обучения.

Исследуя вопросы подготовки кадров для Национальной гвардии, отметим актуальную для ведомственного образования проблему подготовки педагогических научных кадров, преподавателей для Военного института Национальной гвардии. Обратимся к работе А. В. Ведерниковой «Развитие профессионально-личностного потенциала будущего педагога в условиях модернизации педагогического образования», в которой автор отмечает: «Модернизация педагогического образования предопределила существенные изменения в профессиональной подготовке педагогов. В связи с этим, актуальным является становление будущего педагога как субъекта профессионально-педагогического образования и его профессиональное развитие» [4, с. 75].

Профессиональное развитие педагога мы понимаем в качестве непрерывного процесса и результата сознательного, качественного изменения себя как субъекта профессионально-педагогической деятельности и становления профессионального потенциала. Профессиональные возможности – это перспектива личности в овладении средствами проявления своей индивидуальности в профессии и через профессию [4, с. 75], это актуально для формирования системы профессиональной подготовки военных преподавателей.

Анализ образовательной деятельности некоторых вузов Российской Федерации и Казахстана позволяет нам выделить некоторые способы повышения педагогической подготовки преподавателей: военно-профессиональное и педагогическое совершенствование; повышение научной квалификации и уровня информационно-образовательной подготовки; формирование духовно-патриотических ценностей [5, 9, 10] и др.

Проблемы подготовки военных преподавателей относятся к разряду наиболее актуальных вопросов военного образования страны [6, 7]. Системность и качество педагогической подготовки военных преподавателей является решающим фактором успешности учебного процесса вузов, в подготовке высококвалифицированных офицерских кадров для Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Республики Казахстан [12].

Фундаментом успешной педагогической деятельности является основательная педагогическая подготовка, педагогическая компетенция, теоретические и методические знания в области профессиональной педагогики. Как считает В. А. Сластенин, «...педагогическая деятельность – особый вид социальной деятельности, направленный на передачу от старших поколений младшим накопленных человечеством культуры и опыта, создание условий для их личностного развития и подготовку к выполнению определённых социальных ролей в обществе» [8].

Под понятием подготовки преподавателей военных вузов к педагогической деятельности понимается комплекс мероприятий, нацеленный на реализацию методической системы на базе вариативного дидактического обеспечения, способствующий решению задач развития различных профессиональных компетенций и подготовленности к деятельности с позиции методолога, дидакта, консультанта, координатора и разработчика. Существующая обязательная педагогическая подготовка военных преподавателей осуществляется по программе «Школа начинающего преподавателя». Но всё-таки такая подготовка – лишь начальный этап в формировании личности военного преподавателя и не отвечает запросам, предъявляемым к степени профессионализма военных педагогов. Сегодня возрастает потребность акцентирования внимания на проблемах качественных изменений образования согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, актуализирующему проблему целенаправленной организации педагогической подготовки военных преподавателей на основе компетентного и субъектного подходов, определяющих цели и результаты их обучения.

С целью эффективности педагогической деятельности в военном вузе, по нашему мнению, подготовку офицеров преподавателей следует проводить в системе, включающей взаимосвязанные направления: психолого-педагогическое, технологическое и специально-информационное [10].

Психолого-педагогическая подготовка к профессиональной педагогической деятельности обладает определёнными особенностями. Специфика деятельности офицера-преподавателя подразумевает присутствие следующих профессиональных компетенций: рефлексивно-педагогической, регулятивной и социальной. Вместе с тем, результативная педагогическая деятельность офицеров-преподавателей напрямую связана со степенью их профессиональной компетентности во всех этих сферах. Технологическое направление подготовки преподавателей к педагогической деятельности обеспечивает развитие операциональной, организационной и коммуникативной компетенций, а также технологий и приёмов методической деятельности в ходе обучения курсантов. Специально-информационная подготовка преподавателей к педагогической деятельности способствует формированию специальной, информационно-компьютерной и прогностической компетенций. Она включает фундаментальные профессиональные знания, а также основы средств информатизации образования, умение педагогов целенаправленно использовать их в личной практической деятельности, предвидеть дальнейшее развитие системы [9, 10].

В ходе работы были раскрыты организационно-педагогические условия, обеспечивающие результативность педагогической подготовки военных преподавателей: адаптация военных преподавателей к процессу педагогической деятельности в военном вузе; развитие у офицеров-преподавателей мотивации к педагогической подготовке и подготовленности к самообразовательной деятельности; разработка структурно-функциональной модели педагогической подготовки военных преподавателей; создание полезного дидактического обеспечения педагогической подготовки военных преподавателей; овладение офицерами профессионально-значимыми для преподавательской деятельности компетенциями.

В исследовании мы выявили организационно-педагогические условия подготовки преподавателей к профессиональной деятельности в вузе как среду, устойчивые обстоятельства, определяющие ход, специфику специально организованного педагогического процесса, направленного на овладение офицерами профессионально-ценностным самоопределением и профессионально-значимыми для преподавательской деятельности компетенциями. Также в исследовании даны следующие понятия теории профессионального образования: профессиональная подготовка военных преподавателей, структурно-функциональная модель, дидактическое обеспечение, модульный подход, дифференцированный подход.

Педагогическая подготовка преподавателей военных вузов – организованный педагогический процесс, направленный на овладение знаниями, формирование у офицеров практических навыков и умений и профессионально важных личностных качеств, необходимых для успешной педагогической деятельности в качестве преподавателей.

Структурно-функциональная модель педагогической подготовки преподавателей военных вузов – совокупность целевого, содержательного, технологического, результативного и рефлексивного структурных компонентов и мониторинг внешней и внутренней среды военного вуза.

Под дидактическим обеспечением (ДиО) понимается учебный комплекс, разработанный на основе требований социального заказа и образовательных стандартов.

Модульный подход в высшем военном образовании представляет собой концепцию организации учебного процесса, в которой в качестве цели обучения выступает совокупность профессиональных компетенций обучающегося, в качестве средства её достижения – модульное построение содержания и структуры профессионального обучения.

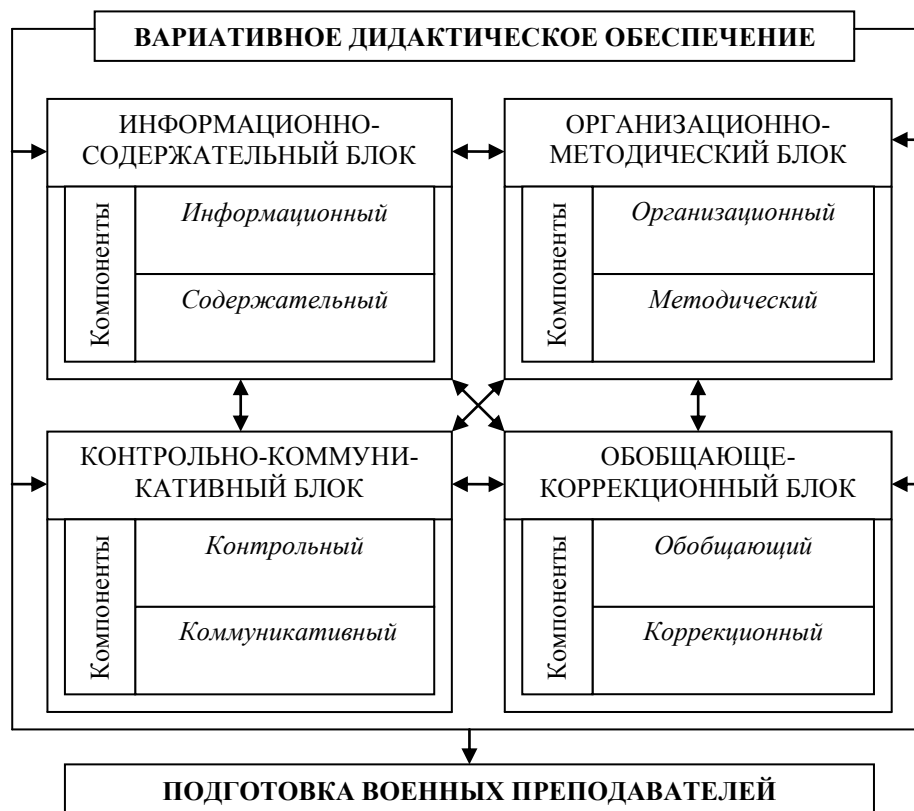
Дифференцированный подход в процессе профессиональной подготовки представляет собой отбор методов, средств и организационных форм; подбор, структуризация и представление содержательной образовательной информации, составление учебно-профессиональных разноуровневых задач, предъявляемых к военным преподавателям.

Отмечено, что понятие «дидактическое обеспечение» интерпретируется в различных источниках по-разному. Оно рассматривается в качестве многоуровневого, поэтапного, комплексного и динамического процесса методического, научного, информационного и учебно-материального воздействия на учебную работу [1]; совокупность средств, нацеленных на повышение целевой эффективности профессиональной подготовки кадров и включающих: а) диагностику образовательного процесса; б) дидактическое сопровождение военного педагога; в) дидактическое сопровождение; г) учебно-методический комплекс; д) учебно-методическую деятельность преподавателей [2]; педагогическая личностно-ориентированная технология, базирующаяся на выявленных закономерностях, принципах и условиях её реализации, включающая: цель и её обоснование, диагностический инструментарий, уровневый дидактический материал, адаптированный к индивидуальным особенностям обучающихся, а также методические рекомендации для педагога [3]; совокупность трёх элементов: модель выпускника, носящая прогностический характер и включающая востребованные в будущем качества личности; учебно-методический комплекс, включающий в себя совокупность взаимосвязанных по дидактическим целям и задачам образования разнообразных видов профессиональных и надпрофессиональных знаний, умений и навыков, гарантирующий повышение качества подготовки специалистов [11]; совокупность компонентов: а) целевого (система дидактических, развивающих и воспитательных целей преподавания); б) содержательного (отбор содержания курса по критериям внутрипредметной целостности, профессиональной целесообразности, познавательной мотивации, перспективы, апперцепции, минимума необходимого содержания и времени); в) процессуального (методика преподавания, ориентированная на усвоение знаний через разрешение проблемных ситуаций) [13] и др.

Принимая во внимание решение задач, в нашей работе при выстраивании содержания и структуры ДиО педагогической подготовки военных преподавателей используются принципы: дидактической полезности, последовательности и систематичности, модульности, многоуровневости, адаптивности и нелинейного структурирования (рис.).

Системообразующим становится принцип дидактической полезности, а другие принципы являются производными от него, конкретизируют и выявляют факторы его реализации. Полезность проектирования и разработки ДиО должна быть нацелена на получение воспитывающего и развивающего результата.

Каждый элемент ДиО вносит свою лепту в получение общего результата, учитывающего ведущие принципы педагогики: принцип воспитывающего и развивающего обучения; фундаментальность и профессиональную направленность содержания, методов, средств и организационных форм обучения.

Структура вариативного дидактического обеспечения

Технологическая составляющая строения модели отображена как технология, направленная на реализацию ДиО, которая учитывает разные условия, воздействующие на результативную педагогическую подготовку военных преподавателей, обеспечивает дифференцированный подход и позволяет реализовать индивидуальные образовательные траектории в ходе их подготовки. Технологический компонент определяет подбор методов, средств и форм организации подготовки военных преподавателей к педагогической деятельности. Наряду с этим, его структура включает педагогический мониторинг, обеспечивающий сбор и анализ результатов подготовки военных педагогов. Использование технологии в ходе подготовки военных педагогов обеспечивает формирование у них профессиональных компетенций, дающих возможность преподавателям с высокой продуктивностью осуществлять обучение курсантов в изменяющихся условиях образовательного процесса высшего военного учебного заведения, находить оптимальные, разнообразные и нестандартные решения проблем профессиональной деятельности.

Уровень педагогической подготовки военных педагогов в рамках нашего изыскания определяли по уровню и качеству освоения ими содержания специальных курсов. Эта цель обусловила разработку специальных тестовых заданий, ориентированных на формирование совокупности профессионально-значимых компетенций преподавателя: коммуникативной, технологической, регулятивной, рефлексивной и прогностической. Преподаватель должен знать основные понятия дидактики: обучение, преподавание, учение, цели, задачи, содержание, принципы и законы, методы, формы организации и средства обучения и др. Процесс дидактического совершенствования должен быть постоянным и непрерывным.

На основе материалов изыскания мы разработали и внедрили в образовательный процесс полезное вариативное дидактическое обеспечение, включающее два научных издания, четыре учебных пособия, две программы для ЭВМ, составляющие компьютерную поддержку, и четыре спецкурса. Исследование показало, что разработанное вариативное ДиО даёт возможность рефлексивного управления педагогической подготовкой военных преподавателей, позволяет оценивать и совершенствовать уровень их подготовки с учётом накопленной информации о процессе обучения.

В заключение отметим, что на анализе проблемы педагогической подготовки военных преподавателей и итогов процесса педагогического эксперимента доказана выдвинутая нами гипотеза об эффективности использования структурно-функциональной модели и вариативного дидактического

обеспечения. Поставленные в соответствии с целью исследования задачи нашли своё решение, а также сформулированы ключевые теоретические выводы и положения. Дано определение категории «организационно-педагогические условия подготовки преподавателей вузов к профессиональной деятельности», определён понятийный аппарат теории профессионального образования: профессиональная подготовка военных преподавателей, структурно-функциональная модель, дидактическое обеспечение, модульный подход, дифференцированный подход. Разработаны методики реализации дифференцированного подхода. Сконструировано модульное содержание, включающее курсы, направленные на вырабатывание составляющих профессиональной компетентности, комбинация которых в модуле обусловлена начальными характеристиками имеющегося опыта преподавателей. Выявлены типы тестов для определения сформированных составляющих профессиональной компетентности военного преподавателя. Внедрены структурно-функциональная модель и вариативное дидактическое обеспечение процесса профессиональной подготовки преподавателей военного вуза.

Применение разработанной структурно-функциональной модели и предлагаемого вариативного ДиО позволяет повысить степень педагогической подготовки преподавателей военного вуза. Реализация организационно-педагогических условий подготовки военных преподавателей к профессиональной деятельности способствует развитию совокупности профессионально-значимых компетенций преподавателя: коммуникативной, технологической, регулятивной, рефлексивной и прогностической.

Библиографический список

1. Ананьин, О. Ю. Дидактическое обеспечение учебной работы в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. Ю. Ананьин. – М., 2004.
2. Бочкарева, Е. В. Дидактическое обеспечение учебной деятельности студентов-заочников туристского вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. В. Бочкарева. – М., 2007.
3. Булдакова, И. Н. Личностно-ориентированная технология творческого развития учащихся в дидактическом процессе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. Н. Булдакова. – Нижний Новгород, 2009.
4. Ведерникова, Л. В. Развитие профессионально-личностного потенциала будущего педагога в условиях модернизации педагогического образования / Л. В. Ведерникова // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 5. – С. 75–78.
5. Жаксылыков, Р. Ф. Особенности организации повышения квалификации офицеров Национальной гвардии Республики Казахстан / Р. Ф. Жаксылыков // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 16. – С. 226–229.
6. Жаксылыков, Р. Ф. Педагогические условия подготовки офицерских кадров для Национальной гвардии / Р. Ф. Жаксылыков // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 4. – С. 81–85.
7. Жаксылыков, Р. Ф. Роль и место военного образования и военной науки в строительстве вооруженных сил государства / Р. Ф. Жаксылыков // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 4. – С. 108–111.
8. Педагогика : учебное пособие для студ. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин [и др.] – 3-е изд. – М. : Школа-Пресс, 2000. – 512 с.
9. Скибицкий, Э. Г. Теория и практика педагогической подготовки преподавателей высших военных учебных заведений : монография / Э. Г. Скибицкий, Э. Ж. Ахметова. – Новосибирск : САФБД, 2012. – 227 с.
10. Скибицкий, Э. Г. Профессионализм педагогов – неперемненное условие повышения качества дистанционного обучения / Э. Г. Скибицкий, Н. В. Фадейкина // Межвузовский сб. науч. тр. – Новосибирск : СИФБД, 2006. – С. 6–12.
11. Ткаченко, И. А. Дидактическое обеспечение повышения качества подготовки специалистов технического профиля в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. А. Ткаченко. – Кемерово, 2008.
12. Толенгутов, К. Ф. Формирование и совершенствование профессионального мастерства военного педагога / К. Ф. Толенгутов // Вестник Военного института Внутренних войск МВД Республики Казахстан. – 2012. – № 1 (3). – С. 91–97.
13. Шапкина, В. А. Дидактическое обеспечение профессионально направленного преподавания курса «Техническая механика» : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. А. Шапкина. – М., 2005.

E. Zh. Mukhamedina, Military Institute of the National Guard of the Republic of Kazakhstan
**PREPARING PROSPECTIVE TEACHING STAFF OF MILITARY INSTITUTIONS OF
 HIGHER EDUCATION FOR PROFESSIONAL ACTIVITY: CONDITIONS, MODEL,
 PROVISION, AND APPROACHES**

The article sheds light on the topical issue of training military instructors. Modern higher education and social trends prove the need in matching the quality of military instructor training and the prospective professional activity. The prospective educator, civilian or military, has to acquire a set of knowledge and

skills, generate them further on, and have an ability to orient in complex pedagogical situations. The article discloses the main directions of teacher training: organizational-pedagogical conditions, the realization of which contributes to forming pedagogically relevant competences; the model of training military instructors consisting of a number of complementary components; provision, which contains a complex of educationally relevant and interdependent components.

The article suggests modular and differentiated approaches to the problem in question, the specificity of its organization with the regard of requirements of pedagogical training, which demands constant creative readiness, acquiring the methodology of professional activity, and constant self-development.

This process is reflected in making new points in the sphere of military education, which is the key to success in professional activity of young military instructors.

Keywords: training military instructors, professional activity, organizational-pedagogical conditions, structural-functional model, didactic provision, professionally relevant competences, modular approach, and differentiated approach.

References

1. Anan'in O.Yu. *Didakticheskoye obespecheniye uchebnoy raboty v vuze*. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Didactic provision of instructional work at an institution of higher education]. Moscow, 2004.
2. Bochkareva Ye.V. *Didakticheskoye obespecheniye uchebnoy deyatel'nosti studentov-zaochnikov turistskogo vuza*. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Didactic provision of instructional activity of extramural students at a touristic institution of higher education]. Moscow, 2007.
3. Buldakova I.N. *Lichnostno-orientirovannaya tekhnologiya tvorcheskogo razvitiya uchashchikhsya v didakticheskom protsesse*. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Personality-centered technology of creative development of students in the framework of didactic process]. Nizhniy Novgorod, 2009.
4. Vedernikova L.V. Development of professional and personal potential of a prospective teacher under conditions of teacher training modernization. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2015, no. 5, pp. 75–78.
5. Zhaksylykov R.F. Peculiarities of organizing professional development of officers of the National Guard of the Republic of Kazakhstan. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 16, pp. 226–229.
6. Zhaksylykov R.F. Pedagogical preconditions of officer training for the National Guard. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 81–85.
7. Zhaksylykov R.F. The role and place of military education and military science in forming state Armed Forces. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2012, no. 4, pp. 108–111.
8. *Pedagogika: uchebnoye posobiye dlya stud. ped. ucheb. zavedeniy* [Pedagogy: tutorial for pedagogical university students]. Ed. V.A. Slastenin, et al. 3rd edition. Moscow, 2000, 512 p.
9. Skibitskiy E.G., Akhmetova E.Zh. *Teoriya i praktika pedagogicheskoi podgotovki prepodavatelei vysshikh voennykh uchebnykh zavedeniy* [Theory and practice of training the teaching staff for military institutions of higher education : monograph]. Novosibirsk, SAFBD, 2012, 227 p.
10. Skibitskiy, E.G., Fadeikina, N.V. Teacher professionalism as an indispensable prerequisite of distance learning quality enhancement. *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, SIFBD, 2006, pp. 6–12.
11. Tkachenko I.A. *Didakticheskoye obespecheniye povysheniya kachestva podgotovki spetsialistov tekhnicheskogo profilya v vuze*. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Didactic provision of training quality enhancement of technicians at an institution of higher education]. Kemerovo, 2008.
12. Tolengutov K.F. The formation and improvement of professional skills of a military educator. *Herald of the Military Institute of Internal Troops of MIA of the Republic of Kazakhstan*, 2012, no. 1 (3), pp. 91–97.
13. Shapkina V.A. *Didakticheskoye obespecheniye professional'no napravlennoy prepodavaniya kursa «Tekhnicheskaya mekhanika»*. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Didactic provision of professionally-oriented teaching of Technical Mechanics]. Moscow, 2005.

© Э. Ж. Мухамедина, 2016

Автор статьи – Эльвира Жумабековна Мухамедина, преподаватель, Военный институт Национальной гвардии Республики Казахстан, e-mail: vno.pvvu@mail.ru

Рецензенты:

В. В. Егоров, доктор педагогических наук, профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова.

Т. К. Мусалимов, доктор педагогических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева.

Р. К. Толеубекова, А. К. Аманова,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Профессии типа «человек-человек», к числу которых относятся профессии педагога, психолога, предполагают наличие гуманистической ориентации и яркой выраженности познавательных интересов к внутреннему миру людей. Авторы статьи в ходе исследования выявили ценности, характерные для будущих психологов. В статье представлены результаты эмпирического исследования, которые свидетельствуют о развитии ценностных ориентаций студентов в ходе их профессиональной подготовки в педагогическом вузе. Данные показывают сходства и различия ценностных ориентаций у будущих профессионалов на уровне норм (должного) и на уровне выбора индивидуальных приоритетов, а также динамику от первого до четвёртого года обучения.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, профессиональная позиция, ценностные ориентации, профессиональная подготовка, профессиональное развитие.

Внедрение компетентного подхода в современных условиях представляет собой комплексную программу развития высшего образования. В ходе профессиональной подготовки в высшей школе формируется профессиональная компетентность. Профессиональная компетентность определяется как готовность и способность специалистов к реализации знаний, умений, навыков, опыта в реальных условиях профессиональной деятельности.

Процесс становления профессионала – это сложный многоуровневый процесс. Становление профессионала конкретизировано в различных понятиях. «Профессионализация», являясь синонимом понятия «профессиональная социализация», подчёркивает роль социальных регуляторов в ходе профессионального становления. Понятия «профессиональное развитие» и «профессиональное научение» применяются для характеристики изменений, происходящих с индивидом в ходе профессионализации: первое понятие описывает становление профессиональных способностей и мотивов, а второе – профессионального опыта. Понятие «профессиональный путь личности» подчёркивает личностный смысл процессов профессионального становления, их управляемость человеком и включённость в контекст реальной жизни. В качестве интегрального понятия, учитывающего все аспекты данного процесса, мы будем ориентироваться на понятие «профессиональное становление» [1, с. 127].

Профессиональное становление личности в психологии понимается как «...процесс развития личности в ходе выбора профессии, профессионального образования и подготовки, продуктивного выполнения профессиональной деятельности» [2, с. 342].

Большинство важнейших характеристик, определяющих особенности профессионального становления личности специалиста-психолога в целом и профессиональной позиции в частности, формируются и закладываются в процессе профессионального психологического образования. Это убедительно доказывают результаты исследований А. И. Донцова, Г. Ю. Любимовой, О. Н. Родиной.

Остановимся на содержании психологического профессионального образования. Содержание профессиональной подготовки по любой специальности определяется ФГОС. Наличие такого документа позволяет стандартизировать процесс профессионального образования, обеспечивает преемственность на разных этапах образовательной системы и способствует повышению качества профессиональной подготовки.

Учебные заведения в Казахстане, имеющие лицензию Министерства образования, имеют право вести обучение студентов по программам подготовки психологов. Государственные органы и образовательные организации разрабатывают соответствующие критерии и требования, для того чтобы обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки и квалификации психологов. Государственная аккредитация предоставляет право высшему учебному заведению выдавать диплом государственного образца.

В процессе обучения в университете или институте будущий специалист-психолог приобретает теоретические знания, практические умения и навыки, у него формируются профессиональная направленность, представления о сфере применения профессии психолога. Помимо обучения, в период получения высшего образования продолжается личностный рост студентов.

Среди многочисленных проблем профессиональной подготовки в области психологии можно выделить два взаимосвязанных аспекта, во многом определяющих дальнейшую жизнеспособность и конкурентоспособность специальности. Первый аспект в большей мере связан с успешностью и эффективностью усвоения психологических дисциплин и формированием адекватной современным требованиям научной психологической позиции специалиста. В этом случае возникает проблема предварительного отбора лиц, не только желающих посвятить себя изучению психологии, но и пригодных к работе в сфере «человек – человек».

Второй аспект касается формирования личности, нравственного и духовного облика самого психолога. Доминирующими становятся степень принятия и глубина понимания этических норм и принципов. Это связано с уникальностью объекта психологического воздействия и спецификой технологических приёмов, позволяющих глубоко проникать во внутренний мир человека. Психолог, как никто другой, максимально тесно соприкасается с неповторимой душевной организацией, с целостными проявлениями психологии человека. Вольное или невольное прикосновение к душе обратившегося за помощью человека должно быть максимально осторожным и не должно нанести вред обретению себя, собственному созиданию уникального жизненного пути. Выраженная в профессиональной деятельности ориентация на ценность другого человека обостряет восприятие психологом самого себя, своих возможностей и личных проблем как меры своеобразного психологического воздействия на окружающих людей, основанной на переживании чувства профессионального долга и ответственности за свои профессиональные действия [4, с. 56].

У. С. Родыгина характеризует развитие параметров профессиональной идентичности студентов-психологов с I по IV курс. Данные испытуемых с I по IV курс показывают относительное благополучие и стабильность. Первый курс отличается от других тем, что отсутствуют студенты с профессиональной идентичностью психолога. Скорее всего, идентичность с будущей профессией психолога достаточно формальна: «Если я учусь на факультете психологии, то обязательно стану психологом». Второй курс характеризуется повышенным уровнем рефлексивности. Возможно, это обусловлено выбором специализации и необходимостью задуматься по этому поводу. Третий курс отличается от остальных повышенной мотивацией к профессиональному обучению. Четвёртый курс характеризуется средними показателями по всем исследуемым параметрам. Впервые на одну из ведущих позиций выходит ценность-цель «материально обеспеченная жизнь».

Итак, в процессе получения высшего профессионального образования происходят весьма существенные трансформации в личностно-профессиональном становлении студентов-психологов. Наряду с ценностным профессиональным самоопределением (интересом к профессии, определением её гуманистического характера и общественной значимости) на рубеже третьего курса происходит выраженный кризис, проявляющийся как в повышенной критичности к содержанию получаемого профессионального образования (его достаточности, фундаментальности, систематизированности, современности), так и в переоценке студентами своих профессиональных планов. Исследование динамики профессиональной позиции на разных этапах обучения базировалось на положении о том, что профессиональная позиция является структурно-динамической личностной переменной и может развиваться, претерпевать изменения в процессе профессионального становления.

Мы провели исследование для проверки этого положения.

Общая характеристика выборки. Выборку составили: студенты педагогического факультета государственного университета имени Шакарима г. Семей (Казахстан) с I по IV курс в количестве 73 человек: I курс – 23 студента, II курс – 18 студентов, III курс – 20 студентов, IV курс – 12 студентов.

Методы исследования. 1. Опросник самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев). 2. Методика Шварца «Изучение ценностей личности» представляет собой шкалу, предназначенную для измерения значимости десяти типов ценностей (власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиция, конформность, безопасность).

Представим некоторые результаты исследования в таблице.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что для первокурсников на уровне убеждений являются наиболее значимыми следующие ценности: доброта, безопасность, самостоятельность. В структуре ценностей, оказывающей наибольшее влияние на личность, приоритетное место занимает доброжелательность, сфокусированная на благополучии в повседневном взаимодействии с близкими людьми. Также важны самостоятельность мышления и выборов способов действия в творчестве и исследовательской активности, автономность, независимость, а с другой стороны –

безопасность для других и для себя. Возможно, эти ценности являются значимыми в связи с переходным этапом жизни, завершением обучения в школе, началом учебной деятельности в вузе. В числе наименее значимых оказались: уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре, и следование им.

Таблица 1

Показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов студентов-психологов I–IV курсов

Тип ценностей	X (Среднее арифметическое)	Д (Стандартное отклонение)	Ранги	X (Среднее арифметическое)	Д (Стандартное отклонение)	Ранги	X (Среднее арифметическое)	Д (Стандартное отклонение)	Ранги	X (Среднее арифметическое)	Д (Стандартное отклонение)	Ранги
	1 курс (n=23)			2 курс (n=18)			3 курс (n=20)			4 курс (n=12)		
1. Конформность	4,09	1,04	6	3,45	1,18	8	3,89	0,58	6	3,59	1,21	7
2. Традиции	2,94	1,25	10	2,21	1,36	10	2,85	1,15	10	2,8	1,16	10
3. Доброта	5,05	0,79	1	4,75	0,98	1	4,88	0,72	1	4,52	1,00	3
4. Универсализм	4,3	0,94	5	3,68	1,03	6	3,74	1,05	7	3,79	1,01	5
5. Самостоятельность	4,69	0,84	3	4,37	1,00	3	4,42	1,10	3	4,53	0,94	2
6. Стимуляция	3,7	1,59	8	3,53	1,20	7	3,35	1,34	8	3,65	1,30	6
7. Гедонизм	3,86	1,76	7	3,99	1,57	5	3,98	1,31	5	3,29	1,47	8
8. Достижения	4,33	1,02	4	4,51	1,06	2	4,5	1,07	2	4,64	1,15	1
9. Власть	3,24	1,46	9	3,04	1,9	9	3,15	1,15	9	3,09	1,36	9
10. Безопасность	4,70	1,10	2	4,16	0,97	4	4,41	0,87	4	4,23	1,10	4

Таким образом, студенты-психологи первого года обучения на уровне нормативных идеалов руководствуются ценностью «доброта». В наименьшей степени руководствуются ценностью «традиции», а в реальном социальном поведении – ценностью «власть». В целом, студенты имеют позитивное самоотношение, в первую очередь обусловленное самоинтересом. Ответственность за события своей жизни склонны приписывать внешним факторам, но отмечают свою ответственность за межличностные отношения.

В содержательной основе профессиональной позиции студентов-психологов второго года обучения ядро в структуре ценностей составляет ценность «доброта». Кроме того, на первый план выступают ценности «достижения» и «самостоятельность». Таким образом, актуальными становятся личный успех, проявление социальной компетентности, социальное одобрение, а также самостоятельность мышления и выбора способов действия. Наименее значимым является ценность «власть», которая включает в себя достижение социального статуса, престижа, доминирования.

В структуре ценностей студентов третьего года обучения продолжает доминировать ценность «доброта», значимой становится ценность «достижения», актуальными остаются ценности «самостоятельность» и «безопасность». Следует отметить, что ценность «традиции» становится более значимой, чем для студентов второго года обучения, но по-прежнему занимает последнее место в иерархии ценностных ориентаций.

Видимые изменения в структуре ценностных приоритетов проявляются у студентов 4 года обучения. Наиболее значимой становится ценность «достижения». Стремление к личному успеху и социальному одобрению выходит на первый план. Значимыми остаются такие ценности, как: «самостоятельность», «самоуправление», «самоконтроль». В оценке этих ценностей испытуемые достаточно единодушны. Сохраняет свою ценность для студентов благополучие близких. Интересно отметить, что ценность «гедонизм» занимает незначимые позиции, но имеет больший разброс значений в представленной выборке.

В реальном же социальном поведении приоритетными для студентов-психологов являются несколько иные ценностные ориентиры (таблица 2).

Таблица 2

Показатели значимости типов ценностей на уровне индивидуальных приоритетов студентов-психологов I–IV курсов

Тип ценностей	Х (Среднее арифметическое)	Д (Стандартное отклонение)	Ранги	Х (Среднее арифметическое)	Д (Стандартное отклонение)	Ранги	Х (Среднее арифметическое)	Д (Стандартное отклонение)	Ранги	Х (Среднее арифметическое)	Д (Стандартное отклонение)	Ранги
	1 курс (n=23)			2 курс (n=18)			3 курс (n=20)			4 курс (n=12)		
1. Конформность	1,8	0,77	8	1,37	0,72	8	1,84	0,74	8	1,5	0,83	8
2. Традиции	1,26	0,88	9	0,74	0,72	10	1,18	0,79	10	1,08	0,83	10
3. Доброта	2,83	0,71	1	2,77	0,68	1	2,93	0,75	1	2,47	0,89	2
4. Универсализм	2,47	0,73	3	2,07	0,64	6	2,27	1,20	3	2,19	0,81	5
5. Самостоятельность	2,72	0,67	2	2,56	0,69	2	2,25	0,77	4	2,65	0,84	1
6. Стимуляция	2,26	1,06	4	2,36	0,96	4	2,16	0,88	5	2,34	0,94	3
7. Гедонизм	2,23	1,11	5	2,22	0,98	5	2,37	0,83	2	1,99	0,98	6
8. Достижения	2,06	0,98	7	2,46	0,83	3	2,15	0,85	6	2,21	0,92	4
9. Власть	1,03	1,17	10	0,93	0,93	9	1,25	1,04	9	1,36	1,06	9
10. Безопасность	2,16	0,75	6	1,95	0,76	7	2,00	0,56	7	1,95	0,78	7

У студентов первого года обучения наряду с ценностями «доброта», «самостоятельность» появляется ценность «универсализм». Мотивационной основой этой ценности является понимание, терпимость, защита благополучия всех людей. Это необходимо при вступлении людей в контакт с кем-либо вне своей среды, при расширении первичной группы. Выход на первый план указанной ценности может быть связан с вхождением первокурсников в новую малую социальную группу, с адаптацией к новым условиям учебной деятельности, формированием новой позиции. В наименьшей степени проявляются ценности «власть», «достижения», сохранения доминантной позиции в рамках целой социальной системы.

Студенты второго года обучения показывают преобладание ценности «доброта». Незначимой оказывается ценность «традиции».

В структуре ценностей студентов третьего года обучения продолжает доминировать ценность «доброта», значимой становится ценность «достижения», актуальными остаются «самостоятельность» и «безопасность». Следует отметить, что ценность «традиции» более значима, чем для студентов второго года обучения, но также занимает последнее место в иерархии ценностных ориентаций.

В конце обучения в реальном поведении студенты также руководствуются ценностью «доброта». Существенную роль начинают играть такие ценности, как: «гедонизм», «универсализм», «самостоятельность». Наслаждение и чувственное удовольствие выходят на одну из первых позиций в структуре ценностных ориентаций. Наряду с благополучием близких людей, в реальном социальном поведении становятся ценными понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы. Малую актуальность сохраняют ценности «традиции», «власть». На уровне индивидуальных приоритетов испытуемые более единодушны в оценке приоритетов: доминируют ценности самостоятельности, доброты, стимулирования. Наблюдается стремление к новизне, глубоким переживаниям.

Итак, на разных этапах обучения в содержательной основе профессиональной позиции студентов-психологов наблюдаются различия. При переходе от первого курса к четвёртому у студентов-психологов происходят изменения в содержательной основе профессиональной позиции.

Следует обратить внимание на изменения в структуре ценностных ориентаций на уровне убеждений. Такая ценность, как «доброта» входит в число приоритетных ценностей на всех этапах обучения, но становится менее значимой в процессе движения от младших курсов к старшим, как правило, преобладает у студентов-первокурсников. Среди ценностей, оказывающих наибольшее влияние на личность студента на всех этапах получения высшего образования, мы отмечаем «самостоятельность». Эта ценность становится более значимой в ходе взросления студентов – от второго к четвертому курсу. Среди важных в структуре ценностей студентов-психологов наблюдаем ценность «достижения»: достижение личного успеха, социального одобрения. Ярко проявляется тенденция возрастания роли ценности «достижения» по мере продвижения студентов к старшим курсам. Ценность «универсализм» несколько теряет свою значимость для студентов второго курса, становится более актуальной для студентов IV курса. Такие ценности, как «безопасность», «конформность», «традиции», «стимуляция», наиболее значимы для первокурсников. А ценность «гедонизм» значима для студентов второго и третьего курсов обучения.

На уровне индивидуальных приоритетов в ценностных ориентациях студентов-психологов мы выделяем следующие тенденции в изменении.

В реальном социальном поведении для студентов всех курсов значимыми являются «доброжелательность», реализуемая в отношениях с близкими людьми, самостоятельность мышления и поведения. В наименьшей степени студенты-психологи следуют обычаям и традициям, существующим в культуре. Возможно, этот факт требует отдельного специального исследования. Ценность «доброта» имеет тенденцию к снижению значимости к старшим курсам, достигая максимального значения у студентов третьего курса. Ценности «понимание», «терпимость», «благополучие» в широком социальном плане также имеют линию понижения к выпускному курсу при максимальной выраженности у первокурсников с некоторым повышением на третьем курсе. Ценность «самостоятельность» становится менее значимой для студентов третьего курса. При этом ценности удовольствия, чувственного наслаждения и власти выражены в большей степени по сравнению с другими этапами обучения.

Подводя итоги, следует обратить внимание на то, что структура ценностных ориентаций студентов подвижна и может изменяться под влиянием педагогического воздействия. В связи с этим необходима систематическая и согласованная работа коллектива педагогов вуза, обеспечивающая формирование ценностных ориентаций, необходимых специалистам в сфере образования.

Библиографический список

1. Толеубекова, Р. К. Профессионально-личностное развитие студентов педагогов-психологов в процессе обучения в вузе / Р. К. Толеубекова, Г. С. Турсунгожинова, А. К. Аманова // Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2015. – С. 127–130.
2. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. – Ростов н/Д. : Ремикс, 1996. – 512 с.
3. Лукина, В. С. Исследование мотивации профессионального развития / В. С. Лукина // Вопросы психологии. – 2004. – № 5. – С. 25–32.
4. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования / Э. Ф. Зеер. – М. : Изд-во МПСИ, 2005. – 216 с.
5. Архангельский, С. И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы / С. И. Архангельский. – М. : Высшая школа, 1978. – 328 с.
6. Брушлинский, А. В. Проблемы психологии субъекта / А. В. Брушлинский. – М., 1994. – 109 с.
7. Бодров, В. А. Психология профессиональной пригодности / В. А. Бодров. – М. : ПЕРСЭ, 2001. – 511 с.

R. K. Toleubekova, L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana

A. K. Amanova, L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana

VALUE ORIENTATION AS PART OF PROFESSIONAL COMPETENCE FUTURE SPECIALISTS IN EDUCATION

Professions such as «man-man», which include the teaching profession, psychologist, suggest the presence of a humanistic orientation and vivid manifestation of cognitive interest in the inner world of people.

The authors of the study revealed values typical of future psychologists. The article presents the results of empirical studies that show the development of value orientations of students in the training. During training in higher education institution occurs not only acquaintance with specifics of the chosen profession, acquisition of basic professional skills and abilities, but also the valuable relation to a profession and motivation of future professional activity is formed. The data show the similarities and differences of value orientations of future professionals at the level of standards (proper) and at the level of individual choice of priorities as well as the dynamics of the first to fourth year of study.

Keywords: professional competence, professional position, values orientation, professional training, professional development.

References

1. Toleubekova R. K., Tursungozhinova G. S., Amanova A. K. Professional and personal development of educational psychology students in the learning process at the University. *Collection of articles of International scientific-practical conference*. Ufa, 2015, pp. 127–130.
2. Klimov E. A. *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Rostov-on-don, Remix Publ., 1996, 512 p.
3. Lukina V. S. The study of professional development motivation. *Voprosy psikhologii*. 2004, No. 5, pp. 25–32.
4. Zeer E. F. *Psikhologiya professional'nogo obrazovaniya* [Psychology of professional education]. Moscow, MPSI Publ., 2005, 216 p.
5. Arkhangel'skiy S. I. *Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы* [The educational process in the higher school, its natural bases and methods]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1978, 328 p.
6. Brushlinskiy A. V. *Проблемы психологии субъекта* [Problems of psychology of the subject]. Moscow, 1994, 109 p.
7. Bodrov V. A. *Психология профессиональной пригодности* [Psychology of professional suitability]. Moscow, PERSE, 2001, 511 p.

© Р. К. Толеубекова, А. К. Аманова, 2016

Авторы статьи:

Рымшаш Камешовна Толеубекова, доктор педагогических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан.

Арай Кокорасвна Аманова, докторант, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан, e-mail: amana1986@mail.ru

Рецензенты:

П. Б. Сейтказы, доктор педагогических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева.

М. З. Джамбубекова, доктор педагогических наук, профессор, Государственный университет им. Шакарима г. Семей.

УДК 378.14.015.62

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.118

Е. А. Семенова,
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского)
федерального университета

КРИТЕРИИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗА ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Статья посвящена определению критериев, показателей и характеристике уровней оценивания сформированности у студентов технического вуза информационно-технологической компетентности. На основе анализа подходов различных учёных к решению этой проблемы были отобраны и теоретически обоснованы такие критерии сформированности у студентов информационно-технологической компетентности, как мотивационно-ценностный, личностный, когнитивный, технологический, эмоционально-волевой, творческий. Критерии конкретизированы их содержательными показателями, которые были использованы для характеристики уровней сформированности у студентов технического профиля информационно-технологической компетентности. В статье также отражены результаты констатирующего эксперимента, на основе которых была определена принадлежность его респондентов к рассмотренным уровням сформированности информационно-технологической компетентности.

Ключевые слова: информационно-технологическая компетентность, критерии и показатели, уровни сформированности, студенты.

Проблема формирования у студентов информационно-технологической компетентности относится к классу теоретико-прикладных педагогических проблем. В процессе формирования

информационно-технологической компетентности будущего специалиста преподаватели и студенты привлекают дополнительную информацию, отражающую их личный опыт, представления, ценностные ориентации, а также используют информацию, пришедшую из внешней среды. Таким образом, этот процесс является открытым. В процессе формирования у будущих специалистов информационно-технологической компетентности происходит освоение ими, преобразование и хранение знаний в области информационного и программного обеспечения, информационных технологий, компьютерных систем и сетей, решения вычислительных и технических задач, моделирования и т. д. Студенты осваивают необходимые знания и умения как информационно-прикладного, так и специально-предметного характера.

Оценивание уровней сформированности у студентов вуза информационно-технологической компетентности является важной задачей, от решения которой зависит возможность определять и повышать качество учебно-воспитательного процесса в высшем учебном заведении, а также успешная профессиональная деятельность будущих специалистов.

В современной педагогической науке учёные выделяют различные критерии и диагностические методы оценивания сформированности информационно-технологической компетентности. Для этого широко применяется таксономия Блума [1, с. 241], предполагающая проверку каждого познавательного умения с помощью определённых специально подобранных задач. Блум выделяет 6 категорий целей обучения: знание, понимание, применение, анализ, синтез и оценка.

Л. Н. Паламарчук [5, с. 111] выделяет качественные и количественные критерии уровней сформированности информационно-технологической компетентности обучающихся. К качественным критериям она относит:

- 1) интегральный критерий, который характеризует в совокупности полноту теоретических представлений об информационных объектах взаимодействия и способах работы с ними, освоенность этих способов;
- 2) содержательный критерий, характеризующий полноту теоретических представлений об информационных объектах взаимодействия и способах работы с ними;
- 3) процессуальный критерий, свидетельствующий об освоенности способов работы с информационными объектами.

Количественным критерием является степень сформированности информационно-технологической компетентности обучающихся, которая определяется как отношение в процентах между фактически освоенными теоретическими представлениями и способами деятельности и полным их объёмом, предусмотренным для освоения.

Для успешного формирования информационно-технологической компетентности среди студентов В. В. Готтинг [3, с. 12] выделяет такие критерии, как рефлексивный, компьютерная грамотность, информационно-деятельностный, коммуникативный, проектно-технологический.

Для объективного определения того или иного уровня сформированности информационно-профессиональной компетентности Н. Н. Овчинниковой [4, с. 15] были выделены следующие критерии: информационно-профессиональные знания будущего инженера, информационно-профессиональные умения будущего инженера, профессионально важные качества будущего инженера.

Для формирования информационно-технологической компетентности будущих инженеров лесного хозяйства О. М. Самохваловой [6, с. 53] были выделены такие критерии, как мотивационно-ценностный, когнитивный, функционально-деятельностный, рефлексивный.

А. В. Гордеев [2, с. 22] выделяет критерии, по которым оценивает уровень сформированности информационно-технологической компетентности:

- мотивационно-ценностная готовность (осознание значимости информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в профессиональной деятельности и необходимости совершенствования знаний в данном направлении);
- когнитивная готовность (формирование познавательных интересов и знаний студентов в области ИКТ, используемых в процессе обучения для будущей профессиональной деятельности);
- технологическая готовность (умение пользоваться средствами прикладных информационных технологий, приёмами и методами их использования в электронном делопроизводстве).

На основе анализа современных научных исследований (В. Н. Аниськин, А. М. Витт, А. В. Гордеев, В. В. Готтинг, Н. С. Данилова, Л. Н. Паламарчук, О. М. Самохвалова, Н. Н. Овчинникова, О. Л. Серветник, С. Л. Сурменко, А. А. Темербекова, И. И. Хасанова, Т. А. Яковлева и др.) для определения уровней сформированности информационно-технологической компетентности у студентов технического профиля были выявлены такие критерии, как мотивационно-ценностный,

личностный, когнитивный, технологический, эмоционально-волевой и творческий. Уровни сформированности информационно-технологической компетентности будущих специалистов технического профиля определяются, исходя из степени проявления выявленных критериев и их показателей, на каждом из пяти уровней – низком, ниже среднего, среднем, выше среднего и высоком.

Критериями и соответствующими им показателями сформированности у студентов технического профиля информационно-технологической компетентности являются следующие:

1. *Мотивационно-ценностный критерий*, включающий в себя мотивацию; интерес как ведущий мотив учебной деятельности; потребность студентов в использовании ИКТ в учебной деятельности; понимание важности полученных знаний, умений, навыков и личностных качеств в процессе овладения ИКТ и в будущей профессиональной деятельности; ценностное отношение к процессам самосовершенствования, саморазвития в данной области.

Уровни сформированности данного критерия связаны с изменением характера мотивации, осознанием мотивов (мотивация использования информационно-коммуникационных технологий для нахождения множества решений информационно-технологических задач), стремлением к использованию ИКТ в разнообразных видах деятельности и потребностью в их творческом применении, заинтересованностью в получении знаний и опыта использования информационных технологий и программных продуктов.

2. *Личностный критерий* конкретизируется такими показателями, как профессионально важные качества будущего специалиста, необходимые для осуществления информационной деятельности: системность и гибкость мышления, аналитическое мышление; креативность, творческое мышление; высокая самомотивация на освоение новых знаний; нацеленность на результат; хорошо развитое внимание (такие его параметры, как объём, распределение и концентрация); организованность; самостоятельность.

Выбор именно этих качеств обусловлен: 1) внутренними особенностями информационной деятельности; 2) современными требованиями к личности специалиста технического профиля; 3) спецификой учебно-воспитательного процесса вуза, обеспечивающей возможности формирования данных качеств.

3. *Когнитивный критерий* характеризуется следующими показателями: овладение теоретическими, методическими и технологическими знаниями об ИКТ и приёмах их использования, стремление к совершенствованию этих знаний и умений. Для того, чтобы знание о способе практической деятельности превратилось в умение, а затем в навык и соответствующую компетентность, необходимо осознать алгоритм, реальный способ деятельности по осуществлению и приобретению опыта его практической реализации.

В содержательном плане данный критерий предполагает овладение студентами технического профиля следующими знаниями:

- основных алгоритмов поиска и обработки информации;
- принципов работы, возможностей и ограничений современных программных и аппаратных средств;
- принципов работы с локальными и глобальными сетями ЭВМ;
- правил, норм охраны труда и техники безопасности и др.

4. *Технологический критерий* содержит следующие показатели: овладение профессиональными умениями и навыками ориентирования в информационном потоке, анализ информации, умение пользоваться средствами ИКТ, владение методами получения, хранения, обработки и передачи информации, стремление к совершенствованию своего опыта и расширению его границ.

В содержательном плане данный критерий предполагает оценку овладения студентами технического профиля следующими видами умений:

- собирать, передавать, накапливать и обрабатывать профессионально-значимую информацию;
- использовать прикладные программы, базы данных, локальные и глобальные сети ЭВМ, средства защиты информации, ИКТ;
- работать с технической документацией, осуществлять её экспертизу;
- использовать продуктивный опыт отечественной и зарубежной науки и техники и т. д.

Уровни сформированности технологического критерия выражаются в характере сложности действий по использованию информационно-коммуникационных технологий в конкретной деятельности, а также в проявлении личной инициативы и осознанной самостоятельности.

5. Показателями *эмоционально-волевого критерия* являются: волевые качества, эмоциональная устойчивость, а также способность к самостоятельному выбору линии поведения, целеустремленное осуществление тех или иных действий в области использования ИКТ, принятие на себя ответственности за их результаты.

6. К показателям *творческого критерия* относятся: способность работать творчески, способность к открытию нового знания, готовность самостоятельно разрабатывать алгоритмы деятельности при решении проблем творческого и поискового характера, выбирать программные и аппаратные средства для обработки информации, использовать ИКТ в профессиональной деятельности, самостоятельность в работе.

Для каждого из критериев были определены содержательные характеристики, отражающие пятиуровневое проявление сформированности у студентов технического профиля информационно-технологической компетентности.

В целях выявления уровней сформированности информационно-технологической компетентности у студентов технических специальностей был проведён констатирующий эксперимент среди студентов IV–V курсов, в котором приняли участие 428 студентов 12 технических вузов таких городов, как Санкт-Петербург, Москва, Пермь, Тюмень, Казань, Ижевск, Альметьевск, Набережные Челны, Нижнекамск. В качестве основного метода научно-педагогического исследования для проведения констатирующего эксперимента была использована разработанная нами анкета для студентов.

К *низкому уровню* сформированности информационно-технологической компетентности были отнесены 10,51 % студентов технических специальностей. Их заинтересованность в получении новых знаний обусловлена только необходимостью сдать экзамен. Они обладают недостаточными знаниями о методах работы с информационными ресурсами, прикладными программами, низким уровнем сформированности знаний в области ИКТ, функциональных возможностей и способов использования ИКТ. Информационные потребности и интересы этих студентов находятся в стадии формирования. Для них характерны владение минимальной номенклатурой методов работы с информацией и неготовность к осуществлению информационной деятельности с использованием средств ИКТ в учебно-профессиональной деятельности. Студенты, относящиеся к низкому уровню сформированности информационно-технологической компетентности, испытывают затруднения в получении, хранении, обработке и передаче информации в условиях информационно-образовательной среды. У студентов данной группы отмечается низкий уровень осознания ценности полученной информации, а навыки владения компьютерной техникой находятся в стадии формирования.

К *уровню ниже среднего* сформированности информационно-технологической компетентности были отнесены 12,62 % студентов технических специальностей. Они обладают преимущественно навыками работы с текстовыми редакторами и электронными таблицами, программами математической обработки и средствами создания изображений. Для них характерны владение общей терминологией, понимание назначения устройств персонального компьютера, способность осуществлять поиск информации в соответствии с заданными критериями. Проявляется слабая заинтересованность и мотивация в освоении средств ИКТ, их осознанном применении в учебных и личных целях.

К *среднему уровню* сформированности у студентов технических специальностей информационно-технологической компетентности были отнесены студенты (39,25 %), обладающие достаточным объёмом знаний в области ИКТ, методами работы с информационными ресурсами. У студентов данной группы отмечается стремление использовать ИКТ в учебно-профессиональной деятельности как средства повышения её эффективности. Такие студенты владеют умениями использовать средства ИКТ и методами работы с информационными ресурсами и прикладными программами.

К *уровню выше среднего* сформированности информационно-технологической компетентности были отнесены 17,99 % студентов технических специальностей, участвовавших в анкетировании. У них проявляется потребность в овладении достаточно широким спектром специальных знаний и практических умений в области информационных технологий, в овладении методами и средствами ИКТ. Для студентов данного уровня характерно осознание необходимости готовности к работе с информацией, умений определять средства, технологии и направления её поиска, оценивать эффективность и надёжность, а также применять методы её использования. Они способны предлагать и реализовывать нестандартные подходы в решении информационно-технических задач. Студенты, относящиеся к данному уровню, обладают глубокими знаниями об информационной деятельности, знают пути и средства повышения её эффективности, быстро ориентируются в новой информации, систематически занимаются самообразованием.

К *высокому уровню* сформированности у студентов технических специальностей информационно-технологической компетентности были отнесены студенты (19,63 %), обладающие обширными знаниями о методах работы с информационными ресурсами, значительным объёмом знаний в области ИКТ и использующие их в период учебно-производственной практики. Студенты этой группы владеют методами работы с информацией в информационно-образовательной среде, они самостоятельны в своих оценках и суждениях относительно информационных процессов, владеют программными

продуктами, компьютерной техникой, ИКТ, отличаются индивидуальным стилем информационной деятельности. Студенты, относящиеся к высокому уровню сформированности информационно-технологической компетентности, способны генерировать новые идеи, способы использования информационных технологий. Для них характерна самостоятельность в принятии решений по выбору и использованию информационных технологий, а также они готовы к принятию стратегических решений. Такие студенты обладают высокой самомотивацией к освоению новых знаний, нацелены на достижение высоких результатов. У них сформированы интерес к изучению методов работы с информацией и средствами ИКТ, осознание необходимости эффективной работы с информацией и готовность к ней.

Таким образом, критериями сформированности у студентов технического профиля информационно-технологической компетентности являются мотивационно-ценностный, личностный, когнитивный, технологический, эмоционально-волевой, творческий. Для каждого критерия были определены содержательные характеристики, отражающие пятиуровневое проявление сформированности у студентов технического профиля информационно-технологической компетентности.

Полученные в ходе констатирующего эксперимента результаты показали преобладание среднего и ниже среднего уровней сформированности готовности студентов к информационно-технологической деятельности, не позволяющие им качественно решать сложные информационно-технические задачи, что подтверждает необходимость совершенствования данного вида подготовки в условиях технического вуза.

Библиографический список

1. Bloom, B. S. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals [Electronic resource]: handbook I, cognitive domain/ B. S. Bloom. – New York : Longman(Ed.), 1956. – Режим доступа: <http://teaching.uncc.edu/sites/teaching.uncc.edu/files/media/files/file/GoalsAndObjectives/Bloom.pdf>.
2. Гордеев, А. В. Критерии оценки уровня сформированности информационно-технологической компетентности студентов – будущих документоведов в образовательном пространстве вуза / А. В. Гордеев // Материалы ХLI учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, соискателей ТГПУ им. Л. Н. Толстого «Актуальные проблемы проектирования и реализации конкурентно способных образовательных программ». – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. – С. 22–24.
3. Готтинг, В. В. Формирование информационно-технологической компетентности педагога профессионального обучения : автореф. дисс. ... канд. пед. наук / В. В. Готтинг. – Караганда, 2008. – 31 с.
4. Овчинникова, Н. Н. Формирование информационно-профессиональной компетентности будущих инженеров : научно-методическое пособие / Н. Н. Овчинникова. – Челябинск : Уральская академия, 2009. – 33 с.
5. Паламарчук, Л. Н. Информационно-технологическая компетентность школьника / Л. Н. Паламарчук // Информатика и образование. – 2007. – № 10. – С. 111–112.
6. Самохвалова, О. М. Теоретические основы информационно-технологической компетентности будущих инженеров лесного хозяйства / О. М. Самохвалова // Сибирский педагогический журнал (научно-теоретическое издание). – 2007. – № 10. – С. 51–57.

*E. A. Semenova, Elabuga institute (branch) federal state autonomous educational institution
of higher education of Kazan (Volga Region) federal university*

THE CRITERIA AND LEVELS OF FORMATION OF INFORMATION-TECHNOLOGICAL COMPETENCE OF STUDENTS OF SPECIALITIES IN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION

The article is devoted to definition of criteria, indicators and the characteristic of levels of assessment of formation of technical students' information-technological competence. On the basis of the analysis of different scientific approaches to the problem-solving the following criteria of formation of technical students' information-technological competence were selected and theoretically based: motivational-value, personal, cognitive, technological, emotional and volitional, creative. The criteria are defined concretely due to their substantial indicators which were used for the characteristic of levels of formation of technical students' information-technological competence. This article reflects the results of the ascertaining experiment on the basis of which was defined the respondents' belonging to the discussed levels of technical students' information-technological competence.

Keywords: an information-technological competence, criteria and indicators, levels of formation, students.

References

1. Bloom B.S. *Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals* [Electronic resource]: handbook I, cognitive domain. New York: Longman(Ed.),1956. URL: <http://teaching.uncc.edu/sites/teaching.uncc.edu/files/media/files/file/GoalsAndObjectives/Bloom.pdf> (date of access : 26.10.2015).

2. Gordeev A.V. Criteria of an assessment of level of formation of information and technological competence of students – future document specialists in educational space of higher education institution. *Materials XLI of educational and methodical conference of the faculty, graduate students, undergraduates, competitors of TGPU of L.N. Tolstoy «Actual problems of design and realization konkurentno capable educational programs»*. Tula : Publishing house of TGPU of L. N. Tolstoy, 2014, pp. 22-24.
3. Gotting V.V. *Formation information-technological competence of the teacher vocational education* : abstract of the thesis on competition ... candidate of pedagogical sciences. Karaganda, 2008, 31 p.
4. Ovchinnikova N.N. *Formation information-professional competence of future engineers* : scientific and methodical grant. Chelyabinsk : Ural Academy, 2009, 33 p.
5. Palamarchuk L.N. Information-technological competence of the school student // *Informatics and education*. 2007, no. 10, pp. 111-112.
6. Samokhvalova O.M. Theoretical bases of information and technological competence of future engineers of forestry. *Siberian pedagogical magazine (scientific-theoretical edition)*. 2007, no. 10, pp. 51–57.

© Е. А. Семенова, 2016

Автор статьи – **Екатерина Александровна Семенова**, аспирантка, Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», e-mail: rus-237@mail.ru

Рецензенты:

Р. Р. Саримова, кандидат педагогических наук, доцент, Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «КНИТУ».

Н. В. Мартишина, доктор педагогических наук, профессор, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина.

УДК 378.14.015.62:51

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.123

Н. И. Лыгина, Е. А. Лебедева,
Новосибирский государственный технический университет

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК РЕСУРС ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Уточнены нормы качества математической подготовки в высшей школе. Выделены группы преподавателей в зависимости от особенностей их деятельности по обеспечению норм качества математической подготовки в образовательном процессе. Описаны группы обучающихся по уровням сформированности базовых операций. Отмечена связь между качеством деятельности преподавателя в его психолого-педагогическом компоненте и уровнем подготовки обучающихся. Показано, что психолого-педагогический компонент деятельности преподавателя является ресурсом, обеспечивающим нормы качества математической подготовки в реальном образовательном процессе.

Ключевые слова: математическая подготовка, высшая школа, нормы качества, деятельность преподавателя, психолого-педагогический компонент.

Качество математической подготовки в высшей школе неизменно находится в центре внимания как академической общественности, так и контролирующих органов. Решение вопроса качественной математической подготовки связано, прежде всего, с определением норм качества, которые включают в себя и содержательный компонент, и набор операций, инвариантных по отношению к конкретной предметной области и необходимых для решения профессиональных задач математическими методами. Кроме того, не менее важным является вопрос выбора средств обеспечения качества. Операционный компонент и средства обеспечения качества представляют собой психолого-педагогическую составляющую качества математической подготовки. На качество психолого-педагогической составляющей оказывает влияние отношение преподавателей к педагогической деятельности и реализация ими образовательного процесса по преподаваемой дисциплине.

В связи с этим в данной работе предлагаются нормы качества математической подготовки, рассматривается психолого-педагогический компонент как ресурс преподавателя, обеспечивающий достижение этих норм качества, выделяются уровни сформированности базовых операций у студентов как результат реализации этих норм. При этом авторы основывались на проведённом анализе литературных источников, на многолетнем опыте работы с преподавателями высшей школы на факультете повышения квалификации в Новосибирском государственном техническом университете и собственном опыте преподавания математических и технических дисциплин.

Анализ литературы показал, что в настоящее время нет единого представления о нормах качества математической подготовки [1–5]. Нормы качества математической подготовки должны быть конкретны, должны описывать определённые операции, инвариантны, то есть обладать свойством переноса на другие предметные области, достаточны, то есть обеспечивать решение профессионально значимых задач.

В данной работе качество понимается как соответствие норме [6], а качество математической подготовки студентов как умение выполнять определённый набор операций (будем называть их базовыми) при решении задач.

Ниже приводится набор базовых операций, представляющих собой норму качества математической подготовки:

- представлять информацию в разных формах;
- при анализе исходных данных задачи это даёт возможность выбрать метод решения;
- для получения системного, целостного видения данных задачи и прогнозируемого или полученного результата;
- для оценки правильности и интерпретации полученного результата;
- определять присущие характеристики (задачи, объекта, явления, процесса) для классификации с целью определения метода решения (или модели) и принятия решения;
- выполнять вычисления в соответствии с алгоритмом;
- учитывать размерности данных при вычислениях и интерпретации результатов;
- контролировать правильность данных задачи и промежуточных результатов.

Кроме того, для осмысленного использования математических методов при решении профессиональных задач необходимо знание теоретических основ, включающих в себя:

- термины, определения, размерности, присущие характеристики объекта;
- теоремы (законы), свойства, следствия, лежащие в основе алгоритмов;
- алгоритмы решения типовых задач;
- внутренние точки контроля в ходе решения задачи;
- область использования (ограничения) методов решения задач;
- размерности величин.

Эти нормы являются рабочими, они конкретны, инвариантны, достаточны и могут быть использованы (и используются авторами) в реальном образовательном процессе.

Базовые операции можно развивать во всех учебных дисциплинах, но именно в математике практически в каждой задаче требуется их применение в полном объёме и, следовательно, математика является той учебной дисциплиной, в которой систематическое обращение к базовым операциям создает наиболее благоприятные условия для их успешного развития [3].

В таблице 1 представлена деятельность преподавателя для обеспечения норм качества математической подготовки в образовательном процессе. В деятельности преподавателя в соответствии с моделью Н. В. Кузьминой [7] выделены следующие компоненты: проектировочный, организационный, коммуникативный (гностический компонент в данной работе не рассматривается), в составе которых рассмотрены только ключевые действия.

В ходе анализа отношения преподавателей к выполняемой педагогической деятельности и её результатов условно выделены две группы. В реальных условиях, скорее всего, нельзя встретить преподавателей, которых можно считать типичными представителями каждой из групп. Представленные в таблице характеристики создают собирательный образ идеального во всех отношениях преподавателя (образно назовём идеалист) и образ преподавателя, формально выполняющего свои обязанности в части психолого-педагогической составляющей (образно назовём формалист). Идеалист принимает современные нормы качества педагогической деятельности и стремится им соответствовать на практике.

Таблица 1

Деятельность преподавателя для обеспечения норм качества математической подготовки в образовательном процессе

Деятельность	1 группа (идеалист)	2 группа (формалист)
Педагогическое проектирование образовательного процесса по дисциплине		
Анализ внешних требований к профессиональной подготовке, в том числе ФГОС ВО	Стремится создать целостную картину профессиональной подготовки на базе требований и чётко определить место своей дисциплины	Формально опирается при проектировании на внешние требования, закреплённые за дисциплиной разработчиками ООП. Внешние требования практически не влияют на образовательный процесс по дисциплине
Формулирование целей учебной дисциплины	Проектирует осознанно, ориентируясь на нормы качества математической подготовки, учебные цели на уровне «уметь» в соответствии с шаблоном вида: <деятельность>+ <предмет, на который направлена деятельность>. Степень конкретности учебных целей обеспечивает явную связь с деятельностью студентов и проявляет инвариантный характер базовых умений. Учебные цели становятся системообразующим компонентом. Это даёт возможность отразить в целях учебной дисциплины инвариантный характер учебной деятельности и учесть её предметное содержание	Проектирует формально учебные цели на уровне «уметь» в соответствии с шаблоном вида: <деятельность>+ <предмет, на который направлена деятельность> на высоком уровне общности, при этом явная связь с деятельностью студентов утрачивается. При этом содержание учебной дисциплины становится системообразующим компонентом
Определение междисциплинарных связей	Стремится уточнить и конкретизировать целостную картину математической подготовки, определяя междисциплинарные связи через учебные цели. Степень конкретности учебных целей, учитывающих и предметное содержание, и инвариантный характер базовых умений, обеспечивает очевидную связь с другими дисциплинами ООП	Не учитывает междисциплинарные связи ни при проектировании, ни при реализации образовательного процесса, ограничиваясь при необходимости перечислением названий смежных дисциплин
Проектирование контролирующих материалов (результатов обучения)	Разрабатывает контролирующие материалы в соответствии с целями дисциплины, учитывающими и предметное содержание, и инвариантный характер базовых умений	Разрабатывает контролирующие материалы, ограничиваясь только предметным содержанием дисциплины
Педагогическое проектирование отдельных занятий		
Представление информации	Представляет информацию в достаточном объёме для решения задач, в различных формах, структурировано	Отдаёт предпочтение текстовой форме представления теоретической информации, зачастую в избыточном объёме
Проектирование учебных заданий	Подбирает системно учебные задания на развитие всех базовых умений (представлять информацию в разных формах, определять присущие характеристики (задачи, объекта, явления, процесса) для классификации, выполнять вычисления, определять теоретические основы решения задачи)	Подбирает преимущественно учебные задания на вычисления в соответствии с алгоритмом
Выбор методов активизации деятельности обучающихся	Стремится при проектировании выбирать современные педагогические технологии и определять их место в образовательном процессе	Ограничивается привычными способами активизации деятельности (вопрос, замечание, призыв, контроль и т. д.)
Организация образовательного процесса по дисциплине и коммуникации		
Активизация деятельности	Применяет уместно разнообразные активные методы обучения в соответствии с целями дисциплины	Применяет контроль как основной способ активизации деятельности обучающихся

Проектируя образовательный процесс по дисциплине и отдельному занятию, он опирается на внешние требования к профессиональной подготовке, стремится создать её целостную картину, уточняет и конкретизирует нормы качества математической подготовки и осознанно ориентируется на них. Идеалист творчески подходит к выбору и применению инновационных активных методов обучения, используя их к месту и ко времени в соответствии с целями дисциплины и занятия. Преподаватели этой группы сознают безусловную значимость инвариантного характера выделенных базовых умений для развития мышления обучающихся. Они систематически в процессе обучения предлагают задания, способствующие осознанию студентами места базовых операций в их математической подготовке и их ценности для будущей профессиональной деятельности, а следовательно, для успешности обучения в профессиональных дисциплинах.

В свою очередь представитель второй группы при проектировании образовательного процесса по дисциплине формально учитывает требования ФГОС ВО, формулирует учебные цели на высоком уровне общности, что приводит к потере связи с деятельностью обучающихся, рассматривает содержание, а не цели дисциплины как системообразующий компонент, применяет контроль как основной способ активизации деятельности обучающихся. Основным предпочтением формалиста при подборе учебных задач являются задачи на выполнение конкретного алгоритма. Вопросы выбора и обоснования рассматриваются им эпизодически. Такой подход к организации деятельности на практике приводит к искажению нормы качества математической подготовки, а именно, к сведению до умения выполнять инструкции при решении типовых задач. Но это соответствует только минимальному уровню математической подготовки. Вместе с тем, идеалистом вычислительные задачи в математической подготовке рассматриваются как один из видов задач, обеспечивающих технологический этап при решении профессиональных задач в соответствии с системным подходом, таким образом, вычислительные задачи в конечном итоге являются средством, а не самоцелью.

В таблице 2 охарактеризованы две группы студентов по уровню сформированности базовых операций. На практике существует и третья группа студентов, которых условно называют слабыми.

Сильные студенты отличаются высоким уровнем сформированности базовых операций, что проявляется в умении анализировать исходные данные и интерпретировать полученные результаты, классифицировать объекты, задачи, процессы, самостоятельно выбирая признаки, а также в высокой вычислительной культуре и понимании теоретических основ решения задач.

Средние студенты в сравнении с сильными зачастую затрудняются перейти от содержательного описания задач к формальной постановке, предпочитают одну из форм представления информации в ущерб другим, в сложных случаях не отличают существенные признаки от несущественных при выборе основания для классификации, часто игнорируют размерности данных, не всегда понимают необходимость строгого соблюдения заданной последовательности действий выполняемого алгоритма, нередко не придают значения контролю промежуточных результатов и формально относятся к теоретическим основам решения задач.

Третья группа слабых студентов немногочисленна, но вызывает серьёзное беспокойство преподавателей, поскольку требует повышенного внимания при непредсказуемом результате. В третью группу студенты попадают по разным причинам: низкая внутренняя мотивация, случайный выбор направления подготовки, недостаточный уровень начальной математической подготовки. У студентов этой группы слабо развит навык формализации задач, они затрудняются перевести данные задачи или полученный результат из одной формы в другую, не могут увидеть и проанализировать несоответствия, если они возникают. Они самостоятельно не могут выделить существенные признаки для классификации, не связывают их с методом решения, решение выполняют только по образцу, не обращают внимания на размерность и промежуточные результаты, систематически путаются в последовательности действий в алгоритмах решения типовых задач, не знают даже основных терминов.

Рассматриваемый в работе психолого-педагогический компонент деятельности преподавателя является для него ресурсом, обеспечивающим реальную возможность перехода средних и слабых студентов в группу с более высоким уровнем математической подготовки и дальнейшего развития сильных студентов. Для этого преподавателю нужно осознавать и принимать современные нормы качества математической подготовки и деятельности преподавателя высшей школы, проектировать и организовывать образовательный процесс по дисциплине в соответствии с этими нормами [6]. Преподаватель-идеалист осознаёт и принимает эти нормы качества и руководствуется ими в своей педагогической практике. Исходя из принципов личностно-деятельностного подхода, он учитывает уровень подготовки, мотивацию, скорость продвижения в предмете и индивидуальный образовательный стиль обучающегося. Преподаватель-формалист зачастую относится к нормам качества скептически и не рассматривает их как основу своей педагогической деятельности, что приводит к сужению возможности подготовки сильных студентов.

Таблица 2

Уровни сформированности базовых операций студентов

Базовые операции		Сильные студенты	Средние студенты
Представление информации в разных формах:	при анализе исходных данных задачи (выделение основных компонентов задачи: что дано, что требуется найти или доказать) для выбора метода решения	В текстовой задаче могут выделить, что дано, что требуется найти или доказать	Затрудняются в текстовой задаче выделить, что дано, что требуется найти или доказать
	для получения системного, целостного видения данных задачи и прогнозируемого или полученного результата (недостаток или избыток информации)	Могут перевести данные задачи или полученный результат из одной формы в другую, видят связь и могут проанализировать несоответствия, если они возникают	Могут перевести данные задачи или полученный результат из одной формы в другую, но затрудняются проанализировать несоответствия, если они возникают
	для оценки правильности и интерпретации полученного результата	Могут сравнить информацию, представленную в разных формах (описание – таблица – график), выбирают более целесообразный способ представления информации	Проявляют привязанность к одной форме, неохотно используют возможность представления информации в разных формах, не видят преимуществ одной формы перед другой
Выявить, определить присущие характеристики (задачи, объекта, явления, процесса) для классификации с целью определения метода решения (или модели) и принятия решения		Выбирают метод решения задачи, опираясь на классификацию	Затрудняются выделить существенные признаки для классификации, но на их основе правильно выбирают метод
Выполнять вычисления в соответствии с алгоритмом (вычислительная культура)	Учитывать размерности данных при вычислениях и интерпретации результатов	Учитывают размерность данных при вычислениях и интерпретации результатов. Понимают важность этого этапа решения	Не всегда обращают внимание на размерность данных при вычислениях и интерпретации результатов, но понимают важность этого этапа решения
	Устанавливать соответствие между величинами, их обозначениями и численными значениями	Умеют устанавливать соответствие между величинами, их обозначениями и численными значениями	Иногда ошибаются, устанавливая соответствие между величинами, их обозначениями и численными значениями
	Соблюдать последовательность действий (этапов, шагов) выполняемого алгоритма	Чётко, осмысленно соблюдают последовательность действий (этапов, шагов) выполняемого алгоритма	Чётко, но не всегда осмысленно соблюдают последовательность действий (этапов, шагов) выполняемого алгоритма
	Контролировать правильность данных задачи, промежуточных результатов	Контролируют правильность промежуточных результатов	Зачастую пропускают контроль правильности промежуточных результатов
Понимание теоретических основ решения задачи	Знание терминов, определений, размерностей, характеристик объекта	Демонстрируют хорошее знание терминов, определений, характеристик	Зачастую демонстрируют формальное знание и понимание терминов, определений, характеристик
	Знание теоремы (законы), свойства, на основе которых составлены алгоритмы	Знают и понимают теоремы (законы), свойства, на основе которых составлены алгоритмы	Знают итоговые выводы, не всегда их осмысливая, из утверждений, на основе которых составлены алгоритмы
	Знание алгоритмов решения типовых задач	Знают алгоритмы решения типовых задач	Знают алгоритмы решения типовых задач
	Знание внутренних точек контроля в ходе решения задачи	Видят внутренние точки контроля и используют их для оценки правильности хода решения	Пропускают внутренние точки контроля, недооценивают их важность для контроля процесса решения
	Знание размерностей величин	Знают размерности величин и понимают их значение для получения правильного результата	Знают размерности величин, но не всегда понимают их значение для получения правильного результата

Как показывает опыт работы авторов на факультете повышения квалификации, проектирование преподавателем образовательного процесса по своей дисциплине создаёт благоприятные условия для осознания и принятия им норм качества педагогической деятельности в целом и математической подготовки в частности. Кроме того, привлечение преподавателя к исследованию своей педагогической деятельности способствует тому, что он начинает сознательно стремиться к реализации норм качества на практике, что в конечном итоге приводит к повышению качества подготовки, в том числе и математической, обучающихся.

Библиографический список

1. Нариньяни, А. С. Математика XXI – радикальная смена парадигмы. Модель, а не алгоритм / А. С. Нариньяни // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 74–75.
2. Ильченко, А. Н. Математическая культура – основа профессиональной подготовки специалиста для инновационной экономики / А. Н. Ильченко, Б. Я. Солон // Современные проблемы науки и образования. – 2010. – № 2 – С. 119–129.
3. Розанова, С. А. Математическая культура студентов технических университетов / С. А. Розанова. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 176 с.
4. Успенский, В. А. Математическое и гуманитарное: преодоление барьера / В. А. Успенский. – М. : МЦНМО, 2011. – 48 с.
5. Столяр, А. А. Зачем и как мы доказываем в математике / А. А. Столяр. – Минск : Народная Асвета, 1987. – 144 с.
6. Лыгина, Н. И. Проектируем образовательный процесс по учебной дисциплине в условиях компетентностного подхода : учебное пособие для преподавателей / Н. И. Лыгина, О. В. Макаренко. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013. – 152 с.
7. Кузьмина, Н. В. Очерки психологического труда учителя / Н. В. Кузьмина. – Л., ЛГУ, 1967. – 183 с.

N. I. Lygina, E. A. Lebedeva, Novosibirsk State Technical University

ON THE ISSUE OF QUALITY NORMS OF MATHEMATICAL TRAINING IN HIGH SCHOOL AND THEIR IMPLEMENTATION

Quality norms of mathematical training in high school were clarified. Groups of teachers depending on peculiarities of their activities in order to provide quality norms of mathematical training in educational process were distinguished. Groups of students according to the levels of the formation of basic operations were described. The relation between quality of teacher's activity in their psycho-pedagogical component and students training level were observed. It was shown that psycho-pedagogical component of teacher's activity is the source which provides quality norms of mathematical training in real educational process.

Keywords: mathematical training, high school, quality norms, teacher's activity, psycho-pedagogical component.

References

1. Narin'yani A. S. Mathematics XXI – a radical paradigm shift. Model instead of the algorithm. *Voprosy filosofii*, 2011, No. 1, pp. 74–75.
2. Il'chenko A. N., Solon B. Ya. Mathematical culture is the basis of specialist training for the innovation economy. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2010, No. 2, pp. 119–129.
3. Rozanova S. A. *Matematicheskaya kul'tura studentov tekhnicheskikh universitetov* [Mathematical culture of the students of technical universities]. Moscow, FIZMATLIT, 2003, 176 p.
4. Uspenskiy V. A. *Matematicheskoe i gumanitarnoe: preodolenie bar'era* [Mathematics and Humanities: bridging the barrier]. Moscow, MCNMO, 2011, 48 p.
5. Stolyar A. A. *Zachem i kak my dokazyvaem v matematike* [Why and how do we prove in mathematics]. Minsk, Narodnaya Asveta Publ., 1987, 144 p.
6. Lygina N. I., Makarenko O. V. *Proektiruem obrazovatel'nyy protsess po uchebnoy distsipline v usloviyakh kompetentnostnogo podkhoda* [Design the educational process on the discipline in conditions of competence approach]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2013, 152 p.
7. Kuz'mina N.V. *Ocherki psikhologicheskogo truda uchitelya* [Essays on psychological work of a teacher]. Leningrad, LGU Publ., 1967, 183 p.

© Н. И. Лыгина, Е. А. Лебедева, 2016

Авторы статьи:

Нина Ивановна Лыгина, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, e-mail: niligina@yandex.ru

Елена Анатольевна Лебедева, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, e-mail: ealebed@ngs.ru

Рецензенты:

Э. Г. Скибитский, доктор педагогических наук, профессор, Сибирская академия финансов и банковского дела.
Н. А. Гулюкина, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет.

Н. В. Шишарина,
Иркутский государственный университет

ИННОВАЦИОННОЕ СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Рассматривается инновационное сетевое взаимодействие как практика социального воспитания. Методология представленной темы основана на принципах сетевого взаимодействия: решение образовательных проблем возможно при отказе от иерархического принципа организации воспитательной деятельности участников образовательных отношений; движение от тезиса «воспитательная деятельность как выполнение распоряжений» к тезису «воспитательная деятельность как диалог». Результатами исследования являются разработка и реализация таких форм как инновационный образовательный альянс и кластеры обогащающего воспитания по практическому применению технологии сетевого воспитательного взаимодействия. Следовательно, в таких формах участникам предлагается всем вместе решить сложные задачи: социальная направленность взаимодействия в сочетании с ориентацией на развитие одарённости и самостоятельности его участников; интерес воспитанника к участию через реализацию сильных сторон его личности; развитие практического инструментария получения персонализированных жизненно важных компетенций; ответственность воспитанника за свою творческую и исследовательскую активность; мотивация творческой продуктивности, социальной активности. Применение результатов: апробация в образовательных учреждениях г. Иркутска и Иркутской области. Выводы: представленная нами технология показала свою продуктивность и результативность через практики социального воспитания.

Ключевые слова: воспитание, социальное воспитание, инновация, инновация в воспитании, эффективное сетевое взаимодействие.

Существуют многочисленные проблемы педагогической науки как области гуманитарно-философского познания, наряду с ними можно выделить проблему разработки и реализации инноваций в воспитании в условиях современного образования. Именно реализация инноваций в воспитании обусловлена широкомасштабными процессами инноваций в образовании и педагогике в целом. На наш взгляд, одна из миссий современной педагогической науки состоит в том, чтобы обеспечить интеграцию педагогической практики и классической науки (практикоориентированность). В результате такого альянса науки и практики должны быть найдены оригинальные, инновационные пути и векторы образовательных отношений всех участников воспитательного взаимодействия, позволяющие решать сложные задачи переходного периода в сфере воспитания.

Современное воспитание создаёт возможности для овладения человеком необходимыми, с точки зрения общества, социальными, духовными и эмоциональными ценностями [4] (знаниями, убеждениями, умениями, нормами, отношениями, образцами поведения), которые обеспечивают успешную социализированность (А. В. Мудрик, Т. А. Ромм и др.) [3, 5, 6].

Цель статьи – представить и раскрыть сущностный смысл, на наш взгляд, оригинальной инновации в воспитании – технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия, которая, по нашему мнению, обеспечивает успешную социализированность личности.

Актуальность разработки данной технологии определялась рядом факторов, в том числе таких, как:

– Возможность получения качественного образования продолжает оставаться одной из наиболее важных жизненных ценностей граждан, решающим фактором социальной справедливости и политической стабильности.

– Создание и распространение структурных и технологических инноваций в профессиональном образовании, обеспечивающих высокую мобильность современной экономики [2].

По признанию многих учёных, на качество воспитания влияют следующие факторы:

1. Концепция воспитания (определяет стратегию создания и развития системы воспитания).
2. Организация и содержание воспитания (технологии, формы, методы, средства в русле концепции).
3. Информационно-образовательная среда (образовательные технологии в контексте воспитания).

4. Профессионализм воспитателя (его широкая компетентность, непрерывность его профессионального образования).

Общие тенденции развития российской системы образования имеют следующие проблемы, которые необходимо учитывать:

Проблема первая – усиление конкуренции в образовательной системе (управлении, поддержки инноваций, развитии человеческого потенциала).

Проблема вторая – ожидаемая новая волна технологических изменений, усиливающая роль инноваций в развитии образования и снижающая влияние многих традиционных факторов.

Проблема третья – возрастание роли человеческого капитала как основного фактора развития системы образования.

Проблема четвёртая – исчерпание потенциала знаниевой модели развития системы образования, базирующейся на фокусе знаний, умений, навыков, и переход к парадигме деятельностной педагогики – формированию и развитию универсальных учебных действий и компетенций.

Профессор Т. А. Ромм в своей статье отмечает, что прогноз воспитания, «исходя из признания объективного характера изменений, происходящих в жизни общества, человека, способах его осуществления себя в этом мире» [5, с. 78], изменение «дизайна воспитания» (Т. А. Ромм) выделена как ключевая тенденция воспитания. В данном контексте мы считаем, что разработка и продвижение инноваций в воспитании, в том числе и инновационных воспитательных технологий, смогут изменить дизайн воспитания в сторону продуктивности качества: эффективности и продуктивности.

Предметом нашего исследования являлись разработка и апробация инновации в воспитании: технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия (сущность; смысл; результат).

Под воспитанием в действующем законе РФ об образовании понимается «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [1].

Под инновацией в воспитании нами понимается нововведение, которое организуется и проводится самими работниками системы образования.

Феномен «инновации в воспитании» представляет собой *новую (обновлённую или улучшенную) социокультурную долгосрочную инициативу, способствующую процессу приращения и обогащения нравственно-этических, социальных ценностей человеком, как достояние самой личности и развитие на этой основе практических (в том числе творческих) жизненно-ориентированных компетенций через новые способы (инновационные) организации воспитания*. Это творчески-социальная среда, пространство по «производству» нового: воспитательного процесса; воспитательной услуги; воспитательного продукта (как индивидуального, так и коллективного); воспитательной методики, технологии.

Реализации инноваций в воспитании совершенствуют образовательный процесс, *способствуют его обновлению* в формате новых воспитательных услуг, воспитательных продуктов на основе внедрения достижений науки и технологий [7].

Инновации в воспитании создаются через процесс диффузии и использования новшеств в сфере воспитательной деятельности. По своей природе «инновация в воспитании» есть конечный результат инновационной деятельности, реализованной в виде нового или усовершенствованного воспитательного процесса, продукта или услуги, используемых в практической творческой педагогической деятельности [8, с. 41].

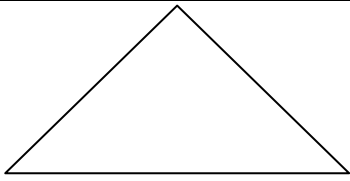
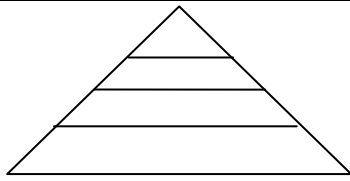
Разрабатывая практики социального воспитания, мы предлагаем свой вариант в формате технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия, её модель мы попытались представить на рисунке. Модель представляет комплекс взаимосвязанных компонентов. Представим описание сущности технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия как практики социального воспитания.

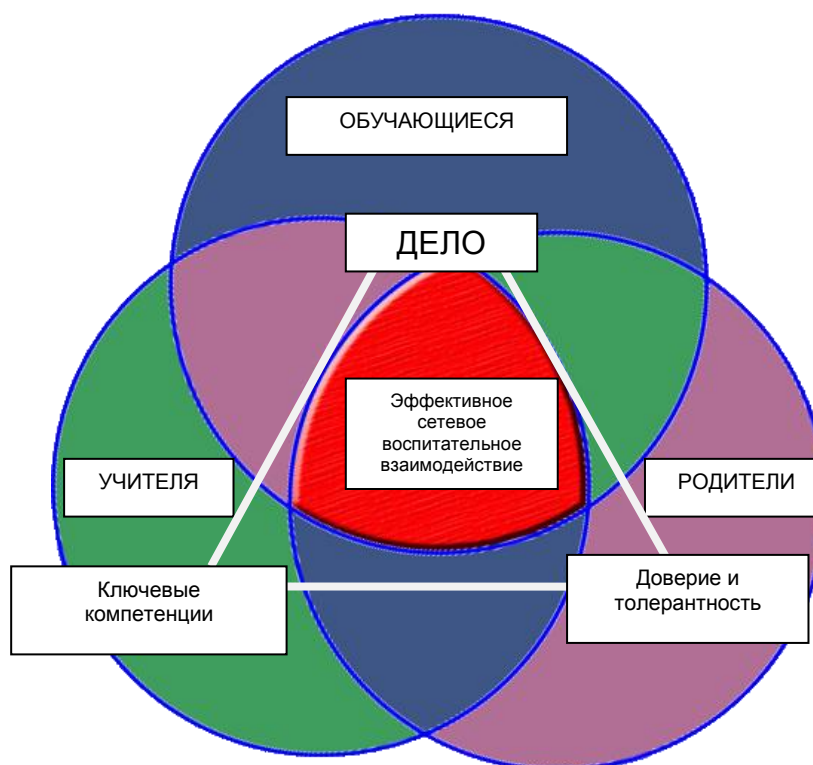
Эффективное сетевое воспитательное взаимодействие – это смысловой аспект образовательно-социального общения и диалога. Сетевое воспитательное взаимодействие обслуживает совместную деятельность участников образовательных отношений и предполагает не только обмен информацией, но и достижение некой общности в реализации воспитательной деятельности:

- установление контактов, кооперацию (организацию и осуществление общей деятельности);
- продуктивность и результативность (эффективность);
- процессы межличностного восприятия, включая понимания социального партнёра.

Методология технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия как инновация: решение проблем возможно при отказе от иерархического принципа организации воспитательной деятельности участников образовательных отношений; движение от тезиса «воспитательная деятельность как выполнение распоряжений» к тезису «воспитательная деятельность как диалог» представлена в таблице. Образовательная сеть представлена в сравнении с иерархией, так очень ярко выражены преимущества образовательной сети как методологии разработанной нами технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия.

Методология инновационного эффективного сетевого взаимодействия
как практики социального воспитания

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕТЬ	ИЕРАРХИЯ
Каждый делает чуть-чуть = общее ДЕЛО!	Начальник и декорации (люди)
	
Сущность образовательной сети: – Объединяющее назначение. – Независимость членов. – Добровольность связей. – Обилие лидеров. – Интегрированность уровней. – Социализированность участников сети. – Эффективность результатов сетевого воспитательного взаимодействия	Не является предметом нашего рассмотрения

Модель эффективного сетевого воспитательного взаимодействия

Инновационное сетевое взаимодействие, ориентированное на участников образовательных отношений, на практику *социального воспитания* (А. Мудрик «социальное воспитание – есть воспитание индивида в социуме, социальной среде, социальной общине в ходе его взаимодействия с ними»), которое направляется их интересами; развивает их способности, интересы и стили общения в деятельности; позволяет группам детей и взрослых, разделяющим общие интересы, участвовать в совместной активности для дела. В основе такого взаимодействия находятся идеи индуктивного подхода (Джон Дьюи, Мария Монтессори, Джером Брюнер), т. е. ориентации взаимодействия на приобретение практических жизненных умений и навыков, а также компетенций через исследовательскую и творческую активность вне форм школьных ситуаций, что отвечает задачам неформального образования как сферы социального воспитания.

Дадим описание разработанной нами и апробированной в практике модели инновационной технологии эффективного сетевого образовательного взаимодействия. Рисунок демонстрирует нашу модель.

Принципы инновационного эффективного сетевого воспитательного взаимодействия:

1) *дело* (цель, работа, занятие, деятельность), которое объединяет сообщество участников образовательных отношений и организует его созидательную, активную социально ориентированную деятельность;

2) *компетенции* (круг вопросов, в которых хорошо осведомлён, круг полномочий человека) необходимые для дела, которыми в разной мере обладают члены воспитательного сообщества, своеобразие каждого состоит в уникальности его компетенций и их проявлений в деле;

3) *доверие* (инициатива, быстрая обратная связь, терпение, уверенность в добросовестности другого человека, его искренности, правильности дела и основанное на этом отношение к человеку или делу), которое необходимо для развития ответственности членов воспитательного сообщества.

Технология (алгоритм) инновационного эффективного сетевого взаимодействия как практики социального воспитания [9, с. 217] включает следующие основные шаги:

ШАГ 1: *индукция* (создание эмоционального настроения сетевого воспитательного взаимодействия; знакомство, согласование позиций, погружение в деятельность; рассуждения от частного к общему).

ШАГ 2: *самоконструкция* (пробы по самовыражению личности; индивидуальное создание решения).

ШАГ 3: *социоконструкция* (процесс достижения совместного результата; построение элементов взаимодействия группой; совместная продуктивная деятельность).

ШАГ 4: *социализация* (презентация «продукта» творчества, знакомство с результатами творчества других участников, комментарии и обсуждение).

ШАГ 5: *самокоррекция* (совместная доработка и уточнение).

ШАГ 6: *рефлексия* (отражение чувств, ощущений, возникших у участников эффективного сетевого воспитательного взаимодействия; осмысление и осознание реализации и развития социальных связей, умений, навыков и компетенций сетевого воспитательного взаимодействия).

Организационный блок технологии инновационного эффективного сетевого воспитательного взаимодействия:

– *область сетевого воспитательного взаимодействия* (образование, общество, дружба, природа, здоровье, семья, карьера, хобби, отдых);

– *название сетевого воспитательного взаимодействия* (выражает бренд, инноватику, новизну идей воспитательной сети);

– *проблема сетевого воспитательного взаимодействия* (актуальность, необходимость, востребованность воспитанниками);

– *форма реализации сетевого воспитательного взаимодействия* (творческие мастерские; практики; стажировки, социальное наставничество, исследовательские лаборатории, тренинговые группы, мастер-классы, курсы, студии, бизнес-офисы, сервисные агентства, социальные мастерские, гайд-парки и др.);

– *пространство реализации сетевого воспитательного взаимодействия* (время и место проведения).

Процессуальный блок технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия:

а) целевой компонент: цель-задача; цель-результат; цель-продукт; цель-услуга;

б) имиджевый компонент: реклама (создание информации и спроса на услуги); логотип (оригинальное разработанное изображение сущности, бренд);

в) ролевой компонент: модератор воспитательной сети (способствует организации эффективного сетевого воспитательного взаимодействия); профессионал-родитель (организует содержательную часть сети); обучающиеся-воспитанники (активные участники организации и реализации сети совместно со взрослыми);

г) ресурсный компонент: ресурсы, необходимые для реализации сети (организационные, материальные, личностные и др.);

д) содержательный компонент: содержание деятельности в сети (дело);

е) результативный компонент: продукт или услуга сети (таблица).

К вопросу *о смыслах и целях реализации в практику технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия*: если люди думают примерно одинаково – это непотопляемая сеть; о доверии: искать *личностные смыслы*; о компетенциях: *самоопределяться*; в сети нет судьи, важна *терпимость*; поиск, гибкость, нет единого мнения; суть сети: однозначность неоднозначности; сеть – это *связи между людьми и организациями*; в сети *не нужно жертвовать*; важны *процессы*, а не функции; в сети нужна *воля к победе*; главное для образовательной сети – ДЕЛО!

Воспитательные задачи средствами технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия прекрасно решаются.

Механизмом реализации в педагогическую практику технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия могут являться различные формы: инновационный образовательный альянс; кластеры «обогащающего» (термин введён Д. Рензулли) [10, с. 38] воспитания (описаны нами в ряде других научных статей), Технологии такие, как:

1) технология активного воспитания (интерактивное воспитания); воспитание на основе социальных ситуаций; метод проектов;

2) технология деятельностной педагогики (технология деятельностного метода воспитания): мотивация к совместной деятельности; актуализация и фиксирование индивидуального воспитания в пробном действии; выявление места и причины затруднения; построения проекта выхода из затруднения; реализация построенного проекта; первичное закрепление с проговариванием; самостоятельная работа с самопроверкой по эталону; рефлексия деятельности (итог).

Миссией технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия является:

– *формирование критической массы* эффективного сетевого воспитательного взаимодействия;

– *социальная мобильность* личности и сообщества;

– *внешняя и внутренняя экспертиза* организации процесса достижения качества воспитания на всех его этапах;

– *трансферт* инновационных воспитательных форм, методик, средств и приёмов.

Таким образом, технология эффективного сетевого воспитательного взаимодействия – это практико-ориентированная технология, направленная на решение реальных проблем социального воспитания в приобретении жизненно-социальных компетенций, предполагающая особый тип сетевого взаимодействия воспитанников – «работа как диалог» (дело – компетенции – доверие) в творческих мастерских, модераторских практиках, лабораториях, мастер-классах, переговорных площадках и т. п., специально организованных для создания процесса, продукта или услуги, которые окажутся значимыми для целевой аудитории и социума.

Отличительными чертами технологии эффективного сетевого воспитательного взаимодействия являются:

1) *социальная направленность взаимодействия* в сочетании с ориентацией на развитие самостоятельности его участников;

2) *интерес воспитанника к участию в сетевом взаимодействии* через реализацию сильных сторон его личности (когда сильные стороны обучающегося усиливаются в ходе сетевого взаимодействия, тем самым повышаются мотивация и интерес личности к деятельности, в которой он участвует, это гарантирует его успешную социализацию);

3) *разновозрастные группы* участников образовательных отношений; *развитие практического инструментария* получения персонализированных жизненно важных компетенций;

4) *разнообразие и многообразие организаторов* сетевого воспитательного взаимодействия (обучающиеся, модераторы-учителя, специалисты разных сфер деятельности, работодатели, мастера-профессионалы, волонтеры-родители, общественные волонтеры, студенты, социальные работники);

5) *инновационный образовательный продукт* или услуга – дело;

6) *взаимодействие между участниками воспитательной сети*, основанное на разделении труда;

7) *ответственность* воспитанника за свою творческую и исследовательскую активность;

8) *мотивация* таланта, лидерства, изобретательности, предприимчивости, творческой продуктивности, социальной активности.

Итак, теоретический анализ научной литературы и практический педагогический опыт показал, что представленный нами научный материал не раскрывает всех потенциальных возможностей технологии инновационного эффективного сетевого воспитательного взаимодействия, данный ресурс как инновация в социальном воспитании может быть использован в разнообразных интегративных форматах педагогических социальных практик.

Библиографический список

1. Закон об образовании в РФ [Электронный ресурс] / Закон об образовании в РФ. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф>
2. Концепция ФЦП развития образования на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] / Концепция ФЦП развития образования на 2016–2020 годы. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф>
3. Мудрик, А. В. Социализация человека : учеб. пособие / А. В. Мудрик. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : МПСИ : Воронеж: МОДЭК, 2010. – 624 с.
4. Программа развития воспитательной компоненты [Электронный ресурс] / Программа развития воспитательной компоненты. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф>
5. Ромм, Т. А. Воспитание: повестка на завтра / Т. А. Ромм // Вопросы воспитания. – 2015. – № 1. – С. 78–85.
6. Ромм, Т. А. Социальная педагогика: прогноз на завтра / Т. А. Ромм // В книге: Педагогический профессионализм в образовании Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию НГПУ. – Новосибирский государственный педагогический университет. – 2015. – С. 62–71.
7. Шишарина, Н. В. Инновации в воспитании: характеристика критериев, признаков, условий / Н. В. Шишарина // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 1. – С. 40–44.
8. Шишарина, Н. В. Теоретические и методологические проблемы инноваций в современном образовании / Н. В. Шишарина // В сборнике: Теоретические и методологические проблемы современного образования Материалы XX Международной научно-практической конференции. – Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». – Новосибирск, 2015. – С. 173–176.
9. Шишарина, Н. В. Технология эффективного сетевого воспитательного взаимодействия как инновация / Н. В. Шишарина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2015. – Т. 21. – № 2. – С. 216–220.
10. Renzulli J. S., Hartman R. K. Scale for rating behavioural characteristic of superior students. *Exceptional Children*, 1971, p. 38, 243–248.

N. V. Shisharina, Irkutsk state University

INNOVATIVE NETWORKING AS A PRACTICE OF SOCIAL EDUCATION

Discusses an innovative networking as a practice of social education. The article aims to present and disclose the essential meaning of the original innovation in the education technology effective educational interaction network. The methodology presented topics based on the principles of networking: the solution of educational problems is possible in case of refusal of the hierarchical principle of organization of educational activity of participants of educational relations; a movement from thesis «educational activity as the execution of orders» to the thesis «educational activity as a dialog». For example, the results of the research is the development and implementation of such forms as innovative educational Alliance and clusters enriching education on the practical application of technology educational network interactions. Therefore, in such forms, participants are invited together to solve complex problems: the social nature of the interaction in combination with a focus on the development of giftedness and autonomy of its participants; the interest of the pupil to participate through the implementation of the strengths of his personality; the development of practical tools to get personalized vital competencies; the diversity of the organizers of the network of educational interaction; interaction between participants, based on the division of labour; the responsibility of the pupil for his creative and research activity; motivation of talent, leadership, ingenuity, entrepreneurship, creative productivity, and social activity. Application of results: testing in educational institutions of Irkutsk the Irkutsk region. Conclusions: the presented technology has demonstrated the productivity and effectiveness through creative activities, and obtaining additional competitive advantages and resources of participants of educational relations.

Keywords: education, social education, innovation, innovation in education, effective networking.

References

1. The law on education in the Russian Federation [Electronic resource] the Law on education in the RF - mode of access: <http://минобрнауки.рф>
2. The concept of the Federal target program of education development for 2016-2020 [Electronic resource] the Concept of the Federal target program of education development for 2016-2020 is available at: <http://минобрнауки.рф>

3. Mudrik, A.V. *Socialization of the person: textbook. Textbook* [Socialization of the person: textbook. textbook]. Moscow, 2010, 624 p.
4. Development program educational components [Electronic resource] Program development of educational components - mode of access: <http://минобрнауки.рф>
5. Romm T. A. Education: agenda for tomorrow. *Education Questions*, 2015, no. 1, pp. 78-85.
6. Romm T. A. *Social pedagogy: forecast for tomorrow*. [Pedagogical professionalism in education proceedings of the XI international scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of NSPU. But vosibirsk state pedagogical University], 2015, no. 62 pp. 71.
7. Shisharina N.V. Innovations in education: criteria, signs, us-conditions. *Siberian pedagogical magazine*, 2014, no. 1. pp. 40-44.
8. Shisharina N.V. *Theoretical and methodological problems of innovation in modern education*. [Theoretical and methodological problems of modern education Materials of XX International scientific and practical conference. Scientific information and publishing center Institute for strategic studies], Novosibirsk, 2015, pp. 173-176.
9. Shisharina N.V. Efficient network vospitatelnoe interaction innovation. *Bulletin of the Kostroma state University. N. And. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sotsiogenetiki*, 2015. - vol. 21, no. 2, pp. 216-220.
10. Renzulli J.S., Hartman R.K. [Scale for rating behavioural characteristic of superior students. Exceptional Children], 1971, p. 38, 243-248.

© Н. В. Шишарина, 2016

Автор статьи – Наталья Викторовна Шишарина, кандидат педагогических наук, доцент, Иркутский государственный университет, e-mail: nshisharina@yandex.ru

Рецензенты:

Т. А. Ромм, доктор педагогических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет.

О. Л. Подлиняев, доктор педагогических наук, профессор, Иркутский государственный университет.

УДК 378.147

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.135

Л. И. Остринская, С. Ю. Пестова, В. И. Разумов,
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск

ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПРИКЛАДНАЯ ИНФОРМАТИКА» В РАМКАХ ПРИНЯТЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ИТ

Рассматриваются вопросы актуализации федеральных государственных образовательных стандартов по направлению «Прикладная информатика» с учётом принятых профессиональных стандартов в области ИТ. Определены подходы к подготовке бакалавров, а также возможность оценивания в ходе итоговой государственной аттестации сформированности у выпускников не только компетенций образовательного стандарта, но и заявленных в профессиональных стандартах трудовых функций.

Ключевые слова: ИТ-область, профессиональные стандарты, федеральные государственные образовательные стандарты, прикладная информатика, трудовые функции, подготовка бакалавров, итоговая государственная аттестация, выпускная квалификационная работа.

В условиях актуализации федеральных государственных образовательных стандартов с точки зрения обеспечения их соответствия профессиональным стандартам во главу угла ставится повышение практико-ориентированности основных профессиональных образовательных программ, которые в большей степени должны удовлетворять потребностям развития российской экономики.

Работы по актуализации ФГОС на основе профессиональных стандартов (согласно методике Министерства образования и науки РФ) включают: выбор профессиональных стандартов; установление соответствия между областями профессиональной деятельности ФГОС и обобщёнными трудовыми функциями профессиональных стандартов; актуализацию объектов и задач профессиональной деятельности ФГОС на основе анализа трудовых функций; актуализацию профессиональных компетенций ФГОС на основе анализа трудовых действий и трудовых функций [1].

Потребность рынка труда в информатиках-прикладниках, обладающих компетенциями проектировщиков систем, системных аналитиков, специалистов и менеджеров в области ИТ, которые способны решать обширный круг задач от создания до внедрения, сопровождения и эксплуатации информационных систем в различных прикладных областях, выразилась в разработке следующих профессиональных стандартов: «Архитектор ПО», «Администратор баз данных», «Программист», «Системный аналитик», «Специалист по информационным системам», «Специалист по информационным ресурсам», «Руководитель разработки программного обеспечения», «Руководитель проектов в области информационных технологий», «Менеджер по информационным технологиям», «Менеджер продуктов в области ИТ», «Технический писатель (специалист по технической документации в области информационных технологий)», «Специалист по тестированию в области ИТ».

Выделяя профессиональные стандарты, на которые следует ориентироваться при разработке основной образовательной программы по направлению 09.03.03 Прикладная информатика, отметим, что *область профессиональной деятельности* бакалавров включает: системный анализ прикладной области, формализацию решения прикладных задач и процессов информационных систем; разработку проектов автоматизации и информатизации прикладных процессов и создание информационных систем в прикладных областях; выполнение работ по созданию, модификации, внедрению и сопровождению информационных систем и управление этими работами [2].

Исходя из этого, актуализация ФГОС по направлению подготовки «Прикладная информатика» для бакалавриата показала, что это направление требует использования нескольких профессиональных стандартов. Так, например, кафедрой «Прикладная информатика в экономике» ФГБОУ ВПО «СибАДИ», ведущей подготовку бакалавров направления 09.03.03 по профилю «Прикладная информатика в информационной сфере», в качестве основных профессиональных стандартов были определены следующие: «Архитектор ПО», «Системный аналитик», «Специалист по информационным системам», «Специалист по информационным ресурсам», «Руководитель разработки программного обеспечения», «Руководитель проектов в области информационных технологий», «Менеджер по информационным технологиям», «Технический писатель (специалист по технической документации в области информационных технологий)», «Специалист по тестированию в области ИТ» [3].

В результате анализа трудовых функций, представленных в профессиональных стандартах, нами были определены соответствия между областями профессиональной деятельности ФГОС ВО направления 09.03.03 Прикладная информатика и профессиональных стандартов. Примеры трудовых функций в соответствии с видами деятельности по ФГОС и профессиональным стандартам представлены в таблице 1.

Анализ трудовых функций выделенных профессиональных стандартов показал, что сформулированные во ФГОС виды деятельности и компетенции в основном соответствуют требованиям профессиональных стандартов (исключение составляет научно-исследовательская деятельность).

Разработка образовательных программ в части наполнения содержанием учебных дисциплин предусматривает формирование перечня трудовых функций для обучения в рамках существующих базовых дисциплин и дисциплин вариативной части; включение трудовых действий, знаний и умений, соответствующих трудовым функциям в перечень результатов обучения учебных программ дисциплин; уточнение знаний, умений и навыков с учётом развития профессиональной деятельности. Содержательное наполнение практик (согласно ФГОС в полном объёме относящееся к вариативной части программы) также должно быть ориентировано на конкретные трудовые функции [4].

Особого внимания в аспекте соответствия результатов образовательных стандартов требованиям профессиональных стандартов заслуживает государственная итоговая аттестация, которая в полном объёме относится к базовой части программы и завершается присвоением квалификации, указанной в перечне специальностей и направлений подготовки высшего образования, утверждаемом Министерством образования и науки Российской Федерации. Согласно стандарту, в состав итоговой государственной аттестации входит защита выпускной квалификационной работы.

Таблица 1

Примеры трудовых функций в соответствии с видами деятельности

Виды деятельности (по ФГОС)	Вид профессиональной деятельности (проф. стандарт)	Трудовые функции
1	2	3
Проектная деятельность	Проектно-исследовательская деятельность в области ИТ (системный аналитик)	Сбор и обработка результатов проектных исследований
		Разработка разделов проектной документации, описывающих работу функций системы
		Постановка целей создания системы
	Проектно-конструкторская деятельность (архитектор ПО)	Проектная оценка надёжности компонентов программного средства
		Определение перечня возможных стилей проектирования для каждого компонента
		Определение перечня возможных архитектур развёртывания каждого компонента
		Техническое исследование возможных вариантов архитектуры компонентов, включающее описание вариантов и технико-экономическое обоснование выбранного варианта
	Создание и поддержка информационных систем (специалист по информационным системам)	Разработка архитектуры ИС
		Проектирование и дизайн ИС
		Разработка прототипов ИС в соответствии с трудовым заданием
		Разработка модели бизнес-процессов заказчика
	Менеджмент проектов в области ИТ (руководитель проекта в области ИТ)	Организация репозитория проекта в области ИТ
		Сбор информации для инициации проекта в проектах малого и среднего уровня сложности в области ИТ
	Разработка технической документации в сфере ИТ (технический писатель)	Проектирование комплекта технической документации
Производственно-технологическая деятельность	Создание и поддержка информационных систем (специалист по информационным системам)	Разработка технического документа в соответствии с заданным стандартом
		Установка и настройка системного и прикладного ПО, необходимого для функционирования ИС в соответствии с трудовым заданием
		Разработка прототипов ИС
		Исправление дефектов и несоответствий в коде ИС и документации к ИС
		Инженерно-техническая поддержка подготовки коммерческого предложения заказчику на создание (модификацию) и ввод типовой ИС
	Разработка и тестирование ПО (специалист по тестированию в области ИТ)	Проведение приёмо-сдаточных испытаний (валидации) ИС
		Обучение пользователей ИС
		Выполнение процесса тестирования
		Модульное и интеграционное тестирование ИС
		Регистрация дефектов в системе контроля
		Анализ результатов тестирования
		Разработка тестовых документов, включая план тестирования
	Разработка технической документации в сфере ИТ (технический писатель)	Подготовка технической статьи о продукции или технологии для размещения на веб-сайте или в профильных средствах массовой информации
		Подготовка слайд-шоу и раздаточных материалов
		Поиск путей повышения качества выпускаемой технической документации

1	2	3
	Создание и управление информационными ресурсами в интернете (специалист по информационным ресурсам)	Управление информацией из различных источников
		Организация работ по созданию и редактированию контента
		Поддержка процессов модернизации и продвижения сайта
Организационно-управленческая деятельность	Менеджмент проектов в области ИТ (руководитель проекта в области ИТ)	Планирование проекта
		Аудит конфигураций ИС
		Мониторинг выполнения договоров в проектах в области ИТ
		Общее управление изменениями в проектах
		Распространение информации в проектах
		Анализ рисков в проектах в области ИТ
	Руководство разработкой ПО (руководитель разработки ПО)	Подготовка предложений по методам повышения эффективности системы управления проектами
		Руководство разработкой программного кода
		Руководство проверкой работоспособности ПО
		Управление конфигурациями и выпусками ПО
Аналитическая деятельность	Проектно-исследовательская деятельность в области информационных технологий (системный аналитик)	Управление процессом разработки ПО
		Выявление требований к системе и подсистеме
		Анализ проблемной ситуации заинтересованных лиц
		Организация аналитических работ в ИТ-проекте
		Управление аналитическими ресурсами и компетенциями
	Проектно-конструкторская деятельность (архитектор ПО)	Разработка методик выполнения аналитических работ
		Анализ требований, разработка инструментов и методов анализа требований
	Разработка и тестирование ПО (специалист по тестированию в области ИТ)	Организационное и технологическое обеспечение анализа запросов на изменение
		Оценка тестов, анализ результатов тестирования
		Оценка технических знаний кандидата на замещение вакансии
	Разработка технической документации в сфере ИТ (технический писатель)	Выявление приоритетных функций для покрытия тестирования
		Поиск путей повышения качества выпускаемой технической документации
		Оценка и анализ затрат на разработку комплекта технической документации

Кафедрой «Прикладная информатика в экономике» ФГБОУ ВПО «СибАДИ» для студентов направления «Прикладная информатика», профиля «Прикладная информатика в информационной сфере» была определена структура выпускной квалификационной работы студентов направления «Прикладная информатика в экономике» [5], которая позволяет по содержанию разделов определить уровень сформированности компетенций, представленных во ФГОС на основе следующей типизации выпускных квалификационных работ.

I – **Проектирование проекта** автоматизации предметной области (АРМ, модуля ИС, АИС, ИС с WEB-интерфейсом). В основе работы такого рода лежит проектирование информационной системы для автоматизации предметной области от обоснования стратегии автоматизации и технологии проектирования до сдачи проектного решения. Трудовые функции по проектированию ПО, которые в том числе должны быть оценены в ходе итоговой государственной аттестации, определены профессиональными стандартами «Системный аналитик», «Специалист по информационным системам», «Руководитель разработки программного обеспечения».

II – Разработка проекта автоматизации предметной области (АРМ, модуля ИС, АИС, ИС с WEB-интерфейсом). В работе должен быть описан процесс разработки информационной системы в соответствии с этапами жизненного цикла. В стандартах «Системный аналитик», «Архитектор программного обеспечения», «Специалист по информационным системам», «Руководитель разработки программного обеспечения», «Технический писатель» представлены соответствующие трудовые функции.

III – Внедрение типового проекта автоматизации задачи предметной области (АРМ, модуля ИС, АИС, ИС с WEB-интерфейсом). В основе работы лежит процесс внедрения одной или более информационных систем, исходя из потребностей предприятия, организации. Трудовые функции, на которые следует ориентироваться, представлены в стандартах «Специалист по информационным системам», «Менеджер по информационным технологиям», «Технический писатель».

IV – Разработка математической прикладной модели для задачи предметной области объекта автоматизации относится к работам с повышенным уровнем сложности. Работа должна выполняться по малоизученной в теоретическом или практическом аспекте проблеме или по отдельному её аспекту, с использованием известных методов при исследовании объекта; проводится анализ полученных данных и разработка на их основе практических рекомендаций для внедрения тех или иных методик и/или механизмов на исследуемом объекте с последующей проверкой их эффективности.

Отражение конкретных трудовых функций профессиональных стандартов через разделы выпускной квалификационной работы представлено в таблице 2.

Таблица 2

Соответствие разделов ВКР студентов направления «Прикладная информатика»
трудовым функциям профессиональных стандартов

№	Наименование раздела	Наименование профессионального стандарта								
		Архитектор ПО	Системный аналитик	Специалист по ИТ	Специалист по инф. ресурсам	Специалист по тестированию ПО	Руководитель разработки ПО	Руководитель проектов в области ИТ	Менеджер по ИТ	Технический писатель
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Анализ предметной области										
1.1	Характеристика объекта автоматизации		+	+						
1.2	Нормативно-правовая база предметной области		+	+			+			
1.3	Формализация существующего процесса обработки данных	+								+
1.4	Модель предметной области	+								+
	1. Информационная модель	+	+	+						
	2. Функциональная модель	+	+							
	3. Техническая модель		+	+						
	4. Программная модель	+								
	5. Технологическая модель									
	6. Сетевая модель архитектуры	+		+						+
1.5	Анализ проблем предметной области		+	+						
2. Анализ и выбор проектных решений										
2.1	Анализ систем-аналогов	+	+						+	
2.2	Анализ и выбор технологий проектирования	+								
2.3	Анализ и выбор платформы автоматизации	+	+							
2.4	Анализ и выбор языка программирования									
2.5	Обоснование проектных решений		+				+	+		+
3. Проектирование информационной системы										
3.1	Постановка задачи и требования к системе		+				+	+		+
3.2	Информационное обеспечение задачи		+	+			+			
	1. Характеристика входной информации		+							
	2. Характеристика выходной информации		+							
	3. Концептуальная информационная модель системы		+							

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
3.3	Модель процесса обработки данных		+							
	1- п. Детализация модели бизнес-процессов и бизнес-функций		+							
3.4	Математическое и алгоритмическое обеспечение		+							
3.5	Проектирование базы данных	+		+						
3.6	Проектирование интерфейса информационной системы	+			+					
3.7	Проектирование топологической модели информационной системы	+		+						
3.8	Проектирование технологического процесса обработки информации			+						
4. Разработка информационной системы										
4.1	Разработка интерфейсной части системы			+	+	+				+
4.2	Разработка информационного обеспечения			+		+				+
4.3	Разработка базы данных			+		+				+
4.4	Разработка математической модели обработки данных						+	+		+
4.5	Организационное обеспечение						+	+	+	+
4.6	Разработка механизмов защиты информации в информационной системе			+	+	+				+
4*. Внедрение и сопровождение информационной системы										
4.1	Технологический процесс обработки информации			+	+				+	+
4.2	Организация защиты информации в информационной системе									+
4.3	Организационное обеспечение внедряемой информационной системы							+		+
5. Календарно-ресурсное планирование проекта, анализ бюджетных ограничений и рисков										
5.1	Календарный и ресурсный план проекта						+	+	+	+
5.2	Анализ и оптимизация проекта						+	+		
5.3	Разработка мероприятий по управлению рисками проекта						+	+		
5.4	Отслеживание результатов проекта						+	+	+	
5*. Расчёт совокупной стоимости владения ИТ-решением										
5.1	Инструменты для оценки эффективности ИТ-проекта при внедрении ИС						+	+	+	
5.2	Финансовая модель проекта						+	+	+	
5.3	Качественный анализ проекта						+	+	+	

Таким образом, типизация и структура выпускной квалификационной работы студентов направления «Прикладная информатика в экономике», разработанной на кафедре «Прикладная информатика в экономике» ФГБОУ ВПО «СибАДИ», содержит разделы, описание которых позволит оценить уровень сформированности не только профессиональных компетенций, представленных во ФГОС, но и трудовых функций профессиональных стандартов.

Библиографический список

1. Методические рекомендации по актуализации действующих ФГОС ВО с учётом принимаемых ПС (утв. министром образования и науки РФ 22 января 2015 г. №ДЛ-2/05вн). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Приказ Минобрнауки России от 12.03.2015 № 207 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 09.03.03 Прикладная информатика (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.03.2015 № 36589). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Профессиональные стандарты в области ИТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apkit.ru/>
4. Остринская, Л. И. Новые подходы к организации знаний в подготовке инженеров ИТ-направлений СибАДИ / Л. И. Остринская, В. И. Разумов // «Развитие дорожно-транспортного и строительного комплексов и освоение стратегически важных территорий Сибири и Арктики: вклад науки»: материалы международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. – Издательство СибАДИ. – Омск, 2014. – С. 218–221.

5. Остринская, Л. И. Моделирование структуры ВКР для направлений подготовки бакалавров информационной сферы / Л. И. Остринская, С. Ю. Пестова // 18-я Российская научно-практическая конференция «Инжиниринг предприятий и управление знаниями»: сборник научных трудов. – Том 1. – М.: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2015. – С. 442–447.

L. I. Ostrinskaya, S. Yu. Pestova, V.I. Razumov,
Siberian State Automobile and Highway Academy, Omsk

APPROACHES TO THE PREPARATION OF BACHELORS OF THE DIRECTION «APPLIED INFORMATICS» WITHIN THE FRAMEWORK OF ACCEPTED PROFESSIONAL STANDARDS IN THE FIELD OF IT

Questions of updating of federal state educational standards in the Applied Informatics direction taking into account the accepted professional standards in the field of IT are considered. Approaches to training of bachelors, and also possibility of estimation during total state certification of formation at graduates not only competences of the educational standard, but also declared in professional standards of labor functions are defined.

Keywords: IT-area, professional standards, federal state educational standards, applied informatics, labor functions, training of bachelors, total state certification, qualification work.

References

1. Methodical recommendations about updating of the operating FGOS IN taking into account the accepted PS (утв. Minister of Education and Science of the Russian Federation on January 22, 2015 No. DL-2/05vn). Access mode: <http://www.consultant.ru>
2. The order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 12.03.2015 N 207 "About the approval of the federal state educational standard of the higher education in the direction of training of 09.03.03 Applied information scientists (bachelor degree level)" (It is registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation 27.03.2015 N 36589). Access mode: <http://www.consultant.ru>
3. Professional standards in the field of IT. Access mode: <http://www.apkit.ru>
4. Ostrinskaya L.I., Razumov V. I. New approaches to the organization of knowledge in training of engineers of the IT directions SIBADI. *Materials of the international scientific and practical conference "Development of road and transport and construction complexes and development of strategically important territories of Siberia and Arctic: science contribution"* [Electronic resource]. Publishing house: Federal public budgetary educational institution of higher education "Siberian state automobile and road academy (СибАДИ)" Omsk, 2014. Page 218-221.
5. Ostrinskaya L.I., Pestova S.Yu. Modeling of structure of VKR for the directions of training of bachelors in information the information sector. *18th Russian scientific and practical conference "Engineering of the Enterprises and Management of Knowledge": Collection of scientific works. Volume 1 / Moscow State University of economy, statistics and informatics. M, 2015. Page 442-447*

© Л. И. Остринская, С. Ю. Пестова, В. И. Разумов, 2016

Авторы статьи:

Любовь Ивановна Остринская, кандидат экономических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск, e-mail: l_i_romanova@mail.ru

Светлана Юрьевна Пестова, кандидат педагогических наук, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Владимир Ильич Разумов, доктор философских наук, профессор, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Рецензенты:

В. А. Далингер, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

З. В. Семенова, доктор педагогических наук, профессор, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Е. В. Скапцов,

Омский автобронетанковый инженерный институт

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНО-КОНСТРУКТОРСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНЫХ ВУЗОВ

Идея разработки системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военно-инженерных вузов обусловлена современной стратегией развития российского военного образования, где определяются новые требования к подготовке курсантов военных вузов. В процессе подготовки материала был проведён анализ уже накопленного опыта в этом направлении вообще, а также в деятельности военно-инженерных вузов в частности. При разработке системы в области профессионального образования изначально были выбраны методологические основы, с учётом которых эта система создаётся. Цель как ориентир, предполагаемый результат, задаваемый требованиями социального заказа и ФГОС ВО, определила содержание и функции компонентов системы. В качестве желаемого результата была определена цель – сформировать проектно-конструкторскую компетенцию курсантов военно-инженерных вузов. На основании обозначенных требований была разработана авторская система. В заключительной части сделаны выводы о месте каждого компонента разработанной системы в единстве и взаимосвязи, наличии своих целевых и задачных установок, функций, содержательного наполнения, выражающегося в деятельности преподавателя и курсантов, а также подчинении единым принципам.

Ключевые слова: военное образование, военно-инженерный вуз, система формирования компетенции, деятельностный подход, компонент деятельности.

Современной стратегией развития российского военного образования определяются новые требования к подготовке курсантов военных вузов, что отражается и в концепции строительства и развития Вооруженных сил Российской Федерации до 2020 года, где главной идеей заявлена необходимость создания новой системы военных вузов, отражающих запросы армии и общества.

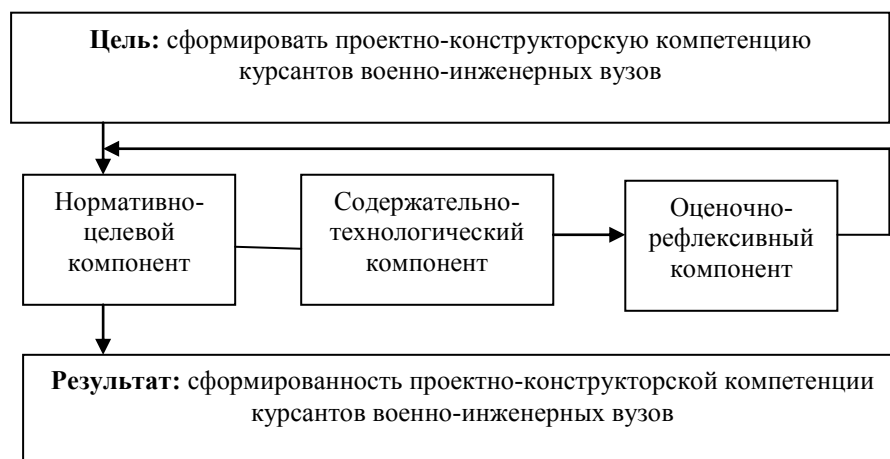
Проведённый анализ современного состояния исследуемой проблемы привёл нас к необходимости разработки системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военно-инженерных вузов.

Рассматривая идею разработки авторской системы, мы обратились к анализу уже накопленного опыта в этом направлении вообще, а также в деятельности военно-инженерных вузов, в частности. При разработке любой системы в области профессионального образования исследователи [2, 9–11, 14] неизбежно стоят перед необходимостью выбора методологических основ, с учётом которых эта система создаётся. Представим методологические основы построения системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военно-инженерных вузов.

Проводя анализ исследований [1, 3–8, 12, 13] по проблемам формирования и развития конструкторских умений, способов проектной деятельности и т. п., мы обращали внимание на представленные авторские модели, системы, технологии, обеспечивающие решение задач учёных. Понимая, что разрабатываемая система в соответствии с положениями системного подхода имеет статус подсистемы (в системе профессиональной подготовки курсантов военно-инженерных вузов), мы считаем, что структура авторской системы должна быть аналогичной структурным элементам профессиональной подготовки курсантов и может включать следующие компоненты: 1) нормативно-целевой, 2) содержательно-технологический, 3) оценочно-рефлексивный.

Кроме этого, учитывая положения деятельностного подхода, мы понимаем, что сквозными блоками системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военно-инженерных вузов могут быть блоки: а) деятельность преподавателя, б) деятельность курсанта. Именно эти блоки соответствуют компонентам деятельности, а взаимодействие преподавателя и курсанта обеспечивает внутреннее единство как внутренний фактор функционирования системы. Внешним, системообразующим фактором является цель как ориентир, предполагаемый результат, задаваемый требованиями социального заказа и ФГОС ВО.

В качестве желаемого результата определена цель – сформировать проектно-конструкторскую компетенцию курсантов военно-инженерных вузов.

Взаимосвязь компонентов системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военно-инженерных вузов

В каждом компоненте системы отражается взаимодействие преподавателя и курсанта, поэтому все функции каждого компонента имеют двойную направленность – определяют деятельность как преподавателя, так и курсанта.

Рассмотрим наполнение каждого компонента системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военно-инженерных вузов.

Нормативно-целевой компонент.

Функции компонента: организационная, нормативно-ориентирующая, целеобеспечивающая.

Организационная функция связана с выполнением необходимых организационных мероприятий, направленных на реализации системы формирования проектно-конструкторской компетенции у курсантов военно-инженерных вузов.

Нормативно-регулирующая функция связана с установлением основных правил, критериев результата сформированности проектно-конструкторской компетенции, системы оценки и контроля.

Целеобеспечивающая функция связана с подбором учебной, методической, научной и прикладной литературы, электронно-информационных ресурсов, интернет-ресурсов, установлением перечня необходимого материально-технического оборудования, позволяющего обеспечить достижение обозначенной цели.

Цель компонента (в общей структуре системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военного вуза): нормативно-целевое регулирование функционирования системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военно-инженерных вузов.

Задачи компонента:

- 1) разработать план реализации системы формирования проектно-конструкторской компетенции у курсантов военно-инженерных вузов;
- 2) определить критерии сформированности проектно-конструкторской компетенции;
- 3) разработать контрольно-диагностические мероприятия;
- 4) определить материально-техническое обеспечение реализации системы;
- 5) подобрать учебную, методическую, научную, прикладную литературу, интернет-ресурсы, электронные информационные источники для реализации системы.

Содержательно-технологический компонент.

Функции компонента: сопровождающая, программно-технологическая, оперативно-регулирующая.

Сопровождающая функция предполагает обеспечение методическим сопровождением всего хода формирования проектно-конструкторской компетенции, наполнение его содержанием, выражается в учебно-методической комплектации учебных дисциплин, практической подготовке, научно-исследовательской деятельности курсантов.

Программно-технологическая функция связана с реализацией программ формирования проектно-конструкторской компетенции, распределения процесса формирования по этапам, обеспечения каждого этапа программы технологиями, методами и методиками взаимодействия курсанта с преподавателями.

Оперативно-регулирующая функция обеспечивает оперативное регулирование хода и текущих результатов формирования проектно-конструкторской компетенции, внесения корректировок, элементов совершенствования системы.

Цель компонента: содержательно-технологическое обеспечение функционирования системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военного вуза.

Задачи компонента:

- 1) определить этапы формирования проектно-конструкторской компетенции;
- 2) разработать программу формирования проектно-конструкторской компетенции;
- 3) реализовать программу формирования проектно-конструкторской компетенции;
- 4) провести промежуточный анализ хода процесса формирования проектно-конструкторской компетенции;
- 5) внести корректировки в процесс формирования проектно-конструкторской компетенции.

Оценочно-рефлексивный компонент.

Функции: аналитико-оценочная, стимулирующая.

Аналитико-оценочная функция связана с выполнением ряда мероприятий по сбору данных в текущем и промежуточном контроле по сформированности проектно-конструкторской компетенции, их анализом, сопоставлением с критериями, оценкой уровня.

Стимулирующая функция направлена на выработку интереса у курсантов к самосовершенствованию и улучшению всех составляющих проектно-конструкторской компетенции.

Цель: индивидуально-ориентированная оценка уровня сформированности проектно-конструкторской компетенции

Задачи:

- 1) разработка банка индивидуальных заданий – кейсов;
- 2) обеспечение выполнения кейсов курсантами;
- 3) проверка выполнения кейсов;
- 4) оценка сформированности проектно-конструкторской компетенции курсантов;
- 5) стимулирование дальнейшего совершенствования проектно-конструкторской компетенции курсантов.

Таким образом, оценочно-рефлексивный компонент завершает описание разработанной нами системы формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военно-инженерных вузов.

Раскрывая особенности разработанной системы, отметим, что система обладает определёнными *свойствами* (целостностью, управляемостью, интегративностью и нелинейностью) и реализуется с учётом *общих* (гуманистической направленности образовательного процесса, научности, единства и непротиворечивости образовательного учреждения и образа жизни обучающихся) и *специфических* принципов (рефлексивности, сочетания коллективной и самостоятельной деятельности, профессиональной целесообразности, партисипативности).

Представленная система формирования проектно-конструкторской компетенции курсантов военно-инженерных вузов обладает следующими свойствами: целостностью, управляемостью, интегративностью и нелинейностью. Охарактеризуем эти свойства, отметив сначала, что в философии [7, 13] под свойствами понимают атрибутивную сторону предмета или явления.

Целостность как свойство системы обеспечивается присутствием связей параллельного, обратного, исходного и встречного направлений.

Управляемость представляет собой возможность перевести систему из одного состояния в другое.

Интегративность является системообразующим фактором и предполагает взаимосвязь, взаимопроникновение, взаимообусловленность, взаимозависимость всех элементов системы, основана на общности её подсистем, компонентов и элементов.

Нелинейность разработанной системы означает многовариантность путей развития, наличие выбора из альтернатив путей и определённого темпа.

В педагогической науке и практике категория «принцип» определяется как правило, требование к организации деятельности. Принимая эту позицию, мы рассматриваем общие и специфические принципы реализации разработанной системы.

К общим мы относим следующие принципы:

– *гуманистической направленности образовательного процесса* – заключается в необходимости гармоничного сочетания целей общества и личности, ориентируется на уважение каждого участника образовательного процесса;

– *научности* – предполагает чёткое соответствие содержания образования уровню развития современной науки, техники и опыту, накопленному мировой цивилизацией;

– *единства и непротиворечивости образовательного учреждения и образа жизни обучающихся* – направлен на чёткую организацию всех компонентов образовательного процесса и установление взаимосвязей между сферами жизни обучающихся.

Специфическими принципами реализации системы являются:

– *рефлексивности* – как необходимости постоянного осмысления и переосмысления получаемого опыта, осуществления обратной связи на индивидуально-групповом и межгрупповом уровнях;

– *сочетания коллективной и самостоятельной деятельности* – предполагает проявление инициативы, самостоятельности, индивидуальной ответственности во взаимосвязи с коллективными интересами и общими результатами деятельности;

– *профессиональной целесообразности* – обеспечивает отбор содержания, форм, методов и средств подготовки с учётом выбранной специальности, с целью точного соответствия задаваемым формируемым компетенциям;

– *партиципативности* – обеспечивает необходимое интегрирование единичных и оценочных усилий на коллективное действие; управление, основанное на участии и ответственности за результаты деятельности.

Таким образом, каждый компонент разработанной системы в единстве и взаимосвязи имеет свои целевые и задачные установки, функции, содержательное наполнение, выражающееся в деятельности преподавателя и курсантов, а также подчинён единым принципам.

Библиографический список

1. Бакирова, А. М. Педагогические условия подготовки студентов к учебно-конструкторской деятельности с использованием компьютерных технологий : на примере технолого-экономического факультета : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Алла Мансуровна Бакирова. – Уфа, 2001. – 18 с.
2. Башмаков, А. И. Креативная педагогика. Методология, теория, практика / А. И. Башмаков ; под ред. В. В. Попова. – М. : Бином. Лаборатория Знаний, 2011. – 319 с.
3. Бем, Н. А. Формирование опыта проектной деятельности студентов педвуза средствами компьютерных технологий: автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Наталья Александровна Бем. – Пенза, 2007. – 23 с.
4. Васильева, В. Д. Формирование проектной культуры инженера в условиях высшей школы : автореферат дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / Валентина Дмитриевна Васильева. – Махачкала, 2013. – 48 с.
5. Гавриков, А. А. Формирование проектной компетентности будущего военного инженера в процессе научно-исследовательской работы : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Гавриков Александр Анатольевич; [Место защиты: Челябинский государственный педагогический университет]. – Челябинск, 2015. – 26 с.
6. Гайнеев, Э. Р. Формирование опыта творческо-конструкторской деятельности у обучающихся учреждений начального профессионального образования : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Эдуард Робертович Гайнеев. – Ульяновск, 2011. – 22 с.
7. Груздов, А. Я. Проектирование образовательного процесса в военном вузе : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Александр Яковлевич Груздов. – Ярославль, 2006. – 23 с.
8. Гужвенко, Е. И. Координирующая модель методической системы обучения информатике и информационным технологиям : автореферат дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Елена Ивановна Гужвенко. – М., 2010. – 42 с.
9. Загвязинский, В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования / В. И. Загвязинский, Р. Атаханов. – М. : Издательство «Академия», 2005. – 226 с.
10. Козлов, О. А. Теоретико-методологические основы информационной подготовки курсантов военных учебных заведений : монография / О. А. Козлов. – 3-е изд. – М. : ИИО РАО, 2010. – 326 с.
11. Бордовская, Н. В. Педагогика : учебник для вузов / Нина Валентиновна Бордовская, Артур Александрович Реан. – СПб. : Издательство «Питер» – 2000. – 304 с.
12. Медведева, Т. А. Развитие математической готовности инженеров морского транспорта к конкурентной профессиональной деятельности : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Татьяна Александровна Медведева. – Калининград, 2006. – 25 с.
13. Новиков, А. А. Формирование готовности к профессиональной деятельности у курсантов военных вузов : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Александр Алексеевич Новиков. – Москва, 2012. – 24 с.
14. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки / Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 391 с.

E. V. Skaptsov, Omsk armored engineering Institute

THE SYSTEM OF FORMATION OF DESIGN COMPETENCE OF CADETS OF THE MILITARY ENGINEERING UNIVERSITIES

The idea of developing a system of formation of design competence of cadets of the military engineering universities due to its modern strategy of development of the Russian military education, which defines new requirements for the training of cadets of military schools. In the process of preparation of the material was the analysis of the experience gained in this direction in General, and in military-engineering schools, in particular. When developing the system in the field of vocational education, were originally chosen methodological framework against which the system is created. The goal as a benchmark, the estimated result set by the requirements of social order and the GEF IN defined content and functions of the system components. As the desired result has been determined the goal is a design competence of cadets of the military engineering higher educational institutions. On the basis of the identified requirements has been developed authoring system. In the final part conclusions are drawn about the place of each component of the developed system in unity and relationship, the presence and activity of their target units, functions, substantive content, expressed in the activities of the teacher and the students, and also subordinated to uniform principles.

Keywords: military education, military engineering University, the system of formation of competence, activity approach, activity component.

References

1. Bakirov, A. M. *Pedagogicheskie uslovija podgotovki studentov k uchebno-konstruktorskoj dejatel'nosti s ispol'zovaniem komp'yuternyh tehnologij : na primere tehnologo-jekonomicheskogo fakul'teta*. Avtoreferat dis. candidate. ped. nauk [Pedagogical conditions of training of students to design activities using computer technology an example of tehnologo-economic faculty]. Ufa, 2001, 18 p.
2. Bashmakov A. I. *Kreativnaja pedagogika. Metodologija, teorija, praktika*. Pod red. Popova V. V. [Creative pedagogy. Methodology, theory, practice. edited by V. V. Popova]. Moscow, Binom, Laboratory of knowledge, 2011, 319 p.
3. Boehm, N. A. *Formirovanie opyta proektnoj dejatel'nosti studentov pedvuza sredstvami komp'yuternyh tehnologij*. Avtoreferat dis. candidate. ped. nauk [Formation of experience of project work of students of pedagogical high schools by means of computer technologies]. Penza, 2007, 23 p.
4. Vasilieva, V. D. *Formirovanie proektnoj kul'tury inzhenera v uslovijah vysshej shkoly*. Avtoreferat dis. doctora ped. nauk [The formation of project culture of an engineer in the conditions of high school]. Makhachkala, 2013, 48 p.
5. Gavrikov, A.A. *Formirovanie proektnoj kompetentnosti budushhego voennogo inzhenera v processe nauchno-issledovatel'skoj raboty*. Avtoreferat dis. candidate. ped. nauk [Formation of design competence of future military engineer in the process research work]. Chelyabinsk, 2015, 26 p.
6. Gajneev, E. R. *Formirovanie opyta tvorchesko-konstruktorskoj dejatel'nosti u obuchajushhihsja uchrezhdenij nachalnogo professional'nogo obrazovanija*. Avtoreferat dis. candidate. ped. nauk [The formation of experience of creative design activity of students of institutions of primary professional education]. Ulyanovsk, 2011, 22 p.
7. Gruzlov, A. J. *Proektirovanie obrazovatel'nogo processa v voennom vuze*. Avtoreferat dis. candidate. ped. nauk [The design of the educational process in the military college]. Yaroslavl, 2006, 23 p.
8. Guzhvenko, E. I. *Koordinirujushhaja model' metodicheskoi sistemy obuchenija informatike i informacionnym tehnologijam*. Avtoreferat dis. doctora ped. nauk [Coordinating model of methodological system of teaching Informatics and information technologies]. Moscow, 2010, 42 p.
9. Zagvyazinsky V. I. *Metodologija i metody psihologo-pedagogicheskogo issledovanija*. [Methodology and methods of psychological-pedagogical research]. Moscow. Publishing House "Academy", 2005, 226 p.
10. Kozlov, O. A. *Theoretical and methodological bases of information of training of cadets of military educational institutions*. [Theoretical and methodological bases of information of training of cadets of military educational institutions : Monograf]. Moscow, IIO RAO, 2010, 326 p.
11. Bordovskaya, N. V. *Pedagogika*. Uchebnik dlja vuzov. [Pedagogy. Textbook for universities] - SPb: Publishing house "Peter", 2000, 304 p.
12. Medvedeva, T. A. *Razvitie matematicheskoi gotovnosti inzhenerov morskogo transporta k konkurentnoj professional'noj dejatel'nosti*. Avtoreferat dis. candidate. ped. nauk [The development of mathematical readiness of engineers of sea transport to competitive professional activity]. Kaliningrad, 2006, 25 p.
13. Novikov, A. A. *Formirovanie gotovnosti k professional'noj dejatel'nosti u kursantov voennyh vuzov*. Avtoreferat dis. candidate. ped. nauk [Formation of readiness for professional activity of cadets of military higher educational institutions]. Moscow, 2012, 24 p.
14. Yudin, E. G. *Sistemnyj podhod i princip dejatel'nosti: Metodologicheskie problemy sovremennoj nauki* [Systems approach and working principle: Methodological problems of modern science]. Moscow, Nauka, 1978, 391 p.

© Е. В. Скапцов, 2016

Автор статьи – **Евгений Викторович Скапцов**, соискатель учёной степени кандидата педагогических наук, преподаватель, Омский автобронетанковый инженерный институт, e-mail: skaptsovevgenij@yandex.ru

Рецензенты:

С. А. Тишин, кандидат педагогических наук, Омский автобронетанковый инженерный институт.

Н. Н. Суворова, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения.

Олег А. Савченко, Ф. И. Разгонов,
Омский автобронетанковый инженерный институт
Ольга А. Савченко,
Омский государственный медицинский университет

О РОЛИ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ЗДОРОВЬЯ КУРСАНТОВ НА ЭТАПЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проанализированы данные социологического исследования по субъективной оценке курсантов на этапе получения профессионального образования уровня здоровья, образа жизни, медицинской грамотности; показателям удовлетворённости выбранной профессией; физического развития и успехов в интеллектуальной деятельности в материальном и психоэмоциональном плане. Установлено наличие резервов сохранения здоровья и профилактики нарушений нервной системы, сердечно-сосудистой системы у обучаемых на этапе получения профессионального образования в реализации социального фактора, определяющего удовлетворённость работой (военной службой) в материальном и психоэмоциональном аспектах; мотивации, располагающие к ведению «здорового образа жизни», включающие, в первую очередь, достаточный объём двигательной активности и высокий уровень желания быть здоровыми, при наличии медицинской грамотности, служит дополнительным резервом здоровьесбережения военнослужащих.

Ключевые слова: здоровье, образ жизни, формирование мотиваций, принципы воспитания, повседневная деятельность курсанта вуза, профилактика нарушений здоровья, дневник самоконтроля.

Одними из важных и принципиальных факторов для сохранения здоровья являются выбор профессии и ведение здорового образа жизни (ЗОЖ) в повседневной деятельности. Высокий уровень здоровья – основное условие для выполнения человеком необходимых биологических и социальных ролей, для поддержания трудового и интеллектуального потенциала как отдельно взятой организации, так и государства в целом. Позволяет осваивать накопленные предыдущими поколениями знания, организовывать межличностные связи, рассматривается как фундамент самореализации личности. В основе здоровья лежат процессы развития и сохранения физиологических, психологических и социальных функций.

Здоровье – это важная характеристика производительных сил, индивидуальное и общественное достояние, имеющее материальную и духовную ценность. Недаром политики, педагоги, психологи так много говорят о физическом и нравственном здоровье нации.

Здоровье человека является высшей жизненной ценностью и определяется соотношением внешних и внутренних воздействий на его организм, с одной стороны, и возможностями самого организма противостоять нежелательным воздействиям, защищаться от них, по возможности усиливая воздействие полезных для здоровья факторов, с другой стороны. Различают физическое, психическое и нравственное здоровье (рис. 1).

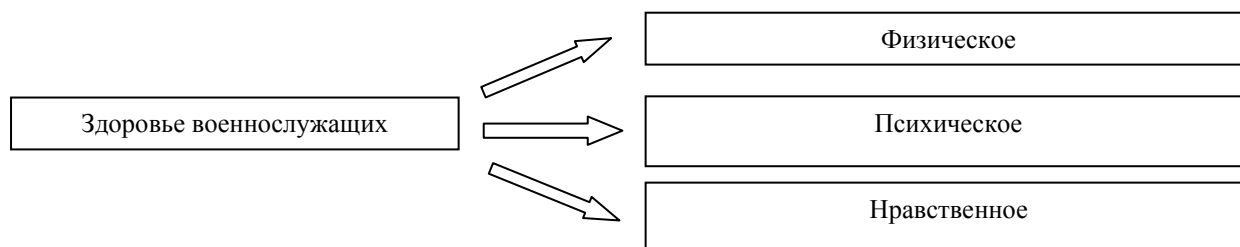

Рис. 1. Здоровье военнослужащих

Сохранение и укрепление здоровья военнослужащих является первостепенной задачей командиров и начальников всех степеней и рангов, но демографический и экономический кризис 90-х годов спровоцировал ухудшение показателей здоровья лиц призывного возраста, которые в настоящее

время и являются основой формирования ВС РФ. Одним из решений данной государственной проблемы стало формирование культуры индивидуального здоровья у военнослужащих через приобщение их к ведению ЗОЖ. Формирование ЗОЖ у военнослужащих направлено на укрепление физического, психического и нравственного здоровья, правопорядка, дисциплины и искоренения неуставных взаимоотношений и профилактики девиантного поведения. Формирование ЗОЖ на этапе получения военного образования является ключевым вопросом в сохранении здоровья будущих офицеров (рис. 2).

Рис. 2. Формирование ЗОЖ на этапе получения военного образования

Мотивации к ведению ЗОЖ – это такие функциональные состояния организма, при которых человек стремится совершать действия, которые направлены на достижение определённых его потребностей и дают положительные результаты в сохранении и укреплении здоровья. Выделяют мотивации самосохранения, получения удовольствия от здоровья, самосовершенствования, достижения максимально возможной комфортности, маневрирования. Из анализа видов мотиваций вытекает положение, направленное на формирование основных компонентов здоровья обучаемых в высших военно-учебных заведениях (вузах), которое включает в себя два взаимосвязанных компонента:

- ценностную индивидуальную мотивацию личности на сохранение и укрепление здоровья;
- ведение ЗОЖ (знания, умения и навыки по сохранению и укреплению здоровья и конструированию индивидуального рационального образа жизни).

Для укрепления здоровья обучаемых на этапе получения ими профессионального образования в вузе необходимо повысить индивидуальную мотивацию каждого обучаемого на сохранение и укрепление своего индивидуального здоровья. Это возможно через осознанное построение на основе основных принципов ЗОЖ своей жизненной программы, чтобы в дальнейшем передавать этот образ жизни от поколения к поколению – в этом заключается фундамент целостности семьи, армии, государства и прогресс для развития всего человечества.

Основной задачей командования является формирование ценности ЗОЖ среди обучаемых на этапе получения профессионального образования, воспитание у обучаемых культуры к общественно-полезному труду, привитие нравственной культуры, основ индивидуального и коллективного здоровья среди военнослужащих, а не только доведение командирами и педагогическим коллективом вуза определённого уровня учебного материала до обучаемых (рис. 3).

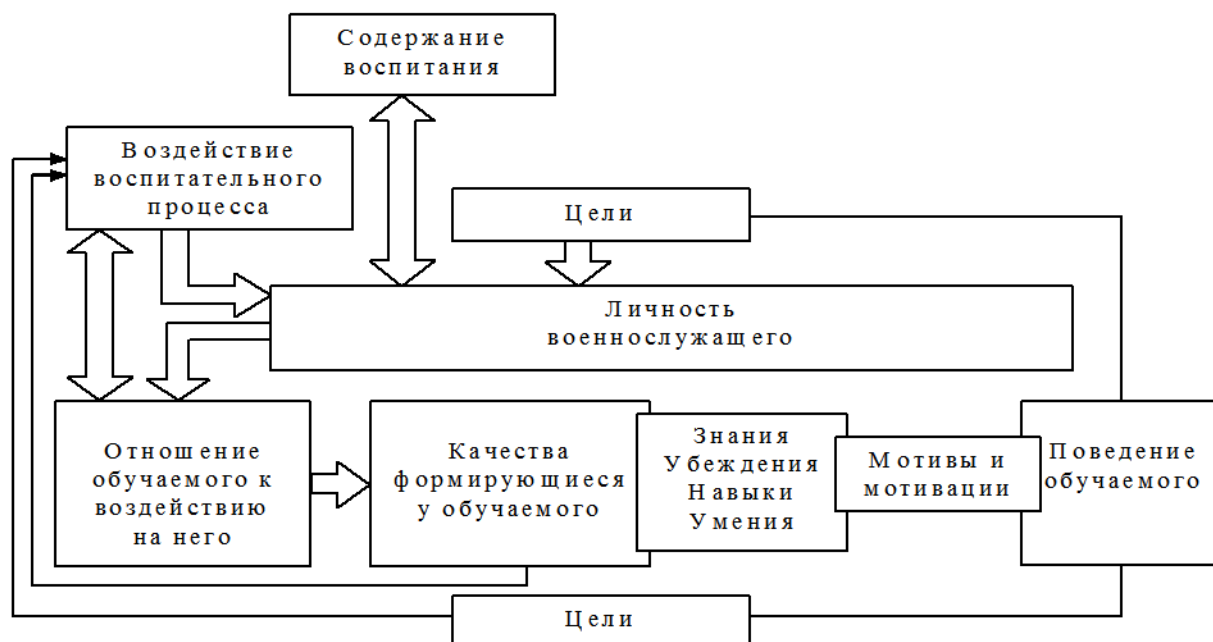

Рис. 3. Формирование личности военнослужащего на этапе получения военного образования

Задача командиров (начальников) и профессорско-преподавательского состава вуза в том, чтобы предостеречь обучаемых (на этапе получения профессионального образования) от асоциального поведения и максимально развить имеющиеся таланты.

В современном социуме вследствие низкой общечеловеческой культуры и медицинской грамотности часто совершаются опасные для всех членов общества действия и поступки, за которые впоследствии расплачивается сам человек собственным здоровьем, а порой и жизнью. В обществе повышается количество лиц, злоупотребляющих алкоголем, курением табака и употребляющих наркотические вещества, ведущих аморальный образ жизни, что ведёт к снижению показателей индивидуального и коллективного здоровья, к деградации всего общества.

Поэтому в настоящее время основой нормальной жизнедеятельности обучаемого в вузе, укрепления его здоровья и раскрытия потенциальных возможностей является формирование ЗОЖ, т. е. воспитывается желание самого военнослужащего быть достойным членом общества и здоровым, гармонично развитым человеком, с «чистыми» мотивами поступков и образа мыслей, направленным на защиту Отечества. Чтобы сохранить и преумножить своё здоровье, обучаемому нужны постоянные усилия, знания о факторах, формирующих и разрушающих здоровье, навыки в оказании первой помощи и «правильном» поведении в опасных и чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени.

Осуществление взаимодействия командования вуза, педагогов-организаторов физического воспитания, психологов группы профессионального отбора, медицинских работников в реализации модели «Формирование ЗОЖ в воинском коллективе» является важнейшей задачей для всех сотрудников института, так как позволяет:

- сплотить воинский коллектив под эгидой ЗОЖ;
- предотвратить появление девиантного поведения посредством культивирования в подразделении ЗОЖ, приводящего к качественному изменению у обучаемых представлений, суждений, поведения и привычек;
- сформировать у военнослужащих мотивации ценностного отношения к индивидуальному здоровью в ходе занятий физической культурой и спортом;
- повысить эффективность учебного процесса, качество учёбы, собранность и сплочённость подразделения через формирование ценностного отношения к ЗОЖ;
- повысить интерес у курсантов к ведению ЗОЖ и его мотивации через стимулирование познавательной деятельности и общей медицинской грамотности курсантов о безальтернативности и об условиях, способствующих приобщению к ЗОЖ.

Формирование у обучаемых в вузе мотиваций к ведению ЗОЖ в совокупности с регулярными занятиями физической культурой и спортом при соблюдении правил личной и общественной гигиены каждым военнослужащим в повседневной жизнедеятельности является залогом сохранения и укрепления здоровья всего воинского коллектива и фундаментом успеха в выполнении боевой задачи в военное время.

Принципы воспитания, которыми руководствуются командование и профессорско-преподавательский состав вуза – это исходные положения, определяющие основное требование к воспитанию обучаемых, к его содержанию, организации и методике. Каждый принцип, как правило, отражает одну закономерность. В сумме они составляют стройную взаимосвязанную систему, элементами которой являются:

- воспитание курсантов в процессе обучения в вузе;
- связь воспитания с повседневной действительностью;
- воспитание в коллективе и через коллектив;
- индивидуальный подход к обучаемым;
- опора на положительное в воспитании курсантов;
- сочетание высокой справедливой требовательности с уважением достоинства курсантов и заботой о них, с единством, согласованностью и преемственностью в их воспитании.

Принцип воспитания в процессе обучения. В основе этого принципа лежат две взаимосвязанные закономерности: с одной стороны, зависимость воспитания людей от их практической деятельности, с другой – закономерная взаимосвязь обучения и воспитания. Основной из них является первая, поскольку именно труд создал человека, даёт ему необходимые средства существования, оказывает коренное воспитывающее воздействие. В процессе труда формируются основные качества человеческой личности. Направленность воспитательного воздействия труда зависит от его характера. Труд способствует формированию положительных качеств, готовит обучаемых к активной деятельности в качестве высококвалифицированных специалистов.

Воспитывающее воздействие обучающего труда носит объективный характер, но его эффективность будет более высокой при наличии управляющей деятельности преподавателей. Для этого необходимо:

- постоянно поддерживать убеждённость обучаемых в полезности и необходимости учебного труда, в полезности и необходимости изучения той или иной проблемы, той или иной учебной дисциплины;
- хорошо организовать учебный процесс, обеспечить высокое качество проведения занятий;
- проявлять к обучаемым принципиальность и справедливую требовательность, вести обучение на уровне доступной трудности, давать материал такой сложности, чтобы для овладения им требовались усилия.

Принцип связи воспитания обучаемых с повседневной действительностью. В основе этого принципа лежит закономерная зависимость воспитания личности от материальных и духовных условий жизни общества. Данный принцип обязывает занятия по военной подготовке проводить в тесной связи с жизнью ВС РФ. Для этого необходимо знакомить обучаемых на этапе получения профессионального образования с условиями службы в своём роде войск, и особенно с деятельностью офицеров на различных этапах боевой подготовки и несения боевого дежурства.

Принцип воспитания в коллективе и через коллектив. Это очень эффективный канал воспитательного воздействия. Сила влияния коллектива на личность обусловлена коллективной природой самого человека, который живёт и трудится в постоянном окружении людей. От них и в содействии с ними он получает материальные блага, от них приобретает значительную часть своих знаний, под их воздействием формируются его убеждения. Воздействие коллектива на индивидуум осуществляется через общественное мнение. В хорошо организованном, дружном и сплочённом коллективе мнение, как правило, не бывает ошибочным. Пренебречь мнением коллектива – значит, остаться одному, без товарищеской поддержки. Для подавляющего большинства обучаемых потеря поддержки товарищей является тяжким наказанием. Они уважают мнение товарищей и считаются с ним.

Для обучаемого на этапе получения профессионального образования трудовым коллективом является учебная группа, курс, факультет, на кафедре – учебный взвод. Поскольку учебные взводы формируются на базе учебных групп, то коллектив обучаемого остаётся неизменным. Это способствует объединению усилий профессорско-преподавательского состава и командования в формировании здоровых воинских коллективов.

Принцип индивидуального подхода к обучаемым. В основе этого принципа лежит объективная неповторимость индивидуальных черт и свойств, уникальность человеческой личности. Курсанты отличаются друг от друга способностями, особенностями психологических свойств, состоянием здоровья и физическим развитием. Каждая из особенностей, в зависимости от своего качества, оказывает позитивное или негативное влияние на поведение обучаемых, их работоспособность, участие в общественной жизни. В силу своих индивидуальных особенностей каждый обучаемый по-своему воспринимает воспитательное воздействие, по-своему реагирует на меры воспитателей. Отсюда вытекает объективная необходимость организовать воспитательный процесс с учётом особенностей каждого обучаемого.

Данный принцип обязывает преподавателей глубоко знать курсантов, их положительные и отрицательные качества. Опираясь на положительные качества, необходимо способствовать их закреплению и одновременно устранению отрицательных качеств.

Принцип сочетания высокой справедливой требовательности к обучаемым с учётом их личного достоинства. Чувство долга формируется, прежде всего, под воздействием высокой требовательности, без которой не может быть целенаправленного воспитания. Вместе с тем, высокая требовательность не должна подавлять личность обучаемого. Сознательная дисциплина предполагает самосознание, которое формируется под воздействием уважительного отношения воспитателя к личности воспитуемого. В силу этого высокая принципиальная требовательность должна быть справедливой и сочетаться с уважением личного достоинства обучаемых.

Данный принцип обязывает воспитателей:

- быть непримиримыми к недостаткам в учёбе и поведении обучаемых;
- проявлять настойчивость и решительность в проведении в жизнь своих требований;
- осуществлять постоянный контроль качества учёбы и поведения обучаемых на этапе получения профессионального образования;
- требовательность к обучаемым следует проявлять в формах, не унижающих их достоинства;
- постоянно заботиться об удовлетворении законных требований и нужд обучаемых.

Принцип единства, согласованности и преемственности в воспитании обучаемых. В воспитании обучаемых, кроме профессорско-преподавательского состава, принимают участие администрации факультетов и вуза в целом. Каждая из них имеет свой план, предусматривающий проведение соответствующих мероприятий. Возникает объективная необходимость согласования их деятельности, обеспечения единства и преемственности в воспитании обучаемых. Отсутствие единства и согласованности ведёт к разнобою в работе, дублированию и, в конечном итоге, к ослаблению воспитательного воздействия. Единство и согласованность в воспитательной работе немыслимы без преемственности. Соблюдение преемственности эффективно способствует постоянному совершенствованию воспитательной работы, накоплению положительного опыта.

Формирование ЗОЖ у курсантов Омского автобронетанкового инженерного института направлено на укрепление физического, психического и нравственного здоровья, правопорядка, дисциплины, искоренения неуставных взаимоотношений, профилактики девиантного поведения посредством ведения ЗОЖ.

Основные положения, направленные на формирование ЗОЖ у обучаемых на этапе получения военного образования, включают:

- соблюдение распорядка дня – труда и отдыха, сна – в соответствии с суточным биоритмом;
- достаточную физическую активность и закаливание, включающую систематические занятия военно-прикладными видами спорта, оздоровительным бегом, занятиями физической культурой (подготовкой) на воздухе;
- саморегуляцию и самоконтроль, которые направлены на формирование умения снимать нервное перенапряжение с помощью мышечного расслабления, самомассажа;
- соблюдение правил личной и общественной гигиены;
- профилактику инфекционных болезней, в том числе передающихся половым путём;
- профилактику вредных для здоровья привычек;
- рациональное трёхразовое питание (в одно и то же время, с калорийностью суточного рациона питания не менее 3000 ккал/сут.).

Сохранение и укрепление здоровья молодого поколения на этапе получения ими профессионального образования возможно лишь при условии формирования приоритета здоровья в системе социальных и духовных ценностей российского общества путём создания у населения России

экономической и социокультурной мотивации быть здоровым и обеспечения государством правовых, экономических, организационных и инфраструктурных условий для ведения ЗОЖ (на основе личной мотивации каждого человека быть здоровым).

В результате проведённого исследования по знанию руководящих документов и соблюдению правил ЗОЖ среди курсантов V курсов, обучающихся по специальностям автотехнического и танкотехнического обеспечения, были получены следующие результаты:

- 100 % курсантов планируют продолжать военную службу после выпуска;
- 80 % курсантов указывают вуз как основной источник информации о сохранении и укреплении здоровья (20 % указывают средства массовой информации, семью и сверстников);
- 100 % курсантов указывают, что регулярно занимаются физической подготовкой в объёме программы обучения в вузе и в часы самостоятельной работы;
- 80 % курсантов питаются регулярно: завтрак, обед и ужин в одно и то же время (20 % курсантов частично соблюдают режим питания – питаются периодически по желанию и иногда после 20:00);
- 85 % курсантов обязательно выпивают более 1,5 литров воды в сутки (15 % пьют воду при возникновении потребности);
- 84 % курсантов постоянно соблюдают требования личной гигиены – чистят зубы утром и вечером, ежедневно моют ноги перед сном, полностью моются ежедневно, если имеется возможность (16 % соблюдают требования личной гигиены периодически);
- 85 % курсантов укрепляют своё здоровье, постоянно интересуются информацией по сохранению и укреплению личного и общественного здоровья (15 % курсантов считают себя практически здоровыми, информацией по сохранению и укреплению личного и общественного здоровья не увлекаются);
- 84 % курсантов соблюдают режим сна, труда и отдыха (10 % курсантов лишь частично соблюдают и 6 % не соблюдают режим дня);
- 100 % курсантов информированы о влиянии вредных привычек на состояние здоровья человека (84 % из курсантов не курят и не принимают алкоголь, 16 % периодически курят и периодически употребляют алкоголь, особенно, если к этому располагает ситуация);
- 100 % курсантов знают руководящие документы, регламентирующие деятельность командира в области сохранения и укрепления здоровья военнослужащих;
- 85 % курсантов оценивают свои условия жизни как хорошие (15 % курсантов оценивают свои условия жизни как удовлетворительные);
- 82 % курсантов соблюдают режим двигательной активности при нахождении в отпуске (18 % курсантов частично соблюдают – это курсанты с низкой мотивацией к сохранению индивидуального здоровья).

Сравнительный анализ проведённого исследования по ведению ЗОЖ курсантами V курсов, обучающимися по специальностям автотехнического и танкотехнического обеспечения, свидетельствует ($p < 0,05$) о действующей в институте системе мер по сохранению и укреплению здоровья военнослужащих и преобладанию профилактической работы по формированию мотивации к ведению ЗОЖ на 3 факультете по специальности танкотехнического обеспечения (рис. 4).

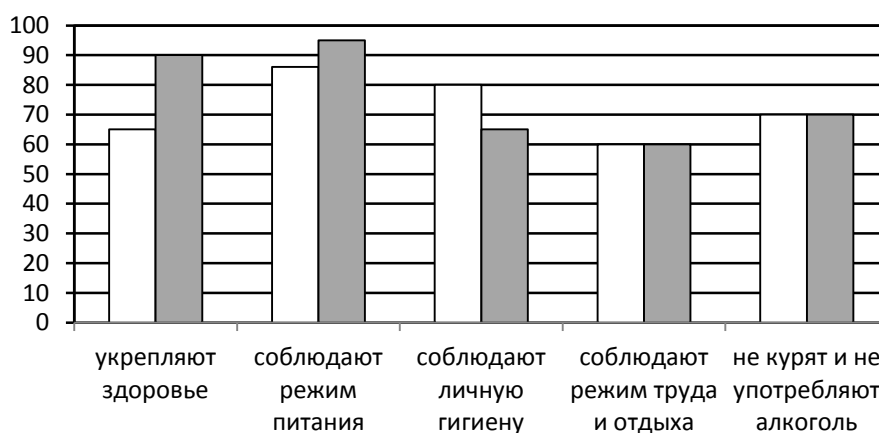

Рис. 4. Сравнительный анализ ведения ЗОЖ курсантами выпускных курсов, обучающимися по специальностям автотехнического и танкотехнического обеспечения

Внедрение дневника самоконтроля в повседневную деятельность курсанта вуза

		Дата / вес, кг	
		Частота дыхания (N=16-20) за 1 мин в покое	
		Частота сердечных сокращений (N=60-80) за 1 мин в покое	
ужин	обед	завтрак	Факт приема пищи в учебном заведении: завтрак, обед, ужин
Аппетит			
		Качество пищи	
		Сон	
		Самочувствие	
		Активность	
		Настроение	
		Мотивация к обучению	
		Физическое качество	
		Сила (подтягивание на перекладине)	
		Быстрота (бег на 100м)	
		Выносливость (бег на 1 км)	
		Ловкость - КВУ (1,2)	
		ВПН	
		Сексуальное здоровье	

За время обучения в институте у курсантов происходит формирование мотивации к ведению ЗОЖ и закрепление навыков, направленных на сохранение и укрепление здоровья военнослужащих:

- соблюдение режимов питания, труда и отдыха;
- правил личной и общественной гигиены,

– отказ от вредных привычек, а также в значительной мере стимулирование поведенческих ориентиров на физическую активность, занятия спортом и закаливание, что в конечном итоге способствует сохранению здоровья.

Основные предложения по сохранению и укреплению здоровья на этапе получения профессионального образования:

1. Качественное повышение уровня индивидуального физического развития курсантов, направленное на формирование мотивации быть здоровыми.
2. Внесение изменений в распорядок дня на основе научных знаний о режиме труда и отдыха, обязательное исполнение всех его элементов в процессе служебной деятельности всеми военнослужащими вуза.
3. Внедрение дневников самоконтроля за физическим состоянием обучаемых (таблица) с целью сохранения и укрепления индивидуального здоровья, повышения качества физической готовности, с обязательным ежемесячным их представлением на контроль преподавателям кафедры физической культуры (подготовки) и медицинским работникам вуза.

4. Совершенствование системы высшего образования (снижение объёма учебной нагрузки и улучшение качества подготовки курсантов) через переход на модульную систему обучения и внедрение инновационных технологий обучения в учебный процесс вуза.

5. Качественное улучшение культуры и досуга, жилищных условий, материальной базы для занятий физической культурой и спортом, информационного и торгово-бытового обслуживания курсантов.

6. Повышение безопасности военной службы через усиление контроля требований безопасности, улучшение морально-психологического микроклимата в подразделениях и повышение адаптивных возможностей будущих офицеров к стрессовым нагрузкам.

7. Поощрение обучаемых, активно участвующих в научной, рационализаторской, изобретательской и спортивно-массовой работе.

Неоценимую помощь в решении данных задач играют командиры подразделений, мотивируя подчинённый личный состав к ведению ЗОЖ (табл.).

Таким образом, можно сказать, что первоочередная задача командования, профессорско-преподавательского состава, специалистов в области физической культуры и спорта, военной медицины в целом направлена на правильный (осознанный) выбор молодым человеком военной профессии, создание условий для формирования здоровьесформирующей среды воинского коллектива, мотиваций к ведению ЗОЖ (решающее значение в укреплении здоровья) с целью формирования здоровьесберегающей (здоровьесформирующей) среды воинского коллектива на основе гигиенического нормирования воинского труда для сохранения и укрепления здоровья обучаемых на этапе получения профессионального образования [9–17].

Значение комплексной системы военного образования, основанной на принципах ЗОЖ, в сохранении и укреплении здоровья обучаемого на этапе получения профессионального образования играет первостепенную роль, а роль командира (начальника), специалистов по физической подготовке, представителей медицинской службы вуза в формировании «здоровой» личности обучаемого сложно переоценить, причём ЗОЖ является интегральным путём достижения качества здоровья каждого обучаемого в единстве его биологического, психического и социального развития и оптимальным фактором для развития здорового воинского коллектива на современном этапе.

Библиографический список

1. Гигиеническое воспитание и пропаганда здорового образа жизни в Вооружённых Силах Российской Федерации / под ред. П. И. Мельниченко. – М. : Воениздат, 2004.
2. Бонченков, И. А. Компетентность и компетентностный подход к образовательному процессу в вузе / И. А. Бонченков, О. А. Савченко // Вестник Сибирского отделения Академии Военных наук. – Омск : АВН, 2013. – Вып. 23. – С. 230–234.
3. Кучма, В. Р. Состояние и прогноз здоровья школьников (итоги 40-летнего наблюдения) / В. Р. Кучма, Л. М. Сухарева // Российский педиатрический журнал. – 2007. – № 7. – С. 53–57.
4. Крига, А. С. Здоровый образ жизни: приоритеты здравоохранения / А. С. Крига, Ю. В. Ерофеев, И. И. Новикова // Санитарный врач. – 2012. – № 8. – С. 58–61.
5. Оглезнев, Г. А. Комплексная оценка воздействия окружающей среды на формирование здоровья школьников / Г. А. Оглезнев, И. И. Новикова, Л. В. Демакова, Д. М. Плесовских // Омский научный вестник. – 2006. – № 3 (37). – С. 263–268.
6. Ляпин, В. А. Физическое здоровье детей крупного промышленного центра нефтехимической промышленности / В. А. Ляпин // Сибирь-Восток. – 2003. – № 4. – С. 18–20.
7. Ляпин, В. А. Совершенствование модели комплексной и интегральной оценки здоровья населения на территории: учебн.-метод. пособие / В. А. Ляпин, О. Н. Прудникова. – Омск : М-во здравоохран. Омск. обл., 2007. – 110 с.
8. Ляпин, В. А. Комплексная оценка потерь здоровья детей и подростков на территории крупного промышленного центра : учеб.-метод. пособие / В. А. Ляпин. – Омск : М-во здравоохран. Омск. обл., 2007. – 96 с.
9. Манченко, К. А. Особенности и сущность воспитания курсантов военных вузов, взаимодействие преподавателей и командиров в повышении качества организации самостоятельной работы курсантов / К. А. Манченко [и др.] // Всеросс. науч.-практ. конф. «Пути оптимизации самостоятельной работы студентов в условиях модернизации профессионального образования». – Омск : Изд-во СибГУФК, 2013. – В 2 ч. – Ч. 2. – С. 57–62.
10. Михеева, Е. В. Гигиеническая оценка условий воспитания и обучения школьников в современных условиях / Е. В. Михеева, И. И. Новикова, Ю. В. Ерофеев // Здоровье населения и среда обитания. – 2011. – № 9. – С. 37–40.
11. Рягин, С. Н. Формирование здорового образа жизни студентов : учеб.-метод. пособие для бакалавров направления подготовки 050100.62 Педагогическое образование / С. Н. Рягин, Д. И. Харченко. – Омск : ОмГА, 2013. – 74 с.

12. Савченко, О. А. Адаптация – здоровье – качество жизни / О. А. Савченко // Вестник Сибирского отделения Академии Военных наук. – Омск : АВН, 2013. – Вып. 21. – С. 82–87.
13. Савченко, О. А. Принципы воспитания обучаемых на этапе получения военного образования (статья) / О. А. Савченко // Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Омского кадетского корпуса: «Военно-образовательные учреждения: история, современность, вклад в науку и культуру». – Омск : Издатель-Полиграфист, 2013. – Т. 1. – С. 45–48.
14. Савченко, О. А. Роль образа жизни и социальных факторов в предупреждении формирования нарушений здоровья на этапе получения профессионального образования / О. А. Савченко // Сборник статей по матер. II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. М. П. Меркулова: «Биологическое и экологическое образование студентов и школьников: актуальные проблемы и пути их решения». – Самара : ПГСГА, 2014. – С. 142–148.
15. Савченко, О. А. Гигиеническая оценка значимости образа жизни в укреплении функциональных возможностей здоровья курсантов на этапе получения профессионального образования / О. А. Савченко [и др.]. – Омск: ОГА, 2014 – № 1 (15). – С. 119–123.
16. Савченко, О. А. Значение военного образования в поддержании физического благополучия и здоровья обучаемого на этапе получения военного образования (статья) / О. А. Савченко [и др.]. // V междунар. науч. конф. «Теория и практика образования в современном мире». – СПб. : СатисЪ, 2014. – С. 248–251.
17. Савченко, О. А. Результаты социально-гигиенической оценки условий обучения в учреждениях военного профиля / О. А. Савченко и [др.]. – Омск : Сиб. Отд. АВН: КАН, НПР № 2 (12), 2014. – С. 176–180.
18. Савченко, О. А. О формировании здорового образа жизни : коллективная монография / О. А. Савченко [и др.] ; под ред. д-ра мед. наук, академика АМТН, заслуженного деятеля науки и техники РФ, проф. А. Г. Рожкова. – М. : АМТН, 2015 – 84 с.

*Oleg A. Savchenko, F. I. Razgonov, Omskiy armored engineering Institute,
Olga A. Savchenko, Omsk state medical University*

THE QUESTION OF THE ROLE OF MILITARY EDUCATION IN THE PRESERVATION AND PROMOTION OF HEALTH «HEALTHY» ON THE STAGE OF VOCATIONAL EDUCATION

Analyzed the data of sociological research on subjective evaluation of the students on the stage of professional education level of health, lifestyle, health literacy indicators of satisfaction with their chosen profession: physical development and success in intellectual activity in material and emotional terms. The availability of the reserves, the preservation of health and prevention of disorders of the nervous system, cardiovascular system students at the stage of professional education in social factor determining job satisfaction (military service) in the material and emotional aspects; motivation defining the jurisdiction of the «healthy lifestyle» that includes primarily a sufficient amount of physical activity and a high level of motivation to be healthy, in the presence of health literacy, also serves as an additional reserve of health protection of military personnel.

Keywords: health, lifestyle, formation of motivations, principles of education, daily activities student of the University, the prevention of health disorders, diabetes diary

References

1. *Gigienicheskoe vospitanie i propaganda zdorovogo obraza zhizni v Vooruzhennykh silakh Rossiyskoy Federatsii* [Hygiene education and promotion of healthy lifestyle in the Armed Forces of the Russian Federation] . Under the editorship of P. I. Melnichenko. – М.: Voenizdat, 2004.
2. Bonchenkov I.A. *Kompetentnost i kompetentnostnyy podchod k obrazovatelnomu protsessu v vuze* [And Competence and competence-based approach to the educational process in the University] *Vestnik Sibirskogo otdeleniya Akademii Voennih nauk*. – Омск: AVN, 2013.
3. Kuchma V.R. *Sostoyaniye i prognoz zdorov'ya shkolnikov*. [The Status and forecast of children's health] *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal*. – 2007. – no. 7. – pp. 53-57.
4. A.S. Kriga Y.V. Erofeev, I.I. Novikova *Zdoroviy obraz zhizni: prioritety zdavoohraneniya*. [Healthy lifestyle: health priorities] *Sanitarniy vrach*. – 2012. – № 8. – pp. 58-61.
5. G.A. Ogleznev I.I. Novikova, L.V. Demakova, D.M. Plesovkich *Kompleksnaya oztienka vozdeistviya okruzhayushchei sredi na formirovaniye zdorov'ya shkolnikov*. [Integrated assessment of the impact of environment on the formation of schoolchildren's health] *Omskiy nauchniy vestnik*. – 2006. – no 3 (37). – pp. 263-268.
6. Layapin V.A. *Fizicheskoe zdorov'ye detei krupnogo promishlennogo tchentra neftehimicheskoi promishlennosti* [Physical health of children is a major industrial center of petrochemical industry] *Sibir-Vostok*. – 2003. – no 4. – pp. 18-20.

7. Lyapin V. A., O. N. Prudnikova *Sovershenstvovanie modeli kompleksnoy i integral'noy ocenki zdorov'ya naseleniya na territorii* [Improvement of the model of comprehensive and integrated assessment of the health of the population on-site]: training method. the manual – Omsk: M-zdravoohr. Omsk. reg., 2007. 110 p.
8. Lyapin V. A. *Kompleksnaya ocenka poter' zdorov'ya detey i podrostkov na territorii krupnogo promyshlennogo centra* [Comprehensive assessment of the losses of the health of children and adolescents within a large industrial center] : training.-method. the manual – Omsk: M-zdravoohr. Omsk. reg., 2007. – 96 p.
9. Manchenko K. A. and [others]. Features and essence of the education of cadets of military schools, the interaction between teachers and commanders in improving the quality of organization of independent work of students *All-Russian. scientific-practical. Conf.: "Optimization of independent work of students in the conditions of modernization of professional education"*. – Omsk: Publishing house of physical education, 2013. – Part 2. – pp. 57-62.
10. Mikheeva E.V., Novikov I.I., Yerofeyev Y.V., Mikheeva E.V. Hygienic evaluation of working conditions of vos balapitiya and training of students in modern conditions *public Health and environment*. – 2011. – no. 9. – pp. 37-40.
11. Rjagin S.N., Harchenko D.I. *Formirovanie zdorovogo obraza zhizni studentov: ucheb.-metod. posobie dlja bakalavrov napravlenija podgotovki 050100.62 Pedagogicheskoe obrazovanie* [Formation of healthy lifestyle of the student]. Omsk, 2013. 74 p.
12. Savchenko, O. A. Adaptation health quality of life *Bulletin of the Siberian branch of the Academy of Military Sciences*. – Omsk: MSA, 2013. – Vol. 21. – pp. 82-87.
13. Savchenko, O. A. Principles of education of the learners at the stage of receiving military education (article) *Intern. scientific. Conf. devoting to research and development. The 200th anniversary of the Omsk cadet corps: "Military-educational institutions: past, present, contribution to science and culture"*. – Omsk: Publisher Typographer, 2013. – T. 1. – Pp. 45-48.
14. Savchenko O. A. Role of lifestyle and social factors in the prevention of the formation of health disorders at the stage of vocational education. *Collection of articles on mater. II Intern. scientific-practical. Conf. devoting to research and development. The 100th anniversary of birthday of Professor M. P. Merkulova: "Biological and environmental education students: current problems and their solutions"*. – Samara: Samara humanitarian Academy", 2014. – pp. 142-148.
15. Savchenko O. A. and [others]. Hygienic assessment of the significance of lifestyle in strengthening the functional abilities of cadets at the stage of vocational education.– Omsk: OGA, 2014 – no 1 (15). – pp. 119-123.
16. Savchenko O. A. and [others]. The Value of military education in the maintenance of physical well-being and health of the student at the stage of receiving military education (article). *V Intern. scientific. Conf. "Theory and practice of education in the modern world"*. – St. Petersburg: Satis, 2014. – pp. 248-251.
17. Savchenko O. A. and [others]. The results of the socio-hygienic assessment of the learning environment in the institutions of the military profile– Omsk: Sib. Otd. AVN: KAN, NPR no. 2 (12), 2014. – pp. 176-180.
18. Savchenko O. A. and [others]. On the formation of a healthy lifestyle (collective monograph) ed. by d.m.n., academician AMTN, honored worker of science and technology of the Russian Federation, Professor A. Rozhkova G. M: AMTN, 2015 – p. 84

© Олег А. Савченко, Ф. И. Разгонов, Ольга А. Савченко, 2016

Авторы статьи:

Олег Андреевич Савченко, кандидат биологических наук, профессор, Омский автобронетанковый инженерный институт, e-mail: Savchenkoalga78@rambler.ru.

Фёдор Иванович Разгонов, кандидат медицинских наук, доцент, Омский автобронетанковый инженерный институт.

Ольга Анатольевна Савченко, кандидат медицинских наук, Омский государственный медицинский университет.

Рецензенты:

В. А. Ляпин, доктор медицинских наук, профессор, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск.

И. И. Новикова, доктор медицинских наук, профессор, Управление Роспотребнадзора по Омской области.

В. В. Логинов, А. Я. Найн,

Уральский государственный университет физической культуры, г. Челябинск

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ФЕНОМЕН РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПОДРОСТКА

Охарактеризованы основные результаты теоретического и практического исследования проблемы актуализации потребности школьников в физической культуре. Выявлено содержание ключевых дефиниций «актуализация» и «потребность» в развитии физической активности юных спортсменов, занимающихся прикладными видами единоборств. На основе различных подходов приведены на высоком уровне обобщённости требования к определению содержания различных понятий. Сформулирован комплекс психолого-педагогических условий, актуализирующих потребности в развитии физической активности спортсменов, занимающихся прикладными видами единоборств в организациях различного спортивного профиля.

Ключевые слова: актуализация, потребность, школьники, физическая культура, феномен, развитие, физическая активность, подросток.

Многие результаты, полученные педагогами, психологами, медиками и специалистами других гуманитарных исследований, показывают: чем активнее человек проявляет себя в повседневной деятельности, тем лучше и быстрее действует в постоянно меняющихся условиях окружающей среды, лучше справляется со многими заболеваниями, успешнее предотвращает их средствами профилактики [2, с. 89].

Напротив, преувеличенная, не всегда правильно контролируемая гиперактивность снижает общий уровень физического здоровья человека. Примером, иллюстрирующим этот вывод, является повышенная активность к неблагоприятным внешним воздействиям у высококвалифицированных спортсменов.

В условиях гуманистической парадигмы, в центре всех образовательных процессов находится личность обучающегося, способная к самоизменению своей индивидуальности. Последнее, как полагают З. К. Меретукова и М. А. Писаревская, всегда связано с процессами актуализации и самоактуализации [5, с. 68]. Эти дефиниции в отечественной педагогике не являются новыми, однако в теории и методике физкультурного образования они не получили достаточной интерпретации.

Понятие «актуализация» этимологически связано с латинским «actualis», то есть «действительный». Это позволяет трактовать актуализацию как приведение потенциального (латентного) состояния обучающегося в состояние физической активности. В этом же смысле актуализация рассматривается и в философии как дефиниция, означающая изменение бытия на основе идеи перехода от возможности к действительности. В другой науке, социологии, «актуализация» исследуется как часть более общего понятия «социальная активность» и определяется по степени реагирования на изменения в социальной среде.

Сегодня заметно повышаются научный интерес и публикационная активность по проблеме актуализации потребности школьников в физической культуре в образовательных организациях физкультурной направленности и отрасли физической культуры в целом. Однако рост градуса научной активности в этой области физкультурного образования обусловлен не только очевидными факторами, что и стало тем вызовом, который определил основную доминанту научных изысканий современности.

Концепцией развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года провозглашается идея настоящего развития активной двигательной деятельности в обыденной жизни в сочетании с воздействиями организованного физического воспитания подростков, которая создаёт условия для интенсивного развития движений уже на первом этапе онтогенеза [3]. Ведущей идеей данной концепции является оптимизация процесса физического совершенствования каждого человека с учётом его индивидуальных морфофункциональных особенностей и специфики его моторных способностей. Её отличительной особенностью, по мнению Б. С. Галимова и Г. Х. Мусина, является интегративный характер формируемой на её основе области знания, органическое единство социального и биологического её аспектов, целенаправленное объединение научного и технологического начал в сфере её практической реализации [3, с. 109–110]. Чем выше двигательная активность подростка, тем сложнее и разнообразнее должны быть в этот период потребности в двигательных упражнениях и выполняемых задачах, тем более высокий уровень устойчивого развития происходит в соответствии с физкультурно-образовательным императивом.

Наблюдения и опыт преподавательской деятельности показывают, что пока нет серьёзных исследований, которые бы раскрывали новые возможности социально полезных утилизаций высокого уровня физической активности детей и подростков. Это объясняется отсутствием обобщённого комплексного подхода к проблеме актуализации потребности школьников в физической культуре. Однако, как указывает В. К. Бальсевич, именно несформулированность проблемы физической активности как социально-биологического явления в значительной степени сдерживала построение эффективных технологий для организационно-методического обеспечения потребности в физической активности человека на всех этапах его индивидуальной эволюции [2, с. 85].

В «Философском энциклопедическом словаре» [9] отмечается, что потребности – это ведущий компонент структуры личности, основа её поведения. Для неё интересны взаимосвязи потребности и сознания, потребностей и способностей, задатков, потребностей и интересов, воли, темперамента, характера, чувственно-эмоциональной сферы и других качеств личности. Для социальной психологии потребности – движущая сила активности социальных субъектов. Потребность в социальной психологии понимается как внутреннее состояние личности, социальной группы, общности в зависимости от внешних факторов. Потребности – это источник активности социальных субъектов [6, с. 62].

Анализ литературных источников [1–9] показывает наличие различных подходов, в том числе и в теории и методике физической культуры, к определению потребностей, их сущности и содержанию. Большинство исследователей подчёркивают многоаспектность понимания природы происхождения, функционирования и развития сложного системного образования – потребностей: обращают внимание на их конкретно-исторический характер, определяемый развитием духовного и материального производств; анализируют критериально-оценочные характеристики потребностей. Так, например, Р. М. Байгильдин характеризует потребность как объективное социальное явление, как противоречие. Потребность, по мнению автора, это явное противоречие между социальным субъектом (человеком, социальной группой, классом, обществом в целом) и объективными условиями его жизнедеятельности, которое разрешается и воспроизводится в процессе осознаваемого деятельностно-субъективного взаимодействия» [1, с. 160–162].

Авторы монографии «Биосистемы: опыт потребностного подхода» Б. С. Гаримов и Г. Х. Мусин приводят следующее определение: «Потребность – система, обусловленная предметно направленной, динамичной, противоречивой взаимосвязью биологических и общественных организмов с окружающей средой, выступающая как их необходимый момент жизни и исходный источник активности» [3, с. 47]. В этом определении, как представляется, субъективность давит над объективностью, что и определяет субъективность поступков индивида для их удовлетворения.

В нашем изыскании потребность рассматривается как категория, в которой фиксируется объективное отношение между личностью и социальной группой, требующее определённых действий со стороны субъекта на основе осознания этого отношения.

Из анализа различных подходов и суждений о данной дефиниции можно выделить некоторые способы на достаточно высоком уровне обобщённости к определению различных понятий: во-первых, определение сущности понятия; во-вторых, раскрытие его содержания путём перечисления характерных признаков и свойств; в-третьих, установление или уточнение значений понятия. Мы считаем, что главное в сущности актуализации потребности в физической культуре обучающихся (дети, подростки, студенты) – в преодолении явного противоречия, которое обусловлено диалектикой развития (детского, подросткового и спорта высших достижений) с выходом на качественно новый уровень роста. Это совсем не означает, что массовость отечественного спортивного движения, которая была ранее, изжила себя. Наоборот, в современных условиях она должна приобрести новые качественные признаки, осваивать всё лучшее, что появилось в мировой физкультурно-образовательной практике, проектировать и строить принципиально новую систему физкультурного образования, ориентированную на потребности общества XXI века (В. С. Беляев, 2015).

В организованной нами опытной работе основной целью было определить комплекс психолого-педагогических условий, актуализирующих потребности в физической культуре. В литературе содержится большое количество определений условия педагогические условия, психологические условия, организационные условия – ни одно из них содержательно требованиям нашего физкультурно-образовательного изыскания не отвечает. Поэтому мы придерживаемся определения «психолого-педагогические условия», объединяющего одновременно содержательные признаки двух наук, приведённого в тематическом сборнике научных трудов «Педагогическая наука и образование» [7]. Психолого-педагогические условия – это совокупность объективных возможностей содержания,

форм, методов, средств, педагогических приёмов и материально-пространственной среды, направленных на достижение поставленной цели.

В опытной работе по анкетированию участвовали студенты-спортсмены младших курсов Уральского государственного университета физической культуры и старшеклассники-спортсмены, занимающиеся прикладными видами единоборств (n=106 чел.). Исследование проводилось в условиях обычного образовательного процесса. Во всех пяти группах занятия обеспечивались одним преподавательским составом. Особое внимание в работе уделялось при этом методу интроспекции.

В ходе исследования были обоснованы, разработаны и затем подвергнуты экспертизе с целью определения ранговой структуры следующие психолого-педагогические условия (табл.).

Данные, полученные путём анкетирования обучающихся (методики М. Шутук), дополнялись другими методами исследования: методом экспертных оценок, целенаправленного педагогического наблюдения, ретроспективного анализа собственной педагогической деятельности, беседы, анализа продуктов спортивно-тренировочной деятельности. Всё это способствовало накоплению массы эмпирического материала, представляющего в общем виде состояние проблемы актуализации потребности школьников в развитии физической активности.

Нами на лабораторном этапе исследования использовался и опросник Ю. Грея (Голландия) для диагностики мотивационно-потребностной установки, состоящий из 64 вопросов. Адаптация методики состояла в том, чтобы упростить содержательную стилистику теста и использовать ключевые дефиниции в контексте определения ранговой структуры в конкретном психолого-педагогическом условии.

Ранговая структура психолого-педагогических условий, актуализирующих потребности школьников в физической культуре, n=106

Значимость (ранговое место)	Психолого-педагогические условия	Ранговый показатель, %
1	Разработка современных комплексных средств тренировки силовых и морально-волевых качеств	20,1
2	Разработка критериально-оценочной системы оценки показателей успешности выступлений на школьных олимпиадах	18,5
3	Повышение уровня объективности судейства спортивно-тренировочных и показательно-состязательных мероприятий различных категорий	17,0
4	Увеличение времени и доли спортивно-тренировочных упражнений, актуализирующих потребности обучающихся в занятиях физической культурой	16,2
5	Оптимальное сочетание (планирование) школьно-урочных занятий и спортивно-тренировочных (внешкольных)	15,4
6	Создание благоприятной обстановки в процессе организации спортивно-тренировочных сборов, развивающих физическую активность	13,2
7	Перманентные встречи школьников с олимпийскими спортсменами, заслуженными тренерами регионального и федерального уровней	11,3
8	Привлечение к процессу воспитания морально-волевой физической активности ветеранов спорта	9,8
9	Активная рекламно-пропагандистская деятельность в развитии физической культуры и спорта	8,0
10	Требования государственного стандарта по физической культуре к воспитанию физической активности школьников	6,9

Для определения ранговой структуры психолого-педагогических условий, актуализирующих потребности школьников в занятиях физической культурой, развивающих физическую активность, был организован мониторинг. Для этого привлечены девять специалистов (два мастера спорта международного класса, один олимпийский чемпион, четыре мастера спорта по различным видам спорта и два руководителя спортивно-образовательных организаций).

Мониторинг – непрерывное наблюдение за происходящими изменениями и корректировкой первоначально полученных результатов [9, с. 372]. Л. И. Коновалова определяет педагогический мониторинг как форму организации, сбора, хранения, обработки и распространения информации

о деятельности педагогической системы, обеспечивающую непрерывное слежение за её состоянием и прогнозированием её развития [4, с. 149]. Краткое, но наиболее полное, по нашему мнению, определение приводит З. К. Меретукова [6, с. 62]: «педагогический мониторинг – это диагностика, оценка и прогнозирование состояния педагогического процесса (отслеживание его хода, результатов, перспектив развития)».

В ходе исследования были обоснованы психолого-педагогические условия актуализации потребности школьников в занятиях физической культурой и определён их ранговый показатель (таблица): разработка современных комплексных средств тренировки силовых и морально-волевых качеств, активная рекламно-пропагандистская деятельность в развитии физической культуры и спорта; повышение уровня эффективности судейства тренировочных и показательно-соревновательных спортивных мероприятий различных категорий; увеличение времени и доли спортивно-тренировочных упражнений, актуализирующих потребности подростков в занятиях физической культурой; оптимальное сочетание (планирование) школьных (урочных) и спортивно-тренировочных (внешшкoльных) занятий.

Большое значение в актуализации потребности подростков в занятиях физической культурой, как отмечают респонденты, имеют привлечение ветеранов спорта, создание благоприятной обстановки в процессе организации спортивно-тренировочных сборов, развивающих физическую активность; встречи школьников с олимпийскими спортсменами, заслуженными тренерами регионального и федерального уровня.

Таким образом, предложенная и апробированная в длительной опытной работе классификация психолого-педагогических условий позволяет достаточно успешно осуществлять развитие физической активности подростка. Отмеченные явления в наибольшей степени влияют и на эффективность воспитания патриотизма у юных спортсменов, занимающихся прикладными видами единоборств.

Библиографический список

1. Байгильдин, Р. М. Методологические аспекты исследования потребностей / Р. М. Байгильдин // Вестник Баш. гос. ун-та. – 2010. – № 3 (том 15). – С. 160–162.
2. Бальсевич, В. К. Феномен физической активности человека как социально-биологическая проблема / В. К. Бальсевич // Вопросы философии, – 1986. – № 4. – С. 78–89.
3. Галимов, Б. С. Биосистемы: опыт потребностного подхода : монография // Б. С. Галимов, Г. Х. Мусин. – Уфа : Баш. гос. ун-т, 2009. – 284 с.
4. Коновалова, Л. И. Актуализация и самоактуализация творческих способностей учащихся / Л. И. Коновалова // Ученые записки. Электрон. Науч. журнал Курского гос. ун-та. – 2014. – № 3 (31). – С. 145–150.
5. Меретукова, З. К. Культура дидактического вопросоположения: истоки, содержание, формирования // З. К. Меретукова, М. А. Писаревская. – Майкоп : Изд-во «Магарин О. Г.», 2011. – 268 с.
6. Меретукова, З. К. Полифункциональная сущность актуализации знаний учащихся / З. К. Меретукова // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2012. – № 10. – С. 60–63.
7. Педагогическая наука и образование : тематический сборник научных трудов. Выпуск 12. – Челябинск: Уральская академия, 2012. – 380 с.
8. Столяров, В. И. Переход с эмпирического на теоретический уровень научного анализа как методологическая основа проектирования программ физической культуры, спорта и олимпизма / В. И. Столяров // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2015. – № 5. – С. 3–4.
9. Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА – М., 2002. – 468 с.

V. V. Loginov, A. Ya. Nain, The Ural state University of physical culture

THE NEED'S ACTUALIZATION OF STUDENTS IN PHYSICAL CULTURE AS A PHENOMENON OF THE PHYSICAL ACTIVITY DEVELOPMENT OF THE TEENAGER

It is described the main results of theoretical and practical research problems of the need's actualization of students in physical culture. It is identified the content of the key definitions of "actualization" and "need" in the development of physical activity of young sportsmen, which is engaged in applied martial arts. On the basis of different approaches is it given the requirements for the content determination of various concepts. It is formulated the complex of psycho-pedagogical conditions, which are actualized needs for physical activity of sportsmen, who is engaged of applied martial arts in the sports organizations of different profile.

Keywords: actualization, needs, students, physical culture, phenomenon, development, physical activity, teenager.

Reference

1. Baygil'din R. M. Methodological aspects of research needs. Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010, No. 3, (Vol. 15), pp. 160 – 162.

2. Bal'sevich V. K. The phenomenon of physical activity as a socio-biological problem. *Voprosy filosofii*, 1986, No. 4, pp. 78–89.
3. Galimov B. S., Musin G. Kh. Биосистемы: опыт потребностного подхода [Biosystems: the experience requirement approach]. Ufa, Bashkirskiy Gosudarstvennyy Universitet Publ., 2009, 284 p.
4. Konovalova L. I. The actualization and self-actualization of creative abilities of pupils. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, No. 3 (31), pp. 145–150.
5. Meretukova Z. K., Pisarevskaya M. A. Kul'tura didakticheskogo voprosopolaganiya: istoki, sodержanie, formirovaniya [Culture of didactic questioning: sources, content and formation]. Maykop, Magarin O. G. Publ., 2011, p. 268.
6. Meretukova Z. K. The multifunctional nature of actualization of students' knowledge. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. No. 10. pp. 60 – 63.
7. *Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie: tematicheskiiy sbornik nauchnykh trudov*. Issue 12. Chelyabinsk: Ural Academy Publ., 2012. 380 p.
8. Stolyarov V. I. The transition from the empirical to the theoretical level of scientific analysis as a methodological basis for the design of physical culture programs, sport and Olympism. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 2015, No. 5, pp. 3 – 4.
9. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary of philosophy]. Moscow, INFRA Publ. Moscow, 2002. 468 p.

© В. В. Логинов, А. Я. Найн, 2016

Авторы статьи:

Виктор Викторович Логинов, кандидат педагогических наук, доцент, Уральский государственный университет физической культуры, г. Челябинск, e-mail: dissovets-2006@rambler.ru

Альберт Яковлевич Найн, доктор педагогических наук, профессор, Уральский государственный университет физической культуры, г. Челябинск.

Рецензенты:

А. М. Кузьмин, доктор педагогических наук, профессор, Уральский государственный университет физической культуры, г. Челябинск.

О. Л. Карпова, доктор педагогических наук, профессор, Уральский социально-экономический институт (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений».

УДК 37.01+372.878

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.161

К. Ю. Плотников,
Центр образования № 47 города Иркутска

ПОТЕНЦИАЛ ПЕВЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ У ПОДРОСТКА УВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ

Материал статьи актуализирует проблему занятий вокалом не только с точки зрения одной из разновидностей музыкальной деятельности, но, и это главное, – с точки зрения формирования личностных качеств обучающегося (подростка, молодого человека), в первую очередь – развития уверенности в себе. Предлагаемый автором подход, названный «3Д», связывает основные правила вокала с достигаемыми при их использовании при поддержке музыкально-компьютерных технологий главными эффектами пения. Материал может быть адресован не только коллегам-учёным, но и учителям-практикам.

Ключевые слова: вокал, певческое дыхание, дикция, художественный образ, уверенность в себе, музыкально-компьютерные технологии, общее образование.

Наш современник, кем бы он ни был по профессии, непременно имеет отношение к педагогике, являясь (реально или потенциально) обучающимся или воспитуемым, учителем и воспитателем для своего ребёнка, коллеги. Именно поэтому через каждого, так или иначе, проходят как успехи, так и огрехи образования, надежды и свершения его модернизации, информатизации, глобализации, индивидуализации и т. д. Причём, говоря об образовании, мы изначально будем понимать под ним совокупность: а) обучения и воспитания; б) общего и т. н. дополнительного его компонента; в) традиционного и т. н. инновационного его составляющего.

Ответы на вызовы, бросааемые каждому члену т. н. общества потребления эпохой NBICS-конвергенции, глокальных организаций и пр., ищут специалисты и учёные, занимающиеся политическими, социальными, экономическими, техническими и другими науками. Но в центре любых возможных проблем, верных решений (взвешенных и интуитивных) и заблуждений был, есть и будет человек – молодой или пожилой; семьянин или холостяк со всеми своими надеждами и заботами; эмигрант или коренной россиянин, активный или пассивный, убеждённый или разочаровавшийся в своей гражданской позиции; житель столицы или провинциал (забегая вперёд, отметим: это всё примеры того, что в контексте самоидентификации проявляется как обусловленности: этнические, научные, биологические, социальные, религиозные [1, с. 77–81]). Именно поэтому остаётся востребованной не только гносеологическая, но и онтологическая, аксиологическая оценки явлений современности.

Осознавая, что многочисленные факторы нестабильности (разного – глобального, национального, регионального – масштаба) сказываются на взрослых и их поведении и ещё более на детях и подростках, можно представить, насколько остро (всегда, а особенно актуально в наше время) стоят для молодого поколения разного рода вопросы – выбора системы ценностей, нравственных ориентиров, модели поведения, профессии и т. п. Одна из центральных и наиболее важных в этом ряду – проблема самоидентификации (самости, самоактуализации, самодетерминации, самоидентичности [2, с. 30–33]) и самореализации. Не найдя конструктивного её решения, наш современник всё чаще выбирает деструктивные способы адаптации к жизни (наркомания, алкоголизм, девиантное поведение и пр.).

Сферу, в которой происходит для личности поиск путей решения проблемы самоидентификации и последующей самореализации, можно определить как личностное социально-психологическое пространство [3, с. 50] (I), что позволительно рассматривать через стратегию образования, в целом выражаемую аббревиатурой СЛОВО – социально-личностное обучение и воспитание (предложено В. И. Загвязинским [4, с. 11]; (II).

По отношению друг к другу второе (II, стратегия) будет процессом, первое (I, пространство) – средой, в которой этот процесс происходит. Мы намеренно упрощаем в рамках данной статьи систему, где элемент, названный нами процессом (стратегия образования), сам является системой: самоидентификация и самореализация – это собственно процесс, а социально-психологическое пространство – среда микроуровня; СЛОВО же (I), представляя собой процессы обучения и воспитания, является источником формируемой при этом среды на макроуровне.

Поставим целью в контексте данной модели представить в качестве среды феномен музыки (I-1) через такой вид музыкальной деятельности как пение (I-2) с использованием музыкально-компьютерных технологий (I-3), в качестве процесса рассмотрим развитие подростком уверенности в себе (II), осуществляемое через занятие вокалом.

(I-1) Большинство детей и даже некоторые взрослые под словом «музыка» подразумевают инструментальные её жанры, таким образом не признавая за этим словом того, что способна выразить в пении их собственная душа, того, что открывается в сотворчестве вокального ансамбля, хористов. Объяснение подобного факта нам видится в глубинах человеческого ощущения феномена музыки как чего-то не-будничного, сакрального, а не просто досугового от-, и раз-влечения мусических искусств. В дальнейшей логике исследования мы будем исходить из понимания не только эстетической, но и социальной природы музыки, которая представлена виртуальной реальностью музыкального коммуникативного пространства, порождаемого «звуковой материальной основой, пространством личности и социокультурными условиями коммуникации» [5, с. 111].

Ограничивая в рамках данной статьи диапазон исследуемого предмета вокальной музыкой (куда включаем и ту, что сопровождается инструментальной – ансамблевой или оркестровой – игрой), рассмотрим образовательный потенциал пения в сочетании с возможностями, предоставляемыми нашему современнику музыкально-компьютерными технологиями (МКТ [6, с. 364–365, 367–368; 7, с. 352–356; 8, с. 157]) относительно перспектив развития подростком уверенности в себе (что выступит в качестве объекта).

(I-2) В каталоге научной электронной библиотеки eLibrary.Ru на ноябрь 2015 г. свыше 600 статей, диссертаций и других работ, в названии которых фигурирует слово «пение». Не более 5–7 % этого списка составляют работы, в которых пение изучается с точки зрения филологии (фонетика пения), биологии (орнитология – пение птиц), медицины (отоларингология – механизмы вокализации и пр.), физики (акустика – интенсивное тональное излучение винта и др.), что не совпадает с предметом данного исследования.

Остальная литература в указанном списке посвящена различным (эстетическим, технологическим, богословским, культурологическим и пр.) аспектам пения как вида музыкальной деятельности

– пения сольного, хорового, ансамблевого; академического, народного (разных культурных традиций, в т. ч. горлового), церковного, эстрадно-джазового; акапельного, одноголосного, многоголосного. Отдельно в этом ряду стоит пение жестовое, которое представлено не через вокал, а с помощью мимико-пластических средств художественной выразительности. Не станем приводить возможные критические замечания в адрес содержания значительной части публикаций из этого списка, отметим главное – среди прочитанного (в этот раз и ранее) не встречается идея о том, что **пение**, кроме всего прочего, – это **эстетически оформленный тренаж по развитию уверенности в себе**.

Реализация обозначенного направления касается не только музыкантов-профессионалов и любителей музыки. Данный вопрос решаем в системе {мир – человек – музыка}, в пространстве общего образования (в первую очередь, на уроках музыки, а также через дополнительное образование, досуг и самовоспитание) в триаде {урок – ученик – произведение} [9, с. 38–39, 47]). Таким образом, «урок» расширен до объёма, понимаемого под словом «мир»; при этом ученик становится субъектом образовательного процесса, включающего в себя и самообучение, и, что наиболее важно, самовоспитание.

Среди аргументов в пользу предлагаемого подхода то, что:

- пение – доступный каждому здоровому человеку способ музицирования, что позволяет использовать этот личный инструмент в любое время и в любом месте (i);
- песня выступает как самый популярный музыкальный жанр, начало и суть любой народной (в т. ч. русской) музыкальной культуры, синтетический жанр, представляющий определённую культурную традицию (ii);
- поддержкой пению способны стать такие средства современных ИКТ, которые представлены функционалом МКТ (iii).

Проблема пения является предметом исследований:

- певческого голоса как проявления человеческой сущности в искусстве (Б. В. Асафьев, В. В. Медушевский и др.; музыковедение);
- вокальных жанров, в т. ч. в контексте творчества конкретных композиторов, исполнителей, стилей, эпох (Е. Е. Дурандина, Ю. В. Келдыш и др.; музыковедение и культуроведение);
- певческой деятельности как вида музыкального исполнительства (М. С. Агин, В. В. Емельянов, В. П. Морозов, И. Е. Ульева и др.; история вокальной педагогики, методика обучения вокалу и пр.);
- аспектов голосообразования и моторики вокалиста (П. К. Анохин, Н. Н. Данилова, В. А. Ермаков и др.; физиология [10, с. 4]).

В контексте нашего исследования отметим, что поёт не голос, не инструмент, а «вся личность в целом, поёт весь человек, со всем содержанием, присущим именно данной личности» (И. М. Егоричева; цит. по [11, с. 11]).

Таким образом, перед нами стоят задачи:

- обнаружить факторы, способствующие становлению через пение человека – от индивида до индивидуальности, когда для него в музыкальном творчестве откроется единство индивидуального и общественного на всех четырёх (телесной реакции, психических процессов, музыкальной информации, духовно-ценностного смысла музыки; по И. А. Корсаковой [12]) уровнях музыкально-художественной коммуникации (a);
- выявить возможные противоречия в данном образовательном секторе (б);
- адекватно возрастным и другим индивидуальным особенностям обучающегося (школьника или студента, ученика или воспитанника) наметить траекторию образовательных приращений, реализуемых при педагогической поддержке в условиях высокотехнологичной образовательной среды [13, с. 84, 87] (в).

(А) Ограничивая в данном случае область исследования вокальной музыкой, вынесем за скобки факторы общемузыкальные, среди которых: влияние музыкальной культуры и музыкального искусства на общую культуру человека, частные её проявления (этика поведения, эмоциональная культура и пр.), формирующийся при этом эстетический вкус, расширяющийся кругозор, опыт творчества, возможность проявления задатков именно в этом или в другом, смежном искусстве (хореография, театр, кинорежиссура и т. д.), в коллективных видах музыкальной деятельности (хор, оркестр) – опыт работы в группе, дисциплина в сочетании с возможностями самовыражения и пр.

Отдельного внимания, но также за рамками данной статьи в оценке потенциала вокальной музыки заслуживает расширение словарного запаса поющего, повышение шансов встречи с достойными

образцами поэзии (ставшими словами песен, романсов и т. д.), общеукрепляющий для организма эффект (при правильном дыхании, ведущем к увеличению объема лёгких, к улучшению кровоснабжения всех органов) и пр.

(Б) Говоря о пении в детском возрасте, следует отметить следующие противоречия:

- с одной стороны, данный вид музыкальной деятельности наиболее адекватен психолого-возрастным особенностям актеров, их стремлению к активным формам освоения жизни (в т. ч. искусства) / с другой стороны, не каждый ребёнок имеет возможность реализовывать образовательный потенциал пения: а) по причине неполного охвата контингента обучающихся системой дополнительного образования по направлению «вокал»; б) из-за методических упущений учителей музыки общеобразовательных школ (ввиду отсутствия у них достаточной методической подготовки по данному вопросу и др.);

- с одной стороны, поэтический текст в дуализме (слов и мелодии) вокального произведения служит канвой-напоминанием (и для слушателя, и для исполнителя), даже в случаях неточно интонируемой мелодической линии / с другой стороны, как отмечают педагоги, психологи, развитие у наших современников клипового мышления, возможность не запоминать, а обратиться на смартфон к файлу с текстом проявляется у детей в том, что они всё чаще обнаруживают знание (на память) слов репертуара масскультуры, чем классических произведений или народных песен;

- с одной стороны, в случаях ансамблевого и хорового пения может проявляться эффект усиления эмоционального воздействия художественного образа, что выражается в чувстве эмоционального единения соучастников (которое оказалось в дефиците у нашего современника после социально-экономических катаклизмов рубежа столетий) / с другой стороны, традиции народного ансамблевого пения, заменённые при социализме «колхозными» хорами, не выжили при ещё одной смене социально-экономической формации, а в настоящее время правильный курс на возрождение хорового пения больше провозглашается, чем реализуется;

- с одной стороны, в процессе пения (включая пение хоровое) воспитываются такие важные черты личности, как организованность, умение контролировать свои эмоции и пр. / с другой стороны, как показывает практика, занятий пением избегают как раз те, кто больше всего нуждается в развитии подобных качеств.

(В) Представляя предлагаемый подход, ещё раз отметим: при всех перечисленных противоречиях, возможность устранения которых не является чем-то сверхъестественным, удивителен сам факт того, что в числе исследований, поднимающих проблему занятий вокалом, практически не встречаются такие, которые рассматривали бы её не с профессиональной музыкантской точки зрения, а в общеобразовательном смысле – в отношении значимости для личностного развития человека.

Между тем, и для школьника (особенно начиная с подросткового возраста), и для студента (в т. ч. для неучащейся молодёжи) к устранению указанных противоречий и к значимым позитивным для личности приобретениям может вести выполнение трёх простых вокальных правил, дающих тройной эффект. На уроках в общеобразовательной школе, начиная с 4–5-го класса [14, с. 81, 103–104], мы называем это «3Д» (мнемическая аллюзия к 3-dimensional, англ. «трёхмерный», известный нашему современнику по технологии кино, печати, сканирования в медицинских целях и др.).

«3Д» [три дэ] – это три основных правила пения и три его главных развивающих личностный потенциал человека эффекта:

- *душа* –

- настрой и способность почувствовать музыку, найти на неё отклик в своём эмоциональном багаже (в своём жизненном опыте), что является путём к пониманию, открытию себя, других (эмпатия), мира;

- способ узнать разные стороны жизни, возможность (соинтонируя) познать её с различных точек зрения (через произведения разных стилей, жанров);

- *дыхание* –

- развитие навыка контролируемого напряжения певческой диафрагмы, на чём основывается регуляция человеком своего эмоционального состояния и проявление им волевых усилий (в т. ч. как тренировка уверенности, выражающей право иметь свой голос, право быть услышанным и т. п.);

- облачённый в форму образности (музыкального произведения) тренинг по повышению уровня психоэмоциональной интенсивности процесса моделирования (от переживаемого внутри до со-бытия с другими поющими; путь катарсиса);

- *дикция* –

– как один из компонентов вокальной орфоэпии, который способствует развитию дикции и в разговорной речи, являющейся непременным атрибутом эффективности делового сотрудничества [15];

– что особенно важно для молодых, начинающих свой жизненный (личный, профессиональный) путь людей, – ещё один способ развития уверенности, теперь в сочетании с ясностью, чёткостью артикуляции слова (и фразы, мысли), а значит, с более внятным осознанием смысла, несомого озвучиваемым (или обратной связью – проявления эмотивной функции в отношении вербального смысла [16, с. 97]).

(I-3) МКТ, как показали исследования, являются значащим социально-культурным фактором интеллектуального и эмоционального развития личности [17, с. 23–27] в условиях современного образования, отражающего особенности школы цифрового века. Педагогический потенциал МКТ позволяет использовать их не только в специализированном (музыкальном) образовании, но и в общем, как на уровне основного, так и далее, в т. ч. в режиме самообучения и самовоспитания [18, с. 272–274; 19, с. 55–56, 62–63; 20, с. 157–158; 21, с. 140–141].

Определённые нами в их программно-аппаратной части как подклассы [22, с. 96–111] программы-плееры, программы-рекордеры, программы редакции звука, программы «Электронный музыкальный инструмент» и программы-мультимедиа-комплексы (и другие инструменты ИКТ) позволяют современному школьнику:

А. Продолжить за пределами кабинета музыки (к примеру, используя для этого запись, сделанную на уроке с помощью приложения смартфона «диктофон») встречу с вокальным произведением, давая шанс:

– открыть для себя в музыкальном произведении то, что осталось непонятым, непрочувствованным (из-за проблем с собственным вниманием, из-за каких-либо отвлекающих факторов и пр.);

– сравнить записанный вариант с альтернативными версиями (включая собственное «домашнее» исполнение);

– «освоить» художественный образ записанной музыки через собственное творчество дирижёра, музыканта-инструменталиста, танцора, кинорежиссёра (от виртуального до реального воплощения).

Б. Выполнить (как домашнее творческое задание) упражнения или создавать творческие этюды по вокальному дыханию и дикции, что, в свою очередь, даёт возможность:

– оценивать своё пение по сделанной (самим собою, другом, другим членом семьи) записи (при этом накануне учитель должен обязательно предупредить учеников об эффекте «незнакомости» собственного голоса, возникающем на первоначальных этапах при прослушивании его «со стороны», а не «из себя»);

– использовать преимущества сравнения разных (своих – первоначального и последующего; своего и чужого, в т. ч. – в роли «эталонного») вариантов исполнения – сначала по записи, затем по реальному звучанию (начиная с отдельных фраз, далее – увеличивая фрагмент до куплета, до всего произведения).

В. Поддержать, что является эффективным эмоциональным фактором при пении (сольном, ансамблевым, хоровым), свой голос качественной, обладающей художественными и техническими достоинствами фонограммой (т. н. «минусовкой»), которую можно:

– при отсутствии возможностей у себя дома записать (скачать) в школе, у друга, у одноклассника (в т. ч. на их аппарат, чтобы пользоваться вместе);

– «подгонять» под себя, т. е. регулировать темп и тональность (в программах аудиоредактирования (как в приложениях, устанавливаемых на смартфон, так и в сервисах, включённых в определённый интернет-ресурс для стационарного компьютера)).

Г. Сфотографировать или снять на видео текст, что позволяет:

– отработать дикцию в каком-либо вокальном произведении (в т. ч. используя при этом процедуру записи своего проговаривания);

– в спектре художественных возможностей мультимедиа создавать т. н. презентацию или мини-фильм (к примеру, в программах Power Point, Keynote, «ВидеоСТУДИЯ» и др.) по различным учебным предметам и на внешкольную тематику – для друзей, родных.

(II) В свете представленных образовательных возможностей музыки (I-1), пения (I-2) и МКТ (I-3) рассмотрим особенности процесса развития подростком уверенности в себе.

При всём разнообразии трактовок (психофизической, социально-психологической, системно-функциональной, дифференциально-психологической и комплексной) учёные видят в феномене уверенности в себе целостное (с мотивационно-смысловой и регуляторно-динамической подсистемами)

образование, представляющее «интегральную характеристику человека, где можно выделить личностный, когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты» [23, с. 116].

Проблема уверенности в себе, актуальная для многих периодов жизни, особо остро стоит в подростковом возрасте, представляющем в развитии человека один из самых критических и ключевых для дальнейшего развития этапов. Именно в это время в коррекции нуждается большая часть школьников (по проведённому исследованию – 77 % 5-классников, 78 % 6-классников, 63 % 7-классников, 58 % 8-классников [24, с. 110]).

Гендерные различия, наблюдаемые в проявлении подростками уверенности в себе, проявляются в уровне направленности на определённое окружение: так, мальчики чаще демонстрируют большую уверенность в кругу сверстников, меньшую – по отношению к посторонним; среди девочек – картина обратная.

Выявлена взаимная корреляция между уверенностью в себе у подростков и их субъективным ощущением качества жизни, компонентами которого чаще других называются общение и личная свобода, счастье и здоровье, семья и признание, уверенность в ближайшем будущем [23, с. 119–121], т. е. то, что является т. н. «зоной ближайшего развития» для данного возраста. Из перечисленного стоит выделить компонент общения, реализацией которого объясняется популярность социальных сетей, где к тому же пользователь получает возможность ощущать чувство свободы. Отдельного упоминания заслуживает чувство уверенности в ближайшем будущем во всём спектре факторов, наполняющих его содержание: от отношений с противоположным полом и школьных дел (предстоящих экзаменов, сложившихся отношений с одноклассниками и учителями и т. д.) до экономической стабильности семьи и положения дел в мире.

Полученные исследователями [25, с. 43–45] результаты свидетельствуют об успешности развития уверенности в совокупности с развитием коммуникативных компетенций, формируемых в ходе психологического тренинга, в т. ч. на основе психологического механизма личностной рефлексии, с приобретением умения разбираться в конфликтных смыслах жизненных ситуаций, совершая сначала воображаемые (а), затем, формулируя жизненные цели и самостоятельно принимая решения (б), и реальные поступки (в). Реализацией первого (а) и второго (б) этапов на синтезе обобщения и конкретизации в примерах художественного образа музыкального (в нашем случае – вокального) произведения и является, с точки зрения психологии, пение.

В «Я-концепции», представляющей единую совокупность установок личности, являющейся механизмом самоидентификации человека и ведущей в т. ч. к развитию уверенности в себе, Р. Бёрнс выделяет такие отдельные модальности, как физическое Я, социальное Я, умственное Я, эмоциональное Я (по [1, с. 83–84]). Совокупность же в пении психоземotionalного с интеллектуальным (художественные эмоции, интеллектуальное и эмоциональное моделирование того, что стоит за симулякр художественного образа) и физиологическим (дыхание, явная или скрытая пластика как выражение динамики развития образа) позволяет констатировать обращённость при этом виде музыкальной деятельности ко всем перечисленным модальностям.

В итоге, на основе рассмотрения характеристик пения и процесса развития у подростков уверенности в себе как элементов системы {мир – человек – музыка} можно резюмировать следующее:

1. Потенциал пения может и должен использоваться педагогикой в интересах развития подростками уверенности в себе в контексте процесса личностной самоидентификации и самореализации.

К вышеуказанному добавим, что ряд исследователей (Р. Лэйн, А. Ш. Тхостов и др.), во-первых, в клинике неуверенности обращают внимание на шизоидные процессы, проходящие между физическим и ментальным «Я» человека; во-вторых, называя уверенность в себе онтологической (в некоторых случаях, вводя категорию социальной уверенности), указывают на значительность влияния данного психического феномена на формирование субъектности индивидуума (по [26, сс. 175, 178–180]). Пение же, совмещая в себе физические и ментально-эмоциональные процессы, является в таких случаях для поющего онтологическим мостом между этими проявлениями человеческой сущности.

Предлагаемый подход, несомненно, является одним из компонентов (по [24, с. 111–112] – эмоциональным) в одном из возможных вариантов развития данного качества личности, но при этом вариантом, **имеющим преимущества**. Эти преимущества мы находим в **механизме сублимации напряжения**, что возникает у индивидуума в момент самопрезентации (в нашем случае – в пении), и в вокале – может быть переключён на эмоциональный фон, создаваемый художественным образом музыки, которую поёт (которой подпевает) обучающийся (в данном случае, более правильно – «воспитывающий себя»).

2. В условиях действующей системы общего и дополнительного образования **основными организационными формами**, реализующими данное направление, **являются школьные уроки музыки**, а также **кружки по вокалу** (при школах, домах творчества и т. п. – в течение учебного года; в детских оздоровительных лагерях – во время летних каникул).

Кроме уроков музыки и дополнительного образования в направлении «пение» (народное, эстрадное, сольное, ансамблевое, хоровое), предлагаемый подход применим в таких организационных формах, как:

– **уроки и факультативные занятия по иностранному языку** (пение народных и эстрадных песен соответствующей страны);

– **досуговые объединения** школьников (молодёжи) – кавээновское движение, самодеятельный театр и т. п., включающие в синкретизм искусств, к которым обращаются участники, вокальную музыку;

– **детское ТВ** (в части подготовки песенного репертуара для сюжетов или передач).

3. **Эффективность реализации** указанного образовательного направления **зависит от методики**, применяемой педагогом, осуществляющими поддержку развития индивидуальности обучающегося.

Следовательно, **актуальным является вопрос разработки** (или конкретизации) образовательной **методики**, отдельных приёмов, в т. ч. **технологии с использованием МКТ, в направлении развития у подростка уверенности в себе**.

4. Одним из **важнейших** в рамках обозначенной методики **является вопрос репертуара**, решаемый подбором наиболее соответствующих поставленным задачам вокальных жанров (к примеру, жанр частушки, жанр авторской песни и др.), конкретных вокальных сочинений.

5. Само собой разумеется, что **работа педагога по предлагаемой методике** предполагает и его специальную предварительную подготовку к этому, что **ставит задачу разработки соответствующего учебного курса**. Такой курс и подготовка специалиста при его прохождении могут входить в систему того, что является первоочередной задачей образовательных организаций по фронтальному переобучению и последующей систематической переподготовке «преподавательского состава в плане освоения новых электронных технологий в профессиональной деятельности» [27, с. 84]. Состав курсантов вытекает из п. 2 выводов по данной статье.

Библиографический список

1. Дубянский, С. И. Самоидентификация – безначальный поиск (самоидентификация и обусловленность, самоидентификация в структурировании «я») / С. И. Дубянский // Мир психологии. – 2012. – № 1. – С. 76–84.
2. Южанинова, Е. Р. Самоидентификация современного человека: причины и его развитие в Интернет-пространстве / Е. Р. Южанинова, К. З. Кеидия // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 28–35.
3. Соина, И. А. Динамика личностного социально-психологического пространства в разных образовательных системах и его влияние на личность / И. А. Соина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2010. – №2. – С. 50–54.
4. Загвязинский, В. И. Стратегические ориентиры развития отечественного образования и пути их реализации / В. И. Загвязинский // Образование и наука. – 2012. – № 4. – С. 3–15.
5. Корсакова, И. А. К вопросу об онтологическом статусе музыки / И. А. Корсакова // Наука и современность. 2010. – № 5–1. – С. 108–112.
6. Плотников, К. Ю. Использование музыкально-компьютерных технологий в основном общем образовании как реализация индивидуальных образовательных маршрутов (на примере уроков информатики и музыки в общеобразовательной школе) / К. Ю. Плотников // Научное мнение: научный журнал. – СПб., 2014. – №8. – С. 364–368.
7. Плотников, К. Ю. Педагогический потенциал музыкально-компьютерных технологий в общем образовании / К. Ю. Плотников // Казанский педагогический журнал. – 2015. – №5 (112). Ч. 2. – С. 352–356.
8. Плотников, К. Ю. Освоение молодёжью музыкально-компьютерных технологий (musical and computer technologies) как отражение основных тенденций развития современного образования / К. Ю. Плотников // Научно-практический журнал «Вестник ИрГСХА». – 2015. – вып. 70, октябрь. – С. 152–158. DOI: 10.17238/issn1999-3765.2014.70.
9. Плотников, К. Ю. Информационные технологии в образовании: уроки музыки в общеобразовательной школе: В 2 ч. Ч. I: Инновационная образовательная программа. / К. Ю. Плотников – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – 229. <http://elibrary.ru/item.asp?id=24835905>.
10. Фролова, Е. М. Методическая система вокального развития студентов различных исполнительских специальностей в условиях вузовского образования : автореф. дисс. канд. пед. наук. / Е. М. Фролова. – М., 2013. – 26 с.
11. Коваль, Л. М. Интегративный подход к обучению эстрадных певцов (на примере работы со студентами музыкального факультета педагогического вуза) : автореф. дисс. канд. пед. наук. / Л. М. Коваль. – М., 2013. – 29 с.

12. Корсакова, И. А. Структура музыкально-художественной коммуникации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22023>, свободный.
13. Носкова, Т. Н. Информационные технологии в образовании и высокотехнологичная образовательная среда / Н. Т. Носкова, Е. А. Тумалева, О. Н. Шилова // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2012. – № 2. – С. 83–87.
14. Плотников, К. Ю. Информационные технологии в образовании: музыкально-компьютерные технологии на уроках информатики и музыки в общеобразовательной школе: В 2 ч. Ч. II: Инновационный учебно-методический комплекс. / К. Ю. Плотников – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – 116 с. <http://elibrary.ru/item.asp?id=24840533>.
15. Белоусенко, М. И. Роль артикуляции и дикции в процессе сольного пения. Их преимущества и недостатки [Электронный ресурс] / М. И. Белоусенко // *Концепт*. – 2015. – Современные научные исследования. Выпуск 3. – ART 85262. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/85262.htm>, свободный.
16. Южанинова, Е. Е. Речевая техника – один из важных компонентов деловой коммуникации / Е. Е. Южанинова // *Мир науки, культуры, образования*. – 2008. – № 1. – С. 96–98.
17. Горбунова, И. Б. Музыкально-компьютерные технологии как социально-культурный фактор интеллектуального и эмоционального развития личности в школе цифрового века / И. Б. Горбунова // *Общество: философия, история, культура*. – 2015. – № 5. – С. 22–29.
18. Горбунова, И. Б. Освоение подростками музыкально-компьютерных технологий на базе программно-аппаратного комплекса смартфонов (в контексте формирования культурно-образовательной среды) / И. Б. Горбунова, К. Ю. Плотников // *Теория и практика общественного развития*. – 2015. – № 20. – с. 272–275.
19. Плотников, К. Ю. Роль музыкально-компьютерных технологий в выстраивании и реализации индивидуального образовательного маршрута подростка / К. Ю. Плотников // *Педагогический журнал*. – 2015. № 6. – С. 50–65.
20. Плотников, К. Ю. Музыкально-компьютерные технологии в реализации индивидуальных образовательных маршрутов молодежи / К. Ю. Плотников // *Научно-практический журнал «Вестник ИрГСХА»*. – 2015. – Вып. 69, август. – С. 153–160. DOI: 10.17238/issn1999-3765.2014.69.
21. Горбунова, И. Б. Место музыки и музыкально-компьютерных технологий в педагогической системе детского оздоровительного лагеря / И. Б. Горбунова, К. Ю. Плотников // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2015. – № 6. – С. 138–142.
22. Плотников, К. Ю. Методическая система обучения информатике с использованием музыкально-компьютерных технологий : монография. / К. Ю. Плотников – СПб.: Лема, 2013. – 268 с. <http://elibrary.ru/item.asp?id=24892632>.
23. Папура, А. А. Взаимосвязь уверенности в себе и качества жизни подростков / А. А. Папура // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. – 2010. – № 9. – С. 114–122.
24. Папура, А. А. Формирование уверенности в себе у подростков / А. А. Папура // *Вестник Томского гос. пед. университета*. – 2010. – № 5. – С. 110–114.
25. Кондратьева, Н. П. Развитие уверенности в себе подростков в процессе формирования коммуникативных компетенций / Н. П. Кондратьева, Е. В. Ерёмина // *Гуманитарные науки и образование*. – 2014. – № 4 (20). – С. 42–45.
26. Коптева, Н. В. Онтологическая уверенность в себе / Н. В. Коптева // *Учёные записки ЗабГУ. Серия: Педагогика и психология*. – 2011. – № 5. – С. 174–181.
27. Лапчик, М. П. О педагогике в условиях электронного обучения / М. П. Лапчик // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. – 2013. – № 2 (12). – С. 77–85.

K. Yu. Plotnikov, Center of the education (secondary school) № 47 Irkutsk

THE POTENTIAL OF SINGING ACTIVITIES IN DEVELOPMENT OF ADOLESCENTS' SELF-RELIANCE

This work is part of a series of articles on the theme of «Musical education as modern Education that gets people through music». The article is updated employment problem is not only singing from the perspective of one of the varieties of musical activity, but in terms of the formation of personal qualities of the student (a teenager or a young man). The main author's idea is to provide singing as aesthetically decorated exercises for the development of self-confidence. The proposed method by the author called the «3D» (disembosom [soul], draw breath [singing breath], diction), it contains a description of the basic rules of singing and achieve the main (for the development of personal qualities) effects of singing. As a result of the analysis, in the conclusions, the author sums up the educational benefits of the proposed approach, indicating the organizational forms of realization of the ideas presented, poses new challenges (development methodology, selection of repertoire and so on.). Material is addressed not only to fellow scientists, and practicing teachers.

Keywords: vocal, singing breathing, diction, artistic image, self-confidence, music and computer technologies.

References

1. Dubyansky S. I. Self-identification – without beginning search (identity and conditioning, self-identification in the structuring of the «I»). *Mir psichologii*, 2012, No 1, pp. 76–84.
2. Yuzhaninova E. R. Keidiya K.Z. Self-identification of the contemporary person: reasons of crisis and its development in the cyberspace. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013, № 4, pp. 28–35.
3. Soina I. A. Dynamics of personal social-psychological space in different educational systems and its impact on the individual. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova: Pedagogika. Psihologiya. Social'naja rabota. Juvenologiya. Sociokinetika*, 2010, No 2, pp. 50–54.
4. Zagvyazinskii V. I. Strategic guidelines for the development of national education and the ways of their implementation. *Obrazovanie i nauka*, 2012, No 4, pp. 3–15.
5. Korsakova I. A. On the question of the ontological status of music. *Nauka i sovremennost'*, 2010, № 5-1, pp. 108–112.
6. Plotnikov K. Yu. Use of music-computer technologies in basic general education as the implementation of individual educational routes (case of computer science and music lessons in secondary school). *Nauchnoe mnenie*, 2014, No 8, pp. 364–368.
7. Plotnikov K. Yu. Pedagogical potential of music and computer technology in general education. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, No 5 (112), Vol. 2, pp. 352–356.
8. Plotnikov K. Yu. The development of youth music & computer technologies as a reflection of the main trends of modern education's elaboration. *Nauchno-prakticheskii zhurnal «Vestnik IrGSKhA»*, 2015, 70 th edition, october, pp. 152–158. DOI: 10.17238/issn1999-3765.2014.70.
9. Plotnikov K. Yu. *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: uroki muzyki v obshcheobrazovatel'noi shkole: V 2 ch.: Ch. I: Innovatsionnaya obrazovatel'naya programma* [Information technologies in education: music lessons in secondary school: In 2 parts: Part I: An innovative educational program], St. Petersburg: Izd. RGPU im. A. I. Herzena, 2013, 229 p.
10. Frolova E. M. *Metodicheskaya sistema vokal'nogo razvitiya studentov razlichnykh ispolnitel'skikh spetsial'nostei v usloviyakh vuzovskogo obrazovaniya*: Author's abstract dissertation's ... PhD in educ. Sc. [Methodical system of vocal's development of students studying different specialties performing in terms of higher education], Moscow, 2013, 26 p.
11. Koval L. M. *Integrativnyj podkhod k obucheniyu ehstradnykh pevtsov (na primere raboty so studentami muzykal'nogo fakul'teta pedagogicheskogo vuza)*: Author's abstract dissertation's ... PhD in educ. Sc. [The integrative approach to learning crooners (for example, work with students pedagogical high school music department)], Moscow, 2013, 26 p.
12. Korsakova I. A. Struktura muzykal'no-khudozhestvennoj kommunikatsii. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, No 2-2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22023>.
13. Noskova T. N., Tumaleva E. A., Shilova O. N. Information technologies in education and high-tech learning environment. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, 2012, No 2, pp. 83–87.
14. Plotnikov K. Yu. *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: uroki informatiki i muzyki v obshcheobrazovatel'noi shkole: V 2 ch.: Ch. II: Innovatsionnyj uchebno-metodicheskij kompleks*. [Information technologies in education: music lessons in secondary school: In 2 parts: Part II: Innovative training complex], St. Petersburg: Izd. RGPU im. A. I. Herzena, 2013, 116 p.
15. Belousenko M. I. The role of articulation and diction in solo singing. Their advantages and disadvantages [Electronic document]. *Kontsept, Sovremennye nauchnye issledovaniya*. 2015, Vypusk 3. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85262.htm>.
16. Yuzhaninova E. R. Voice technology – an important component of business communications. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2008, No 1, pp. 96–98.
17. Gorbunova I. G. Computer music technologies as a socio-cultural factor of personal intellectual and emotional development in the digital age school. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2015, No 5, pp. 22–29.
18. Gorbunova I. G., Plotnikov K. Yu. Mastering of computer music technologies by teenagers on the basis of smartphone applications (in the context of cultural and educational environment formation). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, No 20, pp. 272–275.
19. Plotnikov K. Yu. The role of music and computer technologies in building and implementation of an individual educational route of an adolescent. *Pedagogicheskii zhurnal*. 2015, No 6, pp. 50–65.
20. Plotnikov K. Yu. Music and computer technologies in the implementation of individual educational routes of youth. *Nauchno-prakticheskii zhurnal «Vestnik IrGSKhA»*, 2015, 69 th edition, August, pp. 153–160. DOI: 10.17238/issn1999-3765.2014.69.
21. Gorbunova I. G., Plotnikov K. Yu. The meaning of music and computer technologies in the educational system of a children's summer camp. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 2015, No 6, pp. 138–142.
22. Plotnikov K. Yu. *Metodicheskaja sistema obucheniya informatike s ispol'zovaniem muzykal'no-komp'yuternykh tekhnologij: Monografija* [Methodical system of training to computer science using music and computer technology: a monograph], St. Petersburg: Lema, 2013, 268 p.

23. Papura A. A. Correlation Between self-confidance and quality of life of adolescents. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2010, No 9, pp. 114–122.
24. Papura A. A. Formation of self-confidence among adolescents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo ped. universiteta*, 2010, No 5, pp. 110–114.
25. Kondrat'eva N. P., Eremina E. V. The development of adolescent's self-confidence in the process of forming communicative competence. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*, 2014, No 4 (20), pp. 42–45.
26. Kopteva N. V. Ontological security and self-confidence. *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*, 2011, No 5, pp. 174–181.
27. Lapchik M. P. The pedagogy in terms of e-learning. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2013, No 2 (12), pp. 77–85.

© К. Ю. Плотников, 2016

Автор статьи – **Константин Юрьевич Плотников**, кандидат педагогических наук, Центр образования № 47 г. Иркутска, e-mail: zvukimus@mail.ru

Рецензенты:

В. В. Безденежных, кандидат психологических наук, гимназия № 25 г. Иркутска.

Я. В. Безрукова, кандидат технических наук, Центр общего и дополнительного образования Областного государственного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Институт развития образования Иркутской области».

УДК 378.1

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.170

Ю. Б. Дроботенко,

Омский государственный педагогический университет

ИЗМЕНЕНИЕ ЭТОСА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье представлены результаты исследования, раскрывающего сущностные черты этоса педагогической профессии, его структуру и основные изменения, которые происходят в этосе педагогической профессии под влиянием социокультурных процессов современного общества. На основе анализа работ по философии и социологии образования, педагогике автор даёт определение понятию этоса педагогической профессии, описывает модели этоса педагогической профессии и объясняет факторы, влияющие на его развитие и трансформацию. В представленных автором выводах содержится заключение о том, что этос педагогической профессии – это исторически обусловленное явление, детерминированное конкретными социокультурными рамками, достаточно устойчивое к изменениям и обладающее «скрепляющим» свойством, которое задаёт ценностно-нормативные ориентиры профессиональной деятельности педагогов. Результаты проведённого исследования можно использовать для объяснения и прогнозирования изменений в развитии педагогической профессии, изменений в профессионально-педагогических ценностях и нормах, изменений профессиональной идентичности педагогов.

Ключевые слова: педагогическая профессия, этос, модели этоса, этос педагогической профессии, профессионально-педагогические ценности и нормы, профессионально-педагогическое сообщество, профессиональная идентичность учителя, изменения, социокультурные условия.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-06-00251

Сегодня не утихают дискуссии, обсуждения, споры по поводу того, что представляет собой учитель в современном мире, каково современное понимание педагогической профессии и что меняется в профессиональной деятельности педагога в условиях складывающейся новой социальной реальности. Выдающийся учёный-математик и мыслитель XX века Н. Н. Моисеев сказал: «Человечество подошло к порогу, за которым нужны и новая нравственность, и новые знания, новый менталитет, *новая система ценностей*. Создавать их будет учитель... тот, кто создаёт систему формирования, сохранения и развития коллективных знаний, нравственности и памяти народа, передачи всего накопленного следующим поколениям, и всех людей, которые способны внести в мир элементы душевной тревоги за их будущее и будущее своего народа, а в нынешних условиях – и будущее планетарной цивилизации. Именно та нация, которая сегодня сумеет создать более совершенную систему «УЧИТЕЛЬ», сделается лидером XXI века!» [1].

В условиях трансформации традиционных социокультурных ориентиров (норм, ценностей, принципов и т. п.), развития многообразия социокультурных контекстов всё чаще стали говорить о необходимости поиска новых ценностно-смысловых оснований педагогической деятельности и изучения *этоса* педагогической профессии (В. И. Бакштановский, М. В. Богданова, Н. А. Мартыанова, Е. З. Мирская, О. С. Ситникова, Ю. В. Согомонов и др.).

Этос в переводе с греческого означает «нрав», в переводе с английского – «обычай», «идеал», «стиль жизни». Старейшее значение прилагательного *professed* означает «посвящённый», «прошедший процедуру посвящения» (Эверетт Хьюз) [2]. Таким образом, представители той или иной профессии – это люди, «посвящённые» в тайны какого-либо мастерства, носители определённого знания, философии, идеи. Исходя из этого, профессионал – это некий идеальный образ представителя той или иной профессии, основным ценностным ориентиром которого является профессиональный долг и общественное благо, а также он наделяется определённым социальным статусом в соответствии с уровнем его признания в определённом профессиональном сообществе.

Первоначальный импульс исследования проблемы этоса профессиональных групп был задан работами, определившими его как *сложное социальное и культурное явление*, которое невозможно свести ни к морали, ни к стереотипам.

На сегодняшний день понятие этоса *не имеет однозначного определения*. Говоря об *этосе профессии*, исследователи соотносят это понятие со стилем, образом жизни какой-либо профессиональной общности, в основу которого положены определённые ценности, моральные ориентиры, этические нормы и т. п. (М. Осовская). В понятие этоса профессии входит и присущий представителям той или иной профессии стиль мышления, особое отношение к профессиональной деятельности (М. Вебер). Некоторые исследователи определяют этос профессии через систему сложившихся ценностных предпочтений людей, занимающихся той или иной профессиональной деятельностью (М. Шелер, Р. Мертон). Исходя из этого, этос – это *своеобразие ценностей и норм, разделяемых представителями той или иной профессии, и формирующее это своеобразие правило*.

М. Осовская убеждена, что термин «этос» применяется к *группам*, а не к индивидам. Его объём выходит за рамки ценностей, которыми занимается этика [3].

Социологическая концепция этоса (В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов) включает положения, описывающие основные направления развития этико-прикладного знания, в рамках которого понятием «этос» обозначается промежуточный уровень между нравами и моралью – между *сущим и должным*. Этос в данной концепции трактуется как реально-должное, выходящее за полюсы стихийного состояния нравов, с одной стороны, строгого порядка идеально-должного – с другой [4].

Описывая этос той или иной профессии, можно констатировать, что её членам присуща *склонность* решать профессиональные задачи *определённым образом*, добровольно подчиняться профессионально-нравственным требованиям к поведению, принятым в той или иной профессиональной общности (В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов).

Этос профессии *поддерживает положительные образцы* поведения представителей профессиональной группы, является скрепляющим началом для неформальных конвенциональных норм деятельности. Понятие этоса профессии тесно связано с концепцией так называемого «незримого колледжа» (Д. Прайс, Д. Крейн и др.) [5]. Незримый колледж означает совокупность профессионалов в какой-либо области, работающих над одним кругом проблем, как правило, в разных организациях и даже странах. Члены «колледжа» формально не связаны друг с другом, но имеют постоянную «обратную связь», собственные неформальные статусы и роли, принятые в своём кругу нормы и ценности. Данные сообщества имеют устойчивую неформальную структуру и функции. Близким «незримому колледжу» является понятие «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон, Т. Б. Щепанская и др.), принадлежность которому определяется профессиональной идентичностью человека и ориентацией на общие символы как маркеры идентичности. Воображаемое сообщество определяется через символы, которые обозначают общность и маркируют идентичность. Эта концепция открывает путь к исследованию «символического конструирования сообщества», т. е. роли разделяемых символов в определении границ сообщества, принадлежности к нему и его стратификации. А. П. Коэн определяет сообщество через ориентацию на общие символы, считая, что реальность сообщества в восприятии людей заключается в их принадлежности к общему полю символов.

Сегодня исследователи пытаются описать профессиональный этос через современное понимание профессии как социального феномена и фактора личностной мотивации. В этих условиях особенно значимым является такое свойство этоса, как *удержание* нравственно-солидаристических

связей профессиональной общности в ситуации их размывания (Е. Анчел) [6]. Согласно Е. Анчел, этос, в отличие от морали, концентрирует в себе такие нравственные начала, которые не проявляются в повседневной жизни и указывают на потребность человека в надэмпирическом нравственном порядке. Сложившиеся в той или иной профессиональной общности ценности и нормы становятся *ориентирами* профессиональной деятельности. Ценностные императивы задают профессионально-нравственные ориентиры отношения субъекта профессиональной деятельности к её объекту и результатам; ориентируют их на определённую профессионально-нравственную позицию в отношении результатов деятельности его коллег. Эти императивы *«скрепляют»* профессиональное сообщество для адекватного осуществления профессиональной деятельности (Р. Мертон). Подмена сложившихся ориентиров, ослабление внимания к ним со стороны профессионального сообщества приводят к деформациям профессии в целом.

В работах В. И. Бакштановского, Ю. В. Согомонова встречаются следующие признаки, характеризующие феномен этоса, которые можно отнести и к этосу профессии:

- этос – ценностный культурный код, элемент нормативно-ценностной системы профессиональных и надпрофессиональных практик, характеризующий реально-должное в таких практиках;
- этос – ориентир и регулятор современных институционализированных практик в координатах «здесь и сейчас»;
- этос выделяет институцию как специфическое социокультурное поле, выступая ресурсом поддержания её идентичности в ситуации самоопределения.

Устанавливая соотношение понятий профессиональной морали и профессионального этоса, следует сказать, что этос относится к верхней границе иерархической структуры феномена морали (имеющего донормативный, нормативно-ценностный, сверхнормативный ярусы), а именно к его донормативному уровню, и отражает *добровольное подчинение* представителей той или иной профессии профессионально-нравственным требованиям к их поведению. С другой стороны, этос вносит существенные изменения в конфигурацию властных отношений современного общества и предназначен для *уменьшения зависимости* одного лица от другого, возникающей ввиду различий их общественных функций и профессиональных статусов, для преодоления влияния патерналистских моделей в отношениях между людьми [7].

Р. К. Хорн в качестве существенных *характеристик этоса* профессиональной группы выделяет следующие: высокие моральные стандарты профессиональной деятельности, альтруистическую ориентацию профессионалов, обязательную качественную подготовку к профессиональной деятельности, непрерывное профессиональное развитие, наличие формального профессионального сообщества, относительную независимость профессионала, статус профессии в обществе. Авторы сходятся во мнении, что этос профессионального сообщества нужно рассматривать в контексте более цельного явления профессиональной морали, где можно выделить *рефлексивную, рационализированную и кодифицированную* части, относящиеся к понятию профессиональной этики, а также *стихийную* часть, составляющую профессиональный этос (В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов, О. П. Зубец).

Таким образом, возникнув как комплекс профессиональных норм и ценностей, этос профессии выполняет важные *социокультурные функции*: формирование групповой и индивидуальной профессиональной идентичности; самоорганизацию профессиональных сообществ; контроль за качеством осуществляемой профессиональной деятельности (О. С. Ситникова).

В зарубежной психолого-педагогической литературе ряд исследований посвящён систематизации идей и представлений об этосе педагогической профессии, а также предложены его *модели*.

Так, группа немецких учёных (Ю. Баумерт, М. Кантер, М. Маурер-Венгорц, С. Оффенбах, С. Форстер-Хайнзер, Х. О. Эрнст) отмечает недостаточность работ, посвящённых описанию понятия *этос педагогической профессии*, его сущностных характеристик и специфики. С. Форстер-Хайнзер подчёркивает, что этос педагогической профессии описывается сегодня в основном в таких терминах, как «профессиональные принципы», «личностное развитие», «самоконтроль», «нравственные качества», т. е. в контексте теории личности. Всё это, в той или иной степени, связано с уровнем компетенции педагога. Ю. Баумерт говорит, что этос проявляется в компетенции педагога, которая отражает сформированность его личностно-профессиональных качеств и качество полученного образования. Но понятие этоса педагогической профессии, по мнению немецких исследователей, гораздо шире и требует концептуализации и дальнейшего развития. Они *выделяют две группы моделей этоса педагогической профессии*: первая основывается на понимании этоса как некой

характеристики личности профессионала, проявляющейся в высоком уровне профессионализма, основанного на принципах морали (К. В. Дёринг, Х. Гизеке, Дж. Годланд, К. Сиротник, Р. Содер и др.); вторая представляет этос как сложное иерархическое образование, которое может рассматриваться как на уровне личности профессионала, так и на уровне всего профессионального сообщества (Н. Вехрлин, Т. Кезар, Р. Смит, Г. МакЛафлин, С. Форстер-Хайнзер и др.). Н. Вехрлин подчёркивает, что о *сформированности* этоса профессии можно говорить лишь в том случае, если нормы и ценности профессиональной деятельности одобряются и *разделяются всем профессиональным сообществом* [8].

Обобщая вышесказанное, в качестве основных составляющих этоса педагогической профессии можно выделить профессиональную мораль педагога и профессионально-педагогические ценности и нормы, которые присущи каждому конкретному педагогу и разделяются всем педагогическим сообществом; *на уровне личности педагога* – профессиональную идентичность педагога; *на уровне профессионально-педагогического сообщества* – наличие формальной группы или иного профессионально-педагогического образования и сложившийся статус педагогической профессии в обществе.

Представим краткую характеристику каждой из составляющих этоса педагогической профессии.

Профессиональная мораль педагога. В структуре профессиональной морали можно выделить рефлексивную, рационализированную и кодифицированную (нормативную) части, относящиеся к понятию профессиональной этики, а также стихийную (конвенциональную, договорную) часть – этос профессии. Современная педагогика представлена следующими морально-этическими категориями: *педагогическая справедливость, профессиональный педагогический долг, профессиональная честь и совесть, достоинство, педагогический авторитет, самодисциплина* (В. И. Андреев, Д. А. Белухин, А. К. Маркова и др.) [9]. Моральный аспект педагогической профессии предполагает личную ответственность каждого педагога за совершаемые действия. Он свободен в выполнении или нарушении этого морального долга. Как и для чего он использует свои профессиональные знания, умения и навыки, зависит от его профессиональной этики. В большинстве стран мира учителям до сих пор не удалось создать для самих себя с помощью своих профессиональных организаций кодекс профессиональной морали. И в нашей стране вместо чётко сформулированных норм педагогической морали действуют многочисленные ведомственные инструкции и правовые предписания. Моральные нормы, фиксируя правила или модели профессионального поведения в соответствии с нравственными представлениями, образуют некий желательный *стандарт*, в соблюдении которого заинтересованы профессионально-педагогическое сообщество, а также ученики и их родители.

Следует отметить, что определённая работа в этом направлении всё же ведётся, и в октябре 2014 года был принят Модельный кодекс профессиональной этики педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Кодекс представляет собой свод общих принципов профессиональной этики и основных правил поведения, которым рекомендуется руководствоваться педагогическим работникам организаций, осуществляющих образовательную деятельность, независимо от занимаемой ими должности. Кодекс служит основой для формирования взаимоотношений в системе образования, основанных на нормах морали, уважительном отношении к педагогической деятельности в общественном сознании, самоконтроле педагогических работников [10].

Профессионально-педагогические ценности и нормы. Своеобразие профессионально-педагогических ценностей и норм, которые разделяются представителями педагогической профессии, формирует стиль мышления, особое отношение к профессиональной деятельности. Профессионально-педагогические ценности и нормы носят неформальный конвенциональный характер, имеют определённую иерархию, содержательную направленность, занимают своё место в общей системе ценностей. Существует несколько классификаций педагогических ценностей (В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; С. Г. Вершловский и Дж. Хазард; Н. Ю. Гузева и др.). И. Ф. Исаев выстраивает следующую иерархию ценностей:

- социально-педагогические – ценности, которые функционируют в обществе и появляются в общественном сознании. Они представляют собой совокупность идей, представлений, норм, правил, традиций, регламентирующих педагогическую деятельность в рамках общества;

- профессионально-групповые – ценности, представляющие собой совокупность идей, концепций, норм, регулирующих и направляющих педагогическую деятельность в рамках определённых образовательных институтов. Эти ценности выступают ориентирами педагогической деятельности в определённых профессионально-педагогических группах (школа, лицей, колледж, вуз);

– личностно-педагогические – ценности, отражающие цели, мотивы, идеалы, установки и другие мировоззренческие характеристики личности педагога. Эти ценности проявляются в стиле педагогической деятельности, характере взаимоотношений, выстраиваемых педагогом и т. п. [11]

В рамках каждой из этих групп ценностей можно выделить набор конкретных ценностей и норм. Безотносительно какой-либо из обозначенных выше групп, приведём примеры педагогических ценностей: *ценность общения с детьми и коллегами, ценность занятия любимым делом, ценность постоянного профессионального совершенствования и личностного развития, ценность творческого характера педагогической деятельности, ценность социальных гарантий для педагогов и др.*

Профессиональная идентичность проявляется в осознании себя представителем педагогической профессии и профессионально-педагогического сообщества (Л. Б. Шнейдер). Профессиональная идентичность педагога является интегративным понятием, объединяющим в себе компоненты личностной и социальной идентичности, и отражается в устойчивом отношении к себе как к профессионалу, отношении к педагогической профессии, к членам профессионально-педагогического сообщества. Е. П. Жукова предлагает считать профессиональную идентичность символическим выражением профессионализма и облика профессионала. Профессиональная идентичность – это сложный конструкт, включающий в себя три элемента: *когнитивный* (знания, представления об особенностях профессионально-педагогического сообщества и осознание себя его членом); *аффективный* (чувство принадлежности к профессионально-педагогическому сообществу, эмоциональное отношение к месту и позиции в этом сообществе, эмоциональное переживание целостности, эмоционально окрашенный образ «Мы» и т. п.); *поведенческий* (набор поведенческих реакций, соответствующий представителям педагогической профессии). Л. Б. Шнейдер считает, что определяющими профессиональную идентичность педагога характеристиками выступают *позиционность, рефлексивность и ответственность* личности, позволяющие педагогу находиться в конгруэнтных отношениях с профессиональной деятельностью и профессионально-педагогическим сообществом. С. А. Дружилов включает в структуру профессиональной идентичности профессионально-важные качества и профессиональные отношения, обеспечивающие принятие профессии как личностно значимой [12].

От сформированности профессионально важных качеств педагога зависят успешность и продуктивность его профессиональной деятельности (В. Д. Шадриков). К таким качествам можно отнести: *активность личности, целеустремлённость, уравновешенность, способность не теряться в неординарных ситуациях, обаяние, честность, справедливость, педагогический гуманизм, эрудицию, педагогический такт, толерантность, дисциплинированность, педагогический оптимизм и др.* Кроме того, следует включить и такие качества, как *требовательность, ответственность, коммуникативность*. По мнению В. А. Мижерикова, М. Н. Ермоленко, данные качества являются доминантными [13].

Формальное профессионально-педагогическое сообщество. Под профессионально-педагогическим сообществом сегодня понимается самопроизвольно возникшая или целенаправленно созданная группа учителей, психологов, членов школьной администрации и т. п., определённым образом институтированная (оформленная) или неоформленная, призванная решать те или иные задачи школы (колледжа, вуза и т. п.) и самих членов объединения (М. М. Поташник) [14]. В настоящее время существует большое количество профессионально-педагогических сообществ, как формальных в рамках различных образовательных учреждений (школа, колледж, вуз, учреждения дополнительного образования и др.), так и неформальных (ассоциации, коллегии, сети и т. п.). С развитием информационных технологий появляются виртуальные профессионально-педагогические сообщества. Выделяют несколько типов профессионально-педагогических сообществ, решающих различные проблемы и преследующих определённые цели: сообщества, обеспечивающие решение социально-экономических, правовых и других вопросов педагогов (советы директоров школ, советы ректоров вузов и др.); сообщества, обеспечивающие процесс профессионального развития педагогов (объединения и организации, осуществляющие повышение квалификации, переподготовку кадров и др.); сообщества, помогающие педагогам в самовыражении и презентации профессиональных достижений (объединения, организующие конференции, съезды, конкурсы, мастер-классы и т. п.). Наличие формального профессионально-педагогического сообщества *способствует* внутригрупповой коммуникации, обмену информацией между педагогами; *стимулирует* педагогов к демонстрации лучших образцов своей деятельности; *помогает* педагогам приспосабливаться к меняющимся условиям социальной среды, дестабилизирующим их деятельность; *способствует* постоянному профессиональному и личностному развитию педагогов; *служит* механизмом регулирования деятельности педагогов и т. п. [15]

Статус педагогической профессии в обществе. Социальный статус педагогической профессии является основанием *упорядочения, формализации, регламентации отношений*, а также *мотивационным стимулом* для профессиональной деятельности педагогов. Оценка престижа педагогической профессии как интегрального показателя социального статуса в современной России неоднозначна. Можно выделить, по крайней мере, три позиции: научно-теоретическую, оценивающую педагогическую профессию очень высоко; государственную, декларирующую высокую оценку, а фактически достаточно низко оценивающую деятельность педагогов; оценку самих педагогов, которая является стабильно низкой [16]. Основными параметрами, отражающими социальный статус педагога, являются экономическое положение и уровень компетентности. Низкий социальный статус педагогической профессии в России предопределяет её социальную роль, которая характеризуется *консервативностью*, обусловленной *отставанием шаблонов поведения* учителей от поведенческих стереотипов обучающихся, их родителей, представителей других профессий. Анализ причин такого положения позволяет сделать следующие заключения: в настоящее время нет единства в отношении общих требований к педагогам; размытость требований приводит к тому, что освоение профессиональных ролей будущими и начинающими педагогами происходит на основе критерия субъективности, что выражается в неоднозначности и неравномерности освоения этих ролей; нередким случаем является принятие профессиональных ролей, которые в современном обществе квалифицируются как устаревшие.

Интересным представляется видение этоса педагогической профессии **Академией Учителей Сингапура (Academy of Singapore Teachers)** [17]. Согласно данной точке зрения, этос педагогической профессии включает такие *составляющие*, как:

- философия образования (доктрина) – составляет ядро ценностей и принципов педагогической профессии, служит основой профессиональной деятельности;
- ожидаемые результаты образования – обозначают цели для всего педагогического сообщества, формируют образовательную политику, являются основой разработки учебных программ;
- мировоззрение учителя (его профессиональная картина мира) – способствует интеграции профессиональной мотивации с теми профессиональными позициями (ролями), которые осваивает учитель в процессе своей профессиональной деятельности. Такая интеграция ведёт учителя к профессиональному мастерству;
- обязательства учителя (его профессиональный долг) – подразумевают его соглашение об обеспечении качества осуществляемой им профессиональной деятельности;
- кредо учителя (призвание) – выражается в понимании, принятии «неписанных» истин педагогической профессии, которые сложились на протяжении всего времени её существования, что служит ориентиром для учителя в выполнении его обязанностей, соблюдении обещания выполнять работу на самом высоком уровне.

Последнее время среди философов, социологов, педагогов участились дискуссии о том, как *меняется этос* современной профессии, в том числе и педагогической, какова динамика его развития, каковы риски таких изменений и предполагаемые социальные эффекты. Все исследователи сходятся во мнении, что структура этоса ненормативна, неформальна, имеет ценностную основу, а следовательно, более устойчива, чем нормативная, и труднее поддаётся изменениям. Встаёт очевидный вопрос: «Что *меняется* в этосе педагогической профессии и *меняется ли вообще?*».

М. Шелер выделяет *фактический и господствующий этосы*, но скорее речь идёт о *слоях этоса*. Фактический слой этоса содержит правила «предпочтения одних ценностей и небрежения другими», формирует структуру и содержание мировоззрения человека или группы, понимание ими мира, волю к обладанию вещами (к самоотдаче их или владению ими) [3]. Господствующий слой этоса содержит «нормирующиеся» представления, ценности, соотносящиеся с представлениями и ценностями «личностного образца», которые на определённом историческом этапе выработала социальная общность (группа, профессиональное сообщество, класс, общество, эпоха). Как правило, «личностные образцы» интуитивно схватывают, представляют и развивают одарённые харизмой «вожди» этой общности, лидеры её основных групп. Большая часть граждан, «масса», перенимает их у «вождей» путём непроизвольного и сознательного подражания.

Говоря об этосе педагогической профессии в России, можно сказать, что его *фактический слой* достаточно крепок, устойчив за счёт традиционных представлений (как самих педагогов, так и общественности) о процессе обучения и воспитания подрастающего поколения. Но ряд набирающих силу явлений, а именно: мощный процесс информатизации и технологизации образования

и общества в целом; коммерциализация образования, превращение образования в сферу услуг; усиление педагогической деятельности и, как следствие, интенсификация труда педагогов; усиление формальной стороны педагогической деятельности (отчёты, планы, журналы и т. п.) привели к появлению в *господствующем слое* этоса педагогической профессии иных «личностных образцов», демонстрирующих успешных, конкурентоспособных, предприимчивых представителей педагогической профессии. Смена *целевых* установок в профессиональной деятельности обусловила сдвиг в сторону *прагматической* ориентации педагогов. Нарастающее влияние на ценности и нормы педагогической деятельности *ценностей её организации* запустило механизм их *перестановки, перегруппировки, установления иной иерархичности и приоритетности*. В условиях повышения значимости конкурентоспособности педагогов (В. И. Андреев, Н. В. Борисова, Ю. О. Валитова, Б. Д. Парыгин и др.), их способности к участию в конкуренции, наблюдаются изменения в следующих взаимосвязях: ценностное отношение учитель – ученик (отношение к ученику как клиенту); ценностное отношение учитель – творчество, инновации (отношение к творчеству как источнику материальной выгоды); ценностное отношение учитель – профессия, восприятие её как миссии, призвания, предназначения (отношение к работе как к возможности приобрести определённый социальный статус, определённое социальное положение).

Предполагается, что обозначенные направления изменений в этосе педагогической профессии будут развиваться дальше. Согласно «Атласу новых профессий», который был составлен и представлен Московской школой управления «Сколково» и Агентством стратегических инициатив в начале 2014 г., в сфере образования к 2030 году ожидается появление ряда новых профессий: модератор, тьютор, организатор проектного обучения, координатор образовательной онлайн-платформы, ментор стартапов, игромастер, игропедагог, разработчик образовательных траекторий, тренер по майнд-фитнесу, разработчик инструментов обучения состояниям сознания [18].

Исходя из этого, можно предположить, что востребованными на рынке труда будут такие виды компетенций у педагогов, как *менеджерские и организаторские компетенции, предпринимательские компетенции, информационные и технические компетенции, аниматорские компетенции, психологические компетенции, смарт-компетенции* (компетенции, связанные с управлением сознанием). Основой таких компетенций являются *целеустремлённость и инициативность, способность быть лидером, деловитость, коммуникабельность и презентативные умения, мобильность и способность к риску, стрессоустойчивость и эмоциональная устойчивость, самодисциплина и др.*

Таким образом, подводя итог **теоретическому исследованию** феномена этоса педагогической профессии, хотелось бы представить следующие заключения:

1. Этос педагогической профессии *исторически обусловлен* и существует всегда в *конкретных социокультурных рамках*. Этос педагогической профессии – это феномен, занимающий промежуточный уровень между нравами и идеалами, которые выражаются в тех *ценностях и значениях*, которые разделяются педагогами. В этой связи можно говорить о развитии этоса или о «сворачивании» этоса до уровня нравов.

2. *Усиление значимости* этоса педагогической профессии, актуализация вопросов этоса педагогической профессии в профессионально-педагогическом сообществе, повышенный интерес исследователей из разных областей знаний объясняются ситуацией дестабилизации социального порядка, вызванной глубинными социальными изменениями. На сегодняшний день исследования этоса педагогической профессии носят преимущественно поисковый характер, когда социальные связи и отношения, составляющие его предмет, являются во многом латентными (скрытыми, неочевидными, невидимыми), проявляясь лишь через некоторые опосредованные характеристики объекта (этоса педагогической профессии) – демонстрируемые морально-этические нормы педагогической деятельности, ценности педагогической деятельности, характеристики взаимоотношений внутри профессионально-педагогического сообщества и др.

3. Этос педагогической профессии является *механизмом нормативно-ценностной регуляции и поддержки* осуществляемой педагогами профессиональной деятельности. Этос задаёт ценностно-нормативные ориентиры педагогической деятельности в ситуации «здесь и сейчас» (П. Бергер, Т. Лукман). Этос способствует ориентации педагогической профессии на её предназначение в обществе и побуждает педагогов к «самовозложению» ответственности за её результаты. В этосе содержится «скрепляющее» профессионально-педагогическое сообщество свойство – поддерживать профессионально-педагогическую деятельность как социальную практику в соответствии с её предназначением в обществе.

4. Этос педагогической профессии обозначает «контуры ценностных ориентаций» педагогов, оформляя «сознание» профессионально-педагогического сообщества (С. П. Парамонов). Проявлением сформированности этоса педагогической профессии является *репрезентативность* норм, ценностей и т. п., разделяемых и одобряемых профессионально-педагогическим сообществом. Этос является ресурсом *поддержания идентичности* профессионально-педагогического сообщества в ситуациях его развития и самоопределения. Этос характеризует отношения связанности: формы (способа существования профессионально-педагогического сообщества), способа деятельности (педагогическая деятельность) и стиля мышления (педагогическое мышление).

5. Этос педагогической профессии достаточно *устойчив к изменениям*, происходящим в обществе, это «*прививка, когда состав вакцины меняется, становится более совершенным, но её суть и назначение остаётся всегда одинаковой*». С другой стороны, этос формирует ценности, нормы и принципы избирательного восприятия педагогической реальности, которые способны не только подтвердить или укрепить эту реальность, но и трансформировать её. Так, например, появление новых «личностных образцов» педагогической деятельности, демонстрирующих успешных, конкурентоспособных, предприимчивых представителей педагогической профессии, *перестраивает иерархию* ценностей, норм и принципов педагогической деятельности. Сегодня наблюдается сдвиг в сторону прагматической ориентации педагогов. Таким образом, этос участвует в построении возможного будущего педагогической профессии, конструируя это будущее через нормирование новых образцов педагогической деятельности и ценностных ориентаций педагогов.

Библиографический список

1. Моисеев, Н. Н. Система «УЧИТЕЛЬ» и современная экологическая обстановка. – Режим доступа: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=813>
2. Хьюз, Э. Социальная роль и разделение труда // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 46–52.
3. Богданова, М. В. Этос современного отечественного университета (как возможна социология этоса) : научная монография / отв. ред. В. И. Бакштановский. – Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2010. – 220 с.
4. Бакштановский, В. И. Этос / Этика. Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2001. – С. 600; Они же: Введение в прикладную этику : монография. – Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006.
5. Этика науки. Вестники. Вып. 18 / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. – Тюмень : НИИ ПЭ, 2001. – 244 с.
6. Анчел, Е. Этос и история. – М. : Прогресс, 1988. – С. 4.
7. Бакштановский, В. И. Введение в прикладную этику : монография / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов. – Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. – 392 с.
8. Forster-Heinzer S. Against All Odds. An Empirical Study about the Situative Pedagogical Ethos of Vocational Trainers. Publisher: Sense Publishers. – 2015.
9. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. М. Борытко, И. А. Соловцова, А. М. Байбаков; под ред. Н. М. Борытко. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 496 с.
10. Модельный кодекс профессиональной этики педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/4517>
11. Исаев, И. Ф. Становление и развитие профессионально-педагогической культуры в условиях непрерывного образования : коллективная монография / под ред. И. Ф. Исаева. – Белгород – Ст. Оскол – СОФ БелГУ. – 2008.
12. Шакурова, А. В. Профессиональная идентичность учителей как субъектов трудового поведения. – Н. Новгород : НИСОЦ, 2014.
13. Мижериков, В. А. Введение в педагогическую деятельность : учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / В. А. Мижериков, М. Н. Ермоленко. – М. : Педагогическое общество России, 2002. – 268 с.
14. Профессиональные объединения педагогов / под ред. М. М. Поташника. – М. : Педагогическое общество России, 2002. – 144 с.
15. Введенский, В. Н. Развитие профессионально-педагогического образования через педагогические сообщества // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2013. – № 11. – С. 21–27.
16. Введенский, В. Н. Развитие педагогической профессии как социального института: теория, методология, практика : монография. – СПб : ИОВ РАО, 2004. – 230 с.
17. Ethos of the Teaching Profession – <http://www.academyofsingaporeteachers.moe.gov.sg/professional-excellence/ethos-of-the-teaching-profession>
18. Атлас новых профессий / Агентство стратегических инициатив. Сколково. – Москва, 2014. – <http://atlas100.ru/>

Y. B. Drobotenko, Omsk State Pedagogical University

THE ALTERATION OF THE ETHOS OF TEACHING PROFESSION IN MODERN SOCIOCULTURAL CONDITIONS

The article presents the results of the research showing the characteristic features of the ethos of teaching profession, its structure and the main changes that going on in the ethos of teaching profession in the sociocultural context of modern society. Presenting the analysis of studies from such fields of knowledge as philosophy of education, sociology of education and pedagogy, the author clarifies the notion of the ethos of teaching profession, describes the models of the ethos of teaching profession and considers the factors that influence on its development and transformation. The results and research findings presented by the author contain a conclusion that the ethos of teaching profession is a historically conditioned phenomenon developing within the framework of certain sociocultural context and is rather resistant to changes. The ethos of teaching profession has a "binding" feature that determines values and norms of teachers' professional activity. The research outcomes can be used for explaining and predicting changes in teaching profession development, changes in professional pedagogical values and norms, changes in teachers professional identity.

Keywords: teaching profession; ethos; models of ethos; ethos of teaching profession; professional pedagogical values and norms; professional pedagogical community; professional identity of teachers; changes; sociocultural conditions.

References

1. Moiseev N. N. Sistema «UChITEL'» i sovremennaya ekologicheskaya obstanovka [The "TEACHER" system and the current environmental situation]. Available at <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=813>
2. Kh'yuz E. Social role and division of labour. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, No. 8, pp. 46–52.
3. Bogdanova M. V. Etos sovremennogo otechestvennogo universiteta (kak vozmozhna sotsiologiya etosa) [The ethos of the modern domestic University (as a possible sociology of ethos)] Scientific monograph ed. by Bakshtanovskiy V. I. Tyumen, Institute of applied ethics TyumGNGU Publ., 2010, 220 p.
4. Bakshtanovskiy V. I. Ethos. Etika. Entsiklopedicheskiy slovar'. Ed. by Apresyana R. G., Guseynova A. A. Moscow, Gardariki Publ., 2001, p. 600.
5. The ethics of science. *Vedomosti*. Issue 18, ed. by Bakshtanovskiy V. I., Karnaukhova N. N. Tyumen, NII PE Publ., 2001, 244 p.
6. Anchel E. Etos i istoriya [Ethos and history]. Moscow, Progress Publ., 1988, p. 4.
7. Bakshtanovskiy V. I., Sogomonov Yu. V. Vvedenie v prikladnyuyu etiku [Introduction to applied ethics], Tyumen, Institute of applied ethics TyumGNGU Publ., 2006, 392 p.
8. Forster-Heinzer S. Against All Odds. An Empirical Study about the Situative Pedagogical Ethos of Vocational Trainers. Sense Publishers, 2015.
9. Borytko N. M., Solovtsova I. A., Baybakov A. M. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, Academia Publ., 2007, 496 p.
10. Model'nyy kodeks professional'noy etiki pedagogicheskikh rabotnikov organizatsiy, osushchestvlyayushchikh obrazovatel'nyuyu deyatel'nost' [Professional ethics model code of pedagogical employees of organizations engaged in educational activities]. Available at <http://минобрнауки.рф/документы/4517>
11. Isaev I. F. Stanovlenie i razvitie professional'no-pedagogicheskoy kul'tury v usloviyakh nepreryvnogo obrazovaniya [The formation and development of professional and pedagogical culture in the context of lifelong education]. Collective monograph ed. by Isaev I. F. Belgorod, SOF BelGU Publ., 2008.
12. Shakurova A. V. Professional'naya identichnost' uchiteley kak sub'ektiv trudovogo povedeniya [Professional identity of teachers as subjects of labor behavior]. N. Novgorod, NISOTs Publ., 2014.
13. Mizherikov V. A., Ermolenko M. N. Vvedenie v pedagogicheskuyu deyatel'nost' [Introduction in pedagogical activity]. Moscow, Pedagogical society of Russia Publ., 2002, 268 p.
14. Professional'nye ob'edineniya pedagogov [Professional Association of Teachers] ed. by Potashnik M. M. Moscow, Pedagogical society of Russia Publ., 2002, 144 p.
15. Vvedenskiy V. N. The development of professional-pedagogical education with the aid of pedagogical community. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2013, No. 11, pp. 21–27.
16. Vvedenskiy V. N. Razvitie pedagogicheskoy professii kak sotsial'nogo instituta: teoriya, metodologiya, praktika [The development of the teaching profession as a social institution: theory, methodology, practice]. SPb, IOV RAO Publ., 2004, 230 p.
17. Ethos of the Teaching Profession. Available at <http://www.academyofsingaporeteachers.moe.gov.sg/professional-excellence/ethos-of-the-teaching-profession>
18. Atlas of new professions. Agentstvo strategicheskikh initsiativ. Skolkovo, Moscow, 2014, available at <http://atlas100.ru/>

© Ю. Б. Дроботенко, 2016

Автор статьи – **Юлия Борисовна Дроботенко**, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: drobotenko@omgru.ru

Рецензенты:

С. Н. Голерова, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Н. В. Чекалева, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

П. И. Фролова,

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПОНЯТИЯ «ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ» В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

В статье представлены этапы развития понятия «грамотность». В исследовании разработана периодизация трансформации (эволюции) понятия «функциональная грамотность» в педагогической теории и практике в различные исторические эпохи. Показано, как расширялось понятие «грамотность» до понятия «функциональная грамотность как основа развития компетентности» в связи с ростом требований общества к развитию индивида. В современной педагогике функциональная грамотность рассматривается как основа для развития компетентности.

Ключевые слова: грамотность, функциональная грамотность, компетентность, расширение понятия, периодизация, этапы развития, функциональная грамотность как основа для развития компетентности.

Понятие «функциональная грамотность» в настоящее время является достаточно новым в педагогической науке. Термин возник в последней трети XX века в ответ на глобальные вызовы современности, связанные с переходом общества от индустриальной эпохи к постиндустриальной, в противовес ранее используемому понятию «грамотность» в международной образовательной практике. В исследовании разработана периодизация, по которой прослеживается эволюция понятия «функциональная грамотность» в педагогической теории и практике в различные исторические периоды: от понятия «грамотность» до расширенного понятия «функциональная грамотность», а в дальнейшем до понятия «функциональная грамотность как основа развития компетентности» в связи с ростом требований общества к развитию и уровню образованности индивида.

1. Период становления и развития ценностного отношения к пониманию проблемы грамотности в общественной жизни.

Первые упоминания о проблеме грамотности как общественного феномена отечественной педагогической теории и практики встречаются в летописных источниках X–XI вв. и связаны с просветительской деятельностью князей Владимира Святославовича и Ярослава. Вологодско-пермская летопись сообщает, что «князь великий Володимер, собрав детей 300, вдал учить грамоте». Сын князя Владимира Ярослав Мудрый в годы своего княжения открывал школы «ученья книжного» не только в Киеве, но и в Новгороде [1].

Постепенно в обществе зарождается ценностное отношение к пониманию проблемы грамотности на государственном уровне. В XVI веке существенно возрастает значение проблемы грамотности и образования в связи с быстрым темпом развития государства. В 1551 году, в период правления Ивана Грозного, Стоглавый собор наравне с актуальными государственными проблемами укрепления централизованной власти рассматривает также вопросы, касающиеся развития просвещения в стране. В постановлении Стоглавого собора предписываются конкретные меры распространения грамотности: «... у священников учинити в домах училища, чтобы священники ... и все православные христиане в коемждо граде давали своих детей на учение грамоте, книжного писма и церковного пения, и те бы священники избранные учили своих учеников страху Божию и грамоте, и писати, и пети, и чести со всяким духовным наказанием» [2].

Во всех вышеперечисленных случаях проблема грамотности понимается как проблема достижения элементарной грамотности. При этом грамотность как умение читать рассматривается в отдельности от умения самостоятельно писать. Данная тенденция раздельного оценивания чтения и письма как составляющих элементов образованности человека продолжалась в течение нескольких столетий: практически до конца XIX века грамотным называли человека, который умеет читать и писать, при этом человека, умеющего только читать, называли скудограмотным, малограмотным или полуграмотным, подобное понимание нашло отражение в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [3].

В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (период создания словаря датируется концом XIX – началом XX века) под словом «грамотный» также подразумевается

человек, умеющий читать и писать на каком-либо языке. Авторами особо уточняется, что «в более точном смысле это слово применяется лишь к людям, умеющим читать и вместе с тем писать, в отличие от людей «полуграмотных», т. е. умеющих только читать» [4].

II. Период массового обучения грамотности детей и неграмотного взрослого населения.

После Октябрьской революции проблема массовой неграмотности населения рассматривается как острая социальная проблема, требующая немедленного практического решения. В 1919 году декрет Совета народных комиссаров обязывает обучиться грамоте всему населению советской республики в возрасте от 8 до 50 лет. В 1918 году проведена давно назревшая и долго подготавливаемая реформа русской орфографии, что в дальнейшем намного упростило процесс обучения широких масс населения. В 1920 году при Наркомпросе создаётся Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. В рамках деятельности комиссии открываются курсы для учителей-ликвидаторов неграмотности, создаётся первый советский букварь для обучения взрослых, в городах и деревнях создаются пункты по ликвидации неграмотности, вводится система всеобщего начального обучения. Существование неграмотности в стране воспринимается как явление, тормозящее начавшуюся индустриализацию производства [5].

Мероприятия по ликвидации неграмотности осуществлялись с 1919 года по 1930-е годы и вошли в историю педагогики как первое массовое и обязательное (инициированное государством) обучение грамоте неграмотных взрослых и подростков школьного возраста. В результате проделанной работы к началу 1950-х годов неграмотность в Советском Союзе была практически полностью ликвидирована.

В данный период грамотность понимается как обладание человеком умением читать и писать на родном или русском языке. Подобный взгляд на проблему грамотности сохранялся достаточно долго: вплоть до 80-х годов XX века грамотность главным образом понимается как умение читать и писать. Словари русского языка, педагогические справочники, энциклопедические словари фиксируют единое значение термина грамотность – определённая степень знания законов и правил родного языка в сочетании с навыками устной и письменной речи.

III. Период исследования проблемы грамотности на международном уровне.

В 50-х годах XX века проблема грамотности населения начинает рассматриваться не только как проблема отдельно взятой страны, но и на международном уровне в связи с созданием в 1945 году Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Многолетние исследования ЮНЕСКО по проблемам распространения грамотности и повышения качества образования способствуют дальнейшему упорядочиванию используемой терминологии в данном вопросе. В международной практике появляется единое определение понятия «грамотность», созданное на основе разработанной структуры и детальной характеристики. Вопросы, связанные с проблемами грамотности в разных странах, систематически обсуждаются и рассматриваются международными экспертами применительно к созданию программ переписи населения с целью получения в дальнейшем достоверных статистических данных.

В 1958 году на 10-й сессии Генеральная конференция ЮНЕСКО вырабатывает рекомендации для всех стран: при проведении переписи населения считать грамотными только тех жителей, которые умеют читать тексты с пониманием прочитанного и в состоянии написать краткое изложение о своей повседневной жизни. При этом полуграмотным человеком рекомендуется считать лицо, умеющее только читать [5].

На основе анализа вышеназванных рекомендаций можно сделать вывод, что понимание полуграмотного человека в международных документах ЮНЕСКО остаётся вполне традиционным, а в понимании грамотного человека появляются некоторые ранее не принимавшиеся во внимание аспекты оценки грамотности, а именно: умение понимать прочитанное и писать о собственной жизни. При этом грамотность рассматривается в качестве одного из важнейших показателей уровня социального развития государства и общества. Дальнейшее рассмотрение и изучение новых аспектов оценки грамотности послужит импульсом к полной переоценке понятия «грамотность» на последующих этапах развития общества.

IV. Период разграничения понятий «грамотность» и «функциональная грамотность».

В 70-х годах XX века начинается постепенный пересмотр и переосмысление понятия «грамотность» в международной образовательной практике. Изменения в общественной жизни вынуждают отойти от традиционного элементарного понимания грамотности и приводят к значительному расширению исследуемого понятия «грамотность». Первичное документальное закрепление

данного процесса происходит в 1965 году на Всемирном конгрессе министров просвещения в Тегеране, где впервые было предложено использовать термин «функциональная грамотность».

В 1978 году ЮНЕСКО производит переработку текста ранее предложенных рекомендаций о международной стандартизации статистических данных в сфере образования. В новой редакции этого документа «функционально грамотным считается только тот, кто может принимать участие во всех видах деятельности, в которых грамотность необходима для эффективного функционирования его группы и которые дают ему также возможность продолжать пользоваться чтением, письмом и счётом для своего собственного развития и для дальнейшего развития общины (социального окружения)» [6].

Осознание проблемы неоднородности в восприятии грамотности связывается с анализом многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что неграмотность населения наблюдается не только в развивающихся, но и в развитых странах. Начавшийся переход от индустриального общества к постиндустриальному обнаружил необходимость рассмотрения грамотности как двойственного явления, во-первых, как проблему достижения элементарной грамотности большинством населения в развивающихся странах и, во-вторых, как проблему достижения функциональной грамотности в промышленно развитых странах в противовес к наблюдаемой функциональной безграмотности у достаточно больших групп населения.

В это же время начинают проводиться первые исследования уровня функциональной грамотности в высокоразвитых странах. Работы С. А. Тангяна позволяют проследить обобщённые результаты изучения функциональной грамотности, которые свидетельствуют о том, что уровень образования, существующий у населения, очень часто не может обеспечить (гарантировать) функциональную грамотность, так как жизнь личности в современном обществе сопровождается быстрой сменой технологических разработок, идей, отдельных предметов быта, появлением новых знаний. Образовательная система практически любой страны в подобных условиях оказывается в заведомо проигрывшем состоянии и не может вовремя подготовить своих граждан к существованию в новых условиях. Невозможно предоставить обучаемым полный набор информации и знаний, обучить всем умениям и навыкам, которые пригодятся в будущей жизнедеятельности, невозможно гарантировать долговременную работу в выбранной профессии, так как профессия может потерять актуальность в связи с научно-технической модернизацией, но можно научить человека приспосабливаться к социальным изменениям и гибко реагировать на вызовы постиндустриального общества. Исходя из определения ЮНЕСКО, С. А. Тангян конкретизирует отдельные аспекты и предлагает считать функциональной грамотностью повышаемый по мере развития общества уровень знаний и умений, в частности, умения читать и писать, необходимого для полноценного и эффективного участия в экономической, политической, гражданской, общественной и культурной жизни своего общества и своей страны, для содействия их прогрессу и для собственного развития [7].

Очень схожие результаты получены во многих западных высокоразвитых странах, отмечается в монографии П. И. Фроловой [8]. Специалисты приравнивают к функционально неграмотным до 10 % активного и трудоспособного населения западноевропейских стран. В Англии выявлено более 20 %, что составляет примерно 7 миллионов человек функционально безграмотных граждан страны. В Германии функциональная неграмотность обнаруживается у 3 миллионов жителей.

На конгрессе ЮНЕСКО приводятся данные о том, что примерно треть населения США в возрасте до 30 лет, то есть самого активного и трудоспособного возраста, является функционально безграмотной. По статистическим данным 1985 года, почти 7 миллиардов долларов в год США приходилось затрачивать для того, чтобы содержать в федеральных тюрьмах заключённых, которые были осуждены за непреднамеренно совершённые преступления вследствие своей функциональной неграмотности. При этом общие потери экономики, возникшие как результат преодоления последствий функциональной неграмотности, доходят до 20 миллиардов долларов в год (основные затраты идут на ремонт повреждённого оборудования, выплату страхового возмещения, лечение травм и т. д.). По данным вооружённых сил США, пятая часть совокупных расходов военного бюджета, выделяемого для подготовки новобранцев, направляется на устранение существенных пробелов в знаниях за курс обучения средней школы.

Около 3 миллионов совершеннолетних граждан Канады в 1987 году причислены к группе функционально безграмотных, что составляло в то время почти 30 % от всего населения (из них 8 % опрошенных имеют высшее образование и более 80 % окончили школьный курс обучения). На практике функциональная неграмотность населения проявляется в ситуациях, когда взрослые не

способны верно и в нужном месте написать адрес на почтовом отправлении, при приёме лекарств не понимают предупреждений и ограничений, написанных на упаковке, не обращают внимания на сроки годности употребляемых в пищу продуктов, не в состоянии следовать разработанным инструкциям при работе с бытовыми приборами и промышленным оборудованием. Многие крупные компании для преодоления функциональной неграмотности в целях предупреждения несчастных случаев на производстве предлагают своим работникам пройти специальные программы подготовки по усовершенствованию навыков чтения.

В России международные эксперты оценивают количество людей, испытывающих проблемы в процессе письма, чтения, работы с числами из-за наличия функциональной неграмотности, в пределах от 25 до 40 % от общего количества населения страны [8].

В конце 80-х годов XX века расширение понятия «грамотность» начинает постепенно отражаться в словарях: в 1987 году в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова словарное значение прилагательного «грамотный» толкуется подобным образом: «1. Умеющий читать и писать, а также умеющий писать грамматически правильно, без ошибок. 2. Обладающий необходимыми знаниями, сведениями в какой-либо области. 3. Выполненный без ошибок, со знанием дела».

Аналогичное значение фиксируется в современном русском языке у термина «грамотность» и через два десятилетия в «Толковом словаре русского языка» (2006 г.) С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [9].

В данный период в обществе происходит осознание социально-экономической составляющей функциональной грамотности. Становится очевидно, что функциональная грамотность имеет культурно-исторический характер, являясь, с одной стороны, частью образования и культуры, а с другой стороны – частью общественно-экономической формации.

V. Период включения понятия «функциональная грамотность» в проблемное поле компетентностного подхода в образовании.

Несколько десятилетий функциональная грамотность изучается авторитетными международными организациями. В 1990 году под эгидой ЮНЕСКО проводился Международный год грамотности. Организация Объединённых Наций объявила на Генеральной Ассамблее о проведении Десятилетия грамотности в самой широкой интерпретации данного понятия с 2002 по 2012 гг. Современная трактовка функциональной грамотности представлена в декларации «Десятилетие грамотности ООН», в которой разъясняется, что в новых условиях жизнедеятельности концепция грамотности становится крайне сложной, показывается, как влияет грамотность на изменение персонального и национального благосостояния. Непосредственное достижение человеком грамотности подразумевается как нечто большее, чем получение только основных навыков грамотности. Основные навыки являются только предпосылкой для дальнейшего развития. Следующей целью является гарантия того, что личности должны быть способны «...полноценно и эффективно функционировать как члены сообщества, родители, граждане и работники, то есть речь идет о достижении функциональной грамотности – в противоположность элементарной (базовой) грамотности» [10].

Существует несколько признанных организаций, проводящих независимую международную оценку уровня функциональной грамотности как промежуточного или итогового образовательного результата в более чем 60 странах мира. К вышеперечисленным организациям относятся Международная ассоциация оценки образовательных достижений – IEA (International Association for the Evaluation of Educational Achievements); Международное сравнительное исследование качества математического и естественно-научного образования – TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study); Международная оценка образовательных достижений учащихся – PISA (Programme for International Student Assessment). В исследовании PISA оценивается функциональная грамотность 15-летних учащихся в области естествознания, математики и чтения, при этом первостепенное внимание направлено не на оценку имеющихся предметных знаний, а на выявление практических способностей при решении практико-ориентированных задач на основе различной разнородной информации, которая предъявляется в самых многообразных видах (тексты, графики, рисунки, формулы), то есть выявление тех знаний, умений и навыков, которые будут применяться учащимися в будущем. Результаты международных исследований наглядно демонстрируют, что в начале XXI века нельзя считать решённой проблему достижения функциональной грамотности даже в самых обеспеченных и экономически стабильных государствах. Следовательно, перед системой образования многих стран встаёт вопрос о необходимости создания и использования таких методов и технологий обучения, которые способствовали бы подготовке подрастающих поколений к успешному взаимодействию в изменяющихся жизненных ситуациях.

В современных педагогических исследованиях понятие «функциональная грамотность» рассматривается в проблемном поле компетентностного подхода, который начал активно разрабатываться в образовании в связи с переходом общества от образовательной парадигмы «образование на всю жизнь» к новой образовательной парадигме «образование через всю жизнь». Большинство разработчиков компетентностного подхода отмечает, что формирование компетенций развивающейся личности должно происходить с помощью средств содержания образования, в результате чего у обучаемого будут развиваться способности и появляется возможность решать реальные проблемы своей повседневной жизни: бытовые, производственные и социальные.

А. В. Хуторской особо подчёркивает, что структура образовательных компетенций включает в себя также составляющие функциональной грамотности как интегративной характеристики уровня подготовки обучаемого, но не ограничиваются только ими [11].

В качестве одного из показателей уровня образованности в рамках компетентностного подхода рассматривает функциональную грамотность О. Е. Лебедев, который считает, что задача определения функциональной грамотности человека заключается в выявлении способности решать функциональные проблемы, с которыми он встречается, исходя из таких видов деятельности, как субъект обучения, общения, социальной деятельности, самоопределения, в том числе профессионального выбора. Для конкретизации данной задачи определяется несколько сфер деятельности. Все сферы жизнедеятельности человека чрезвычайно сложны, как и сама жизнь. Множество деятельностных проявлений, порожаемых собственным развитием личности, приводит к их бесконечному разнообразию. Одна и та же сфера в жизни разных людей может иметь разное значение и проявление, но есть некий минимум, своеобразный инвариант, содержащийся в каждой из сфер. Именно этот инвариант и образует структуру функциональной грамотности [12].

Уровень функциональной грамотности в рамках компетентностного подхода отражает сформированность умений действовать по принятым в обществе нормам, правилам, инструкциям, т. е. характеризуется способностью решать стандартные и нестандартные жизненные задачи, связанные с реализацией социальных функций человека. На сегодняшний день уделяется особое внимание документальному обеспечению реализации компетентностного подхода в образовании на всех уровнях. В разрабатываемых и внедряемых документах (фонд оценочных средств, паспорт компетенций, кластер компетенций и др.) прописывается компонентный состав каждой компетенции, а также указываются критерии оценки сформированности того или иного уровня компетенций. Но подобного рода информация редко оказывается доступной непосредственно для обучаемых, соответственно, обучаемый как субъект образования лишается возможности отслеживать собственный путь формирования компетенций и своевременно вносить коррективы в свой образовательный маршрут, отмечает А. В. Горина [13]. Что, в свою очередь, ставит под угрозу формирование и развитие функциональных умений, составляющих основу функциональной грамотности, так как ситуация «незнания» обучаемым собственных результатов учебной деятельности может привести к тому, что мотивационная и рефлексивная составляющие функциональной грамотности будут выражены в недостаточной степени. Соответственно, необходимо прилагать особые усилия для того, чтобы у обучаемых развивались направленность на осознание собственных образовательных потребностей, способность к формированию близких и дальних планов в соответствии с представлениями о своих подлинных возможностях, целях, обстоятельствах. Одним из средств достижения поставленной цели могут быть внедряемые методические разработки, предназначенные для самоконтроля формируемых компетенций [14].

Таким образом, в настоящее время исследователи единодушны во мнении, что формирование функциональной грамотности человека не может закончиться одновременно с окончанием школы, так как в условиях информационного общества данный процесс будет продолжаться всю жизнь в связи с постоянно происходящими изменениями в различных сферах деятельности, и человек будет поставлен перед необходимостью освоения новых норм и правил жизнедеятельности. Разработанная периодизация способствует систематизации научных точек зрения на эволюцию понятия «функциональная грамотность» в педагогической теории и практике в различные исторические периоды. Внимание современного общества нацелено на дальнейшее изучение феномена функциональной грамотности применительно к разным сферам деятельности человека. Функциональная грамотность как новое педагогическое понятие становится предметом досконального изучения в связи с ростом требований общества к уровню образованности индивида и рассматривается как одна из составляющих непрерывного образования развивающейся личности.

Библиографический список

1. Калинина, С. В. История отечественного образования VIII – начало XX вв: учебное пособие : хрестоматия / С. В. Калинина, В. В. Каширина. – Омск, 2000. – 408 с.
2. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века : учеб. пособие / под ред. А. И. Пискунова. – М. : ТЦ «Сфера», 2001. – 512 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1978. – Т. 1. – 390 с.
4. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь: в 86 полутамах с иллюстрациями и дополнительными материалами [Электронный ресурс] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/brokgause/Gramotnost-95447.html>
5. Российская педагогическая энциклопедия / под ред. В. Г. Панова. – М. : Большая российская энциклопедия, 1993. – 1160 с.
6. UNESCO. Revised Recommendation concerning the International Standardization of Educational Statistics.http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13136&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html General Conference of UNESCO. Paris, 27.09.1978, p. 19.
7. Танган, С. А. «Новая грамотность» в развитых странах / С. А. Танган // Советская педагогика. – 1990. – № 1. – С. 3–17.
8. Фролова, П. И. Формирование функциональной грамотности как основа развития учебно-познавательной компетентности студентов технического вуза в процессе изучения гуманитарных дисциплин : монография / П. И. Фролова. – Омск : СибАДИ, 2012. – 196 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 2006. – 944 с.
10. United nations Literacy Decade : education for all; International Plan of Action : implementation of general Assembly resolution 56/116, p. 4
11. Хуторской, А. В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А. В. Хуторской. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.
12. Лебедев, О. Е. Что такое качество образования? / О. Е. Лебедев // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 2. – С. 34–39.
13. Горина, А. В. Индивидуальная карта студента как методическое средство комплексной оценки сформированности компетенций / А. В. Горина // Фундаментальные и прикладные науки - основа современной инновационной системы : материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых [Электронный ресурс]. – Омск : СибАДИ, 2015. – Режим доступа: <http://bek.sibadi.org/fulltext/ESD1.pdf>, свободный после авторизации
14. Горина, А. В. Психолого-педагогическое сопровождение формирования профессиональной компетентности студентов в социальной проектной деятельности / А. В. Горина, П. И. Фролова // Вестник СибАДИ. – 2014. – № 5 (39) – С. 125–133.

P. I. Frolova, The Siberian Automobile and Highway Academy, Omsk

THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE «FUNCTIONAL LITERACY» CONCEPT IN EDUCATIONAL THEORY AND PRACTICE

The article presents the stages in the evolution of the concept «literacy». The paper elaborates the periodization of transforming the concept «literacy» in pedagogical theory and practice in different historical epochs. The author shows how the concept «literacy» extended to «functional literacy as the basis of developing competency» in connection with increasing social demands for the development of the individual. Five stages of historical development of transforming the concept «literacy» are defined by using theoretical research method. In contemporary pedagogics functional literacy is considered to be the basis of competence development.

Keywords: literacy, functional literacy, competence, extension of concept, periodization, stages of evolution, functional literacy as the basis of competence development.

References

1. Kalinina S. V., Kashirina V. V. *Istoriya otechestvennogo obrazovaniya VIII - nachalo XX : uchebnoe poisobie : hrestomatiya* [The history of national education VIII-early XX : teaching aid : reading-book]. Omsk, 2000, 408 p.
2. *Istoriya pedagogiki i obrazovaniya. Ot zarozhdeniya vospitaniya v pervobytnom obshchestve do kontsa XX veka : uchebnoe poisobie*. Edited by A. I. Piskunov [The history of pedagogics and education. From the origin of education in primitive society to the late XX century : teaching aid]. Moscow, «Sfera» Publ., 2001, 512 p.
3. Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. m. 1. Moscow, 1978. 390 p.

4. F. A. Brokgaus, I. A. Efron *Entsiklopedicheskij slovar'*: v 86 polutomah s illyustratsiyami I dopolnitel'nyimi materialami [Encyclopedic Dictionary : 86 volumes with illustrations and additional materials]. [Electronic resource] Available at: <http://enc-dic.com/brokgaus/Gramotnost-95447.html>
5. *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya* Edited by V. G. Panov [Russian pedagogical encyclopedia]. Moscow, Great Russian Encyclopedia.1993,1160 p.
6. UNESCO. Revised Recommendation concerning the International Standardization of Educational Statistics.http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13136&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html General Conference of UNESCO. Paris, 27.09.1978, p. 19.
7. Tangyan S. A. «New literacy» in developed countries. *Sovetskaya pedagogika*, 1990, no. 1, pp. 3-17.
8. Frolova P. I. *Formirovanie funktsional'noj gramotnosti kak osnova razvitiya uchebno-poznavatel'noj kompetentnosti studentov tehnikeskogo vuza v protsesse izucheniya gumanitarnykh distsiplin : monografiya* [Forming functional literacy as basis for development teaching-learning competence of students during humanities study at technical university : monograph]. Omsk, SibADI, 2012, 196 p.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Dictionary of the Russian Language: 80 000 words and phraseological expressions]. 4th ed., M., 2006. 944 p.
10. United nations Literacy Decade : education for all; International Plan of Action : implementation of general Assembly resolution 56/116, p. 4
11. Khutorskoy A. V. *Didakticheskaya evristika. Teoriya i tehnologiya kreativnogo obucheniya* [Didactic heuristics. Theory and technology of creative teaching]. Moscow, MSU Publ., 2003, 416 p.
12. Lebedev O. E. What does «quality of education» imply? *Higher Education Nowadays*, 2007, no. 2, pp. 34-39.
13. Gorina A. V. An individual student`s card as a methodical means for comprehensive assessment of competencies formedness. *Fundamental'nye i prikladnye nauki – osnova sovremennoj innovatsionnoj sistemy : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodyh uchenykh*, Omsk, SibADI, 2012 [Electronic resource] Available at: <http://bek.sibadi.org/fulltext/ESD1.pdf>
14. Gorina A. V., Frolova P. I. Psychological and pedagogical support of student's professional competence formation at social project activities. *Vestnik SibADI*, 2014. no.5 (39). pp. 125–133.

© П. И. Фролова, 2016

Автор статьи – **Полина Ивановна Фролова**, кандидат педагогических наук, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск, e-mail: frolpi4774@mail.ru

Рецензенты:

А. П. Жигадло, доктор педагогических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Н. Н. Рыбакова, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

РАЗДЕЛ 3 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 3 ECONOMIC SCIENCES

УДК 330.163

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.186

Н. Е. Алексеев, О. В. Демиденко,
Омская гуманитарная академия,

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

В статье раскрываются аспекты влияния институтов глобализации и национального суверенитета на формирование, развитие и удовлетворение экономических потребностей населения. Предлагается к рассмотрению механизм защиты национальной экономики от негативных тенденций современной глобализации. Делается вывод о целесообразности признания за национальным суверенитетом основы в формировании и реализации потребностей.

Ключевые слова: глобализация, национальный суверенитет, экономические потребности.

На сегодняшний день с новой силой начали нарастать внутренние противоборствующие силы экономико-политических аспектов глобализации и национального суверенитета России. Ведущие мировые и отечественные аналитики в качестве первопричин данного противоборства называют обострение локальных военных конфликтов, нестабильность цен на энергоносители, новый виток мирового экономического кризиса, введение антироссийских санкций и меры ответного компенсационного характера.

В современных средствах массовой информации, периодической печати и научной литературе глобализация чаще всего представляется как вызов, влекущий за собой трансформацию национальных особенностей и институтов в интересах определённого геополитического центра. Глобализация в общем плане представляет собой некое собирательное понятие, с помощью которого в современном мире принято обозначать процесс непрерывно происходящих изменений в экономической и политической конъюнктуре мира, что невольно подразумевает формирование экономических потребностей и трансформацию механизма их удовлетворения. Основным смыслом глобализации заключается в определённом сближении различных аспектов жизнедеятельности человечества, именно она призвана выражать унификацию потребностей и интересов человечества.

Институты глобализации и институты национального суверенитета, формирующие, развивающие и обеспечивающие необходимое удовлетворение потребностей, не рассматривались ранее в качестве предмета самостоятельного и системного анализа.

Процессы и механизмы глобализации как объекта наблюдения и изучения являются предметом пристального внимания достаточного количества учёных и исследователей, хотя их мнения

и взгляды часто диаметрально противоположны. Так, Р. М. Нуреев выделяет три аспекта глобализации: глобализация как развитие мирохозяйственных связей; глобализация как развитие международных экономических организаций; глобализация как обострение глобальных проблем [1, с. 246]. Другие исследователи выделяют экономический и технический аспекты глобализации, считая, что развитие технологий, торговли, транспорта есть следствие неконтролируемого технического и экономического прогресса [2, с. 54–60]. В. Колташев отмечает, что последние два десятилетия на планете шла лишь финансовая глобализация [3]. Л. Е. Гринин определяет глобализацию как процесс, в результате которого мир становится более связанным, зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов [4, с. 123–133].

В научных публикациях можно встретить трактовку глобализации как определённого типа устройства современного мира, облегчающую движение факторов материального и нематериального мира. Необходимо отметить, что вовсе не следует отождествлять социально-экономическую сторону категории «глобализация» и так называемую глобализационную практику, являющуюся неотделимой частью эволюционно-исторического процесса развития человечества.

Принято считать, что в эпоху глобализации центральной ареной действий становится надгосударственный уровень, предлагающий к решению для мирового сообщества несколько важнейших проблем: экологические вопросы, проблема демографии, проблема внедрения достижений НТП, продовольственная проблема, социально-экономические аспекты глобализации, геополитические проблемы и т. д. Следует отметить, что решение этих вопросов происходит крайне неравномерно по временному и территориальному признаку, глобализация не работает на бедных и не заботится о сохранении естественной среды обитания человечества, удовлетворению потребностей населения, не относящемуся к «элите», отводится остаточная роль. Д. Стиглиц полагает, что причина подобного положения дел кроется в социально-экономических институтах, преобладающих в глобализационных процессах.

Среди факторов, формирующих и развивающих глобализационные процессы и институты и как следствие формирующих экономические потребности, необходимо традиционно разделять субъективные и объективные факторы. К основным объективным факторам относятся: состояние национальной экономики страны и сложившиеся на данный момент экономические условия хозяйствования; технологический и инфраструктурный уровень развития; человеческий капитал страны и т. д. В качестве субъективных факторов необходимо отметить: общую концепцию социально-экономического и политического развития страны; необходимость ратификации и соблюдения различных международных документов.

В. И. Якунин аргументированно подразделяет сущность глобализации на две противоборствующие составляющие: коммуникационная и идеологический проект [5]. На первый взгляд, коммуникационная составляющая имеет положительные аспекты при формировании, развитии и удовлетворении потребностей: создаётся образ благ и технологий, устанавливаются определённые стандарты качества жизни, сокращается время между возникновением и удовлетворением потребности. С другой стороны не следует забывать о том, что так называемые «универсальные образы» таят в себе множество идущих в разрез с национальными особенностями подводных камней. Идеологический же проект подразумевает черты неolibеральной идеологии, с единственным центром – США. Подобная интерпретация глобализации, перекося в сторону политического крена и отход от реальных проблем человечества, не только не способствует распространению безопасности и комфорта, но и более того, сама приводит к серьёзным противоречиям. Так, потребности человека входят в конфронтацию с потребностями государства и потребностями всего общества в целом; обозначилось открытое противостояние на религиозной и культурной платформе; обострились социально-экономическое неравенство и проблема неравенства доходов [6].

Таким образом, можно констатировать, что сложившаяся во второй половине XX века и активно лоббируемая в нынешнее время неolibеральная модель глобализации не выдерживает никакой критики и уж точно не ведёт к безопасному и гармоничному развитию мира.

Смена магистрального направления глобализации должна предполагать признание многополярности и разнообразия современного мира, а также выявление общих целей, потребностей и интересов развития с одновременным решением глобальных проблем. Современная глобализация (в любом аспекте толкования этой категории: положительном или отрицательном) призвана «стирать различия» и стандартизировать национальные особенности институтов формирования и удовлетворения экономических потребностей. Стандартизация продукта и механизма потребительского поведения

является основным источником прибыли для международных ТНК, более того, ей проще подвергнуть институты формирования, развития и удовлетворения потребностей, чем определённые производственные технологии.

Таким образом, можно заключить, что глобализация формирует определённый наднациональный макроуровень современной экономики, создаёт определённый образ экономических благ и технологий, которые в силу различных обстоятельств невозможны в рамках национальной модели экономики.

Национальный суверенитет сегодня выступает основной целью атаки глобализационных всплесков, его ослабление представляется необходимым условием гармоничного развития.

В таких условиях повышается значение мер по более эффективному обеспечению всесторонней национальной безопасности.

Национальный суверенитет представляет собой понятие не менее многогранное и противоречивое, чем глобализация. Авторское изложение базируется на институциональном подходе к анализу данной категории, так как институционализм предполагает трактовку этого понятия с точки зрения деятельности определённых субъектов, характеризующихся всей совокупностью внутренних национальных особенностей, при ориентации на реально сложившиеся социально-экономические отношения. Институционализм и другие направления экономической мысли создали сложные (с преобладанием материального интереса) модели мотиваций людей, в которых ярко выражены социально-групповые потребности. Осознание необходимости поддержания в масштабах общества равновесия между спросом и предложением обусловило их выводы о целесообразности ограниченного вмешательства в экономические процессы со стороны государственных органов и повышение внимания к социальным проблемам. Эволюция общества является процессом естественного отбора институтов, которые являются привычными образами мыслей в том, что касается отношений между обществом и личностью, индивидом и его потребностями. Ведь именно под нажимом обстоятельств, складывающихся в жизни общества, происходит изменение образов мышления людей, а следовательно, и структуры потребностей, т. е. развитие институтов, и перемены в самой человеческой природе, предполагающей новые потребности.

В научной литературе и публицистике принято подразделять многогранную категорию национального суверенитета на три большие составляющие, а именно: политическая составляющая, экономическая и социальная. Политический аспект в общем смысле представляет независимость государства (его институтов) в ведении внутренней политики как на территории государства, так и за его пределами. В экономическом аспекте национальный суверенитет представляет собой категорию, выражающую определённые причинно-следственные связи между сложившимися условиями жизнедеятельности субъектов государства (индивиды, группы индивидов, общество в целом), глобализация же ориентирована на постепенное устранение границ национальных экономик. Социальная составляющая национального суверенитета является не менее привлекательной для регулярных глобализационных атак, деформируются образовательные стандарты и стандарты здравоохранения, трансформируется национальный рынок труда, растут безработица и социальная напряжённость в обществе.

Институт национального суверенитета в аспекте формирования, развития и удовлетворения экономических потребностей характеризуется определённым политико-экономическим контекстом уровня и качества достигнутого благосостояния национального общества.

Для выявления объективной степени деформации национального суверенитета необходимо определить наиболее уязвимые места и как следствие сосредоточить основные усилия по их нивелированию именно на этих направлениях. Следует отметить, что за последние два десятилетия из страны продолжается вывоз материальных и финансовых активов, страна импортирует огромную массу потребляемых продуктов питания. Вопросы, касающиеся сущности и критериев национального суверенитета и экономической безопасности, в основном определяются объёмом, структурой и динамикой ВВП и ВНП, некоторые учёные относят к этим критериям величину трудовых ресурсов страны и наличие разведанных природных ресурсов. Не менее важны при определении степени национального суверенитета и социально-экономические показатели, к основным из которых можно отнести темпы инфляции, среднедушевой доход, децильный и квинтильный коэффициенты и т. д. Особое значение в отношении укрепления национального суверенитета имеет финансовая политика Правительства России, а именно оптимальные размеры и размещение золотовалютных резервов и средств стабилизационного фонда за пределами страны.

Многообразие национальных экономик и множество разновидностей национальных продуктов одного функционального назначения представляет собой противоположный стандартизации

продукта со стороны ТНК аспект экономической деятельности государств. Экономическая потребность и информационная составляющая потребителя о наличии продукта в большей степени связана со спросом, нежели с предложением. С учётом того, что индивиды имеют разнообразные экономические потребности, для их удовлетворения эффективнее всего использовать институциональные структуры и технологии, согласованные с конкретными целями. Подобная ситуация ориентирует нас на поддержание и развитие институтов национальной составляющей экономики, одновременно ослабляя аспекты специализации производителя. Специализация производства и, соответственно, рост финансовых показателей возможны лишь при создании единых рынков сбыта и хорошей информированности потребителя о потенциале рынка. Данная ситуация обращает нас к развитию институтов глобализации экономики. И действительно, для ТНК, ориентированных на получение сверхприбыли, наипростейшим путем её достижения являются однородность и стандартизация спроса на потребительские товары. Однако подобная ситуация явно противоречит неоспоримому факту о многообразии человеческих потребностей. Таким образом, можно заключить, что институтам глобализации и институтам национального суверенитета присущи те же самые функции, что и технологиям, чем абстрактнее институт формирующий, развивающий и удовлетворяющий потребности, тем шире возможность его применения. Основным отличием данных институтов друг от друга является заключённая в первом возможность более широкого и вновь повторяемого использования наборов инструментов. Следовательно, в современной экономике именно стандартам принадлежит ведущая роль в формировании, развитии и удовлетворении экономических потребностей населения, а разнообразие создаётся уже внутри очерченного стандартами контура. Проведя несложные параллели, можно с уверенностью заявить, что сегодня в роли института, пропагандирующего систему, стандартизации продукта выступает глобализация. Некоторое разнообразие продукта призвана обеспечивать система национального суверенитета, или точнее производственные мощности национальной экономики. Продолжая логику исследования, констатируем, что институт глобализации является своего рода определённой базой, фундаментом формирования, развития и механизмов удовлетворения потребностей, а совокупности институтов, конституирующих национальный суверенитет, отведена лишь незавидная роль ограниченной и зависимой надстройки, абсолютно без функций координации и контроля. Это очень опасный вариант развития событий, учитывая то, что генеральной линией глобализации является вовсе не борьба за права человека и забота о его благополучии, а расширение рынков сбыта, трансформация потребностей и стандартов потребления (естественно, в своих интересах), прямой и косвенный захват природных ресурсов стран. Вполне уместно было бы изменить ситуацию на диаметрально противоположную: признать за национальными суверенитетами стран роль основы в формировании, развитии и построении механизмов удовлетворения экономических потребностей своего населения, а за институтами глобализации оставить роль надстройки, вполне возможно, наделив их функциями «положительной» координации. Однако подобный поворот событий ожидает нас явно не в ближайшей перспективе, хотя тенденции подобного рода уже можно наблюдать, анализируя некоторые аспекты поведения России на международной арене [7].

Необходимо отметить, что формирование, развитие и удовлетворение экономических потребностей институтами и институциональными структурами глобализации осуществляются согласно принципу отрицательной обратной связи, т. е. когда достигнутый результат не в полной мере соответствует предполагаемым ожиданиям и, соответственно, оказывается влияние на изменение комплекса входящих факторов. Формирование, развитие и удовлетворение тех же потребностей институтами и институциональными структурами, конституирующими национальный суверенитет, осуществляются по принципу прямой обратной связи, т. е. когда результат в полной мере отвечает ожиданиям и изменение комплекса входящих факторов не требуется.

Изменение экономических потребностей, стандартов производства и потребления сопряжено с определёнными издержками, однако для сохранения и поддержания национального суверенитета, на наш взгляд, ими можно пренебречь, так как дальнейшая трансформация национальной экономической системы приведёт не просто к большему росту трансформационных и транзакционных издержек, а к полнейшей утрате рычагов контроля над национальной экономикой.

В качестве механизма защиты национальной экономической системы страны от негативных тенденций современной глобализации либо поиска компромиссного состояния взаимовлияния и взаимодействия двух категорий можно предложить следующее. Сохранить за глобализацией создание лишь определённого образа экономических благ и услуг, а также «положительных» технологий и механизмов потребления (технологические стандарты), а обеспечение многообразия экономических

потребностей населения, координацию и контроль над их планомерным удовлетворением отдать под эгиду национальных экономических институтов (институциональное разнообразие). На наш взгляд, именно этот механизм позволит отобрать положительные аспекты глобализации и не даст национальной экономике «закрыться» от правильных трендов мирового развития. В то же время именно он позволит в нужный момент защититься от пагубных тенденций и сохранить национальные особенности развития [8].

Таким образом, констатируем, что понятия глобализации и национального суверенитета в контексте формирования, развития и удовлетворения экономических потребностей посредством определённого набора внутренних институтов требуют кардинального переосмысления.

Более того, институты глобализации и институты национального суверенитета можно рассматривать как потенциальный источник экономического роста и экономического развития.

Библиографический список

1. Нуреев, Р. М. Экономика развития: модели становления и модернизации рыночной экономики : учебник / Р. М. Нуреев. – М. : Норма – М, 2008. – 367 с.
2. Зуев, А. Г. Глобализация: аспекты, о которых мало говорят / А. Г. Зуев, Л. А. Мясникова // МЭиМО. – 2004. – № 8. – С. 54–60.
3. Колташев, В. Контуры экономики будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://igso.ru/articles.php?article_id=409. – (Дата обращения: 30.05.2015 г.).
4. Гринин, Л. Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации / Л. Е. Гринин // ПОЛИС. – 2008. – № 1. – С. 123–133.
5. Якунин, В. И. Глобализация и капитализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Rossiyanavsegda.livejournal.com/299727.html>. – (Дата обращения: 30.05.2015 г.).
6. Алексеев, Н. Е. Противоречия развития теории потребностей / Н. Е. Алексеев, О. В. Демиденко // Омский научный вестник. – 2015. – № 3 (139). – С. 211–215.
7. Алексеев, Н. Е. Парадигма теории потребностей в условиях новой экономики России / Н. Е. Алексеев, З. В. Глухова // Омский научный вестник. – 2013. – № 1 (115). – С. 42–46.
8. Алексеев, Н. Е. Трансформация личных экономических потребностей в реформируемой экономике России : автореф. дисс. ... канд. экон. наук / Н. Е. Алексеев. – Омск, 2005. – 24 с.

*N. E. Alekseev, O. V. Demidenko, Omsk Academy of the Humanities,
Siberian state automobile and highway Academy, Omsk*

GLOBALIZATION AND NATIONAL SOVEREIGNTY IN THE ASPECT OF FORMATION OF THE ECONOMIC NEEDS OF THE POPULATION

The article describes aspects of the impact of globalization and national sovereignty on the formation, development and meeting the economic needs of the population. It is proposed to consider the mechanism of protection of national economy from the negative trends of modern globalization. The conclusion about expediency of recognition for national sovereignty framework in the formation and implementation needs.

Keywords: globalization, national sovereignty, economic needs.

References

1. Nureev R. M. *E`konomika razvitiia: modeli stanovleniia i modernizatsii ry`nochnoi` e`konomiki* [Development Economics: models of formation and development of the market economy]. Moscow, Norma Publ., 2008, 367 p.
2. Zuev A. G., Miasnikova L. A. *Globalization: the aspects little spoken*. ME`iMO, 2004, No. 8, pp. 54–60.
3. Koltashev V. *Kontury` e`konomiki budushchego* [The contours of the future economy], Available at http://igso.ru/articles.php?article_id=409.
4. Greenin L. E. *National sovereignty and processes of globalization*. POLIS, 2008, No. 1, pp. 123–133.
5. Iakunin V. I. *Globalizatsiia i kapitalizm* [Globalization and capitalism]. Available at <http://Rossiyanavsegda.livejournal.com/299727.html>.
6. Alekseev N. E., Demidenko O. V. Contradictions of development of the theory of needs. *Omskii` nauchny`i` vestneyk*, 2015, No. 3 (139), pp.211–215.
7. Alekseev N. E., Gluhova Z. V. The paradigm of the theory of needs in the new economy of Russia. *Omskii` nauchny`i` vestneyk*, 2013, No. 1 (115), pp.42–46.

8. Alekseev N. E. *Transformatsiia lichnykh ekonomicheskikh potrebnostei v reformiruemoi ekonomike Rossii* [Transformation of personal economic needs in the reforming of the Russian economy]. Extended abstract of PhD dissertation, Omsk, 2005, 24 p.

© Н. Е. Алексеев, О. В. Демиденко, 2016

Авторы статьи:

Николай Евгеньевич Алексеев, кандидат экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск, e-mail: oeip@mail.ru

Ольга Владимировна Демиденко, кандидат технических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Рецензенты:

О. Ю. Патласов, доктор экономических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

Е. В. Романенко, кандидат экономических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

УДК 330

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.191

Е. А. Орлянский,

Омский институт (филиал)

Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭТИКА РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ XXI ВЕКА. КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?

Статья посвящена проблеме воздействия на экономику хозяйственной этики. Проблема рассматривается в контексте противопоставления христианской хозяйственной этики (всцело определявшей развитие рыночной экономики в Европе до XVII века) и так называемого «экономизма» (сменившего христианскую хозяйственную этику на определённом этапе). На основе данного противопоставления делается вывод о том, что «экономизм», по своей сути, порождает цикличность и циклические кризисы, а христианская хозяйственная этика имеет ярко выраженный антикризисный потенциал.

Ключевые слова: рыночная экономика, цикличность, кризис, хозяйственная этика, «экономизм».

Современная рыночная хозяйственная система подвержена циклическим кризисам и эта подверженность с определённого момента стала представлять собой угрозу как глобальной (на уровне мировой экономики), так и национальной экономической безопасности. Когда в 1825 г. первый циклический кризис разразился в Англии и затронул экономику США и Франции, хозяйственная система имела механизм регуляции, который позволял преодолевать такие кризисы автоматически, т. е. без вмешательства государства [3, с. 5]. Кроме того, долгое время рыночная конъюнктура не позволяла концентрации производства достигать больших пределов, когда кризисные разорения могли бы стать большим потрясением для всей хозяйственной системы. Первой серьёзной угрозой экономической безопасности для всей рыночной экономики стали последствия мирового кризиса 1873 г., когда в кризисных разорениях погибали слишком большие состояния, что было неизбежно, учитывая растущие обороты тогдашних производителей. Их ответной защитной реакцией стало стремление к монополизации. Устранение конкуренции рассматривалось как защита от циклических колебаний, и неслучайно первые монополистические объединения именовались тогда «детьми кризиса». Однако творцы монополизма не предполагали, что их действия рубят сук, на котором сидела вся тогдашняя рыночная экономика. Монополизация уничтожила чисто конъюнктурное ценообразование, что лишило рыночную экономику способности автоматически преодолевать кризисы. Получив доступ к влиянию на рыночные цены, монополисты лишили их совершенной эластичности, делая будущие циклические кризисы перепроизводства фактически непреодолимыми. Этот удар по рыночной экономике был настолько силен, что ничего принципиально не изменило антитрестовое законодательство. Решающий момент проявления последствия этих изменений был отодвинут мировой войной. Однако

Великая депрессия 30-х годов в полной мере продемонстрировала крах системы автоматического преодоления кризисов. С тех пор, как известно, рыночная экономика функционирует за счёт государственного антициклического регулирования, механизм которого был обоснован в теории Джона Мейнарда Кейнса.

В научной литературе описаны причины, продолжительность экономических циклов на макроуровне в разрезе систем цикличности [6].

Однако на современном этапе развития рыночной экономики к этой системе можно предъявить вполне обоснованные претензии. Главным её недостатком является отсутствие потенциала упреждающего влияния на циклические кризисы. На данный момент государственный механизм антикризисного воздействия может реагировать только постфактум, т. е. откликаться на уже состоявшийся кризис. Не допускать кризисные потрясения, в принципе, не получается. В условиях экономики XXI века это приобретает новую угрозу экономической безопасности, поскольку внешний фон кризисных явлений принципиально изменился. Дело в том, что по мере роста объёмов производства и его ресурсоёмкости кризисы перепроизводства несут с собой отрицательные последствия нарастающим итогом. Во-первых, это социально-политические последствия. С каждым новым кризисом общество сталкивается с ещё большим количеством безработных. Это очень тяжёлым бременем ложится на государство, вызывая бюджетные проблемы, что порождает и политические кризисы с неясными последствиями. К этой же теме относится достижение неоправданно высоких потребительских стандартов во время экономического бума. Вынужденный отказ от этих стандартов также порождает тяжёлые социально-политические коллизии. Во-вторых, рыночная экономика в XXI веке стала настолько хрупкой и чувствительной, что для «потрясения основ» уже не нужны такие сильнейшие факторы воздействия, как войны и «шоки предложения». Последний кризис показал, что уже субъективные ошибки (или сознательные эгоистические действия) нескольких человек (пусть и топ-менеджеров ведущих корпораций) способны порождать глобальные потрясения мирового уровня. В-третьих, проблема ограниченности производственных ресурсов, пересекаясь с проблемой тяжёлых экономических подъёмов, вынуждает ещё более интенсифицировать эксплуатацию окружающей среды, обостряя и без того острую проблему нарушения уже экологического равновесия.

В принципе, мощнейшая система государственного антикризисного менеджмента содержит в себе достаточный потенциал такого превентивного воздействия. Существуют все бюджетные и монетарные возможности не допустить резких колебаний совокупного спроса, создания спекулятивных «пузырей» в фондовом и производственном инвестировании. Однако на практике этот потенциал раз за разом не находит себе реализации, вопреки всякой чисто экономической логике. Крупнейшие кризисы XX века неизменно содержали в себе такие «нелогичные» субъективные элементы. Та же Великая депрессия охватила рыночный мир после трёхсотлетней истории современной рыночной хозяйственной системы. Вряд ли экономисты того времени (знавшие все тонкости работы рыночного механизма) не понимали, к чему приведёт безудержное наращивание инвестиций во время подъёма 20-х годов. Поверить в тезисы о бескризисной экономике, наступлении эпохи «вечного роста» могли только неискушённые обыватели. Но и тогда экономика с фатальной неизбежностью катилась к краху. Отдельные здравые голоса (например, точки зрения того же Кейнса или экономистов Стокгольмской школы) были услышаны лишь постфактум. Столь же обреченно рыночная экономика шла к кризису 70-х годов, превратив кейнсианскую политику из средства преодоления кризисов в универсальный способ государственного регулирования. Опять же, удивляет всеобщее непонимание грядущих последствий перманентного наращивания государственных расходов, бюджетных дефицитов и денежной массы. Создаётся впечатление, что рыночная экономика движется под руководством каких-то иррациональных стимулов. И если объяснить это с позиции чистых экономических закономерностей невозможно, то необходимо применить к анализу этих процессов иные подходы.

В данной статье будет совершена попытка рассмотреть проблему кризисов и антикризисной политики с точки зрения такого элемента экономической системы, как хозяйственная этика. Поскольку сущность и развитие рыночной экономики в XXI веке, по нашему мнению, зависят именно от того, какой характер примет хозяйственная этика.

Если взять во внимание исходный смысл понятия «этика», то необходимо обратиться к одному из главных специалистов по хозяйственной этике Артуру Риху. Он обращается к первой трактовке понятия «этика», данному Аристотелем в своей «Никомаховой этике». По мнению А. Риха, этика, в трактовке Аристотеля, это «поведение, соответствующее обычаям, ставшее нормой или законом благодаря привычке, традиции и принятым формам приличия» [9, с. 29]. Отсюда выходит

неизбежность трактовки социальной этики как системы ценностей, строящейся вокруг этической ответственности, которая «исходит из требования обязательно учитывать в процессе поиска и определения нормативного последствия, обусловленных им поступков и решений, и нести за это ответственность» [9, с. 48].

В истории научной мысли, наверное, первое обращение к этой проблеме было зафиксировано опять же у Аристотеля, который сформулировал понятие экономики как деятельности, направленной на обеспечение материальных условий жизни. В своей «Политике» он писал, что «некоторые живут приятно, соединяя те или иные из этих видов и заимствуя у одного из них то, чего не хватает другому, чтобы быть самодовлеющим, например, одни соединяют кочевнический и разбойнический образ жизни, другие – земледельческий и охотничий, равным образом и остальные люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда» [1]. Причём ещё сам Аристотель не позволял себе сводить экономику к простому натуральному хозяйству, признавая и торговлю, и денежное обращение. И вообще признание главной целью экономики обеспечения материальных условий жизни человека автоматически означает признание категории «производительность» и необходимость роста этого показателя соразмерно с ростом потребности человека. Отсюда выходит и необходимость признания таких категорий, как «доход», «прибыль», «частная собственность» и т. п. Иначе говоря, способ хозяйствования, который мы называем рыночной экономикой, отнюдь не противоречит этическому подходу к этим проблемам.

При анализе различных этических систем выясняется, что именно такое отношение к экономике является чуть ли не единственным элементом, который их связывает и где нет существенных противоречий. Так, практически идентичной является хозяйственная этика всех основных христианских конфессий. Раскол на православие и католицизм никак не повлиял на их трактовку места и роли экономики в христианском обществе. Ничего принципиально нового не внёс сюда и протестантизм [5]. И сама христианская хозяйственная этика во многом опиралась на идеи того же Аристотеля, который противопоставлял экономику как деятельность, направленную на удовлетворение естественных потребностей человека, действиям, имеющим цель увеличение денежного богатства. Он считал, что у нормального процесса удовлетворения потребностей человека есть естественный предел, одновременно отмечая, что у процесса максимизации денежного богатства такого предела нет. Аристотель указывает: «мера обладания собственностью, которая является достаточной для хорошей жизни, не беспредельна». Но «существует другой род искусства приобретения, который обыкновенно называют, и с полным правом, искусством наживать состояние; с этим искусством, и связано представление, будто богатство и нажива не имеют никакого предела» [1].

Кроме того, оказалось, что такой подход был свойственен чуть ли не всей культуре европейского язычества. Анализ древних языческих мифов скандинавов, славян, балтов, кельтов показывает, что экономическим процессам отводилась прагматическая роль источника обеспечения материальных потребностей людей, и их влияние на остальные сферы жизни общества отрицалось. Сама же экономическая деятельность жёстко регламентировалась духовными этическими принципами. Понятно, что никакая деятельность, имеющая конечной целью максимизацию доходов, не поощрялась [5, с. 24–26].

Христианство и было воспринято европейскими этносами во многом потому, что несло в себе объяснение природы многих процессов, не противоречащее естественным представлениям о них, господствовавшими в дохристианскую эпоху. Этим представлениям были приданы чёткие морально-этические трактовки, зафиксированные в Библии. По этой схеме была сформулирована и христианская хозяйственная этика. Неудивительно, что мы видим множественные совпадения в отношении к хозяйственной жизни между христианской традицией и религиозно-мифологическим сознанием древних индоевропейских народов. Так же христианская традиция обосновывает необходимость удовлетворения нужных материальных потребностей. В Новом Завете вообще очень широко применяется экономическая тематика. Она является фоном для декларирования духовных истин. Так, большинство Притч Христа построено на примерах из хозяйственной жизни. В Евангелии есть места, которые показывают и признание частной собственности для экономического развития. Они повторяют первое ветхозаветное обоснование частной собственности в Декалоге. Это означает признание экономики как нормального явления в христианском обществе. Но, с другой стороны, отрицается целевая установка на деятельность по накоплению богатства, где последнее выступает как цель, а не средство. В качестве мотивов трудовой деятельности признаётся только необходимость удовлетворения обоснованных потребностей. Традиционно признаётся, что труд необходим для обеспечения собственного пропитания. Декларируется умеренность в потреблении. Осуждается потребительская расточительность. Однозначно отрицательно рассматривается ростовщичество.

Такая хозяйственная этика обеспечивала высокий уровень стабильности хозяйственной системы в рамках традиционной рыночной экономики. В первую очередь, потому что отторгала комплекс методов хозяйственной деятельности, которые способны резко ускорять течение экономических процессов. Общеизвестен факт отрицательного отношения в традиционной рыночной экономике к процентным операциям. Христианская церковь долгое время запрещала ростовщичество. Остаётся добавить, что ограничение кредита и процентных отношений пресекает важнейший источник резких колебаний совокупных расходов как главного фактора циклической нестабильности в экономике.

В настоящее время формируются этическая наука в области банковской деятельности; методологические подходы к формированию этических норм; задачи, методы этики банковской деятельности; стандарты формирования корпоративного поведения, служебной и внеслужебной этики банковских сотрудников, а также делового этикета; нормы этического поведения в межбанковской деятельности; накапливается опыт применения стандартов этического поведения в банковской деятельности за рубежом. О. Ю. Патласовым и С. С. Каирденовым проанализированы этические документы коммерческих банков России, Узбекистана, Украины, Казахстана, Беларуси и других стран, а также проведён их сравнительный анализ [7].

Представитель третьей волны немецкой исторической школы Вернер Зомбарт, специалист по хозяйственной этике традиционной рыночной экономики среди великих экономистов, отмечает, что много методов ведения экономической деятельности отвергались из-за их противоречия основам христианской хозяйственной этики [4, с. 159–164]. Так, однозначно осуждалась конкуренция между производителями. Каждый из них имел свой участок рынка («клиентелу»), выходить за который считалось неприличным, так как это могло лишить дохода другого производителя, считалось нарушением заповеди любви к ближнему. В основном – это закреплялось неформальными институтами, т. е. обычаями и традициями. И только в крайнем случае подкреплялось юридическими нормами. Так, Зомбарт приводит в пример полицейский устав Майнца, где говорилось, что «никто не должен отвращать другого от покупки или более высокой надбавкой удорожать ему товар под страхом потери купленного товара; никто не должен вмешиваться в торговлю другого или вести свою собственную торговлю так широко, что другие граждане от этого разоряются» [Цит. по: 4, с. 159]. Особенно неприличным считалось применение демпинга для привлечения потребителей за пределами своей «клиентелы». В том же направлении формировалось и отношение к рекламе. Допускалась только информативная реклама. Общество отвергало всякие попытки производителя навязать потребителю мнение, что его товар лучше, чем товары других производителей. Наконец, общеизвестно отношение традиционного общества к техническим нововведениям. Они отвергались, если это могло привести к безработице. И данное мнение разделялось практически всеми слоями общества. В. Зомбарт указывает на совпадение мнений на этот счёт и самих изобретателей, и теоретиков философии и экономики, и государственных деятелей, упоминая высказывания Бехера, Монтескье, Кольбера, Фридриха II.

При этом ещё раз следует подчеркнуть, что опора на христианскую этику отнюдь не лишала традиционную экономику характера рыночной хозяйственной системы. Всё это диктовалось рыночной конъюнктурой, которая формировалась христианской этикой. Зомбарт отмечает, что и тогда спрос определял предложение, а потребитель являлся главной фигурой рынка [4, с. 572]. Иное дело, что потребности, лежащие в основе спроса, были вполне естественными, а потребительские стандарты задавались обществом и за долгий период стабильного существования превращались в традиции. Это лишало экономику нестабильности спроса, которая впоследствии легла в основы циклической и циклических кризисов. В целом понятия естественные потребности и спрос практически совпадали. Если традиционная система формировала такие потребности столетиями то, естественно, что этого времени хватало для выработки механизмов подведения денежных доходов под границы этих потребностей. Негативное же отношение к проценту (опять же, исходя из библейских постулатов) не давало развиваться массовому кредитованию, которое могло бы нарушить монетарные ограничения спроса. Поэтому такие явления, как, например, инфляция спроса, могли возникать только из-за форс-мажорных обстоятельств (войны, стихийные бедствия, порча монеты), а не из-за нарушения рыночного равновесия.

Такой характер спроса оказывал воздействие и на предложение. В. Зомбарт отмечает, что производитель в своей деятельности руководствовался не стоимостными приоритетами и монетарной оценкой, а качественной стороной производства и его результатов [4, с. 21]. Производство ещё не массовое и производитель относится к своему продукту как художник или скульптор к своим

произведениям. С В. Зомбартом соглашается другой лидер третьей волны исторической школы Макс Вебер, который пишет, что традиционная экономика «своё назначение и оправдание находит в абсолютном качественном совершенстве продукта. Она далека от мысли о рационализации способа производства, которая лежит в основе всей современной рациональной техники, или систематизации функционирования предприятия, превращая его в рациональное, направленное на получение прибыли, хозяйство» [2, с. 109]. Следует отметить ещё особенности ценообразования той экономики. Цена также вводится в разряд этических категорий и должна соответствовать выработанному обществом критерию справедливости. Для этого, в первую очередь, по мнению В. Зомбарта, общество не допускает, чтобы определение цены отдавалось на произвол отдельным производителям [4, с. 573–574].

Таким образом, это сочетание отношения к методам ведения хозяйства, этики потребителей и производителей обеспечивало высокий уровень стабильности всей хозяйственной системы и фактически бескризисное функционирование (экономические кризисы возникали только по неэкономическим форс-мажорным причинам).

Другой подход к этической основе экономики можно назвать определённой антиэтикой. Это так называемый экономизм. Несмотря на то, что формально он также ставит человека в центр экономических отношений, на деле основывается на приоритете самой экономики над естественными человеческими потребностями. В качестве определения этого явления мы будем использовать обозначение, данное швейцарским экономистом и социологом Петером Ульрихом. Он определял экономизм как «веру экономической рациональности только в саму себя и ни во что другое» [12, с. 18]. А. Рих добавлял, что «для ... подхода, который принято называть «экономизмом», типична оценка всех явлений и форм общественной жизни исключительно (или в первую очередь) под углом зрения экономической рациональности и материальной продуктивности» [9, с. 23]. На практическом идейном уровне экономизм выливается в так называемый «экономический образ мышления», который лучше всего (и предельно откровенно) выразил американский экономист Пол Хейне. Он указывает, что «техника мышления» – это «некая предпосылка о том, чем человек руководствуется в своём поведении». И далее называет эту предпосылку: «За удивительно редкими исключениями экономические теории строятся, опираясь на вполне определённую предпосылку, что индивидуумы предпринимают те действия, которые, по их мнению, принесут им наибольшую чистую пользу (net advantage)» [13, с. 23].

Упомянутая выше возрастающая опасность циклических кризисов резко увеличила интерес к проблеме господства экономизма также среди учёных стран постсоветского пространства. Так, М. Прохоров резко разводит понятия экономики и экономизма, утверждая, что идея определения экономикой остальных элементов социума «лежит в русле не экономики, но экономизма» [8, с. 6]. Причём для постсоветских исследователей сейчас также характерна негативная оценка экономизма. Например, Г. Ильина подчёркивает, что именно идеология экономизма мешает бизнесу следовать в русле социальной ответственности [15, с. 52]. Этой же позиции придерживается Н. Савкин, пришедший к выводу, что «экономизм как идеология неизбежно приводит к отчуждению от социальной направленности экономики» [10, с. 79].

Утверждение экономизма в качестве своеобразной хозяйственной этики привело к тому, что рыночная экономика утратила стабильность. Ключевым моментом стало уничтожение устоявшихся потребительских стандартов, что способствовало к нестабильности совокупного спроса. Потребление уже не имеет сдерживающих христианских побудительных мотивов. Именно так были порождены цикличность и циклические кризисы. Дело в том, что, утратив реальные ориентиры (в виде обеспечения удовлетворения естественных потребностей людей), экономика не приобрела ничего конкретного взамен. Ориентация на максимизацию прибыли и рентабельности не имеет чёткого предела. Сами производители зачастую не представляли свои личные микроэкономические цели при начале своего дела. Тот же В. Зомбарт отмечает, что поведение современных ему европейских и американских предпринимателей имеет черты иррационализма. Их хозяйственная деятельность по достижению прибыли становится беспредельной, лишённой рациональной логики. В. Зомбарт приводит яркие высказывания крупнейших предпринимателей (А. Карнеги, В. Ратенау и др.), рассказывающих, как сам процесс производства заставлял их беспрерывно расширять операции, хотя это и не входило в их планы и не определялось их личными интересами [4, с. 171]. Это же подтверждает современный белорусский исследователь С. Семерник на примере высказываний В. Ратенау [11, с. 79].

Экономика, таким образом, перестала ориентироваться на человека как цель и превратилась в самодовлеющую силу, устанавливающую контроль над остальными сегментами социума. Отсюда только один шаг до появления цикличности. Сначала появляется импульс для повышения конъюнктуры, потом

эта конъюнктура растёт и проходит тот естественный рубеж, когда будущая рецессия ещё не становится неизбежной. Затем раздутая конъюнктура неизбежно обрушивается и наступает циклический кризис перепроизводства. Благодаря монополизму, породившему феномен инфляции издержек, в 70-е годы появился и самый тяжёлый кризис рыночной экономики – стагфляция. Более того, тот же период порождает ещё один фактор усугубления циклического развития рыночной экономики. Дело в том, что стремление к «чистой пользе» (то есть прибыли) вынуждает производителя наращивать объёмы производства и сбыта. Для этого ему, как воздух, нужен растущий совокупный спрос. На каком-то этапе развития современные производители уже не хотят ограничиваться пассивным следованием тенденциям спроса. Они желают сами создавать этот спрос для себя. Отсюда становится понятным возникновение развивающегося маркетинга, рекламы с использованием элементов нейролингвистического программирования, аромамаркетинга и т. п. Информация о товаре вводится на подсознательный уровень сознания потребителя и способствует формированию нового спроса, носящего, по сути, иррациональный характер. Одновременно финансовая сфера стремится оперативно создавать денежную составляющую такого спроса, расширяя масштабы банковского кредитования и безналичного денежного обращения. В такой системе циклические кризисы действительно становятся имманентным явлением.

Таким образом, если смена хозяйственной этики совпадает с зарождением циклического характера рыночной экономики (ведь первый крупный кризис перепроизводства зафиксирован в Голландии в XVII веке, а первый такой мировой кризис был в начале XIX века), то вполне логично предположить, что возрождение христианской хозяйственной этики обладает заведомым антикризисным потенциалом. Какое же практическое применение может иметь этот потенциал в современных условиях?

Думается, он мог бы придать нынешней системе хозяйствования те элементы стабильности, которые были свойственны традиционной рыночной экономике. Такой вывод можно сделать из анализа (с точки зрения антициклического потенциала) одного из проектов этического кодекса предпринимателя, который основан на православной хозяйственной этике [14]. Стабилизационный потенциал заложен здесь в видах мотивации хозяйственной деятельности. Эта мотивация четко структурируется автором. Так *духовная мотивация* занимает верхний иерархический уровень. Экономическая деятельность рассматривается как общественное служение в связи с тем, что эта деятельность организует использование ресурсов в производстве и обмене. Тем самым, например, обеспечивается возможность реализации талантов и способностей наёмных работников, а также обеспечивается доход собственникам других производственных ресурсов. Этот вид мотивации обусловлен библейским положением о необходимости служения ближнему.

Самый сильный стабилизационный потенциал имеют следующие три вида мотивации. *Профессиональная мотивация* ориентирует предпринимателя на такое отношение к своей деятельности, которое практически полностью соответствует тому отношению к своему делу в традиционной рыночной экономике, которое, как уже было сказано, описывал В. Зомбарт. Сфера деятельности предпринимателя становится никак не менее значимой, чем уровень её рентабельности. Если предприниматель будет относиться к виду своей деятельности как к самостоятельной ценности, то это сможет сделать его инвестиционную активность более предсказуемой. Необходимость поддержания своего предприятия на определённом уровне развития (в силу профессиональной, а не экономической мотивации) не позволит ему перемещать слишком значительные ресурсы в те отрасли, которые в текущий момент переживают конъюнктурный подъём. Экономика тем самым получает определённый иммунитет от гипертрофированного производственного бума, который в современной рыночной экономике и инициирует рецессию, приводя к неизбежному превышению совокупного спроса над совокупным предложением.

Далее следует *патриотическая мотивация*. Она влияет на экономику по следующим направлениям. Во-первых, патристичный предприниматель будет ориентирован на инвестиции в те сектора, которые имеют важное стратегическое значение для национальной экономики в целом, но не имеют текущей инвестиционной привлекательности в виде текущего уровня рентабельности (например, наукоёмких, высокотехнологичных секторов, отдача от которых наступит в неопределённом будущем). Кроме чисто стратегического значения, такое поведение, опять же, снимает проблему инвестиционного перенасыщения отраслей с текущей высокой конъюнктуры и ослабляет угрозу слишком разрушительной рецессии. Во-вторых, данная мотивация ориентирует предпринимателя на рачительное и бережное отношение к невозпроизводимым природным ресурсам. Такие ресурсы по своей сути (непроизводственный характер их возникновения) являются фактором, обеспечивающим безопасность национальной экономики. А антикризисный потенциал заключается здесь в ограничении производственного бума и предотвращении возможного роста цен на эти ресурсы, который провоцирует инфляцию издержек.

Наконец, очень близка по смыслу и к духовной, и к патриотической мотивации *социальная мотивация*. Согласно ей инвестиционная активность предпринимателя может мотивироваться и необходимостью поддержки наиболее социально значимых секторов экономики вне зависимости, опять же, от уровня их текущей рентабельности. В качестве примера таких секторов обычно приводят сельское хозяйство. Антикризисный потенциал данного предпринимательского поведения также неоспорим. Происходит выравнивание развития секторов национальной экономики (что смягчает, в частности, проблему структурной безработицы) и, опять же, предотвращается инвестиционный перегрев секторов с текущей высокой макроэкономической конъюнктурой.

Таким образом, этизация экономической деятельности на основе христианских ценностей, действительно, несёт в себе ярко выраженный антициклический потенциал и может работать в виде конъюнктурного регулятора. Поэтому можно признать, что уровень стабильности современной рыночной экономики, её устойчивость и безопасность на современном этапе во многом зависят от того, какой станет хозяйственная этика XXI века. Если будет продолжаться господство «экономизма», то высокий уровень подверженности циклическим колебаниям станет характерным признаком современной рыночной экономики со всеми вытекающими последствиями для экономической безопасности. Если же произойдёт христианская этизация рыночной экономики, то она получит значительный стабилизационный потенциал с превентивным антициклическим характером (что, кстати, позволит придать тот же превентивный характер и государственному антикризисному регулированию).

Несомненно, что самым сложным моментом является практический аспект реализации этизации рыночной экономики. Естественным образом этот процесс происходит не будет. В первую очередь, думается, это должно инициироваться государством и церковью. За государством может быть законодательная и экономическая (льготы и поощрения за реальную этизацию хозяйственной деятельности, например) поддержка этого процесса. Церковь же может активизировать внедрение этических принципов в общественное сознание. Определённая доля работы остаётся и предпринимательству, и потребителям. Таким образом, только совместная деятельность различных субъектов социума может привести к тому, что произойдёт смена хозяйственной этики, которая будет способствовать трансформации рыночной экономики в свою более устойчивую модификацию с гораздо меньшим кризисным потенциалом.

Библиографический список

1. Аристотель. Политика [Электронный ресурс] / Аристотель. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/aristotle/polit/polit1-3.htm>
2. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер ; пер. с нем. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.
3. Гринин, Л. Е. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег / Л. Е. Гринин // Философия и общество. – 2009. – № 1. – С. 5–31.
4. Зомбарт, В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / В. Зомбарт ; пер. с нем. – М. : АЙРИС ПРЕСС, 2004. – 624 с.
5. Орлянский, Е. А. Этно-религиозный фактор в истории экономической мысли / Е. А. Орлянский. – Омск : Издатель Погорелова Е. В., 2008. – 189 с.
6. Патласов, О. Ю. Антикризисное управление. Финансовое моделирование и диагностика банкротства коммерческой организации : учебное пособие / О. Ю. Патласов, О. В. Сергиенко. – М. : «Книжный мир», 2009. – С. 17–31.
7. Патласов, О. Ю. Этические финансы в нравственной экономике / О. Ю. Патласов, С. С. Каирденов // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2015. – № 4 (22). – С. 213–225.
8. Прохоров, М. М. Философские основания экономики и экономизм / М. М. Прохоров // Философия и общество. – 2014. – № 2. – С. 5–18.
9. Рих, А. Хозяйственная этика / А. Рих ; пер. с нем. – М. : Посев, 1996. – 810 с.
10. Савкин, Н. С. Идеология экономизма как основание отчуждённости от социальности / Н. С. Савкин // Экономическая история. – 2015. – № 3. – С. 76–80.
11. Семерник, С. З. Интерпретационный потенциал экономической рациональности в свете актуальных проблем современной социодинамики / С. З. Семерник // Философия права. – 2015. – № 3. – С. 79–82.
12. Ульрих, П. Критика экономизма / П. Ульрих ; пер. с нем. – М. : Вузовская книга, 2004. – 120 с.
13. Хейне, П. Экономический образ мышления / П. Хейне ; пер. с англ. – М. : Новости, 1991. – 704 с.
14. Этический кодекс православного предпринимателя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rosanaliz.ru/Post.aspx?Post=192>
15. Ільїна Г. Моральна телеологія в етичній критиці економізму / Г. Ільїна // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія: Економіка. – 2014. – № 8. – С. 49–52.

E. A. Orljanskij, Plekhanov Russian University of Economics Omsk institute (branch)
**THE ECONOMIC ETHICS OF THE MARCET ECONOMY
OF THE XXST CENTURY. WHAT IS IT TO BE?**

The article deals with the impact of the economic ethics on the economy. The problem is considered in the context of the opposition Christian business ethics (entirely determined by the development of market economy in Europe until the 17th century) and the so-called «economism» (replaced Christian economic ethics at some point). On the basis of the opposition concludes, «economism», inherently generates cyclical and cyclical crises, and Christian economic ethics has a pronounced anti-crisis potential.

Keywords: market economy, cyclical, crisis, economic ethics, «economism».

References

1. Aristotel'. *Politika* [Policy]. Available at <http://philosophy.ru/library/aristotle/polit/polit1-3.htm>
2. Veber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Selected works. The image of society]. Moscow, Iurist Publ., 1994, 704 p.
3. Greenin L. E. Global crisis as a crisis of money overproduction. *Filosofia i obshchestvo*. 2009, No. 1, pp. 5–31.
4. Zombart V. *Burzhua. Evrei i hoziai'stvennaia zhizn'* [Bourgeois. The Jews and economic life]. Moscow, AI'RIS PRESS Publ., 2004, 624 p.
5. Orljanskii E. A. *E'tno-religioznoi faktor v istorii e'konomicheskoi my'sli* [Ethno-religious factor in the history of economic thought]. Omsk, Pogorelova E. V. Publ., 2008, 189 p.
6. Patlasov O. Iu., Sergienko O. V. *Antikrizisnoe upravlenie. Finansovoe modelirovanie i diagnostika bankrotstva kommercheskoi organizatsii* [Crisis management. Financial modeling and bankruptcy diagnostics of the commercial organization]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2009, pp. 17–31.
7. Patlasov O. Iu., Kairdenov S. S. Ethical finance in the moral economy. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia*, 2015, No. 4 (22), pp. 213–225.
8. Prohorov M. M. Philosophical Foundations of Economics and Economism. *Filosofia i obshchestvo*, 2014, No. 2, pp. 5–18.
9. Rikh A. *Hoziai'stvennaia e'tika* [Economic ethics]. Moscow, Posev Publ., 1996, 810 p.
10. Savkin N. S. The ideology of Economism as a basis of exclusion from sociality. *E'konomicheskaiia istoriia*, 2015, No. 3, pp. 76–80.
11. Semernik C. Z. Interpretative potential of economic rationality in the light of topical problems of modern socio-dynamics. *Filosofia prava*, 2015, No. 3, pp. 79–82.
12. Ul'rikh P. *Kritika e'konomizma* [The Critique of Economism]. Moscow, Vuzovskaia kniga Publ., 2004, 120 p.
13. Khei'ne P. *E'konomicheskii obraz my'shleniia* [The economic way of thinking]. Moscow, Novosti Publ., 1991, 704 p.
14. *E'ticheskii kodeks pravoslavnogo predprinimatelia* [The code of ethics of the Orthodox entrepreneur]. Available at <http://rosanaliz.ru/Post.aspx?Post=192>
15. Il'ina G. Moral teleology in ethical critique of the Economism. *Visnik Kiivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Serii: Ekonomika* Publ., 2014, No. 8, pp. 49–52.

© Е. А. Орлянский, 2016

Автор статьи – **Евгений Анатольевич Орлянский**, кандидат экономических наук, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Рецензенты:

О. В. Сергиенко, кандидат экономических наук, доцент, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

С. Е. Метелев, доктор экономических наук, профессор, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Е. В. Авдейчикова,
Омский институт (филиал)
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

ВЗАИМОСВЯЗЬ МАРКЕТИНГА И ЛОГИСТИКИ В ЦЕЛЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

В данной статье рассматривается необходимость интеграции маркетинга и логистики в процессе формирования системы распределения готовой продукции. Базисом интеграции концепций маркетинга и логистики является их экономическая общность. По результатам проведённого исследования были представлены выводы и сформулированы рекомендации товаропроизводителю по расширению каналов в системе распределения и повышению эффективности продвижения продукции на рынок.

Ключевые слова: концепция маркетинга и логистики, мониторинг рынка, снеговая продукция, торговая марка (ТМ), система распределения.

Проблемы повышения эффективности и конкурентоспособности российских компаний на фоне нестабильной экономической и политической ситуации на мировых рынках требуют коренного пересмотра существующих парадигм управления субъектами хозяйственной деятельности на макро- и микроэкономических уровнях. Современные методы управления должны обеспечивать результативность производства с учётом инновационной деятельности, внедрения новых концепций и технологий.

В настоящее время вопросы интеграции маркетинга и логистики в процессе формирования системы распределения готового продукта активно обсуждаются в научной среде [5]. Дело в том, что концепция логистики и маркетинга базируется на экономической общности, отражающей сущность рыночных процессов. При этом маркетинг представляет собой концепцию управления производством и реализацией продукции, ориентированную на спрос. Логистика является концепцией управления материальными, информационными и иными потоками, ориентированной на эффективное использование средств и усилий предприятия с целью удовлетворения потребностей потребителей. В обеих концепциях четко выражена роль потребителей. По целям и решаемым задачам логистика и маркетинг, в сущности, представляют собой части единого процесса – удовлетворения потребностей потребителей.

Для классической интерпретации маркетинга характерны 8 типичных подходов: философский, поведенческий, информационный, стратегический, аспект согласованности действий, сегментирования, координационный, социальный аспект [6].

Современная концепция маркетинга выделяет четыре основные комплексные функции:

- исследование рынка и сбор информации;
- разработка и планирование ассортимента продукции;
- организация товародвижения и продаж;
- реклама и стимулирование сбыта [4, 105].

Маркетинг является инструментом управления рынком и, соответственно, регулирования, анализа, планирования, учёта и других функций менеджмента. Маркетинг можно рассматривать как специфическую функцию управления, назначение которой заключается в обеспечении деятельности, исходя из изучения и учёта спроса, требований конкретных клиентов для достижения наивысших результатов [7].

Планирование является одной из функций маркетинга и важной функцией менеджмента. Категории «организация» и «планирование» относительно самостоятельны при их связи с категорией «управление». Целью организации является оптимизация количественного и качественного сочетания во времени и в пространстве средств производства и рабочей силы. Координация действий персонала для достижения поставленных задач – цель управления. С одной стороны, организация, планирование – это функции менеджмента; в этой части организация имеет своей целью совершенствование, развитие уже имеющейся структуры системы, иначе отсутствие постоянной организационной направленности превратит систему в неупорядоченную, неуправляемую, она может даже развалиться. Особая значимость другой стороны организации состоит в том, что, чтобы чем-то управлять, надо это создать, иметь объект управления, т. е. какую-то систему. В этом смысле с позиции

системного анализа управление и организация – свойства системы; управление – развитие (изменение) уровня организации системы; организация – состояние системы [8].

О. Ю. Патласов при этом фиксирует диалектику менеджмента, от маркетинг-менеджмента к управлению через контроллинг, далее к логистическому управлению, в зависимости от важности задач управления выбирается одна из функций и ставится «над системой управления».

Эффективное выполнение данных функций не может быть в полной мере реализовано без участия службы логистики. Остановимся подробнее на реализации первой функции маркетинга и влиянии результатов исследования рынка на формирование логистической системы распределения предприятия.

В последние годы потребитель и его модели поведения становятся объектами самого пристального внимания товаропроизводителей и ритейла. Поскольку потребитель, выражая свои симпатии и антипатии, покупательские предпочтения, может решать судьбу как товаропроизводителя, так и продавца, необходимо в максимальной степени задействовать все возможности всестороннего и углубленного изучения потребителя, включая вопросы мотивации, принятия решений о покупке, формирования покупательских предпочтений, лояльности к бренду. Таким образом, изучение реакции потребительского рынка на изменение ассортимента и каналы продаж позволяет маркетинговой службе предприятия оптимизировать как его ассортиментную политику, так и систему распределения.

В мае 2014 г. в рамках научно-исследовательской работы с целью выявления проблем городских продаж снековой продукции регионального производителя был проведен мониторинг потребительского рынка г. Омска. Задачи исследования состояли в том, чтобы, используя методы и инструменты маркетинга выявить причины сложившейся ситуации и на основе полученной информации приступить к решению проблем распределительной логистики предприятия. Актуальность исследования объяснялась тем, что сбор, хранение и анализ оперативных данных необходимы специалистам производственного предприятия для моделирования реальных ситуаций и выбора инструментов маркетинга и логистики, позволяющих сократить затраты, связанные с управлением ассортимента и каналами распределения. Удовлетворение спроса покупателей и повышение конкурентоспособности продукции даёт возможность предприятию иметь стабильные продажи и получить оптимальную рентабельность. Однако для этого необходимо эффективно работать над ассортиментом, потому что именно ассортимент в наибольшей степени влияет на выбор места покупки. В качестве методов анализа потребительского рынка были использованы наблюдение и опрос потребителей [3, с. 120]. При этом метод «наблюдений» применялся как источник информации для построения гипотезы и служил проверкой данных, собранных в процессе исследования.

На I этапе исследования в качестве инструментов были разработаны лист наблюдений и анкета. Лист наблюдений предполагал сбор информации по объекту (конкретному торговому предприятию), попавшему в зону обследования по ассортименту снековой продукции, торговым маркам, представленным в ассортименте данного предприятия, и товаропроизводителям, присутствующим на потребительском рынке г. Омска. При помощи анкеты методом опроса предполагалось составить портрет потребителей снековой продукции ООО ПКП «Гефест», выявить места продажи снековой продукции в целом и ТМ «XLove», ТМ «Marvelsnacks» в частности.

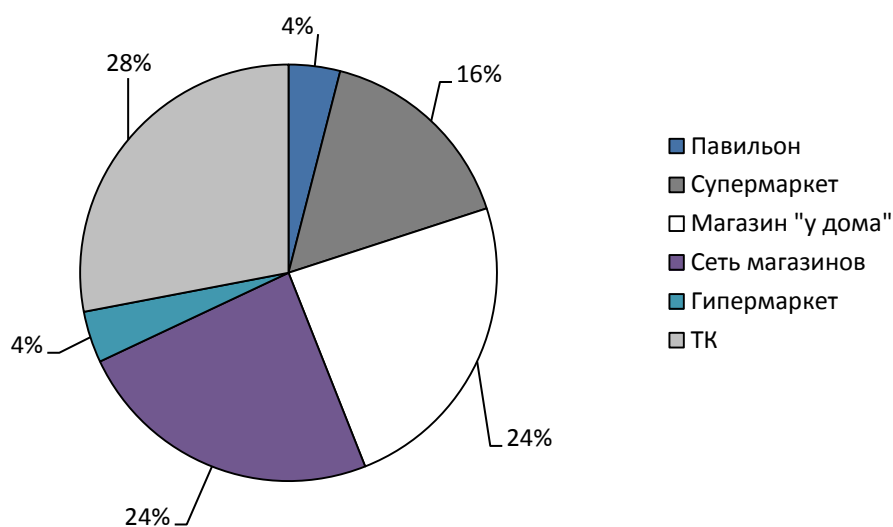
На II этапе исследования в течение месяца был проведен мониторинг розничных предприятий пяти форматов, где присутствовала снековая продукция ТМ «XLove» и ТМ «Marvelsnacks», а также опрос респондентов.

На III этапе исследования были обработаны заполненные листы наблюдений и анкеты для дальнейшего анализа.

Анализ снековой продукции показал, что на потребительском рынке г. Омска представлен широкий ассортимент данной продукции разных товаропроизводителей под разными торговыми марками. В целом, в исследуемых торговых объектах было обнаружено около 29 торговых марок снековой продукции, из них официально зарегистрированных – 14. К ним относятся Super Drive, «Семочки», «Бабкины», «Караван», Chaka, «Жико», «365 дней», «Принглс», «Выгодная покупка», Lays, «Читос», «Хрустiam», «Три корочки», «Степановна». Необходимо отметить омского товаропроизводителя, чья продукция широко представлена в обследованных предприятиях, – ООО «Сиббалт». В частности, снековая продукция данного товаропроизводителя имеется в региональной сети супермаркетов «Наш магазин», сети гипермаркетов «Победа», сети магазинов формата «шаговой доступности» «Продукты 24», а также в торговых комплексах. Кроме того, на рынке присутствует снековая продукция иногородних товаропроизводителей таких, как: «Джинн», «Караван» – ЗАО «Смарт», г. Катав-Ивановск, Челябинская область; «Пацанские» – ООО «MaCC», г. Чебаркуль; «Зум зум» – «ВелКен» г. С-Петербург; Light – ЗАО УК «СБ», г. Томск и прочие.

Имеет место снековая продукция, разработанная непосредственно как торговая марка для определённой торговой сети, которая только там и реализуется. Например, для ООО «Планета Холлидей» производится снековая продукция ТМ «Выгодная покупка», которая представлена в магазинах «Сибириада» и «Холди»; для ЗАО «Тандер» сеть магазинов «Магнит» выпускается ТМ «Семечек стакан»; для ООО «Лента» – ТМ «365 дней». Данная тенденция прослеживается в последнее время и это необходимо учесть омским товаропроизводителям снековой продукции с целью возможности заключения договоров с розничными сетями на производство и реализацию снековой продукции под частной маркой ритейла.

В процессе исследования было проанализировано всего 25 торговых предприятий, где реализуется снековая продукция. Структура объектов исследования представлена на рис.

Структура исследуемых торговых предприятий

В объект исследования попали торговые предприятия разных форматов: торговые сети ЗАО «Тандер» сеть магазинов «Магнит», сеть магазинов «Сибириада», сеть гипермаркетов «Победа», сеть гипермаркетов «Лента», сеть супермаркетов «Наш магазин», сеть «Продукты 24», магазины шаговой доступности, а также торговые комплексы.

Снековая продукция ООО ПКП «Гефест» под ТМ «XLove» и ТМ «Marvelsnacks» была обнаружена в девяти магазинах, что составляет 36 % из числа обследованных предприятий, в основном это формат «Магазин шаговой доступности». Этот факт свидетельствует о слабом продвижении продукции омского производителя на региональном рынке. По данным ООО ПКП «Гефест», снековая продукция под ТМ «XLove» и ТМ «Marvelsnacks» поставляется в 34 объекта г. Омска. Следует отметить, что дислокация этих торговых предприятий крайне неравномерна на территории административных округов г. Омска и все они представляют формат «Магазин шаговой доступности» либо павильоны на остановках общественного транспорта. Данная ситуация свидетельствует о том, что ТМ «XLove» и ТМ «Marvelsnacks» составляет слабую конкуренцию для производителей снековой продукции на потребительском рынке г. Омска.

В настоящее время торговля претерпевает значительные изменения в связи с развитием научно-технического прогресса, информационных технологий и доступа в интернет. Наряду с традиционной стационарной и нестационарной торговлей, ранее известной и изученной, появляются новые технологии реализации товаров, дополняющие традиционные, которые сами по себе достаточно экономически и социально эффективны. К ним относятся: интернет-торговля, телемагазины, торговля через почтовые каталоги, вендинг и прочие, так называемые дистанционные способы продажи товаров, а также их можно отнести к удалённым каналам распределения готовой продукции [1, с. 143]. Доля современных форматов предприятий и каналов распределения растёт с каждым годом, меняется их структура, в частности увеличивается доля товарооборота, приходящаяся на так называемые «удалённые каналы» [2, с. 283].

На потребительском рынке г. Омска также происходят изменения, которые затрагивают производителей, потребителей и каналы распределения готовой продукции. В целом по результатам проведённого мониторинга потребительского рынка г. Омска можно сделать следующие выводы:

- Основными потребителями снековой продукции являются молодые люди в возрасте 19–25 лет, и 80 % из них оказались студентами. Столь значительная доля молодёжи подтверждает гипотезу, сформулированную вначале проведённого исследования, что основным сегментом потребителей является молодёжь города. Это необходимо учитывать при выборе мероприятий по стимулированию продаж снековой продукции.

- Анализ структуры потребления ассортимента снековой продукции выявил, что чаще всего респонденты предпочитают покупать семечки – это 30 % из числа опрошенных, на втором месте по популярности фисташки, их предпочитает 21 % опрошенных, 18 % респондентов предпочитает арахис, 13 % – фруктово-арахисовые смеси, одинаковое количество – 8 % участвующих в опросе – выбрали чипсы, кешью, только 2 % потребителей выбрали вариант «прочее».

- Опрос потребителей снековой продукции показал, что ТМ «XLove» и ТМ «Marvelsnacks» недостаточно известны на рынке г. Омска, поскольку 77 % респондентов ответили, что не знают о существовании такой продукции и лишь 20 % дали положительный ответ, т. е. около 24 человек из 106 опрошенных ранее приобретали и пробовали снековую продукцию под торговыми марками ТМ «XLove», ТМ «Marvelsnacks».

- Наибольшее число опрошенных ответили, что снековую продукцию приобретают в стационарных предприятиях определённого ритейлера. Отдельные респонденты отмечали одновременно все представленные в ответе варианты, что говорит об отсутствии строгой избирательности покупателей в выборе места продажи снековой продукции. Главное условие совершения покупок – это активное представление снековой продукции в разных торговых предприятиях на потребительском рынке г. Омска.

- В процессе мониторинга выявлено слабое присутствие какой-либо рекламы на продукцию ТМ «XLove», ТМ «Marvelsnacks».

Далее в рамках научного исследования были проанализированы существующие каналы распределения ООО ПКП «Гёфест». В результате выявлены резервы в повышении эффективности логистической системы распределения снековой продукции омского производителя. Привлечение дополнительных дистрибьюторов, таких как ТД «Шкуренко», холдинговая компания «Архей», ООО «ТД Бакаева» и группа компаний «Океан», в качестве участников каналов распределения обеспечит активное продвижение на потребительский рынок снековой продукция под ТМ «XLove» и ТМ «Marvelsnacks». Известно, что использование посредников в каналах распределения приносит производителям определённые выгоды, в частности, можно добиться экономии финансовых средств, осуществляя продажу и доведение продукции до потребителей силами и средствами дистрибьюторов. Например, преимуществом заключения договора с ТД «Шкуренко» является возможность поставок продукции в их собственную розничную сеть ООО «Холлифуд» – 28 гипермаркетов «Низкоцен», расположенных в г. Омске, а также в Омской, Новосибирской и Тюменской областях; прямые поставки в северную часть России и в Казахстан; в сеть магазинов «Продукты 24», насчитывающую 38 торговых предприятий формата «шаговой доступности», расположенных в г. Омске.

Таким образом, в целях формирования эффективной логистической системы распределения и продвижения готовой продукции на рынок омскому товаропроизводителю необходимо использовать выводы, представленные по результатам проведённого мониторинга.

- Приняв во внимание тенденцию по производству продукции под частной маркой розничной сети, необходимо рассмотреть возможность заключения договора с омскими либо национальными ритейлерами на производство и реализацию снековой продукции под частной маркой.

- С целью повышения объёмов продаж, конкурентоспособности и завоевания потребительских предпочтений необходимо расширить список дистрибьюторов для построения дополнительных каналов распределения.

- Для продвижения продукции на потребительский рынок г. Омска в сегменте «Молодёжь города» целесообразно использовать рекламу в социальных сетях и молодёжных форумах, проводить акции и конкурсы по снековой продукции во время общегородских мероприятий: «День молодёжи», «День защиты детей», «День города» и т. д.

- В крупных супермаркетах необходимо привлекать мерчендайзеров или промоутеров для размещения снековой продукции ТМ «XLove», ТМ «Marvelsnacks» в торговом зале на фирменных стойках.

• Следует рассмотреть возможность использования вендинга для реализации снековой продукции в городских объектах с высокой проходимостью (вокзалы, торговые комплексы, офисные центры, торговые сети и т. д.).

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты маркетингового исследования позволили предложить ряд мероприятий, обеспечивающих модернизацию существующей логистической системы распределения омского товаропроизводителя и повышение качества её управления.

Библиографический список

1. Авдейчикова, Е. В. Инновации в торговой деятельности: российский и зарубежный опыт / Е. В. Авдейчикова, С. П. Трубицина, В. В. Бургат. – Омск : Издательство «Компаньон», 2015. – 270 с.
2. Авдейчикова, Е. В. Современное состояние рынка удалённой торговли в России: тенденции и проблемы развития / Е. В. Авдейчикова // Проблемы современной экономики. – СПб. : ЦНИТ «Астерон», 2013. – № 2. – С. 280–295.
3. Карпова С. В. Инновационный маркетинг: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. В. Карпова [и др.] ; под общ. ред. С. В. Карповой. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 457 с.
4. Котлер, Ф. Маркетинг от А до Я. 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер / Ф. Котлер. – 4-е изд. – М. : Издательство ООО «Альпина Паблишер», 2015. – 211 с.
5. Маркетинг: общий курс : учеб. пособие для бакалавров / под ред. А. Я. Якобсона, Н. Я. Калюжной. – 6-е изд., перераб. – М. : Омега-Л, 2013. – 503 с.
6. Патласов, О. Ю. Маркетинговое управление рынком труда / О. Ю. Патласов. – 2-е изд., доп. и перераб. – Омск : ОмГАУ-ОГИ, 2006. – С. 280.
7. Патласов, О. Ю. Маркетинг-менеджмент рынка труда / О. Ю. Патласов. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2000. – 640 с.
8. Патласов, О. Ю. Маркетинг персонала : учебник для бакалавров / О. Ю. Патласов. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – С. 129.
9. Харова, С. М. Организация предпринимательской деятельности : учебное пособие / С. М. Харова, И. С. Метелев, Б. Г. Хаиров. – Омск : ООО «Омскбланкиздат», 2012. – 254 с.

E. V. Avdeichikova,

Plekhanov Russian University of Economics Omsk Institute (branch)

RELATIONSHIP MARKETING AND LOGISTICS IN ORDER TO CREATE EFFICIENT DISTRIBUTION SYSTEMS

This article discusses the need of integration marketing and logistics system in the process of distribution of the finished product. The basis of integration marketing and logistics concepts is their economic similarity. According to the results of the study there were presented conclusions and formulated recommendations to commodity producers for expansion the channels of distribution system and improving the efficiency of product promotion.

Keywords: the concept of marketing and logistics, market monitoring, snack products, brand, distribution system.

References

1. Avdei`chikova E.V. Trubitsina S.P., Burgat V.V. *Innovatsii v trgovoi` deiatel`nosti: rossii`skii` i zarubezhnyi`i` opy`t* [Innovation in trading activity: Russian and foreign experience]. Omsk, Kompan`on Publ., 2015, 270 p.
2. Avdei`chikova E.V. *Current state of the market of distant trade in Russia: trends and problems of development. Problemy` sovremennoi` e`konomiki*. SPb, TCNIT Asteron Publ., 2013, No. 2, pp. 280–295.
3. Karpova S. V. *Innovatsionny`i` marketing* [Innovative marketing]. Moscow, Iurai`t Publ., 2016, 457 p.
4. Kotler F. *Marketing ot A do Ia. 80 kontseptcii`, kotory`e dolzhen znat` kazhdy`i` menedzher* [Marketing from A to Z. 80 concepts that every manager should know]. Moscow, Al`pina Publisher, 2015, 211 p.
5. *Marketing* [Marketing]/ ed. by Iakobson A. Ia., Kaliuzhnoi` N. Ia. Moscow, Omega-L Publ., 2013, 503 p.
6. Patlasov O. Iu. *Marketingovoe upravlenie ry`nkom truda* [Marketing management of labour market]. Omsk, OmGAU-OGI Publ., 2006, p. 280.
7. Patlasov O. Iu. *Marketing-menedzhment ry`nka truda* [Marketing management labour market]. Tomsk, TSU Publ., 2000, 640 p.
8. Patlasov O. Iu. *Marketing personala* [Staff marketing]. Moscow, Dashkov&co. Publ., 2015, p. 129.

9. Harova S. M., Metelev I. S., Hairov B. G. *Organizacija predprinimatel'skoj dejatel'nosti* [The organization of business activity]. Omsk. Omskblankizdat Publ., 2012, 254 p.

© Е. В. Авдейчикова, 2016

Автор статьи – Елена Викторовна Авдейчикова, кандидат технических наук, доцент, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, e-mail: avdeich@mail.ru

Рецензенты:

С. Н. Хоботова, кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.
С. М. Хаирова, доктор экономических наук, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

УДК 336.7

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.204

Т. В. Завгородняя, Т. С. Юстус,
Омский институт (филиал)

Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

БИЗНЕС-АНГЕЛЬСКОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ В РОССИИ

Бизнес-ангелы – это состоятельные люди, инвестирующие собственные средства в частные компании на начальных стадиях развития, обладающие значительным потенциалом роста, как правило, без предоставления какого-либо залога. Характерной особенностью такого способа инвестирования является то, что бизнес-ангел, не являясь бедным человеком, не имеет необходимости извлекать полученную компанией прибыль. Его цель – реинвестируя всю полученную компанией прибыль, максимально увеличить стоимость компании и по истечении оговоренного срока продать свою долю в компании, многократно увеличив собственные первоначальные вложения.

Ключевые слова: бизнес-ангел, инновации, инвестирование, стартап.

В последнее время тема развития бизнес-ангельского инвестирования в России все чаще обсуждается среди инвесторов, экспертов, управленцев. Следует сразу же отметить, что это явление не связано ни с каким религиозным течением. Это чисто финансовый проект, нацеленный на начальных этапах развития бизнеса только на реинвестирование своих капиталов с тем, чтобы в будущем продать свою долю бизнеса, т. е. не только вернуть вложенные средства, но и значительно их увеличить.

Понятие «бизнес-ангел» появилось в США в начале XX века, для России оно является сравнительно новым. В «Словаре эвфемизмов русского языка» указано, что понятию соответствует устаревшее слово «меценат».

Бизнес-ангел – это лицо, которое использует свои личные свободные финансовые средства, а также предпринимательский или профессиональный опыт для инвестирования в перспективные компании на ранней стадии развития. Бизнес-ангелы могут осуществлять инвестиции самостоятельно или в рамках группы (синдиката).

Они получили свое название потому, что мало кто кроме них решается вкладывать деньги в рискованные проекты, которые не имеют достаточного обеспечения. Иногда решение о финансировании бизнес-ангел принимает на основании положительного впечатления о предпринимателе и уверенности в реализации проекта. И задача предпринимателей, желающих привлечь инвестиции в свой проект, – создать такую уверенность у бизнес-ангела.

Бизнес-ангелы предоставляют финансирование на длительный (3–7 лет) срок, без залогов и гарантий, в обмен на пакет акций в новой компании. При этом частный инвестор делится с командой стартапа своим опытом в сфере управления бизнесом, участвует в принятии ключевых решений для развития стартапа [2].

Цель бизнес-ангела – не регулярные дивиденды от участия в проекте (они реинвестируются в целях развития), а фиксация прибыли на «выходе», т. е. продажа его доли в предприятии через 3–7 лет за цену, намного превосходящую вложения. Бизнес-ангел должен обладать значительными средствами, потеря части которых от неудачного вложения в рискованный проект не повлияет на его уровень жизни и дальнейшую коммерческую деятельность.

Инвестиции бизнес-ангелов являются крайне рискованными, что выражается в высокой доходности удачных вложений и большой доле поражений. Статистика показывает, что до 50 % инвестиций бизнес-ангелов оказываются неудачными, т. е. не обеспечивают возвратности вложений. Однако в тех случаях, когда инвестиции осуществлялись в несколько компаний в рамках комбинированного портфеля, отдача инвестиций достигает уровня 20 % и даже выше.

Размер инвестиций бизнес-ангелов находится в пределах от 20 тыс. до нескольких миллионов долларов и обычно составляет 5–20 % имеющихся у них средств. Бизнес-ангелы совершают несколько инвестиций, тем самым распределяя свои вложения и снижая риск. Примерно треть инвестиций осуществляется путём вовлечения двух или более бизнес-ангелов. Таким образом, могут быть профинансированы более крупные проекты и снижен риск для инвесторов.

Две трети бизнес-ангелов рассматривают проекты, расположенные в своем регионе, т. е. в пределах 1–2 часов пути до компании. Если инвесторы имеют определённые инвестиционные интересы или инвестируют в высокотехнологичные сектора, то готовы рассматривать и более удалённые проекты. Это характерно для предприятий в сфере импорта-экспорта и проектов, связанных с внедрением зарубежных технологий, для которых бизнес-ангел сможет использовать преимущества своего места расположения.

Религиозные нормы оказывают влияние на бизнес-этику верующих той или иной конфессии. При анализе опыта ряда стран экономический успех можно наблюдать в тех странах, где в экономической сфере основными добродетелями личности и бизнеса являются честность, достоинство, уважение к партнёру и к своим обязательствам. Та или иная религия отчётливо прививает эти качества своим последователям. Необходима ясная политика встраивания банковских продуктов в финансово-кредитные системы светских государств как развитие этических финансов. Этические нормы исламского банкинга в сочетании с принципами разделения прибыли и рисков привлекают в исламские банки не только мусульман. Этический банкинг не ограничивается только исламским, а относится ко всем мировым религиям, в том числе православию, имеющих общие базовые этические принципы [1].

Бизнес-ангельское инвестирование – это особый сектор экономики, по ряду параметров отличный от венчурного инвестирования. Принципиальное различие состоит в том, что для венчурного фонда существуют формальные требования на прибыльность и риск проектов, которые управляющие компании вынуждены выполнять для привлечения капиталов широкого круга инвесторов: банков, крупных корпораций, пенсионных и страховых фондов. Бизнес-ангелы, напротив, рискуя лишь «своим» капиталом или объединяясь между собой, абсолютно свободны в своих действиях, а управление компанией-реципиентом инвестиций носит неформальный характер. В силу этого бизнес-ангелы идут в те проекты, которые из-за рискованности не подходят даже для венчурных инвесторов. С другой стороны, объёмы средств, предоставляемые бизнес-ангелом, в несколько раз меньше тех, что может дать венчурный фонд средних размеров [4].

В связи с этим между венчурными фондами и бизнес-ангелами существует не конкуренция, а «разделение труда»: бизнес-ангелы принимают участие в формировании компании на самой ранней, «посевной», стадии, когда проект находится лишь на уровне структурирования идеи и формирования бизнеса, требует относительно небольших инвестиций. Венчурные фонды берут «стартапы» – компании с уже существующим бизнесом и продуктом (опытный образец, мелкая серия и т. д.) и размером прибыли, поддающимся прогнозированию [6].

Большинство бизнес-ангелов активнее всего вкладываются в ИТ-проекты, сферу услуг, промышленное производство, розничную и оптовую торговлю, финансы и страхование.

В центре внимания российских бизнес-ангелов всё больше проекты из Израиля, США и Европы. В портфелях некоторых опытных бизнес-ангелов уже более половины проектов не из России.

Наиболее активные бизнес-ангелы России:

1. Лаборатория FutureLabs. Её основатель инвестирует в различные компании на самых ранних стадиях в среднем 25–75 тыс. долл. В портфеле в основном проекты в сфере ИТ – от интернет-проектов до стартапов в сфере robotics. География его инвестиций в последний год оказалась преимущественно вне России (из 20 проектов только 5 – в РФ). Среди известных – сервис для поиска недвижимости для аренды Lovely, из которого инвестор уже сделал выход, и мобильное приложение для продажи вещей в FacebookSoldsie.

2. Клуб инвесторов Московской школы управления «Сколково». В портфеле её основателя около 25 проектов, наиболее известные из которых – Pixonic, «Кнопка Жизни» и Printio.ru. 80 % в его активах – российские компании, остальные из США и Азии. Интересны для него и такие сферы: Big Data, Collaborative Consumption, Health Informatics, Online Education, Internet of Things, E-commerce, Gaming, Consumer Internet & Mobile services, Health & Science. Средний чек клуб не раскрывает.

3. Компания GetHoused.com, которая долгое время считалась одним из лидеров в сфере рекламы недвижимости в интернете и затем была продана Apartments.com. По словам основателя компании, он дал довольно большие чеки (около 200–250 тыс. долл.) нескольким компаниям. Одна из них, ElinaBiosciences, развивала технологию ранней диагностики рака желудка, другая – Interfaith 360 – ИТ-сервис для религиозных организаций. Всего компания вложила в пять проектов, успешным из которых оказался один – Rolith, известный сегодня в США производитель наноматериалов, использующихся в том числе в производстве электроники.

4. Появился и новичок – инвестирующий предприниматель Евгений Медведников. За последний год он вложился в 6 стартапов: это конструктор приложений iBuildApp, проект в сфере «быстрого» онлайн-образования Coursmos, рекламная платформа Clickganic, сервис извлечения данных с веб-страниц Convextra, сервис для телефонных экспертных консультаций Telefacet, а также конструктор для «обучения» пользователей интерфейсу сайта MyTips. Средний чек Евгения – около 100 тыс. долл. Наиболее интересные для этого ангела ниши – mobile, онлайн-образование, реклама и логистика.

5. Фонд Daydreamer. Фонд инвестирует в основном в healthcare, cleantech, а также в инженерные стартапы и робототехнику, интернет-проекты, связанные с образованием, детскими сервисами и медиа. В фонде есть довольно известные проекты – например, Lumobodytech (гаджет и мобильное приложение для коррекции осанки), StromaMedical (неинвазивный способ смены карего цвета глаз на голубой), а также фитнес-стартап Retrofit, food-стартап Zesty и носимый гаджет OM Signal. Средний чек основателя фонда – 0,5 млн долл. [3].

Бизнес-ангельское инвестирование – процесс сложный. В ходе его каждый участник должен обработать большой массив информации, касающийся другой стороны: инвестор – о потенциально выгодных для вложения проектах, предприниматель – о возможных инвесторах и их условиях. В данном бизнесе возможно достижение синергетического эффекта за счет создания структур поддержки бизнес-ангелов. Такие объединения носят самые разные названия (сети, ассоциации, союзы) и распространены в большинстве развитых стран мира [5].

Национальное содружество бизнес-ангелов (СБАР) – это российское объединение бизнес-ангелов национального масштаба, созданное при поддержке Российской ассоциации венчурного инвестирования и Торгово-промышленной палаты РФ в 2006 году в форме некоммерческого партнёрства.

Цель СБАР – оказание содействия становлению и развитию новой отрасли в экономике страны – бизнес-ангельского инвестирования на основе создания благоприятных условий для деятельности бизнес-ангелов в России.

Приоритетные направления деятельности:

- 1) обучение, бизнес-тренинги менеджеров инновационных компаний, которые уже проинвестированы бизнес-ангелами или планируют получить инвестиции от бизнес-ангелов;
- 2) подготовка инновационных компаний к бизнес-ангельскому инвестированию;
- 3) подготовка инновационных компаний бизнес-ангелов к привлечению капитала на следующих стадиях развития в виде венчурных и прямых инвестиций;
- 4) подготовка инновационных компаний бизнес-ангелов к выходу из проекта;
- 5) оказание содействия в размещении малых инновационных компаний бизнес-ангелов в технопарках, бизнес-инкубаторах на льготных условиях;
- 6) подбор квалифицированных инновационных менеджеров, создание и развитие кадрового агентства СБАР;
- 7) создание благоприятных условий для продажи инновационных продуктов и компаний, в т. ч. за счёт организации и участия в выставках, ярмарках, конкурсах и оказание помощи в подготовке к участию в тендерах.

Главной проблемой развития бизнес-ангельского инвестирования в России является наличие более привлекательных для вложений объектов: недвижимости, акций сырьевых компаний, потребительского и финансового сектора. Эти сегменты экономики быстрее становятся доходными, а процесс вложения в них значительно проще, чем инвестирование инновационных компаний [7].

Таким образом, задачей сегодняшнего дня является организация «перелива» капитала в венчурный и бизнес-ангельский сектор.

Для решения поставленной задачи необходимо упростить процесс бизнес-ангельских инвестиций и, по сути, создать этот сектор в российской экономике. Имеющийся на сегодня российский опыт инвестиций показывает, что процесс вложения средств бизнес-ангелов в инновационные компании сопряжён с рядом сложностей.

Бизнес-ангельское инвестирование – один из важнейших элементов новой экономики – экономики знаний. Инвестируя в технологии, интеллект, креативные команды, бизнес-ангел закладывает будущее благополучие для себя, партнёров, страны.

Библиографический список

1. Патласов, О. Ю. Этические финансы в нравственной экономике / О. Ю. Патласов, С. С. Каирденнов // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2015. – № 4 (22). – С. 213–225.
2. Клопотова, Л. М. Бизнес-ангелы в инновационной системе России / Л. М. Клопотова, Л. С. Веснина // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 2(22). – С. 79–80
3. Ангелы в России и за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL. : <http://www.techbusiness.ru/content/?lang=ru&div=47> (дата обращения 11 октября 2015 г.)
4. Бизнес-ангел [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бизнес-ангел> (дата обращения 11 октября 2015 г.)
5. Бизнес-ангельское инвестирование – перспективный источник получения высоких доходов [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL : <http://www.rcb.ru/rcb/2007-02/8125/> (дата обращения 11 октября 2015 г.)
6. Неформальный рынок венчурного капитала: бизнес-ангелы [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL : <http://business-angels.narod.ru> (дата обращения 11 октября 2015 г.)
7. Официальный сайт Национальной ассоциации бизнес-ангелов (НАБА) [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://rusangels.ru/naba/index/> (дата обращения 11 октября 2015 г.)

T. V. Zavgorodnii, S. T. Justus,

Plekhanov Russian University of Economics Omsk Institute (branch)

BUSINESS ANGEL INVESTING IN RUSSIA

Business angels – wealthy individuals who invest their own money in private companies in the early stages of development, with significant growth potential, without providing any collateral. A characteristic feature of this method of investing is that the business angel has no need to extract the resulting company profits. His goal - to maximize the value of the company and, at the end of a specified period, to sell its stake in the company, to multiply their initial investments.

Keywords: business angel, innovation, investment, startup

References

1. Patlasov O. Yu., Kairdenov S. S. Ethical finance in the moral economy. *Nauka o cheloveke: gumanitarny`e issledovaniia*, 2015, No. 4 (22), pp. 213-225.
2. Clopotova L. M., Vesnina L. S. Business angels in Russia's innovation system. *Vestneyk Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, No. 2 (22), pp. 79-80.
3. *Angely` v Rossii i za rubezhom* [Angels in Russia and abroad]. Available at <http://www.techbusiness.ru/content/?lang=ru&div=47>
4. *Business angel* [Business angel]. Available at <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бизнес-ангел>
5. *Biznes-angel`skoe investirovanie - perspektivny`i` istochnik polucheniia vy`sokikh dohodov* [Business angel investing is a promising source of high income]. Available at <http://www.rcb.ru/rcb/2007-02/8125/>
6. *Neformal`ny`i` ry`nok venchurnogo kapitala: biznes-angely`* [Informal venture capital: business angels]. Available at <http://business-angels.narod.ru>
7. *Ofitsial`ny`i` sai`t Natsional`noi` assotciatsii biznes-angelov (NABA)* [Official website of the national association of business angels (NABA)]. Available at <http://rusangels.ru/naba/index/>

© Т. В. Завгородняя, Т. С. Юстус, 2016

Авторы статьи:

Татьяна Васильевна Завгородняя, кандидат экономических наук, доцент, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Татьяна Сергеевна Юстус, магистрант, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Рецензенты:

Е. К. Кузнецова, кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, Омский филиал.

Л. А. Буч, кандидат экономических наук, Финансовая сберегательная компания.

П. Г. Абдулманапов, Х. М. Хаджалова,
Научно-исследовательский институт Управления, экономики, политики и социологии
Дагестанского государственного университета народного хозяйства

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЁЖИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИ БЛАГОПОЛУЧНОГО РЕГИОНА

В целях выявления особенностей самосохранительного поведения населения демографически благополучного и в то же время экономически отсталого региона было проведено социологическое обследование студенческой молодёжи Республики Дагестан с помощью анкетного метода. Исследование относится к аналитическому типу теоретико-прикладного характера и одномоментного вида. Репрезентативная выборочная совокупность была сформирована методом гнездового отбора.

Практически трезвый образ жизни в регионе, судя по ответам респондентов, ведут 96,7 % мужчин и 96,9 % женщин. Выявлена сильная зависимость употребления алкоголя и табакокурения от соблюдения традиций, обычаев, обрядов, что свидетельствует о важной роли религии в самосохранительном поведении молодёжи.

Распространённость форм поведения, ведущих к накоплению факторов риска, проявляющихся в средних возрастах, также сохраняется на низком уровне. Крайние позиции: и выраженный дефицит массы тела и ожирение у дагестанской молодёжи не встречаются. У около 83 % студентов вес находится в пределах нормы.

В регионе недооценивается роль полноценного отдыха как фактора восстановления сил и здоровья, особенно представителями женского пола. Чаще всего каникулы не используют для укрепления здоровья, проводя их дома в решении хозяйственных забот или на даче. Лишь небольшая часть (6 %) современной молодёжи использует время студенческих каникул в целях укрепления собственного здоровья: в турпоходе, на курорте, в санатории.

В сравнении с ситуацией по стране в целом в области самосохранительного поведения молодёжи Республика Дагестан находится на более высоком уровне, что в большей степени является следствием высокой религиозности и приверженности к исламским ценностям. Религиозность выступает главным фактором исключения действий, наносящих ущерб здоровью.

Ключевые слова: здоровье, здоровьесбережение, самосохранительное поведение, образ жизни, молодёжь.

Самосохранительное поведение включает в себя комплекс поведенческих реакций, обусловленных этнокультурологическими особенностями региона, социальными, экономическими и политическими условиями среды проживания, сложившимися в данной местности образцами и стереотипами поведения, образом жизни индивида, а также нормами, интересами и ценностями общества в целом и конкретного индивида в отдельности.

Действия, направленные на сохранение здоровья, ряд исследователей рассматривает как вид социальной активности, проявление сознательности, целеполагание, предвосхищение результата, компетентность, энергичность и результативность [1].

Проблема низкой культуры самосохранительного поведения наиболее актуальна для учащейся молодёжи, которая находится в переходном состоянии и готовится к вступлению во взрослую жизнь, но при этом имеет собственные ориентиры и установки, приоритеты, стили жизни, ценности [2]. Развитие у молодёжи привычки заботиться о своём здоровье будет способствовать сохранению здоровья нации в целом.

Самосохранительное поведение отечественными социологами рассматривается как средство для успешной реализации различных аспектов здорового образа жизни [3]. В этом контексте в работах российских учёных А. Е. Ивановой, С. А. Федоткиной, Г. А. Ивахненко [4], В. Я. Шклярчук [5], П. С. Красновой [6] проводились исследования негативных факторов образа жизни, оказывающих отрицательное воздействие на здоровье молодёжи, к которым относят психосоциальный стресс; нерациональное и неадекватное питание; злоупотребление алкоголем; табакокурение; употребление наркотиков; низкую физическую активность. Региональные аспекты качества жизни населения и формирования человеческого капитала анализируются в работах Х. М. Хаджаловой [7; 8; 9], Ю. Н. Сагидова [10], П. Г. Абдулманапова [11; 12; 13], Е. Г. Багрий [14].

Общее физическое и интеллектуальное состояние населения имеет прямую связь с качеством региональной рабочей силы. В научной литературе сегментирование рынка рабочей силы проводится по ее характеру, национальным особенностям, традициям, менталитету, религиозной приверженности [15].

При всей значимости проводимых исследований региональные аспекты самосохранительного поведения населения в настоящее время слабо изучены. Особенно это касается северокавказских республик, имеющих свои этнодемографические особенности, обуславливающие высокую рождаемость и в то же время относительно низкую смертность. Республика Дагестан, являющаяся самым крупным регионом Северо-Кавказского федерального округа, выделяется среди субъектов России высокими показателями ожидаемой продолжительности жизни населения, превышающими значения многих европейских стран, несмотря на отсталый характер экономики и социальной сферы. Предположительно, демографическая благополучность Дагестана детерминирована образом жизни населения и глубокой приверженностью жителей к религиозным и традиционным народным ценностям.

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей образа жизни и самосохранительного поведения студенческой молодежи Республики Дагестан. Всего было опрошено 434 респондента, из которых 234 – студенты Дагестанского государственного института народного хозяйства (г. Махачкала), 100 – студенты Махачкалинского филиала Московского автомобильно-дорожного института (Технический университет) и 100 – студенты Дагестанского государственного университета (г. Махачкала). Совокупность опрошенных состоит из 132 женщин и 302 мужчин. Срок проведения – ноябрь 2014 г. Исследование аналитического типа, поперечное, репрезентативная выборочная совокупность сформирована методом гнездового отбора. Для сбора информации использовался анкетный метод. Социальный раздел анкеты представлен следующими компонентами: поведенческий (вредные привычки, правильное питание, двигательная активность), психологический (проблемы самооценки, субъективная оценка своего здоровья). Обработка данных проводилась с применением программы SPSS-13.

Имеются определённые методики отнесения лиц к тому или иному типу употребления алкоголя (малопьющие, среднепьющие, многопьющие и т. д.) в зависимости от количества выпиваемого абсолютного алкоголя в течение года. Но мы в своём исследовании предоставили возможность респондентам самим определять частоту и масштабы употребления крепких напитков.

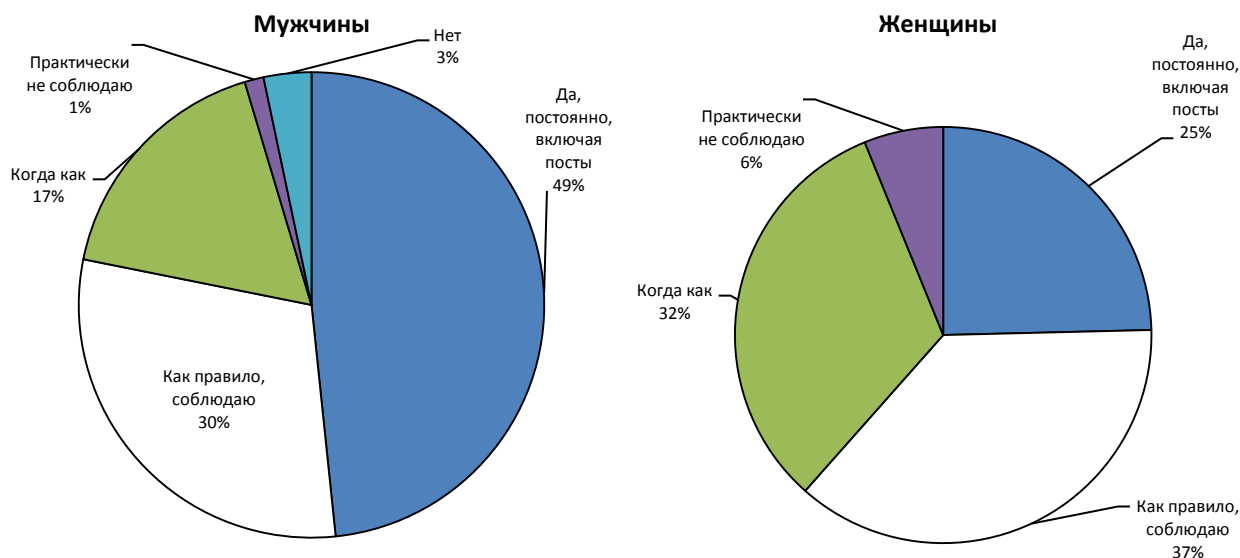
Судя по данным опроса, не употребляют алкоголь 74,2 % молодых мужчин и 92,3 % женщин Республики Дагестан. Другая крупная группа студентов региона, поведение которой близко к непьющим, – малопьющие. Их среди опрошенных мужчин 22,5 %, а среди женщин – 4,6 %. Противоположный полюс составляют многопьющие и среднепьющие студенты. Совокупность двух последних категорий незначительная: 3–3,3 % мужчин и женщин.

Следующий рассматриваемый нами аспект – это курение. Судя по опросу студентов, не курят около 85 % мужчин и 98,5 % женщин. Ещё 11,3 % опрошенных мужчин относят себя к категории редкокурящих, что увеличивает группу негативно относящихся к курению молодых людей до 96 %. Группа многокурящих (10–20 сигарет в день) – 2,6 % мужчин и 1,5 % женщин. Людей, курящих больше пачки в день, принято относить к группе риска. Данная группа в республике полностью представлена мужчинами – 1,3 % опрошенных.

Традиционная культура народов Кавказа и исламская религия ориентируют человека на бережное отношение к своему здоровью и порицают невнимательное отношение не только к духовному, но и к физическому состоянию организма. Так, как показал наш опрос, около половины опрошенных мужчин и четверть женщин постоянно соблюдают религиозные обычаи, обряды и традиции, включая посты (рис.). Ещё 30–37 % респондентов, как правило, соблюдают религиозные и этнокультурные предписания ведения образа жизни. Лишь 4 % мужчин и 6 % женщин игнорируют религиозные обычаи и народные традиции. Высокая приверженность молодежи к религиозным и этнокультурным ценностям обуславливает сохранение здоровья в более старших возрастах за счёт искоренения действий, наносящих ущерб здоровью.

По результатам обследования вырисовывается достаточно высокая связь религиозности и поведения, наносящего ущерб здоровью у студенческой молодежи Республики Дагестан (табл. 1). По мере снижения степени приверженности религиозных обычаев увеличивается доля молодых людей, употребляющих алкогольные напитки в больших количествах, а доля непьющих, наоборот, снижается. Причём такая взаимосвязь наблюдается как у мужчин, так и у женщин. Не пьют 85 % опрошенных мужчин и 100 % женщин, постоянно соблюдающих религиозные обычаи, обряды и традиции, включая посты, в то время как их доля среди респондентов, соблюдающих религиозные и иные

обычаи по возможности (когда как), падает до 58 % и 81 % соответственно. Доля пьющих в небольших количествах (малопьющих) мужчин возрастает более чем в 2,5 раза по мере снижения религиозности, а у женщин – от 0 % до 15 %. Группа молодых людей, практически или абсолютно не соблюдающих обычаи, обряды, традиции, представлена в обследовании в малом количестве, что обуславливает высокую вероятность возникновения крайних величин, т. е. данная группа не является статистически значимой. Таким образом, религиозность выступает важнейшим фактором отказа от употребления алкоголя у дагестанской молодёжи.

Отношение молодёжи к религиозным и народным обычаям, в %

Таблица 1

Распределение респондентов по характеру потребления алкоголя в зависимости от степени соблюдения религиозных и иных обычаев

	Да, постоянно, включая посты	Как правило, соблюдаю	Когда как	Практически не соблюдаю	Нет
Мужчины					
многопьющие			3,8		20
среднепьющие	1,7	4,4			
малопьющие	13,4	28,9	38,5		20
непьющие	84,9	66,7	57,7	100	60
Общий итог	100	100	100	100	100
Женщины					
многопьющие	0	0	0	0	0
среднепьющие	0	0	4,8	25	0
малопьющие	0	0	14,2		0
непьющие	100	100	81	75	0
Общий итог	100	100	100	100	100

Аналогичные явления выявляются в поведении молодёжи по отношению к курению. Чем проще молодые люди относятся к религиозным и народным обычаям и традициям, тем чаще и больше курят. Если не курят вообще 89 % мужчин, постоянно соблюдающих обычаи, традиции, обряды и посты, то среди категории опрошенных, соблюдающих обычаи, традиции, обряды по возможности (когда как),

не курят лишь 69 %. У опрошенных женщин не курят все 100 %, если исключить группу практически не соблюдающих религиозные мероприятия из-за слабой статистической значимости её численности, чем усложняется определение взаимосвязи частоты табакокурения и религиозности.

Проблемы с нерациональным питанием, низкой двигательной активностью и отсутствием полноценного отдыха относятся к так называемым накопленным факторам риска, способствующим преждевременному формированию хронических заболеваний.

Существует несколько методов, позволяющих оценить как избыточный вес, так и его дефицит. Как правило, они все специфичны для мужчин и женщин, причём дифференцированы в зависимости от возраста. Для настоящего исследования использован простейший и популярный индекс – индекс массы тела или индекс Кетле, позволяющий оценить степень соответствия массы человека и его роста и тем самым косвенно оценить, является ли масса недостаточной, нормальной или избыточной.

В соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения [16] разработана следующая интерпретация показателей ИМТ: менее 18,5 принято считать дефицитом массы тела, от 18,5 до 25 рассматривают как норму, а более 25 – избыточная масса тела или ожирение в той или иной степени.

Согласно результатам исследования усредненные значения роста и веса у мужчин составили 1,76 м и 69,6 кг соответственно, а у женщин – 1,63 м и 54,6 кг. Средние значения индекса Кетле, по нашим расчётам, для мужчин составили 22,4 кг/м² и для женщин – 20,56 кг/м².

По данным опроса, 82,8 % студентов высших учебных заведений г. Махачкалы имеют вес в пределах нормы, причём у мужчин значительно больше доля респондентов с нормальным весом (87,4 %), чем у женщин (71,2 %). Недостаток массы тела у женского населения встречается почти в 5 раз чаще, чем у мужского, – 4,6 % и 22 % соответственно, из общего числа опрошенных студентов. Крайние позиции: и выраженный дефицит массы тела (индекс Кетле ниже 16) и ожирение (индекс выше 30) у молодёжи не встречаются. В целом можно отметить, что у мужчин распределение по массе тела более однородно, тогда как у женщин чаще встречаются отклонения массы тела в меньшую в сравнении с нормой сторону.

В целом опрос выявил крайне низкий уровень самосохранительного поведения, связанного с характером питания: лишь 20,5 % мужчин и 27,3 % женщин руководствуются рекомендациями о здоровом питании, игнорируя необходимость сбалансированного питания как одного из элемента здорового образа жизни.

Вместе с тем, нарушения веса лишь отчасти связаны с характером питания. Так, среди мужчин с дефицитом массы тела только 14,3 % придерживаются рекомендаций здорового питания, среди респондентов с избыточным весом – 16,7 %, и лишь среди мужчин, которые имеют нормальный вес, немного более пятой части опрошенных выбирают адекватное и сбалансированное питание. У женщин в целом прослеживаются те же закономерности. Пятая часть респонденток с пониженным весом, примерно треть женщин с нормальной массой тела и четверть – с избыточным весом одобительно отзываются касательно рекомендаций здорового питания.

Существенным фактором, влияющим на массу тела, являются физические нагрузки (табл. 2). В целом, как показал опрос, доля молодых людей мужского пола, регулярно занимающихся отдельными видами физической культуры, спорта, закаливания, достаточно высока, а вот что касается студенток, то они ведут далеко не здоровый образ жизни. Минимальное число приверженцев у процедур оздоровительного закаливания, но и они составляют 6,6 % опрошенных мужчин, в то время как у женщин всего 3 %. Регулярно посещают спортзал 73,5 % мужчин и более 18 % женщин из числа опрошенных. Что касается различных форм физической нагрузки (труд на приусадебном хозяйстве, огороде, стройке и т. д.), то регулярно ее получают почти одна треть мужчин и менее одной десятой женщин.

Анализ дифференциации физической активности от массы тела показал, что этот фактор уже в молодом возрасте существенно влияет на формирование веса. Так, среди мужчин с пониженным весом 71,4 % занимаются спортом в спортивном зале, на стадионе или спортивной площадке; среди мужчин с избыточным весом 41,7 % подвергают свой организм значительным физическим нагрузкам и 66,7 % занимаются спортом. Противоположные закономерности выявлены у женщин: ни респондентки с пониженным весом, ни с избыточным весом каким-либо видом физической культуры не занимаются.

Что касается оздоровительного закаливания, то дифференциация в зависимости от массы тела выражена заметно меньше, более того, это те немногие процедуры, к которым опрошенные с избыточной массой тела прибегают столь же охотно (посещение бани) или даже с большей частотой (принятие контрастного душа), как респонденты с нормальным или пониженным весом.

Таблица 2

Доля респондентов, занимающихся регулярно отдельными видами физкультуры, спорта, закаливания, в зависимости от массы тела, %

	Регулярные значительные физические нагрузки	Занятие спортом	Постоянное закаливание
Мужчины			
Всего	32,5	73,5	6,6
Дефицит массы тела	0	71,4	0
Нормальная масса тела	33,3	74,2	6,8
Избыточная масса тела (предожирение)	41,7	66,7	8,3
Женщины			
Всего	7,6	18,2	3,0
Дефицит массы тела	0	0	0
Нормальная масса тела	10,6	25,5	2,1
Избыточная масса тела (предожирение)	0	0	0

При изучении проблем здоровья достаточно редко рассматривают вопросы отдыха, хотя известно, что отсутствие полноценного восстановления сил далеко не безразлично для сохранения здоровья и активности.

Опираясь на результаты проведённого анализа, рассмотрим способ проведения каникул, поскольку не только сам факт временного освобождения от занятий, но и использование этого времени для сохранения и укрепления здоровья имеет значение как показатель самосохранительного поведения. Как показал наш опрос (табл. 3), значительная часть респондентов использует период каникул как способ решить накопившиеся бытовые проблемы в помощь родителям: 70,2 % мужчин и 81,5 % женщин проводят время студенческих каникул дома с родителями, занимаясь хозяйственными делами; 4,6 % мужчин и 7,7 % женщин из числа опрошенных находятся во время каникул на даче. Пребывание на даче более здоровая форма досуга, но отнести её к целенаправленным формам укрепления здоровья не приходится в силу того, что данное пребывание для большинства сопряжено с выполнением хозяйственных функций. Кроме того, среди других форм проведения каникул выделяются работа и подработка (16,6 % мужчин и 10,8 % женщин).

Таблица 3

Распределение респондентов по месту проведения каникул, в зависимости от пола, %

	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины
Дома, занимаюсь хозяйственными делами	70,2	81,5	73,6
На даче	4,6	7,7	5,6
В турпоходе	2,6		1,9
На курорте	4,6		3,2
В санатории	1,3		0,9
Другое (работаю, подрабатываю)	16,7	10,8	14,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Лишь небольшая часть (6 %) современных молодых мужчин использует время студенческих каникул в целях укрепления собственного здоровья: в турпоходе, на курорте, в санатории. Молодёжь женского пола абсолютно не участвует в этих процессах. У студентов первое место занимает среди целенаправленных форм укрепления здоровья отдых на курорте – 4,6 %. Туристский поход как активная форма отдыха менее популярен – среди опрошенных провели каникулы таким образом всего 2,6 % мужчин. И, наконец, санаторий среди молодых людей является наименее востребованной формой укрепления здоровья – его посещает 1,3 % мужчин.

Распространённость саморазрушительных форм поведения в молодёжной среде является очень низкой, причём только среди мужского населения: к группе риска тяжёлых алкогольных последствий можно отнести только 1,3 % мужчин и ещё столько же курящих больше пачки в день. По данным исследования А. Е. Ивановой, по России в целом в 2010 г. среди молодых людей в возрасте до 25 лет доля многопьющих и алкоголиков составляла 10–15 %, а доля ежедневно выкуривающих больше одной пачки достигала 5 %, что существенно выше аналогичных показателей по республике [4]. Таким образом, в сравнении с российскими показателями в Республике Дагестан отмечается более благополучная ситуация по отношению молодёжи к употреблению алкоголя и табакокурению, являющаяся следствием высокой религиозности и приверженности к исламским ценностям. Религиозность выступает главным фактором исключения действий, наносящих ущерб здоровью.

Распространённость форм поведения, ведущих к накоплению факторов риска, проявляющихся в средних возрастах, также сохраняется на низком уровне. Крайние позиции: и выраженный дефицит массы тела и ожирение у дагестанской молодёжи не встречаются. У около 83 % студентов вес находится в пределах нормы. Причём нарушения веса практически не связаны с характером питания, а определяются уровнем физической активности.

Недооценивается роль полноценного отдыха как фактора восстановления сил и здоровья, особенно представителями женского пола. Чаще всего каникулы не используют для укрепления здоровья, проводя их дома в решении хозяйственных забот или на даче. Лишь небольшая часть (6 %) современной молодёжи использует время студенческих каникул в целях укрепления собственного здоровья: в турпоходе, на курорте, в санатории.

Между самооценкой образа жизни и реальным поведением студентов существует довольно тесная прямая зависимость, что позволяет рассматривать субъективную оценку как достаточно надёжный маркер образа жизни дагестанской молодёжи. Вместе с тем, даже среди тех групп опрошенных, которые считают свой образ жизни здоровым, встречаются в статистически значимых количествах те, чьё поведение (злоупотребление алкоголем, курение, неадекватное и несбалансированное питание, низкая физическая активность) создаёт угрозу здоровью с точки зрения преждевременного развития заболеваний.

Проблема сокращения потребления алкоголя и табакокурения особенно актуальна для тех мужчин, которые считают, что до здорового образа жизни им далеко. Более половины студентов Дагестана внимательно подходят к вопросу собственного здоровья. Лишь десятая часть респондентов не следит за собственным здоровьем.

Библиографический список

1. Шабунова, А. А. Социально-демографические аспекты развития трудового потенциала / А. А. Шабунова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2 (20). – С. 71–82.
2. Медков, В. М. Бомба депопуляции в демографическое будущее России / В. М. Медков // Социология и общество. – 2006. – №5. – С. 36–41.
3. Антонов, А. И. Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов / А. И. Антонов. – М. : Издательский дом Nota Bene, 1998.
4. Колбанов, В. Ф. Демографическое настоящее и будущее России. / В. Ф. Колбанов, Л. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-информ, 2012.
5. Шклярчук, В. Я. Самосохранительное поведение в молодёжной среде / В. Я. Шклярчук // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 139–142.
6. Краснова, П. С. Самосохранительное поведение студенческой молодёжи крупного города / П. С. Краснова // Материалы IV Всероссийского социологического конгресса «Социология в системе научного управления обществом». – Москва : Институт социологии РАН, 2012. – С. 1413–1414.
7. Хаджалова, Х. М. Качество жизни как критерий оценки в системе управления регионального развития / Х. М. Хаджалова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2014. – № 3 (41). С. – 47–56.
8. Хаджалова, Х. М. Социально-экономическая безопасность и угрозы социальной стабильности в регионе / Х. М. Хаджалова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 2. – С. 58–62.
9. Хаджалова, Х. М. Институциональные основы регулирования качества жизни в регионах / Х. М. Хаджалова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2013. – №4 (38). – С. 290–299.
10. Сагидов, Ю. Н. Цивилизационная мотивация социально-экономического развития / Ю. Н. Сагидов // Национальные интересы: приоритеты, безопасность. – 2014. – № 29. – С. 51–61.
11. Абдулманапов, П. Г. Репродуктивное поведение населения республики Дагестан / П. Г. Абдулманапов // Народонаселение. – 2008. – №4. – С. 121–127.

12. Абдулманапов, П. Г. Социально-экономические детерминанты рождаемости в репродуктивном возрасте (на примере Республики Дагестан). Труд и социальные отношения. / П. Г. Абдулманапов. – 2008. – № 12. – С. 134–138.
13. Абдулманапов, П. Г. Демографическая безопасность Южных регионов России / П. Г. Абдулманапов. – Махачкала : Издательский дом «Наука плюс», 2010. – 155 с.
14. Абдулманапов, П. Г. Рождаемость и репродуктивное здоровье населения Республики Дагестан / П. Г. Абдулманапов, Е. Г. Багрий // Вопросы структуризации экономики. – 2011. – №2. – С 80–83.
15. Патласов О.Ю. Маркетинг-менеджмент рынка труда – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2000. – С. 290.
16. Избыточный вес и ожирение. [URL]: <http://www.who.int/topics/obesity/obesity-final.pdf?ua=1>, май 2014.

P. G. Abdulmanapov, Kh. M. Khadzhalova,

Scientifically research institute of management, economy, policy and sociology of the Dagestan State University of National Economy

SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF YOUTH FROM DEMOGRAPHICALLY PROSPEROUS REGION

In order to identify specificities of self-preservation behavior of the population from demographically prosperous and at the same time socio-economically backward region a sociological study of Dagestan youth has been conducted with the help of questionnaire. The survey relates to the analytical type of theoretical and applied nature and one-stage kind. The representative sample has been formed by the method of cluster sampling.

According to the answers of respondents, 96.7% of men and 96.9% of women lead a sober lifestyle in the region. A strong dependence of alcohol and tobacco on the observance of traditions, customs and rituals has been revealed. This fact illustrates the important role of religion in self-preservation behavior of the youth.

The prevalence of behavior forms that lead to the accumulation of risk factors, appearing in the middle age, also remains at a low level. Extreme positions like distinct lack of body weight and obesity in Dagestan youth are not found. The weight of about 83% of students is within the normal range.

In the region the role of complete rest as a factor of restoration to strength and health is underestimated, especially by females. Very often, the holidays are not used for health promotion but for doing household chores at home or in the country. Only a small percentage of today's young people (6%) use their vacation in order to strengthen their own health: in camping trips, in health resorts and sanatoriums.

In comparison with the situation in the whole country in the field of self-preservation behavior of youth, the Republic of Dagestan is at a higher level, which in a greater degree is a consequence of high religiousness and devotion to the Islamic values. Religiousness is the main factor of exclusion of acts damaging health.

Keywords: health, health-saving, self-keeping behavior, way of life, youth.

References

1. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Shukhatovich V.R., Artyukhin M.I. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, tendencies, forecast], no.2 (2012): 71-82.
2. Medkov V.M. *Sotsiologiya i obshchestvo – Sociology and society*, 2006, no.5, pp. 36–41.
3. Antonov A.I. *Mikrosotsiologiya sem'i: metodologiya issledovaniya struktur i protsessov* [Family microsociology: methodology of research of structures and processes]. Moscow: «Nota Bene», 1998.
4. Kolbanov V.F., Rybakovskiy L.L. (ed.) *Demograficheskoe nastoyashchee i budushchee Rossii* [Demographic present and future of Russia]. M.: Ekon-inform, 2012.
5. Shklyaruk V.Ya. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], no.10 (2008): 139-142.
6. Krasnova P.S. *Materialy IV Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa "Sotsiologiya v sisteme nauchnogo upravleniya obshchestvom"* [Materials IV of the All-Russian sociological congress "Sociology in system of scientific management of society"]. Moscow, 2012. pp. 1413-1414.
7. Khadzhalova Kh.M. H.M. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of transforming the economy], no.4 (2013): 290-299.
8. Khadzhalova Kh.M. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' – National interests: priorities and security*, 2010, no 2, pp. 58-62.
9. Khadzhalova Kh.M. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki - Regional problems of transforming the economy*, 2013. no. 4. pp.290-299
10. Sagidov Yu.N. *Natsional'nye interesy: priority, bezopasnost'* [National interests: priorities and security], no.29 (2014): 290-299.
11. Abdulmanapov P.G. *Narodonaselenie* [Population], no.4 (2008): 121-127.
12. Abdulmanapov P.G. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labour And Social Relations], no.12 (2008): 134-138.

13. Abdulmanapov P.G. *Demograficheskaya bezopasnost' Yuzhnykh regionov Rossii* [Demographic safety of Southern regions of Russia]. Makhachkala: Izdatel'skiy dom «Nauka plus», 2010. 155 p.
14. Abdulmanapov P. G., Bagriy E.G. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki* [Questions of structurization of economy], no. №2 (2011): 80-83/
15. Patlasov O. Iu. *Marketing-menedzhment ry`nka truda* [Marketing management of labour market]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2000, 640 p.
15. Izbytochnyy ves i ozhireniye [Overweight and obesity]. Available at: <http://www.who.int/topics/obesity/obesity-final.pdf?ua=1>, may 2014.

© П. Г. Абдулманапов, Х. М. Хаджалова, 2016

Авторы статьи:

Пирмагомед Габидуллаевич Абдулманапов, кандидат экономических наук, Научно-исследовательский институт Управления, экономики, политики и социологии Дагестанского государственного университета народного хозяйства, e-mail: raha77@mail.ru

Хадиджат Магомедовна Хаджалова, доктор экономических наук, Научно-исследовательский институт Управления, экономики, политики и социологии Дагестанского государственного университета народного хозяйства, e-mail: saha77@mail.ru

Рецензенты:

А. Ш. Ахмедиев, доктор экономических наук, профессор, Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН.

Ю. Н. Сагидов, доктор экономических наук, профессор, Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН.

УДК 330.46

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.215

О. М. Куликова,
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск
Г. Д. Боуш,
Омская гуманитарная академия

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ РФ

Статья посвящена вопросам совершенствования процессного управления в сфере здравоохранения РФ. Построена онтологическая модель процессного управления оказанием медицинских услуг в учреждениях отечественного здравоохранения, позволяющая структурировать понятийный аппарат, выявить взаимосвязи между терминами, разработать классификацию медицинского персонала и пациентов. На основе построенной онтологической модели выделены уровни (страты) в понятийном аппарате исследуемой области, введены новые понятия «управленческое решение в форме возможностей», «сценарное прогнозирование», «сценарное планирование», что определяет возможность создания технологии принятия управленческих решений в форме опционов, повышающих адаптивность процессов оказания медицинских услуг к изменениям внешней среды и снижению медицинских рисков.

Ключевые слова: процессное управление в здравоохранении РФ, процессы первичной, вторичной и третичной профилактики, стейкхолдеры здравоохранения РФ, онтологическая модель.

В настоящее время становятся актуальными вопросы модернизации отечественного здравоохранения. Это обусловлено внедрением в процессы медицинского обслуживания в РФ высоких технологий, стандартизацией медицинских услуг, повышением требований к обслуживанию населения в учреждениях здравоохранения. В то же время процессы оказания медицинских услуг реализуются в условиях экономических кризисов, недостаточного финансирования, ухудшения уровня жизни населения регионов РФ, что требует совершенствования существующих и разработки новых методов процессного управления учреждениями отечественного здравоохранения, позволяющих осуществлять управление в сфере здравоохранения в условиях неопределённости и недостаточной обеспеченности ресурсами, а также эффективно решать задачи снижения рисков, в том числе связанных с негативным влиянием человеческого фактора.

Анализ литературных источников [4, 2, 3, 6], практического опыта деятельности медицинских учреждений позволил сделать вывод, что в современной науке в недостаточной степени решён вопрос структуризации понятийного аппарата процессного управления оказанием медицинских услуг в сфере отечественного здравоохранения, выявления взаимосвязей между терминами, построения классификаций состояний, их смены для стейкхолдеров медицинских учреждений. Это затрудняет построение моделей, в том числе имитационных, лежащих в основе современного управления медицинскими учреждениями, что негативно отражается на качестве и доступности медицинского обслуживания населения в учреждениях здравоохранения РФ. Такое положение дел создаёт необходимость применения инновационных методов описания и структуризации предметной области исследуемых процессов и систем.

Для решения поставленной задачи в статье использован метод онтологического моделирования, позволяющий в наглядной форме представить структуру предметной области, выявить взаимосвязи между понятиями и уточнить их в контексте терминологического аппарата. Кратко опишем онтологические модели и сферу их применения.

Онтологические модели и сфера их применения. Онтологии предметной области представляют собой «формальную спецификацию концептуализации, которое имеет место в некотором контексте предметной области» [8]. Концептуализация предполагает представление предметной области через совокупность конечного множества понятий и связей между ними, представленными в форме родовидовых отношений «родитель – потомок» [1] и ограничений, наложенных на слоты (ограничения ролей) [5].

Модель онтологии задаётся кортежем [1]:

$$Q = \langle C, M, R \rangle$$

где $C = \{c_i\}$ – конечное множество концептов, образующих онтологию Q ;

$M = \{m_i\}$ – множество атрибутов понятия c_i ;

$R \subseteq C \times C$ – отношения непосредственного наследования, задаваемого в форме матрицы определённого размера.

Онтологические модели предметной области, как отмечается в специальной литературе [1], позволяют решать следующие классы задач:

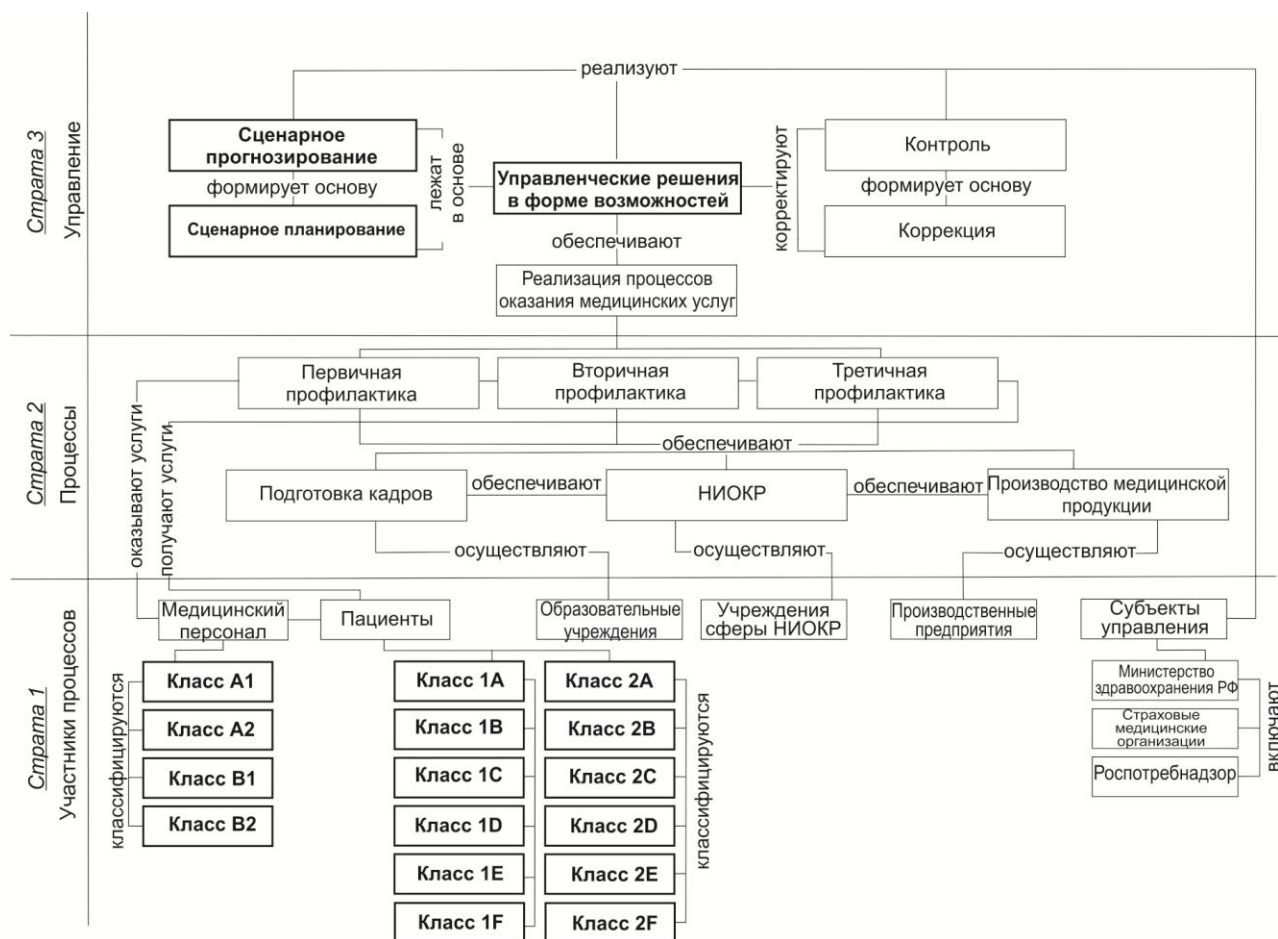
- выполнять когнитивную визуализацию структуры понятийного аппарата, позволяющую эффективно решать научные задачи;
- уточнять понятийный аппарат и определять его границы;
- определять связи между понятиями типа «родитель – потомок»;
- выявлять «пробелы» в структуре понятийного аппарата, создавать и вводить в науку новые понятия, определять их взаимосвязи с существующим понятийным аппаратом;
- создавать структуры баз данных, на основе которых может быть написано программное обеспечение.

Для построения онтологической модели процессного управления оказанием медицинских услуг использованы методологии Know-Net, CommonKADS, подходы Нонака и Такеучи, методы сценарного картирования.

Онтологическая модель процессного управления оказанием медицинских услуг в здравоохранении РФ. С целью решения задачи поиска точек разрывов в структуре и содержании понятийного аппарата управления процессами оказания медицинских услуг авторами разработана онтологическая модель процессного управления оказанием медицинских услуг в сфере здравоохранения РФ (рис.).

Построение онтологической модели позволило выделить в структуре понятийного аппарата предметной области процессного управления в исследуемой области три уровня-страты, определяющие группировку понятий: Страта 1 «Участники процессов», Страта 2 «Процессы», Страта 3 «Управление» (рис.).

Страта 1 «Участники процессов» содержит понятия и взаимосвязи между ними, определяющие участников основных, вспомогательных (обеспечивающих) процессов оказания медицинских услуг в сфере здравоохранения РФ и процессов управления ими. В данную страту введены понятия, определяющие классы медицинского персонала и пациентов (рис.). Описание данных классов приведено в табл. 1, 2.

Онтологическая модель процессного управления оказанием медицинских услуг в РФ

Таблица 1

Классификация медицинского персонала медицинских учреждений сферы здравоохранения РФ

		Медицинская эффективность	
		А. Высокая	В. Низкая
Эффективность профессиональной коммуникации с пациентом	1. Высокая	Медицинские работники, оказывающие медицинскую помощь на высоком уровне, одновременно с этим умеющие осуществлять профессиональную коммуникацию с пациентом, выслушать его, доходчиво объяснить схемы и планируемые результаты лечения. Такие врачи и средний медицинский персонал пользуются наибольшей популярностью у пациентов	Медицинские работники, ориентированные на общение с пациентом, обсуждение его жалоб, в том числе не относящихся к постановке диагноза и организации лечения. Для данной группы медицинского персонала характерны высокие показатели неточных диагнозов, некорректные схемы лечения, что может приводить к увеличению медицинских рисков
	2. Низкая	Медицинские работники, оказывающие медицинскую помощь на высоком уровне, но не умеющие осуществлять профессиональную коммуникацию с пациентом. Такому медицинскому персоналу сложно строить профессиональную коммуникацию с пациентом, объяснять ему, как проходит лечение. К данной группе часто относятся практикующие хирурги	Медицинский персонал, характеризующийся низкими показателями медицинской эффективности и эффективности профессиональной коммуникации с пациентом, что в значительной степени увеличивает значения показателей медицинских рисков. Такой медицинский персонал не пользуется популярностью у пациентов

Таблица 2

Классификация пациентов медицинских учреждений сферы здравоохранения РФ

		Отношение к здоровому образу жизни и медицинская активность пациента	
		Высокая	Низкая
Состояние здоровья пациента	А. Здоровые	Пациенты, имеющие высокий уровень показателей здоровья, придерживающиеся образа жизни, способствующего поддержанию здоровья, ответственно относящиеся к своему здоровью и здоровью окружающих. Такие пациенты регулярно посещают медицинские учреждения, проходят диспансеризацию	Пациенты, имеющие высокий уровень показателей здоровья, но не придерживающиеся образа жизни, способствующего поддержанию здоровья, пренебрегающие диспансеризацией. Это в значительной степени повышает риски возникновения различных заболеваний у таких пациентов, снижает внутренний потенциал их организма
	В. С риском возникновения заболевания	Пациенты, ведущие здоровый образ жизни, имеющие высокие показатели медицинской активности, но и риск возникновения заболеваний. У таких пациентов меньше вероятность возникновения заболевания или перехода его в хроническую форму	Пациенты, имеющие риск возникновения заболевания, но не придерживающиеся здорового образа жизни, редко посещающие медицинские учреждения, что увеличивает вероятность ухудшения их здоровья
	С. С острой формой заболевания	Пациенты, обладающие высокой медицинской активностью и ведущие здоровый образ жизни. У них менее вероятен переход острой формы заболевания в хроническую	Пациенты, пренебрегающие своим здоровьем. У них увеличивается вероятность осложнений и перехода острой формы заболевания в хроническую
	Д. С хронической формой заболевания	Пациенты, имеющие длительный период ремиссии хронического заболевания и более высокие показатели уровня жизни	Пациенты, входящие в группу неблагоприятного прогноза по заболеванию. У них постепенно снижается качество жизни
	Е. Инвалиды		

Процесс оказания медицинских услуг наиболее результативен/эффективен в случае, если пациенты характеризуются бережным отношением к своему здоровью и высокими показателями медицинской активности, а медицинский персонал – высокими показателями медицинской эффективности и эффективности профессиональной коммуникации с пациентом.

Выявление классов медицинского персонала, пациентов, разработка классификации позволит уточнить механизмы взаимодействия данных участников процессов оказания медицинских услуг и, следовательно, повысить эффективность профилактики, диагностики, лечения и реабилитации пациентов.

Страта 2 «Процессы» задаёт понятийный аппарат реализации основных и вспомогательных процессов оказания медицинских услуг в сфере отечественного здравоохранения.

Страта 3 «Управление» содержит понятия, определяющие управление процессами оказания медицинских услуг в сфере здравоохранения РФ. В структуру понятий данной страты введены термины «сценарное прогнозирование», «сценарное планирование», «управленческое решение в форме возможностей». Введение данных понятий в онтологическую модель обусловлено наличием квазициклов и точек бифуркций в параметрах внешней среды процессов оказания медицинских услуг, что создаёт необходимость эффективного учёта горизонта прогнозирования, дискретизации и совместного использования альтернатив, входящих в управленческое решение. При квазицикличности процессов оказания медицинских услуг и наличии в них бифуркаций возникает множество различных ограниченных во времени вариантов протекания исследуемых процессов и изменения внешних условий. Для эффективного управления ими необходим большой арсенал возможных альтернатив-вариантов реагирования на изменения, поскольку значения медицинских рисков растут во времени

с высокой скоростью. Не все варианты изменения условий могут реализоваться, следовательно, не все альтернативы будут применены. Таким образом, *управленческое решение* становится совокупностью возможностей действий в любой ситуации, *сценарное планирование* – инструментом создания сценарных планов, построенных на базе управленческих решений в форме возможностей, а *сценарное прогнозирование* – платформой выявления всех возможных вариантов развития внешней и внутренней сред процессов оказания медицинских услуг в сфере отечественного здравоохранения.

Разработанная онтологическая модель процессного управления оказанием медицинских услуг в системе отечественного здравоохранения может быть использована для формирования нового понятийного аппарата процессного управления оказанием медицинских услуг в сфере отечественного здравоохранения, отвечающего современным требованиям науки и практики, и разработки технологии принятия решений, дающих возможность оперативно реагировать на изменения внешней среды управляемых процессов, что позволит снизить медицинские риски и повысить эффективность деятельности отечественных медицинских учреждений.

Библиографический список

1. Антонов, И. В. Модель онтологии предметной области для систем семантически-ориентированного доступа / И. В. Антонов, М. В. Воронов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия: Естественные и технические науки. – 2010. – № 2. – С. 28–32.
2. Вялков, А. И. Управление и экономика здравоохранения : учеб. пособие / А. И. Вялков, Б. А. Райзберг, Ю. В. Шиленко. – М. : ГЭОТАР-МЕДИА, 2002. – 328 с.
3. Елиферов, В. Г. Бизнес-процессы: Регламентация и управление : учебник / В. Г. Елиферов, В. В. Репин. – М. : ИНФРА, 2009. – 319 с.
4. Ермакова, С. Н. Формирование и развитие процессно-ориентированного управления в медицинских организациях: автореф. дисс. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / С. Э. Ермакова. – М., 2011. – 32 с.
5. Королева, Л. А. Онтологическая модель предметной области «Технология швейных изделий» / Л. А. Королева, А. В. Подшивалова, О. В. Панюшкина // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10–5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rae.ru/fs/509-r32438/>.
6. Куликова, О. М. Процессный менеджмент: разработка управленческих решений с применением методов эконометрии и теории опционов / О. М. Куликова // Математические структуры и моделирование. – 2014. – № 3 (31). – С. 109–120.
7. Gruber T. R. A Translation Approach to Portable Ontology Specifications // Knowledge Acquisition. – 1993. – № 5 (2). – P. 199-220.

O. M. Kulikova, Siberian State Automobile and Highway Academy, Omsk

G. D. Boush, Omsk Humanities academy

ONTOLOGICAL MODEL OF PROCESS MANAGEMENT OF MEDICAL SERVICES IN THE HEALTH OF RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the improvement of process management in the field of healthcare of the Russian Federation. Built an ontological model of process management in the provision of medical services in the institutions of national health care, allowing to structure the conceptual framework to identify relationships between the terms, to develop a classification of medical personnel and patients. Based on the ontological model levels (strata) in the conceptual framework of the study area, introduced new concepts of «management decision in the form of opportunities», «scenario forecasting» and «scenario planning», which determines the possibility of creation of technology of managerial decision-making in the form of options that increase adaptability of the processes of provision of health services to changes in the external environment and reducing health risks

Keywords. Process Management in Health Care of the Russian Federation, the processes of primary, secondary and tertiary prevention, stakeholders of Health, ontological model.

References

1. Antonov I.V. Voronov M.V. Model domain ontology for semantic systems-oriented access. *Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series: Natural and Technical Sciences*, 2010, no. 2, pp. 28-32.
2. Vyalkov A.I. Raizberg B.A., Shilenko Y.V. *Management and health economic* [Title of book]. Moscow, GEOTAR MEDIA, 2002. 328 p.

3. Eliferov V.G., Repin V.V. *Business processes: Regulation and Management* [Title of book]. Moscow, INFRA, 2009. 319 p.
4. Ermakova S.N. *Formirovanie i razvitie processno-orientirovannogo upravleniya v medicinskih organizatsiyah*. Abstr. doct. econ. nauk [Formation and development of process-oriented management in medical institutions]. Moscow, 2011, 32 p.
5. Korolev L.A., Podshivalova A.V., Panyushkina O.V. The ontological domain model "Technology of garments". *Fundamental Research*, 2013, no. 10-5. [Electronic resource]. - Access: <http://www.rae.ru/fs/509-r32438/>.
6. Kulikova O.M. Process management: the development of management decisions using the methods and theories of econometrics options. *Mathematical structure and modeling*, 2014, no 3 (31), pp. 109-120/
7. Gruber T.R. A Translation Approach to Portable Ontology Specifications. *Knowledge Acquisition*, 1993, no. 5 (2), pp. 199-220.

© О. М. Куликова, Г. Д. Боуш, 2016

Авторы статьи:

Оксана Михайловна Куликова, кандидат технических наук, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск, e-mail: aaaaa11@rambler.ru

Галина Дмитриевна Боуш, доктор экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, e-mail: gboush@narod.ru

Рецензенты:

Н. Б. Пильник, кандидат экономических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

В. А. Ляпин, доктор медицинских наук, профессор, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск.

УДК 331.108.2

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.220

М. Б. Дюжева,
Омская гуманитарная академия,
Омский государственный университет путей сообщения
Н. И. Rogovskaya,
Омский государственный университет путей сообщения

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА

В статье уточнены понятие и сущность кадрового резерва, рассмотрены источники его формирования, сложности, возникающие при работе с кадровым резервом организации.

Ключевые слова: персонал, кадровый резерв, внешние и внутренние источники кадрового резерва, кадровые перемещения, управленческая деятельность.

Формирование кадрового резерва является неотъемлемым условием эффективного функционирования любой компании. Каждый руководитель стремится, чтобы в его организации работали, как минимум, лучшие, а желательно – высококвалифицированные специалисты. Поэтому необходимо постоянно и систематически подбирать только лучших из лучших сотрудников либо находить в своих рядах работников с высоким потенциалом и «растить» их до нужного профессионального уровня. На сегодняшний день работодатели заинтересованы в работнике-универсале. Именно с этой целью создаётся кадровый резерв компании. При этом очень важным является выбор источников формирования кадрового резерва. Работодателю необходимо сделать выбор и расставить приоритеты среди источников формирования. Выбор будет сделан в пользу приёма новых сотрудников, или «резервистами» будут являться работники предприятия, имеющие стаж и опыт работы в данной организации, или будет применён комбинированный вариант формирования. В любом случае цель заявленной деятельности направлена на улучшение экономического результата организации (пусть даже косвенного) и на избежание ошибок при работе с резервом. Предотвратить типичные ошибки при работе с кандидатами на замещение должностных позиций необходимо, поскольку от этих аспектов зависит дальнейший успех развития любого предприятия, компании. Данное предположение будет являться сутью заявленного исследования, тогда это должно быть подтверждено или опровергнуто.

Все исследователи в области изучения формирования кадрового резерва сходятся на том, что кадровый резерв представляет собой группу руководителей и специалистов, обладающих способностью к управленческой деятельности, подвергшихся отбору и прошедших необходимую подготовку для замещения очередных должностей. Этому есть подтверждение, это результаты исследования авторов статьи. Исследование проводилось с сентября 2013 года по март 2015 года с участием более 100 человек (студенты, обучающиеся на инженерных специальностях ОмГУПС 4 и 5 курсов). Данная категория студентов прошла предварительный персональный отбор в ОАО «РЖД», профессиональное тестирование, после этого они были зачислены в группу профессиональной подготовки по профилю набора «Кадровый резерв начальников железных дорог». Обучающиеся в этих группах студенты показывают очень высокие результаты в управленческих и экономических дисциплинах.

Однако не все талантливые специалисты с нестандартным типом мышления, отличной памятью, высоким уровнем ответственности готовы и способны занять управленческую должность. Можно совершать выдающиеся открытия, достигать высоких результатов в профессиональной деятельности, но не уметь организовать себя и деятельность других людей, управлять структурным подразделением или компанией в целом.

А. В. Карпов в книге «Психология менеджмента», изучая состав управленческих способностей, связывает их личностными качествами руководителя. К таким качествам можно отнести умение создавать результаты; желание много работать для их достижения; желание и способность нести ответственность за порученное задание и принимать рискованные решения; готовность начинать процессы изменений, управлять ими и использовать в интересах организации; готовность использовать открытый способ управления, приветствующий сотрудничество; искусство принимать быстрые решения; способность сосредоточиваться на настоящем и будущем; способность видеть изменения, происходящие как внутри организации, так и вне её, и использовать их; готовность к близким социальным взаимоотношениям; готовность к общему руководству; творческий подход к своей работе; постоянное самосовершенствование и хорошая общая психическая и физическая форма; умение правильно использовать своё время; готовность к мотивированию себя и персонала; готовность работать во главе хорошо подготовленного профессионального персонала; готовность к политическому руководству; международный кругозор и др. [2, с. 533–537].

Список таких качеств весьма обширен. Очевидно, что «резервисты» должны быть не только профессионалами своего дела, располагать необходимым опытом работы, но и обладать определёнными компетенциями. Например, Ю. Котлер помимо профессиональных достижений кандидата на выдвижение указывает на наличие таких важных компетенций, как «развитость, активная жизненная позиция и интеллект». Под развитостью Котлер понимает «умение слушать и слышать, принимать во внимание чужие мнения, широкий кругозор и коммуникативные навыки, порядочность и стремление к самосовершенствованию, командная работа». По его мнению, современный руководитель не только успешный менеджер, профессиональный специалист, но и лидер, носитель сложившейся корпоративной культуры компании. Лидерские качества, стремление к «позитивным изменениям», готовность реализовывать общие интересы компании и брать ответственность за результаты своего труда и коллектива представляют собой «активную жизненную позицию». Успех человека в профессиональной деятельности зависит и от его интеллекта, т. е. конструктивности мышления, критичности, комплексного, стратегического подхода в решении управленческих целей и задач [3].

О. Ю. Патласов, анализируя изменения в требованиях кандидатов на вакансии, отмечает важность таких качеств, как лояльность к работодателю, умение работать в команде, географическая мобильность [5].

Во многих компаниях формируются свои модели компетенций. Так, в сети гипермаркетов «О`КЕЙ» к выдвиженцам на замещение управленческих должностей (начиная с директора дивизиона и заканчивая заместителем магазина) предъявляются общие и специфические требования. К общим критериям относят: устойчивость, самообучение и развитие других, следование стандартам, работа с информацией, распределение ресурсов (анализ и планирование) и управление командой. Дополнительно к ним существуют критерии специфические. Для директора и заместителя директора магазина – это построение отношений, принятие решений, коммуникации и влияние, оптимизация процессов [1].

Таким образом, в любой организации к «резервистам» предъявляются высокие требования. Человек на выдвижение должен быть высокоорганизованным, обладать обширным набором профессиональных, деловых и личностных качеств.

При формировании кадрового резерва важно учитывать ликвидность специалиста или менеджера и специфические характеристики рабочей силы [6].

Немаловажным вопросом является формирование кадрового резерва. Необходимо не только определить требования, предъявляемые к кандидату на замещение вакантной управленческой должности, но и решить вопрос «Как будет осуществляться набор сотрудников в кадровый резерв?».

Кадровый резерв может создаваться из внутренних и внешних источников. Внешний резерв составляют кандидаты, которые не числятся в компании, не связаны с её текущей деятельностью, но представляют для неё потенциальную ценность. Внутренний резерв осуществляется за счёт человеческих ресурсов компании, когда формируется база данных сотрудников, которых в будущем можно перевести на другие должности.

Каждая организация делает свой выбор в пользу приёма новых сотрудников или внутреннего набора. Некоторые авторы указывают на необходимость сочетания этих двух источников набора сотрудников на вакантные руководящие должности.

Однако результаты многочисленных исследований, которые проводились в средних и крупных компаниях, работающих в разных странах мира, показали, что подавляющее большинство из них стремится заполнять от 70 до 80 % освобождающихся вакансий руководящих должностей своими сотрудниками. Кроме того, практически во всех организациях действует система «вращения» своих сотрудников на руководящие должности, когда разработаны программы профессионального и карьерного роста, сотрудничества с учебными заведениями и т. д.

Почему организации предпочитают готовить собственный персонал для занятия ключевых позиций? На это есть несколько причин. Выделим некоторые из них.

Первая причина – это экономия времени на поиск достойной замены на освободившуюся руководящую должность. Если в компании открывается вакансия, которую нужно срочно занять, то при наличии кадрового резерва данная проблема решается быстро и своевременно. При отсутствии собственных «резервистов» на поиск кандидата со стороны могут уйти недели, а то и месяцы, что, соответственно, отразится на увеличении финансовых затрат организации. За время поиска компания не сумеет реализовать перспективные бизнес-идеи, заключить выгодные контракты. К тому же у руководства организации нет 100 % гарантии того, что новичок оправдает все ожидания, будет соответствовать занимаемой должности, выстроит взаимоотношения с коллегами и со своими подчинёнными, завоеует авторитет, проработает в коллективе долгое время.

Вторая причина – в результате задействования своих кадровых резервов на замещение сокращается время на адаптацию к новой должности. В этом случае нет необходимости знакомить сотрудника с деятельностью компании, её внутренними правилами, регламентами, особенностями взаимодействия структурных подразделений, традициями, ценностями, принятыми в коллективе. Как показывают исследования в области адаптации персонала, для того чтобы новичку освоиться в компании, требуется время: от трёх до шести месяцев, чтобы познакомиться с делами организации, от года до трёх лет – чтобы быть признанным своим, от двух до пяти лет – чтобы впитать культуру организации. У работавшего уже в данной организации кандидата на замещение должности руководителя подобных проблем не возникает.

Третья причина – легче и дешевле обучить сотрудника уже работающего на предприятии, чем вкладывать в новичка, не зная его личностных и профессиональных резервов. Как правило, руководство компании обладает достаточным объёмом информации о слабых и сильных сторонах своих внутренних кандидатов, об их способностях, амбициях, устремлениях, чем о кандидатах со стороны. Конечно, можно запросить информацию о внешних кандидатах с предыдущих мест работ, собрать рекомендации со стороны, но это не никак не упрощает процесс его обучения на новом месте. К тому же сохраняется высокий уровень риска ухода таких кандидатов из организации через несколько месяцев после их обучения. Таким образом, хотя продвижение своего сотрудника по карьерной лестнице занимает годы, руководство чётко знает, кого, когда и чему учить.

Четвёртая причина – сохранение талантливых людей, ключевых работников в организации из-за возможности карьерного роста, мотивация работников на достижение лучших результатов, повышение их профессиональной инициативы, трудовой активности. Большинство людей стремится поступать на работу и долгое время оставаться в организации, которая заботится об их профессиональном и карьерном росте. Если сотрудники понимают, что продвижение в компании проблематично или практически невозможно, то у них возникает желание сменить место работы, уйти туда, где их потенциал оценят по достоинству. Интересную статистику приводит Елена Цуканова в своей статье «У компаний, которые обучают и развивают свой персонал, текучесть кадров ниже...»:

– 20 % известных компаний мира огромное внимание уделяют оценке потенциала своих сотрудников и их развитию, создают программы для их профессионального роста;

– 20 % резервистов получают повышение в течение года в тех организациях, которые воспитывают собственные кадры;

– в 5 раз ниже текучесть среди руководителей, назначенных из резерва, по сравнению с теми предприятиями, которые привлекают специалистов с рынка труда [5].

Поиск, отбор, обучение, адаптация, мотивация сотрудников связаны с экономическими затратами, и это является пятой причиной в пользу работы с внутренним резервом.

В то же время, делая упор на внутренние источники набора в кадровый резерв, особое внимание следует обращать на следующие тонкости, которые способны уберечь организацию от типичных ошибок.

Важно чётко понимать, кого и на какую должность следует назначать. Ошибка при кадровом перемещении, особенно повышении, может стоить дорого руководству компании. Перевод сотрудника на прежнюю или другую должность после его назначения будет восприниматься им самим и окружающими как понижение. Как правило, такие неудачные эксперименты приводят к увольнению специалистов, которые до повышения были в числе наиболее эффективных.

Кроме того, если руководство вовремя не сумело выявить перспективного сотрудника, уровень компетентности которого значительно выше необходимого на занимаемой им должности, то также высок риск его потерять, вероятность того, что он останется в компании надолго, невелика. Текучесть среди нереализованных резервистов высока, приблизительно на 40 % выше, чем текучесть в группе руководителей [7].

Не стоит забывать о том, что любые внутренние кадровые перестановки чаще всего сопряжены с конфликтом. Когда часть сотрудников попадает в кадровый резерв, у тех, кто в него не вошёл, может не только появиться недовольство, зависть и т. д. по отношению к резервистам, но и снизиться мотивация к труду. Руководители обязательно должны поговорить с недовольными подчиненными, объяснить им критерии отбора в кадровый резерв, условия его обновления.

Ещё одна сложность, с которой можно столкнуться при создании кадрового резерва, – нежелание некоторых руководителей участвовать как наставник в данном процессе. Они могут аргументировать своё решение тем, что им некогда заниматься обучением подчинённых, да и у самих подчинённых нет на это времени. Однако на самом деле руководитель, скорее всего, просто не хочет терять опытных специалистов, когда те получают повышение, ему придётся искать им замену. Чтобы переубедить таких менеджеров, ответственный за формирование кадрового резерва должен проводить на постоянной основе просветительскую работу и объяснять им, что сотрудники с высоким профессиональным потенциалом могут уйти из компании, что негативно отразится и на самом руководителе. Лучше всего ключевых сотрудников вовлекать в процесс управления организацией, провоцировать их к инициации передовых и прогрессивных действий, что в свою очередь отразится и на финансовом благосостоянии непосредственного руководителя. Не стоит бояться молодых и перспективных, необходимо своё управление строить на их профессиональной активности.

Таким образом, процесс формирования кадрового резерва достаточно сложен и трудоёмок. Для успешной реализации этого процесса следует придерживаться основных рекомендаций:

1. Чётко сформулировать и определить ряд компетенций кандидатов на замещение вакантной должности. Эти компетенции должны отражать профессиональные, деловые, личностные характеристики «резервиста».

2. Исходя из перечня компетенций, составить базу данных о потенциальных кандидатах в кадровый резерв, отметив все компетенции и навыки, которыми обладает каждый из них, чтобы всегда можно было быстро найти человека, подходящего для появившейся вакансии. Такая база данных должна быть актуальной, своевременной, систематически и периодически обновляемой, с возможностью корректировки.

3. Разработать и определить критерии и показатели, по которым возможно отследить процесс формирования кадрового резерва. Такими критериями могут быть: процент вакансий, заполняемых внешними или внутренними кандидатами; процент сотрудников, которые уходят из компании из-за того, что их развитию не уделялось достаточно внимания и др. Мониторинг должен проводиться регулярно, систематически. Инструментами мониторинга могут быть рейтинговые карты, опросники и т. д.

4. Доводить до подчинённых исчерпывающую информацию и в полном объёме об условиях и с требованиях формирования кадрового резерва. Работать не только с теми, кто вошёл в резерв, но и с потенциальными кандидатами на выдвижение на руководящие позиции в будущем, в том числе с самовыдвиженцами.

Таким образом, формирование кадрового резерва – сложный, трудоёмкий процесс, состоящий из нескольких этапов, при этом каждый этап завершается процедурой оценки и отбора. В идеале работа по созданию кадрового резерва должна начинаться на этапе взаимодействия с отраслевыми вузами или вузами, выпускающими специалистов, необходимых для предприятия, когда студенты, пришедшие на практику или стажировку, не только проходят этап адаптации, но и формируют первичные профессиональные навыки, умения. А у предприятия есть возможность присмотреться к студенту-практиканту и оценить, насколько он соответствует требованиям той или иной должности, принимает ли он традиции, ценности компании, прилагает ли он усилия к саморазвитию, а следовательно, и к развитию организации и т. д. Основными видами деятельности с резервом являются: оздоровление трудового коллектива с положением о кадровом резерве предприятия, формирование группы кадрового резерва с включением максимального количества резервистов (в том числе и самовыдвиженцев, и кандидатур из внешней среды), предварительный отбор в кадровый резерв на основе первичной оценки, профессиональные испытания резервистов на основе положения, программы, плана мероприятий работы с кадровым резервом, оценка результатов испытаний, формирование окончательного списка кадрового резерва по всем должностям предприятия (при этом необходимо помнить, что на каждую должность должно быть не менее трёх претендентов) и работа с ним на основании принятых документов.

Ещё раз обратим внимание на то, что не следует замещать вакансии, используя исключительно внутренние резервы, поскольку подобный подход в управлении приводит к профессиональному и компетентностному застою организации.

На основе вышеизложенного отметим, что заявленное ранее предположение подтверждено результатами исследования и аргументированными высказываниями ведущих специалистов, учёных, изучающих проблемы формирования кадрового резерва предприятия.

Библиографический список

1. Гальянов, Н. Отбор руководителей магазинов – как сохранить качество в сжатые сроки / Н. Гальянов // Управление персоналом. – 2010. – № 20.
2. Карпов, А. В. Психология менеджмента : учебное пособие / А. В. Карпов. – М. : Гардарики, 2005. – 584 с.
3. Котлер, Ю. Кадровый резерв – Профессиональная команда страны / Ю. Котлер // Управление персоналом. – 2009. – № 14.
4. Кузнецова, Т. Кадровый резерв / Татьяна Кузнецова // Новый менеджмент. – 2008. – № 11. – Режим доступа: <http://www.new-management.info/issues/2008/11/318/>
5. Патласов, О. Ю. Маркетинг-менеджмент рынка труда / О. Ю. Патласов. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2000. – 640 с.
6. Патласов, О. Ю. Маркетинг персонала : учебник для бакалавров / О. Ю. Патласов. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – С. 172–179.
7. Цуканова, Е. У компаний, которые обучают и развивают свой персонал, текучка ниже... / Е. Цуканова // Управление персоналом. – 2015. – № 26.

*M. B. Dyuzheva, Omsk humanitarian Academy, Omsk State Transport University
N. I. Rogovskaya, Omsk State Transport University*

FEATURES OF FORMATION OF PERSONNEL RESERVE

The article discusses the concept and essence of personnel reserve, the sources of its formation, the complexities involved in working with the staff of the organization.

Keywords: personnel, talent pool, external and internal sources of reserve personnel changes, administrative activity.

References

1. Galyanov N. The selection of leaders of shops – how to keep the quality in a short time. *Human Resource Management*, 2010, no. 20.
2. Karpov A.V. *Psychology of Management*: [Textbook]. Moscow, 2005, 584 p.
3. Kotler Yu. Personnel Reserve – Professional team of the country. *Human Resource Management*, 2009, no. 14.
4. Kuznetsova T. Personnel reserve. *The new management*, 2008, no. 11.
5. Patlasov O. Iu. *Marketing-menedzhment ry`nka truda* [Marketing management of labour market]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2000, 640 p.

6. Patlasov O. Iu. *Marketing personala* [Staff marketing]. Moscow, Dashkov and co. Publ., 2015, pp. 129.

7. Tsukanova E. Companies which train and develop their staff turnover is lower. *Human Resource Management*, 2015, no. 26.

© М. Б. Дюжева, Н. И. Роговская, 2016

Авторы статьи:

Марина Борисовна Дюжева, кандидат экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, Омский государственный университет путей сообщения, e-mail: dyzgeva@mail.ru

Наталья Ивановна Роговская, кандидат философских наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения.

Рецензенты:

Т. М. Безбородова, кандидат экономических наук, доцент, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Е. Ю. Легчилина, кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения.

УДК 336.2+657.6

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.23.225

Т. В. Галюкшова,
Омский государственный институт сервиса

АРГУМЕНТЫ В НАЛОГОВЫХ СПОРАХ ПО НДС

Автор рассматривает риски доначислений налогов и штрафов за налоговые правонарушения и предлагает пути их снижения путём своевременной выработки аргументов в спорных вопросах по НДС.

Ключевые слова: НДС, налоговые риски, аргументы в налоговых спорах.

Актуальность темы – своевременно оценить налоговые риски, предупредить санкции за нарушение налогового законодательства, сберечь прибыль на развитие бизнеса.

Мнение судей, контролирующих (ФНС России) и разъясняющих (Минфин России) органов позволят налогоплательщику выработать собственную позицию в спорных вопросах по НДС и принять решение: соглашаться с позицией официальных органов и доначислять НДС либо готовить аргументы для победы в суде.

Критерием профессионального подхода специалиста к исполнению своих обязанностей является его умение предупреждать собственников, руководителей компании о возможных рисках при планировании хозяйственной деятельности, заключении сделок, проведении хозяйственных операций. Цель – уберечь фирму от финансовых потерь вследствие налоговых доначислений и налоговых санкций, падения имиджа компании, снижения авторитета управленца, принявшего неверное решение в области налогообложения.

Налоговые риски не оправданы, если они могут привести к излишним финансовым потерям организации. Существует два вида налоговых рисков: риск спора с налоговым органом и судебные риски. Риск спора с налоговым органом – это риск того, что инспекторы не согласятся с порядком формирования налоговой базы, признания расходов, ведения учёта, который применил налогоплательщик. Судебные риски возможны, если налогоплательщик недостаточно аргументировал свою позицию и проиграл дело в суде.

На коллизии правовых норм по начислению НДС указывается в научной литературе.

Приведём лишь некоторые аргументы, которые позволят налогоплательщику убедить налоговые органы или суд в правоте своей позиции [1].

НДС-ситуация: бонусы предоставленные и полученные. Компания-поставщик предоставляет покупателю скидки, бонусы. Налоговый орган считает предоставление бонусов оплатой за услуги по продвижению товара поставщика с обязательным отражением выручки и НДС у покупателя либо требует у покупателя восстановить НДС в части предоставленного поставщиком бонуса.

Рекомендации поставщику (скидкодателью): в случае принятия положительного решения о возможности предоставления скидки (бонуса) покупателю скидкодателью необходимо иметь внутренний документ, определяющий его маркетинговую политику. Важность этого документа заключается в том, что он призван защитить скидкодателя от претензий налоговых органов. Необходимость письменного закрепления механизмов предоставления скидок непосредственно в маркетинговой политике скидкодателя, а также документального подтверждения всех существенных обстоятельств, принимаемых во внимание при установлении ценовой политики, отмечена в судебных решениях [3]. Таким образом, действующая у скидкодателя маркетинговая политика, оформленная надлежащим образом, может стать основным аргументом в случае спора с налоговыми органами по поводу правомерности предоставления скидок.

Следует различать скидки (бонусы, премии), не изменяющие цену проданных товаров, и скидки, изменяющие цену проданных товаров.

Бонусы (скидки, премии), предоставленные поставщиком покупателю после отгрузки товара (ретробонусы), не изменяют цену товара, если в договоре поставки прямо на это указано. При этом пересчитывать НДС, начисленный при продаже товара, и выставить корректировочный счёт-фактуру на сумму бонуса не надо (п. 2.1 ст. 154 НК РФ). В целях налогообложения прибыли сумма предоставленного (полученного) бонуса учитывается у поставщика во внереализационных расходах (пп. 19.1 п. 1 ст. 265, пп. 3 п. 7 ст. 272 НК РФ), у покупателя – во внереализационных доходах (ст. ст. 41, 250, пп. 3 п. 4 ст. 271 НК РФ).

Ретробонус может быть предоставлен любым из следующих способов:

- выплатой покупателю денежной премии;
- поставкой бонусного товара;
- уменьшением долга покупателя по оплате товара на сумму скидки;
- прощением долга;
- зачётом бонуса в счёт оплаты следующей партии товаров.

В бухгалтерском учёте следует оформить следующие записи:

- в учёте поставщика (табл. 1):

Таблица 1

Бухгалтерские записи в учёте поставщика

Проводка	Операция
Д 44 – К 62-бонус либо Д 91-2 – К 76	Отражена сумма бонуса, предоставленного покупателю
Д 62-бонус, 76 – К 51	Денежный бонус перечислен покупателю
Д 91-2 – К 41	Фактическая (покупная) стоимость товаров, отгруженных покупателю в счет предоставленного бонуса, отражена в составе прочих расходов
Д 91-2 – К 68 НДС	Начислен НДС при передаче бонусного товара (пп. 1 п. 1 ст. 146 НК РФ)
Д 62-бонус – К 62-аванс	Сумма бонуса зачтена в счёт оплаты следующей партии товаров
Д 62-НДС (76-НДС) – К 68	Исчислен «авансовый» НДС с суммы бонуса, зачтённого в счёт оплаты следующей партии товаров

- у покупателя (табл. 2):

Таблица 2

Бухгалтерские записи в учёте покупателя

Проводка	Операция
Д 60 – К 91-1	Сумма причитающейся премии (бонуса) включена в состав прочих доходов организации
Д 51 – К 60	Получена премия (бонус)
Д 41 – К 60	Принят к учёту товар, полученный в качестве бонуса
Д 60-аванс – К 91-1	Сумма бонуса зачтена в счёт оплаты следующей партии товаров

Рекомендации: в условиях договора чётко определять порядок предоставления премий (бонусов). Формулировки договора не должны предусматривать изменение цены поставленных товаров в результате выплаты поставщиками премий за достижение определенных объемов закупок (выполнения иных условий договора), что не влечёт обязанность покупателя производить корректировку налоговой базы по НДС путём уменьшения ранее принятого к вычету налога [4]. В случае, если предоставляемые поставщиком покупателю на основании договора поставки скидки уменьшают стоимость поставленных товаров, это влечёт необходимость изменения налоговой базы по НДС у поставщика и сумм налоговых вычетов по НДС у заявителя [5].

В бухгалтерском учёте следует оформить следующие записи:

– в учёте поставщика (табл. 3):

Таблица 3

Бухгалтерские записи в учёте поставщика

Проводка	Операция
Д 62 – К 90	СТОРНО Уменьшена выручка от реализации продукции на сумму скидки
Д 90-3 – 68 НДС	СТОРНО Принят к вычету НДС

– у покупателя (табл. 4):

Таблица 4

Бухгалтерские записи в учёте покупателя

Проводка	Операция
Д 41 – К 60	СТОРНО Скорректированы фактические затраты на приобретение товаров, по которым получена скидка
Д 19 – К 60	СТОРНО Скорректирована сумма НДС в части предоставленной скидки
Д 19 – К 68 НДС	Восстановлен НДС с суммы предоставленной скидки, ранее принятый к вычету, на основании корректировочного счета-фактуры

В случае возникновения споров по НДС в части предоставляемых (получаемых) скидок аргументами налогоплательщика будут: условия договора, маркетинговая политика и отражение в учёте операций по скидкам исходя из условий договора и маркетинговой политики. Автор статьи с учётом собственной аудиторской практики обращает особое внимание на то, что правильно оформленные операции в бухучёте помогут налогоплательщику выиграть налоговый спор.

Необоснованная налоговая выгода. В 2014 году, по данным Центра структурирования бизнеса и налоговой безопасности «taxCOACH», налоговые органы России выиграли 82 % налоговых споров (в 2010 г. – 36 %). 90 % судебных разбирательств посвящены неосмотрительности налогоплательщика при выборе контрагента и получения необоснованной налоговой выгоды.

Критерии проявления должной осмотрительности налогоплательщика не регламентированы Налоговым кодексом и являются результатом прецедентной практики судов. Тем не менее, у налогоплательщика больше шансов выиграть суд, если в качестве аргументов будут предъявлены копии учредительных документов контрагента-поставщика, лицензии, информационные письма об учёте в статрегистре Росстата, копии паспортов руководителей, реклама на носителях поставщика, отзывы клиентов, прайс-листы, скриншоты сайта, приказы о назначении руководителей и главных бухгалтеров, документы, подтверждающие полномочия лиц, действовавших от имени контрагентов (доверенности), подтверждение факта личного знакомства руководителей, копии бухгалтерских и налоговых деклараций контрагента, подтверждение (фото, киносъемка, ссылка на 2ГИС) места нахождения контрагента и др.

Иногда суды встают на сторону налогоплательщиков и поддерживают их даже в достаточно неоднозначных ситуациях: вывод о недостоверности счетов-фактур, подписанных неустановленными лицами, которые значатся в учредительных документах контрагентов в качестве руководителей, не может самостоятельно, в отсутствие иных фактов и обстоятельств рассматриваться в качестве основания для признания налоговой выгоды необоснованной; налоговым органом не установлено наличие замкнутой схемы движения денежных средств, которая могла бы свидетельствовать о согласованности действий заявителя и контрагентов по получению заявителем необоснованной налоговой выгоды; недоказанность налоговым органом отсутствия реальных хозяйственных операций между организацией и контрагентом свидетельствует о правомерности применения налоговых вычетов по НДС и уменьшения налогооблагаемой прибыли; невыполнение контрагентом обязанностей налогоплательщика не является достаточным основанием для признания заявленной налоговой выгоды необоснованной и др.

Эффективными инструментами у налоговых органов, позволяющими выявить получение необоснованной налоговой выгоды в отношении НДС, являются: анализ первичных документов (выявление места создания и распечатки документов, поиск на диске файлов с документами контрагентов, письма по электронной почте («о схемах»)), использование одинаковых с поставщиком зданий и имущества, один и тот же бухгалтер, счета в одном банке, допросы свидетелей и привлечение экспертов для проведения почерковедческой экспертизы, изучение информации на сайтах прокуратуры, минимальные налоговые обязательства контрагента, отсутствие трудовых и материальных ресурсов и другие аналогичные сведения о контрагенте, с помощью которых налоговый орган формирует массив доказательств, но которые сами по себе не являются достаточными для признания налоговой выгоды необоснованной.

Однако обстоятельствами, свидетельствующими о не проявлении должной осмотрительности при заключении сделки, даже суды считают следующие: подписание первичных документов лицом, не указанным в ЕГРЮЛ как имеющим право подписи первичных документов; смерть должностного лица контрагента до заключения договора; нахождение должностного лица контрагента, от имени которого подписан договор, в местах лишения свободы; дисквалификация руководителя контрагента на основании соответствующего судебного акта; «спорный» контрагент исключён из ЕГРЮЛ до момента заключения сделки с проверяемым налогоплательщиком; оплата поставленных товаров осуществлена за наличный расчёт с превышением установленных законодательством РФ лимитов; отсутствуют документы, подтверждающие факт доставки груза; выявлена взаимозависимость руководителей контрагентов; у сотрудников организаций установлена минимальная заработная плата; отсутствует «деловая репутация» у контрагентов (нет отзывов на соответствующих сайтах); регулярное предоставление займов (с нереальными условиями) и т. п.

Согласно Постановлению ФАС Московского округа [6] неблагоприятные последствия недостаточной осмотрительности в предпринимательской деятельности возлагаются на лицо, заключившее

соответствующие сделки, и не могут быть перенесены на бюджеты посредством уменьшения налоговых обязательств и осуществления необоснованных выплат, а в случае недобросовестности контрагентов покупатель (заказчик) несёт определённый риск не только по исполнению гражданско-правовых договоров, но и в рамках налоговых правоотношений, поскольку в силу требований налогового законодательства он лишается возможности произвести налоговые вычеты либо воспользоваться льготным порядком исчисления налоговой базы ввиду отсутствия надлежаще оформленных первичных бухгалтерских документов.

Вывод следует один: приведенные выше аргументы со стороны налоговых органов и судов налогоплательщику следует устранить, выполнив многочисленные требования по защите своей добросовестности (вот только когда бизнесом заниматься).

Если налогоплательщик подтверждает факт реальности сделки (даже если выявлена взаимозависимость или установлены подписи неуполномоченных лиц), это самый существенный аргумент для победы в налоговом споре. Подтверждением деловой репутации может служить участие контрагента в конкурсах на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

Можно применить необычные аргументы: «доля сделок с проблемными контрагентами в общем списке контрагентов мизерна, доля расчётов с ними незначительна, создавать схему незаконного возмещения неактуально», «налогоплательщик проявил должную осмотрительность, поскольку, узнав из решений по камеральной проверке о претензиях к контрагентам, обратился с заявлением об их розыске в ОВД», «должная осмотрительность подтверждена постановлением органов МВД о прекращении уголовного дела по факту уклонения общества от уплаты налогов», «контрагент прошёл проверки банков на легитимность и правоспособность клиента», компания проверила партнёра по сайту антимонопольной службы, «проблемный» партнёр выиграл открытые торги (тендер), реальность поставок подтвердили покупатели «проблемного» товара.

Как показывает статистика решений арбитражных судов и отчётов налоговиков (эффективность налоговых проверок достигла 98,9 % [18]), налогоплательщику в последние годы всё труднее стало выигрывать суды на тему не проявляемой должной осмотрительности и необоснованной налоговой выгоды. Автор статьи предлагает в качестве аргументов по защите от претензий налоговиков активно использовать нестандартные доводы либо скрупулёзно констатировать и предъявлять в судах процессуальные нарушения процедуры проведения налоговых проверок, допускаемых налоговыми органами. В последующих статьях автор готов поделиться своим опытом по данной теме.

НДС с неотделимых улучшений, произведённых арендатором и переданных арендодателю без возмещения расходов со стороны арендодателя, по мнению налоговых органов, Минфина РФ, ВАС РФ [7], облагается НДС как безвозмездная передача.

По нашему мнению, исчисление НДС арендатором при передаче неотделимых улучшений арендодателю противоречит здравому смыслу. Здравый смысл сам по себе, конечно же, не является серьёзным доводом в налоговых спорах. Но в рассматриваемой ситуации есть аргументы в пользу позиции не исчислять НДС: права собственности на неотделимые улучшения у арендатора не возникает, поскольку арендуемое помещение с неотделимыми улучшениями представляет собой единое целое – неделимую вещь (ст. 133 ГК РФ), имеющую собственника – арендодателя; неотделимые улучшения, произведённые арендатором в период действия договоров аренды, не могли быть переданы арендодателю в смысле ст. 39 НК РФ, следовательно, их стоимость не образует самостоятельный объект налогообложения по НДС; исполнение арендатором обязательства, возложенного на него договором аренды и законодательством РФ по возврату имущества арендодателю, не может приравниваться к понятию «реализация имущества»; результат выполненных арендатором работ имеет потребительскую ценность исключительно для самого арендатора, а не для арендодателя; размер арендной платы установлен с учётом затрат арендатора на улучшение объекта аренды; нет документов, подтверждающих, что арендодатель заказывал и принимал у арендатора работы; в силу норм ст. 38 НК РФ капвложения не являются работой, т. к. арендатор не осуществлял какую-либо деятельность в пользу арендодателя; возврат помещений с улучшениями не может расцениваться как реализация. Однако, учитывая мнение контролирующих органов по рассматриваемому вопросу, отказ от исчисления НДС в рассматриваемой ситуации может привести к налоговым спорам. Избежать претензий налоговиков можно, включив в условия договора аренды возмещение понесённых расходов арендатору со стороны арендодателя.

НДС при безвозмездной передаче товаров (работ, услуг).

Бесплатное питание для сотрудников. Вопрос о возникновении объекта обложения НДС при безвозмездном обеспечении сотрудников организации продуктами питания является широко обсуждаемым.

До недавнего времени финансовое ведомство со ссылкой на пп. 1 п. 1 ст. 146 НК РФ придерживалось следующей позиции: предоставление организацией на безвозмездной основе питания своим работникам является объектом обложения НДС.

В настоящее время, по мнению Минфина РФ, стоимость питания, предоставляемого работникам организации, может быть учтена при определении базы по налогу на прибыль в составе расходов на оплату труда. Для этого, по мнению чиновников, должно выполняться одно условие: такое питание должно быть предусмотрено законодательством РФ, трудовым и (или) коллективным договором [8]. Следовательно, учитывая расходы на питание сотрудников для целей налогообложения прибыли, их нельзя признавать безвозмездной передачей для целей налогообложения НДС.

Передача призов, подарков, сувениров в рекламных акциях, с нашей точки зрения, не относится к безвозмездной передаче, а является рекламными расходами. Аргументы: предметы, передаваемые в рекламных акциях, нельзя считать товарами, а следовательно, применять пп. 1 п. 1 ст. 146 нет оснований; расходы на сувениры возмещаются, т. к. учитываются на 44 «Расходы на продажу» и возмещаются выручкой от реализации, на увеличение которой реклама имеет непосредственное влияние; согласно ст. 423 ГК РФ «безвозмездным признаётся договор, по которому одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от неё платы или иного встречного предоставления» – при раздаче подарков, призов, сувениров встречное предоставление имеется, это внимание к деятельности торговой фирмы и обращение за товарами, которые она продает; рекламные сувениры имеют деловую цель, т. к. нацелены на внимание покупателей к продаваемым товарам, таким образом, расходы экономически обоснованы; предприятие получает определённые экономические выгоды, связанные с привлечением внимания к его услугам, поддержанием интереса к нему и его деятельности, продвижением на рынке; если признавать рекламную раздачу товаров безвозмездной передачей, то их стоимость нельзя включать в расходы по налогу на прибыль (п. 16 ст. 270 НК РФ), тогда как п. 4 ст. 264 НК РФ относит рекламные расходы к прочим.

Возмещение по гарантийному ремонту в случае, когда суммы фактических расходов больше суммы возмещения, разница включается / не включается в налоговую базу по НДС.

Аргументы включать. В том случае, если сумма возмещения продавцом больше суммы фактических расходов, разница подлежит налогообложению НДС, так как она является дополнительной платой, связанной с гарантийным ремонтом. По мнению контролирующих органов, в налоговую базу по НДС не включаются только суммы, полученные организацией, непосредственно осуществляющей гарантийный ремонт, в пределах возмещения стоимости гарантийного ремонта и запасных частей, использованных при осуществлении данного ремонта. Все иные денежные средства, остающиеся в распоряжении организации, облагаются НДС в общеустановленном порядке [9].

ВАС РФ также считал, что превышение возмещаемой изготовителем суммы расходов, понесённых на устранение недостатков товара исполнителем гарантийного ремонта, может быть квалифицировано в качестве явного либо скрытого в цене работ (услуг) вознаграждения, которое признаётся объектом обложения НДС [10].

Вознаграждения, а также иные денежные средства сверх фактической стоимости ремонта и использованных запасных частей, поступившие от изготовителя или дистрибьютора и остающиеся в распоряжении уполномоченной организации (дилера), подлежат обложению НДС в общеустановленном порядке [11].

Аргументы не включать. Сумма превышения не включается в налоговую базу по НДС по следующим основаниям: организация-дилер, выполняя гарантийный ремонт проданных ею автомобилей, не оказывает услуг ни дистрибьютору, ни владельцам автомобилей, а всего лишь выполняет обязанность по устранению недостатков проданных ею товаров, которая возложена на неё законом. Таким образом, объект налогообложения отсутствует. Аналогичная точка зрения высказана в Постановлениях судов [12]. Существует точка зрения, что НДС нужно платить с дополнительных сумм только в случае, когда они берутся с конечного потребителя.

В бухгалтерском учёте сумма возмещения на исправление товара ненадлежащего качества, признаётся прочим доходом на дату признания задолженности дистрибьютором и в признанной им сумме [13]. В налоговом учёте сумма возмещения, полученного от дистрибьютора, включается в состав внереализационных доходов (п. 3 ст. 250 НК РФ). Этот доход признаётся на дату признания дистрибьютором задолженности по возмещению понесённых организацией расходов (пп. 4 п. 4 ст. 271 НК РФ). Аналогичный вывод следует из Письма Минфина России [14].

При возмещении производителем обществу затрат на компенсации дилерам расходов по гарантийному ремонту заявитель не осуществляет реализации товаров (работ, услуг), получение

и перечисление им денежных средств является лишь операцией, связанной с обращением российской валюты. В связи с чем у общества отсутствует объект налогообложения НДС, равно как и основания для включения сумм компенсаций затрат по гарантии в налогооблагаемую базу по НДС [15]. Таким образом, в правоприменительной практике есть судебные акты, в которых арбитры приходят к однозначному выводу, что суммы возмещения расходов, связанных с гарантийным ремонтом, не облагаются налогом, так как в данной ситуации отсутствует объект обложения НДС.

Рекомендации по снижению налогового риска по данной проблеме: арбитражная практика в основном сложилась не в пользу налогоплательщика. В случае, если средства, полученные от изготовителя товаров на гарантийный ремонт, превышают размер фактических затрат организации на его осуществление, сумма превышения должна облагаться НДС в общеустановленном порядке. Иное мнение (превышение не облагается НДС) связано для дилера с налоговыми рисками.

НДС при передаче прав на нежилые помещения. Налоговую базу по НДС следует определять так же, как и для жилых помещений, т. е. с разницы между ценой продажи и ценой приобретения прав [16]. Ранее Минфин настаивал на том, что налоговая база от передачи имущественных прав исчисляется из всех доходов налогоплательщика, связанных с расчетами по оплате имущественных прав [17].

В статье приведены лишь отдельные случаи, в которых упущение или игнорирование возможных налоговых рисков по НДС и несвоевременная подготовка аргументов могут привести к негативным последствиям для налогоплательщика.

Вывод: управлять налоговыми рисками по сложному, порой конфликтному НДС возможно на основе знания законодательства и при профессиональном подходе к делу, что позволит сохранить прибыль и не допустить её потери на налоговые санкции за нарушение налогового законодательства. Сэкономленные на предупреждении налоговых рисков средства эффективнее направить на развитие бизнеса.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10900200/>.
2. Организация производства и предпринимательства в АПК : учебное пособие / Ф. Я. Начитов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2004. – С. 34–36.
3. О признании недействительным решения налогового органа [Электронный ресурс] : Постановление ФАС Поволжского округа от 24.11.2011 по делу N A57-9351/2010. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
4. О пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании недействительным решения в части доначисления налога на прибыль [Электронный ресурс] : Определение Верховного суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. N 304-КГ14-3095. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
5. О пересмотре в порядке кассационного производства судебных актов по делу об отмене решения налогового органа [Электронный ресурс] : Определение Верховного Суда РФ от 10.11.14 № 305-КГ14-3243. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
6. Об отмене решения налогового органа [Электронный ресурс] : Постановление ФАС Московского округа от 22.01.2014 N A40-9000/13. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
7. О признании объектом налогообложения по НДС операции по передаче банком арендодателю неотделимых улучшений арендуемого имущества, в том числе произведённых с привлечением подрядных организаций [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 25.02.2013 № 03-07-05/5259. – Режим доступа: КонсультантПлюс; О налогообложении НДС операции по передаче банком (арендатором) арендодателю неотделимых улучшений арендуемого имущества [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 24.01.2013 № 03-07-05/01. – Режим доступа: КонсультантПлюс; О принятии к производству заявления о пересмотре судебных актов в порядке надзора [Электронный ресурс] : Определение ВАС РФ от 17.06.2014 N ВАС-7277/14 по делу N A70-5453/2013. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
8. Об учёте расходов в виде стоимости обедов, бесплатно предоставляемых работникам, при исчислении налога на прибыль [Электронный ресурс] : Письмо Минфина от 01.12.2014 N 03-03-06/1/61204. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
9. Об отсутствии оснований для включения в налоговую базу по НДС сумм, полученных организацией, осуществляющей гарантийный ремонт, в пределах возмещения стоимости гарантийного ремонта и запасных частей, использованных при осуществлении данного ремонта [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 26.10.2011 N 03-07-07/65. – Режим доступа: КонсультантПлюс; Об отсутствии оснований для включения в налоговую базу по НДС сумм, полученных организацией, непосредственно осуществляющей гарантийный ремонт, в пределах возмещения стоимости гарантийного ремонта и запасных частей, использованных при осуществлении данного ремонта [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 29.07.2010 N 03-07-07/53. – Режим доступа: КонсультантПлюс; Разъяснения по отдельным вопросам, связанным с применением

законодательства по налогу на добавленную стоимость [Электронный ресурс] : Письмо ФНС России от 19.10.2005 N MM-6-03/886@. – Режим доступа: КонсультантПлюс, Письмо ФНС России N 03-1-03/1060/10@ от 20.06.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс.

10. О прекращении производства по делу [Электронный ресурс] : Определение ВАС РФ от 20.03.2014 N ВАС-209. – Режим доступа: КонсультантПлюс.

11. О порядке применения НДС при оказании услуг по ремонту и техническому обслуживанию товаров и бытовых приборов в период гарантийного срока [Электронный ресурс] : Письмо УФНС России по г. Москве от 18.06.2009 N 16-15/61634. – Режим доступа: КонсультантПлюс; Об отмене решения налогового органа [Электронный ресурс] : Постановления ФАС Московского округа от 19.06.2014 N Ф05-5796/2014. – Режим доступа: КонсультантПлюс; Об отмене решения налогового органа [Электронный ресурс] : Постановления ФАС Московского округа от 29.01.2014 N Ф05-17071/2013. – Режим доступа: КонсультантПлюс; Об отмене решения налогового органа [Электронный ресурс] : Постановление ФАС Московского округа от 29.01.2014 N Ф05-17071/2013 по делу N А40-31059/13-99-96. – Режим доступа: КонсультантПлюс.

12. О признании незаконным решения налогового органа [Электронный ресурс] : Постановление ФАС Московского округа от 02.02.2012 по делу N А40-35336/11-140-155. – Режим доступа: КонсультантПлюс; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2011 N 09АП-19329/2011-АК по делу N А40-144493/10-35-829, от 25.01.2007 N 09АП-18483/2006-АК по делу N А40-45889/06-14-240 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс.

13. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 10/99» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] абз. 10 п. 7, п. 10.2, абз. 3 п. 16 : Приказ Минфина России от 06.05.1999 N 33н. – Режим доступа: КонсультантПлюс.

14. Письмо Минфина России от 19.01.2007 N 03-03-06/1/16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс.

15. О признании недействительным решения налогового органа [Электронный ресурс] : Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.09.2014 N Ф05-10449/14 по делу N А40-66814/12. – Режим доступа: КонсультантПлюс; Об отмене решения налогового органа [Электронный ресурс]. Постановление ФАС Московского округа от 22.08.2011 N КА-А40/8960-11 по делу N А40-143974/10-4-871. – Режим доступа: КонсультантПлюс; Постановление ФАС Уральского округа от 25.05.2009 N Ф09-3324/09-С3 по делу N А60-34244/2008-С10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс

16. Постановление Президиума ВАС от 25.02.10 № 13640/09 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс.

17. Письмо МФ от 28.02.2013 № 03-07-11/5926 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс; Письмо Минфина России от 07.02.2013 N 03-07-11/2927 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс.

18. Публичная декларация целей и задач 2014 Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nalog.ru.

T. V. Galyukshova, Omsk State Institute of Service

THE ARGUMENTS IN TAX DISPUTES ON VAT

The author considers the risks of additional taxes and penalties for tax violations and suggests the ways of reducing them by timely develop arguments on controversial issues on VAT.

Keywords: VAT, tax risks, arguments in the case of tax disputes.

References

1. *Nalogovy`i` kodeks Rossii`skoi` Federacii* [Tax Code Of The Russian Federation]. Available at <http://base.garant.ru/10900200/>.
2. Nachitov F.Ia., Patlasov O.Iu., Shakirov F.K. *Organizatsiia proizvodstva i predprinimatel'stva v APK* [Organization of production and entrepreneurship in the Arbitration procedural code]. Omsk, OmGAU Publ., 2004, pp. 34–36.
3. On invalidation of a tax authority decision. *Postanovlenie FAS Povolzhskogo okruga ot 24.11.2011 po delu N A57-9351/2010*. Available at Konsul`tantPlius.
4. The revision in a cassation order of judicial acts in the case of decisions invalidation in terms of income tax accrual. *Opredelenie Verhovnogo suda Rossii`skoi` Federacii ot 17 fevralia 2015 g. N 304-KG14-3095*. Available at Konsul`tantPlius.
5. The revision in a cassational appeal of court acts in the matter of the annulment of the tax authority decision. *Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 10.11.14 № 305-KG14-3243*. Available at Konsul`tantPlius
6. The annulment of the tax authority decision. *Postanovleniiu FAS Moskovskogo okruga ot 22.01.2014 N A40-9000/13*. Available at Konsul`tantPlius.
7. The recognition of the transfer operation as a taxation object for VAT in case of the transfers of inseparable improvements of the leased property, including those produced with the involvement of contractors, from bank to the

landlord. *Pis'mo Minfina Rossii ot 25.02.2013 № 03-07-05/5259*. Available at Konsul'tantPlius; The VAT taxation of transfer operations of inseparable improvements of the leased property from the Bank (lessee) to the lessor. *Pis'mo Minfina Rossii ot 24.01.2013 № 03-07-05/01*. Available at Konsul'tantPlius; The acceptance to manufacture of the statement for revision of judicial acts in the supervisory procedure. *Opredelenie VAS RF ot 17.06.2014 N VAS-7277/14 po delu N A70-5453/2013*. Available at Konsul'tantPlius

8. Cost accounting in the cost of the lunches provided for free to the employees, when calculating profit tax. *Pis'mo Minfina ot 01.12.2014 N 03-03-06/1/61204*. Available at Konsul'tantPlius.

9. The absence of the grounds for inclusion in the VAT tax base amounts received by the organization that conducts the warranty repair within the reimbursement of the cost of warranty repairs and spare parts used in the implementation of this repair. *Pis'mo Minfina Rossii ot 26.10.2011 N 03-07-07/65*. Available at Konsul'tantPlius; The absence of the grounds for inclusion in the VAT tax base amounts received by an organization directly involved in the warranty repair within the reimbursement of the cost of warranty repairs and spare parts used in the implementation of this repair. *Pis'mo Minfina Rossii ot 29.07.2010 N 03-07-07/53*. Available at Konsul'tantPlius; Clarification on the certain issues related to the application of the VAT law. *Pis'mo FNS Rossii ot 19.10.2005 N MM-6-03/886@*. Available at Konsul'tantPlius. *Pis'mo FNS Rossii N 03-1-03/1060/10@ ot 20.06.2005*. Available at Konsul'tantPlius

10. The termination of the proceedings. *Opredelenie VAS RF ot 20.03.2014 N VAS-209*. Available at Konsul'tantPlius

11. The application of VAT in rendering services for the repair and maintenance of goods and appliances in the warranty period. *Pis'mo UFNS Rossii po g. Moskve ot 18.06.2009 N 16-15/61634*. Available at Konsul'tantPlius; The cancellation of the tax authority decision. *Postanovleniia FAS Moskovskogo okruga ot 19.06.2014 N F05-5796/2014*. Available at Konsul'tantPlius; The cancellation of the tax authority decision. *Postanovleniia FAS Moskovskogo okruga ot 29.01.2014 N F05-17071/2013*. Available at Konsul'tantPlius; The annulment of the decision of the tax authority. *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 29.01.2014 N F05-17071/2013 po delu N A40-31059/13-99-96*. Available at Konsul'tantPlius.

12. The recognition as unlawful of a tax authority's decision. *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 02.02.2012 po delu N A40-35336/11-140-155*. Available at Konsul'tantPlius; *Postanovlenie Deviatogo arbitrazhnogo apelliatcionnogo suda ot 01.09.2011 N 09AP-19329/2011-AK po delu N A40-144493/10-35-829, ot 25.01.2007 N 09AP-18483/2006-AK po delu N A40-45889/06-14-240*. Available at Konsul'tantPlius.

13. The approval of Provisions on accounting "Revenues organization" PBU 10/99" (with changes and additions). *Abz. 10 p. 7, p. 10.2, abz. 3 p. 16 : Prikaz Minfina Rossii ot 06.05.1999 N 33n*. Available at Konsul'tantPlius.

14. *Pis'mo Minfina Rossii ot 19.01.2007 N 03-03-06/1/16*. Available at Konsul'tantPlius.

15. The annulment of the decision of the tax authority. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 29.09.2014 N F05-10449/14 po delu N A40-66814/12*. Available at Konsul'tantPlius; The annulment of the decision of the tax authority. *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 22.08.2011 N KA-A40/8960-11 po delu N A40-143974/10-4-871*. Available at Konsul'tantPlius; *Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 25.05.2009 N F09-3324/09-S3 po delu N A60-34244/2008-S10*. Available at Konsul'tantPlius.

16. *Postanovlenie Prezidiuma VAS ot 25.02.10 №: 13640/09*. Available at Konsul'tantPlius.

17. *Pis'mo MF ot 28.02.2013 № 03-07-11/5926*. Available at Konsul'tantPlius; *Pis'mo Minfina Rossii ot 07.02.2013 N 03-07-11/2927*. Available at Konsul'tantPlius.

18. *Publichnaia declaratsiia tcelei i zadach 2014 Federal'noi nalogovoi sluzhby*. Available at www.nalog.ru

© Т. В. Галюкшова, 2016

Автор статьи – **Тамара Викторовна Галюкшова**, доцент, Омский государственный институт сервиса, e-mail: tamara_nalog@mail.ru

Рецензенты:

Н. П. Реброва, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Т. Д. Синявец, доктор экономических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

О. Ю. Патласов,
Омский региональный институт, Омская гуманитарная академия
И. С. Калмыков,
Омская гуманитарная академия

ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОББИНГУ ПЕРСОНАЛА НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Проведён анализ современного отечественного и европейского законодательства в области защиты работников от моббинга. Для целей данной статьи был проведён пилотный социологический опрос населения по теме исследования, результаты которого представлены в статье. Описан зарубежный опыт защиты работников от психологического террора в совокупности с внедрением внутренних стандартов поведения в организации; предложен механизм противодействия моббингу.

Ключевые слова: моббинг, моббинг-действия, производительность труда, профилактика моббинга на рабочем месте, способы психологического давления.

Кадровая политика в рамках концепции маркетинга персонала рассматривает рынок труда именно как рынок, то есть сферу, функционирующую по рыночным законам; что позволяет маркетингу персонала повысить конкурентоспособность компании. Главной задачей брендинга в персонал-маркетинге является формирование корпоративной и организационной культуры, привлечательного имиджа компании как работодателя. Положительный образ работодателя обеспечивает фирме конкурентные преимущества на рынке рабочей силы [1].

В последние годы проблема проявления моббинга на рабочем месте становится особенно актуальной ввиду страха работников остаться без работы или стремления построить отличную карьеру любыми доступными способами, пусть даже прибегая к «запрещённым» приёмам. Зарубежные учёные достаточно давно занимаются изучением проблемы моббинга на рабочем месте, в то время как отечественная наука сравнительно недавно занялась исследованием этой проблемы. В отношениях работодателя и работника, работников между собой в трудовом коллективе проявление агрессивного поведения или моббинг-действий на рабочем месте имеет резкий рост в условиях снижения ёмкости рынка труда, высвобождения персонала в условиях экономического кризиса.

Для целей данной статьи мы будем использовать следующее определение понятия «моббинг персонала» (англ. *mobbing om to mob* – «нападать», «травить», а также *ganging up*) – в терминологии МОТ психологические притеснения, преимущественно групповые, работника со стороны работодателя или других работников, включающие в себя постоянные негативные высказывания и критику в адрес работника, его социальную изоляцию внутри организации, исключение из его служебных действий социальных контактов, распространение о работнике заведомо ложной информации и т. п. [2].

Впервые понятие «моббинг» было использовано Конрадом Лоренцом для описания агрессивного поведения животных одного вида по отношению к животным другого вида. Так, он описывал моменты, когда травоядные животные, объединяясь в группы, атаковали хищника, тем самым защищая членов своей группы. Основоположителем применения понятия «моббинг» в сфере трудовых отношений считается шведский учёный-медик Ханс Лейман. Лейман определял моббинг как негативное воздействие группы сотрудников, направленное на одного члена коллектива или на другую группу сотрудников, имеющее достаточно долгую продолжительность во времени и часто повторяющееся. Изучая проблемы взаимодействия членов трудового коллектива, Лейман отмечал, что у сотрудников, которые были подвержены моббингу, наблюдаются симптомы, аналогичные симптомам психологических и неврологических расстройств людей, участвующих в боевых действиях.

Если учитывать, какое негативное воздействие моббинг может оказать на сотрудника, то становится очевидна и угроза экономической стабильности организации, внутри которой есть место моббингу. Отношения внутри коллектива влияют и на производственный процесс, соответственно, наличие психологического давления в коллективе как со стороны руководителя, так и внутри коллектива ведёт к увеличению времени на выполнение поставленных задач, соответственно,

увеличивается риск срыва сроков, что может привести к снижению экономических результатов организации в целом. В Российской Федерации официальной статистики проявления моббинга не ведётся, как и не ведётся учёт потерь бизнеса из-за проявления моббинг-действий в коллективе. По оценкам экспертов, моббинг обходится немецкой экономике в среднем в 50 млн евро в год, Великобритании – в 30 млрд евро [3].

Последние статистические исследования моббинга, проводимые в Российской Федерации, датированы 2011 годом. Исследования были проведены Э. А. Углич, С. Г. Заржевским. Опросу подверглись экономически активные граждане России старше 18 лет, имеющие опыт работы. Число опрошенных составило 5000 респондентов [4]. С учётом кризисных явлений в экономике страны можно считать, с большой долей уверенности, что данные, полученные в 2011 году, справедливы и на настоящий момент.

Согласно данным проведённых исследований выделены основные способы психологического давления на рабочем месте (таблица 1). Авторы исследования отмечают, что опрошенные ими сотрудники имели возможность указать в анкетах несколько типов моббинг-действий одновременно, таким образом человек мог быть одновременно подвергнут активному давлению различными способами.

Таблица 1

Наиболее распространенные методы оказания психологического давления

Способ психологического воздействия	Доля респондентов, отметивших наличие проявления данного вида воздействия, %
Упреки в ошибках и погрешностях	45
Бессмысленные задания	12
Оскорбительные задания	10
Намеки на принуждение к интимным связям	6
Задания, не входящие в круг непосредственных обязанностей	43
Крики и оскорбления	41
Обсуждение личной жизни работников	33
Неконструктивная критика со стороны руководства	55
Игнорирование работника	18
Распространение информации, порочащей честь и достоинство человека	36
Насмешки	23
Иное	2

Необходимо отметить, что «агрессорами» могут быть как мужчины, так и женщины, ровно так же, как и «жертвой» может стать представитель любого из полов. В зависимости от пола жертвы отличается и способ воздействия на неё [4] (рис. 1).

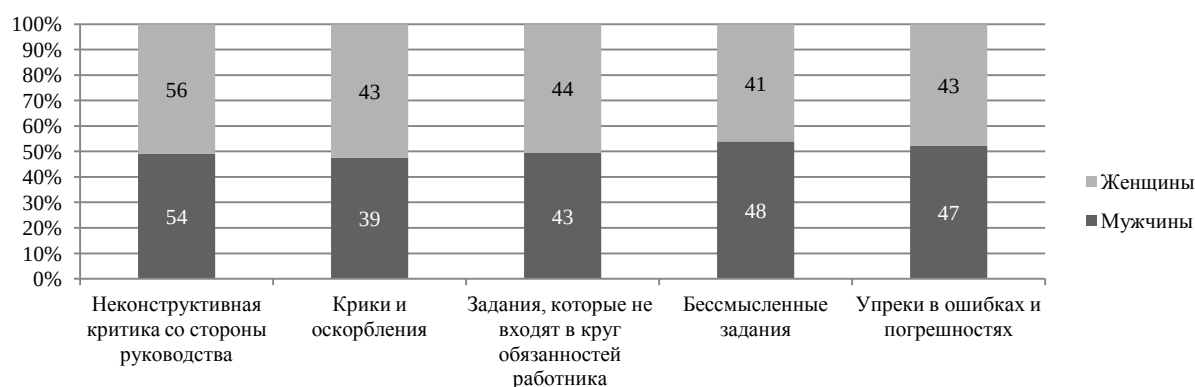

Рис. 1. Основные способы моббинг-действий с разбивкой по половому признаку

Как видно из рисунка, в процентном отношении мужчины и женщины практически одинаково подвержены моббингу с незначительным преобладанием какого-либо типа давления в зависимости от пола.

Если рассматривать тактику применения моббинга на рабочем месте моббером-женщиной и моббером-мужчиной, то они в значительной мере отличаются. Мужчины для оказания давления используют свои полномочия и власть, а также поддержку руководящего состава, в том числе и службу по подбору и работе с персоналом, женщины в большей мере используют связи между членами коллектива внутри организации для распространения негативной информации о «жертве» или группе, на которую направлена агрессия.

Причинами возникновения моббинга и проявлениям моббинг-действий в трудовом коллективе может стать достаточно большое число фактов. Выделяют социальные, производственные и индивидуальные причины возникновения моббинга в коллективе (рис. 2).

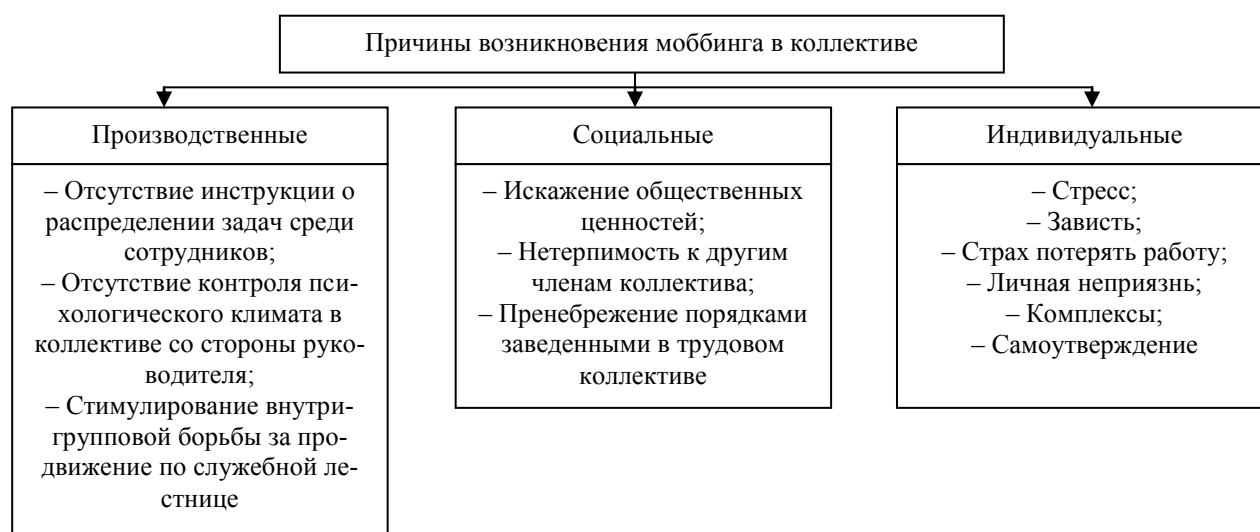

Рис. 2. Причины возникновения моббинга в коллективе

Исследования показывают, что эффективнее всего не бороться с уже начавшимся моббингом в коллективе, а пресекать саму возможность его появления. Для реализации наиболее эффективного механизма противодействия и профилактики моббинга необходим комплекс мер, который должен быть реализован как самой организацией, так и работниками и государством (рис. 3).

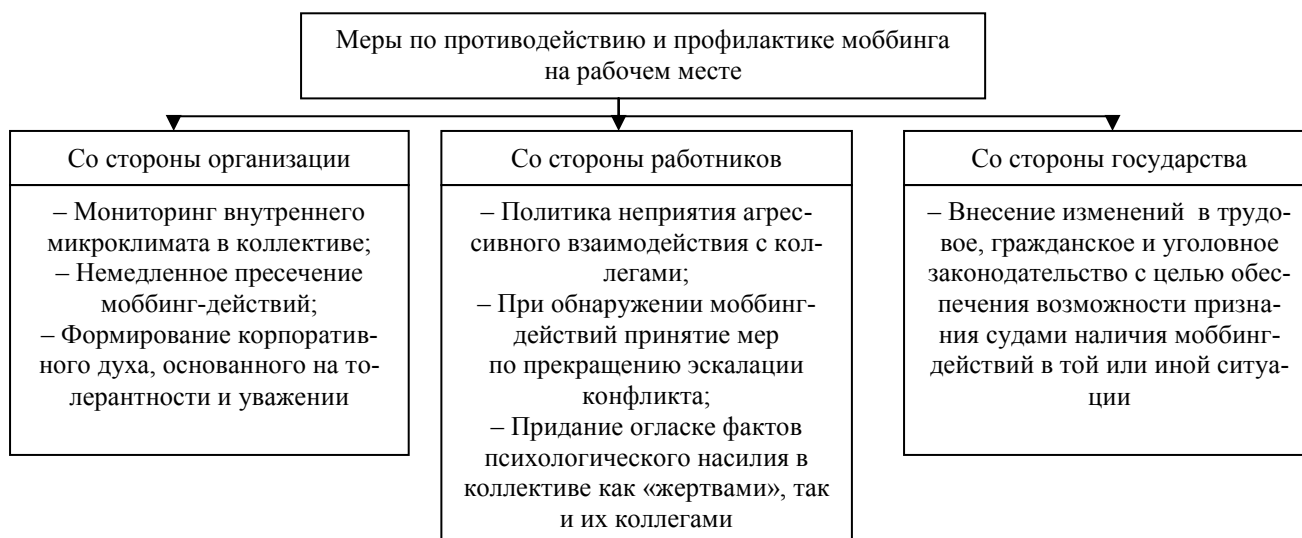

Рис. 3. Комплекс мер по противодействию и профилактике моббинга на рабочем месте

Создание внутри организации атмосферы доверия и взаимопомощи играет немаловажную роль в процессе трудовой деятельности её сотрудников и экономической жизни самой организации. Для отслеживания состояния микроклимата организации возможно внедрение семинаров и вебинаров, на которых будет возможно взаимодействие как между сотрудниками организации или её подразделения, так и взаимодействие сотрудников и руководства организации. Внедрение постоянного анкетирования также может являться механизмом мониторинга микроклимата организации. В случае увольнения сотрудника возможно введение практики «прощального интервью» для оценки мотивов сотрудника покинуть место работы.

В случае обнаружения присутствия психологического насилия в коллективе необходимо в кратчайшие сроки разработать решение по выходу из конфликтной ситуации. Одним из решений может стать проведение беседы с участниками конфликта, при которой руководитель либо представитель службы персонала занимает позицию «рефери» и лишь направляет в конструктивное русло противоборствующие стороны. При этом необходимо учитывать, что моббинг – это не просто столкновение интересов, но подавление одной стороны другой, и в этом случае «жертве» необходима поддержка, а возможно, и представитель её интересов.

Внедрение в организации морального кодекса поведения, в котором будет чётко дано определение понятия «моббинг» и указано на неприемлемость моббинга в трудовом коллективе, а также чёткое описание мер противодействия и последствий применения моббинга, позволит сотрудникам организации, опираясь на нормы кодекса, обращаться к руководству или в службу по работе с персоналом для защиты себя от негативного воздействия психологического террора. Руководитель же, основываясь на нормах и санкциях, описанных в кодексе, сможет предпринимать действия по пресечению моббинг-действий и применять меры воздействия относительно моббера.

Исследователи моббинга сходятся во мнении, что наиболее эффективным способом прекращения моббинга является придание самого факта проявления психологического террора огласке [5]. Таким образом, со стороны работников требуется проявлять участие к новым членам коллектива и пресекать возможное психологическое давление на новых членов трудового коллектива для обеспечения успешной адаптации последних к новым условиям труда. Формально такие правила поведения могут быть закреплены в моральном кодексе организации, упомянутом выше. Формирование профессиональных союзов работников организации может стать инструментом защиты работника от произвола на рабочем месте как внутри коллектива, так и со стороны руководящего состава.

Все вышеперечисленные меры не смогут полноценно защитить работника до того момента, пока не будет правовой базы для привлечения к ответственности сотрудника или руководителя организации, в которой был зафиксирован факт моббинга. Проведя анализ базы нормативно-правовых актов, регламентирующих трудовые отношения в Российской Федерации, необходимо отметить отсутствие в них упоминания понятия «моббинг», без чего невозможно квалифицировать нарушение трудовой дисциплины как факт проявления моббинг-действий на рабочем месте. Несмотря на отсутствие определения рассматриваемого понятия, отечественное законодательство содержит ряд норм, которые могут послужить фундаментом для внесения изменений в трудовое право России. Так, статьёй 2 Трудового кодекса Российской Федерации закреплено право работников на защиту своего достоинства как один из принципов правового регулирования [6].

В статье 237 Трудового кодекса Российской Федерации указано, что моральный вред, причинённый работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, возмещается работнику в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон трудового договора. В случае возникновения спора факт причинения работнику морального вреда и размеры его возмещения определяются судом независимо от подлежащего возмещению имущественного ущерба [6].

Зарубежный опыт защиты работников

Обратимся к опыту европейских стран в вопросе разрешения трудовых конфликтов, связанных с моббингом. В плане противодействия моббингу наибольший интерес представляет опыт Франции и Италии.

Трудовое и уголовное законодательство Франции определяет домогательство как повторяющееся действие, направленное или реализованное в виде ухудшения условий труда, которое может нанести ущерб правам или достоинству работника, повлиять на его физическое или психическое здоровье или скомпрометировать его профессиональное будущее [7]. Опыт борьбы с моббингом во Франции основывается на применении специальных норм закона, регламентирующих наказание за применение моббинга, а также на широком судебном толковании понятия моббинга или

домогательства. Так, Кассационный суд Франции расценивает как домогательство или, что тоже самое, моббинг: сужение круга должностных обязанностей работника и понижение в должности, разглашение медицинской тайны и информации о личной жизни; беспричинное изъятие личного мобильного телефона у работника; возложение обязанностей, не связанных с трудовой функцией сотрудника; регулярную критику в унижительной форме и т. д. Во Франции законодательно возлагается ряд обязанностей как на работника, так и на работодателя. Так, работодатель обязан немедленно реагировать на зафиксированный факт моббинга, а работники в свою очередь обязаны бережно относиться к своему здоровью и заботиться о собственной безопасности, а также о безопасности и здоровье своих коллег.

Судебной практикой установлено возложение бремени доказывания на работодателя, таким образом у работника не возникает обязанности доказывать в суде, что ему нанесён вред. Работники, подвергнувшиеся психологическому террору, попадают под защиту, т. е. к ним запрещено применение дисциплинарных взысканий, а также увольнений на время судебной тяжбы. Одновременно с этим работник, предоставивший недостоверную или ложную информацию, не может рассчитывать на подобную защиту, а также может быть уволен за клевету [7].

В судах Италии достаточно часты иски о применении моббинга на рабочем месте. Итальянская практика противодействия данному явлению основана на широком толковании защиты прав и законных интересов личности. Отметим ряд фактов, которые суды Италии считают противозаконным поведением на рабочем месте:

- 1) намеренное враждебное поведение;
- 2) систематически повторяющиеся действия, направленные на нанесение вреда работнику;
- 3) результатом систематически повторяющихся враждебных действий является нанесение вреда физическому и психологическому здоровью сотрудника;
- 4) удалось установить связь между нанесенным психологическим или физическим вредом здоровью.

Отличительной особенностью опыта Италии в решении дел, связанных с моббингом, является то, что работник сам должен доказать наличие нанесенного ему вреда, а также тот факт, что этот вред был получен именно на рабочем месте, т. е. бремя доказывания возложено на работника.

Относительно применения опыта зарубежных стран в борьбе с моббингом в России отметим, что простое копирование норм права того или иного государства не является полноценным решением проблемы. Применительно к адаптации европейского опыта необходимо сочетание наиболее действенных и подходящих для отечественной действительности форм защиты работников от моббинга. Опыт Франции представляет интерес в плане наличия правовых актов, направленных на защиту работников от моббинга, а также возможности снять с работника обязанность доказывать факт применения к нему моббинг-действий и системой защиты работника и работодателя: работник избегает возможного давления на него со стороны работодателя, работодатель, в свою очередь, защищён от произвола работника, желающего получить прибавку к зарплате, повышение по службе или же просто опорочить работодателя. Итальянская система борьбы с агрессивным поведением на рабочем месте представляет интерес тем, что при отсутствии специальных правовых норм суд имеет возможность на разрешение конфликта, опираясь на широкое толкование права на защиту интересов и прав личности.

Разработанный компанией Social Accountability International стандарт для оценки социальной ответственности организации (Social Accountability 8000) содержит нормы, которые позволяют организации вводить и поддерживать систему социально ориентированного менеджмента персонала. Данный стандарт разработан на основе нескольких конвенций Международной организации труда, Всемирной декларации прав человека и Конвенции ООН по правам ребёнка.

Стандарт SA8000 устанавливает критерии оценки на соответствие по следующим аспектам: детский труд, принудительный труд, здоровье и техника безопасности, свобода профессиональных объединений и право на переговоры между нанимателем и профсоюзами о заключении коллективного договора, дискриминация, дисциплинарные взыскания, рабочее время, компенсация, системы управления [Международный стандарт SAI SA8000:2001].

Согласно критериям соответствия в области охраны труда компания, учитывая специфику отрасли, в которой она осуществляет деятельность, должна обеспечить условия труда, безопасные для жизни и здоровья работников и принимать все меры для недопущения случаев нанесения вреда здоровью как следствия осуществления трудовой деятельности. Также компания должна назначить представителя высшего руководства, ответственного за охрану труда и выполнения условий

стандарта SA8000. Согласно стандарту организация должна сформировать систему, с помощью которой будет возможно обнаруживать и предотвращать угрозу здоровью и безопасности персонала.

Критерии соответствия стандарту в области запрета дискриминации указывают на то, что в организации должна полностью отсутствовать любая дискриминация при приеме на работу, в вопросах оплаты, предоставления доступа к личному карьерному росту. В компании никто не должен быть ущемлен в правах по религиозным, половым, политическим и любым другим признакам. Согласно стандарту социальной ответственности в организации недопустимо любое поведение, действие или жесты, которые могут быть расценены как домогательство, оскорбление или угроза.

В области дисциплинарных мер стандарт запрещает использование в организации телесных наказаний, физического или психологического насилия, а также совестных оскорблений.

В части соответствия критериям на соответствие нормам стандарта в области рабочего времени и оплаты труда отмечено, что стандартная рабочая неделя определяется законодательством, но не может превышать 48 часов, оплата сверхурочных часов должна производиться в повышенном размере, но не должна превышать 12 часов в неделю. В организации должны быть запрещены вычеты из заработной платы как меры дисциплинарных взысканий.

Рассматриваемый стандарт учитывает такие разрозненные категории критериев соответствия, как запрет на дискриминацию, физическое или психологическое давление, а также запреты на прочее ущемление прав и законных интересов работников, но не содержит обобщённого понятия, которое бы включало в себя всю совокупность негативных действий в отношении работника. Таким понятием для целей комплексного описания действий, направленных на притеснение сотрудника, является понятие «моббинг».

Отметим, что моббингом нельзя назвать единичный факт проявления какого-либо из вышеуказанных действий. Отличие и основная опасность моббинга заключается в его продолжительности во времени и системности, а также возможности латентного протекания внутри коллектива. Продолжительный и системный характер проявления ограничений близких к понятию моббинг, оказывает глубокое влияние на здоровье работника, его работоспособность, а значит, и на эффективность работы сотрудника, коллектива и организации в целом.

Отсутствие общепринятого определения понятия «моббинг» не позволяет квалифицировать совокупность деяний как моббинг-действия, а значит, и применить санкции против источника таких действий невозможно.

На основании вышеизложенного считаем необходимым внесение дополнений в стандарт SA 8000, в части дополнения его определением понятия «моббинг», в редакции, применяемой в терминологии Международной организации труда, а именно: «Моббинг персонала (англ. mobbing от to mob – «нападать», «травить», а также ganging up) – психологические притеснения, преимущественно групповые, работника со стороны работодателя или других работников, включающие в себя постоянные негативные высказывания и критику в адрес работника, его социальную изоляцию внутри организации, исключение из его служебных действий социальных контактов, распространение о работнике заведомо ложной информации и т. п.» [2].

Закрепление в стандарте понятия «моббинг» позволит организациям, применяющим стандарт SA 8000, квалифицировать деяния её работников как моббинг-действия и предотвращать негативное влияние моббинга на психологический климат коллектива. Помимо этого, с введением рассматриваемого стандарта социальной ответственности во все большее число организаций, будет создан прецедент для внесения изменений в трудовое законодательство. Таким образом внесение в стандарт SA 8000 «Социальная ответственность» определения понятия «моббинг» послужит ступенью и толчком для развития национального трудового законодательства в области защиты жизни и здоровья работников.

Результаты социологического исследования

В рамках исследования для целей настоящей статьи в марте 2016 года был проведён пилотный социологический интернет-опрос работающих граждан. Опрос проводился с использованием сервиса Google-Формы и анкета распространялась через социальные сети. В качестве введения к опросу в анкете было приведено определение понятия «моббинг», принятое Международной организацией труда.

В опросе приняли участие 108 человек. По результатам опроса, 43,9 % опрошенных когда-либо испытывали на себе акты психологического давления на рабочем месте в процессе трудовой деятельности. При этом 26,2 % опрошенных отмечают, что увольнялись с работы из-за воздействия моббинга.

Наиболее частой формой проявления психологического давления респонденты называют поручение заданий, которые не входят в круг обязанностей специалиста, а также поручение бессмысленных заданий и обсуждение личной жизни (таблица 2). При ответе на данный вопрос респонденты имели возможность указать несколько вариантов ответов, так как моббинг может проявляться в совокупности действий.

Таблица 2

Наиболее распространённые формы проявления моббинга

Форма проявления психологического давления	Ответы респондентов, %
Распространение сведений, порочащих честь и достоинство	17
Поручение бессмысленных заданий	39,6
Поручение заданий, которые не входят в круг обязанностей специалиста	58,5
Насмешки	18,9
Обсуждение личной жизни	37,7
Бойкот со стороны коллектива	13,2
Намеки на интимную близость	5,7
Изъятие личного мобильного телефона	1,9
Крики	34
Оскорбления	22,6
Непринятие во внимание заслуг и идей	32,1
Другое	3,8

Согласно данным опроса наиболее часто источником психологического террора являлся руководитель. Данные ответов респондентов на вопрос о том, от кого исходили агрессивные, продолжительные во времени действия, представлены на рис. 4.

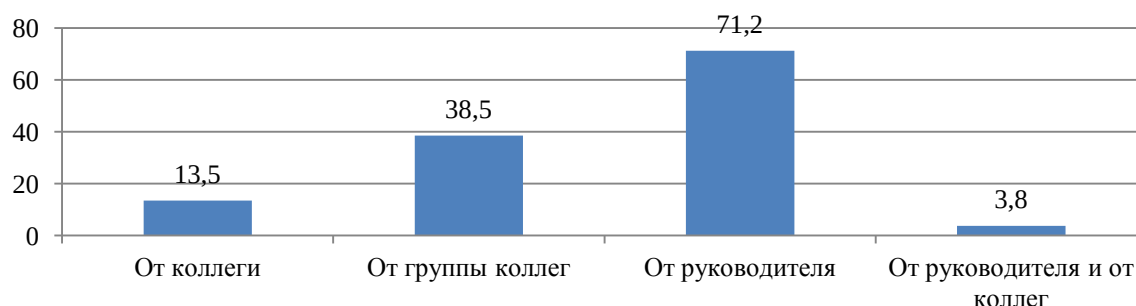

Рис. 4. Основные источники моббинг-действий

По данным, полученным в ходе опроса, 54,7 % подвергшихся моббингу на рабочем месте респондентов указывают, что источником психологического террора становились женщины, 32,1 % опрошенных утверждают, что психологический террор исходил от лиц мужского пола и 13,2 % отмечают, что давление оказывалось как со стороны женщин, так и со стороны мужчин.

Наиболее частой мерой по разрешению конфликта и борьбе с моббингом респонденты называют обращение за советом к друзьям, знакомым и близким (рис. 5.).

Необходимо отметить, что большинство респондентов (37,7 %) вовсе не принимали никаких мер для преодоления возникшей конфликтной ситуации. Необходимо отметить также, что респонденты при ответе на данный вопрос имели возможность указать несколько вариантов ответов, так как использование только одной меры разрешения конфликта не является эффективной мерой.

Мнения опрошенных относительно того, возымели ли действие предпринятые ими меры противодействия моббингу на рабочем месте, разделились практически поровну, но отметим, что 50,9 % респондентов отмечают положительное воздействие предпринятых ими мер.

Рис. 5. Меры, предпринимаемые для противодействия моббингу

Заключение

На основании вышеизложенного можно сформулировать ряд рекомендаций, применение которых в комплексе может привести к формированию рабочего механизма защиты и профилактики моббинга на рабочем месте:

1) внедрение в организациях кодекса поведения, содержащего в себе определение понятия «моббинг», описание поведения и действий попадающих под данное определение, а также последовательность действий работника, подвергнувшегося моббингу или ставшего свидетелем такого деяния, и санкции, которые могут быть применены в отношении «моббера»;

2) формирование системы мониторинга психологического микроклимата в организации, включающей в себя проведение семинаров и вебинаров для формирования корпоративного духа и разъяснения негативных последствий моббинга. Наряду с этим внедрение практики «прощального интервью», т. е. анкетирования, включающего в себя вопросы относительно причин увольнения работника;

3) формирование внутренней среды организации, способствующей быстрому и безболезненному вхождению нового сотрудника в трудовой коллектив;

4) внесение изменений в трудовое законодательство Российской Федерации, а именно: внести в Трудовой кодекс Российской Федерации требования по защите как физического, так и психического здоровья работников, введение и закрепление в Трудовом кодексе Российской Федерации понятий «моббинг» и «моббинг-действия», а также меры ответственности, применяемые к нарушителю прав и законных интересов работников;

5) необходимость доказывания причинённого ущерба работнику возложить на работодателя;

6) законодательно обеспечить защиту работника на время судебного разбирательства от увольнения и дисциплинарных наказаний, а также предусмотреть санкции в отношении работников, предоставивших ложные сведения о фактах моббинга, в целях приобретения собственной выгоды.

Считаем необходимым дополнить раздел 5 «Дискриминация» стандарта SA 8000 «Социальная ответственность» пунктом 5.4 с формулировкой: «Компания считает недопустимым применение технологий моббинга. Использование моббинг-действий расценивается как грубое нарушение корпоративной этики, а также прав и законных интересов лиц, подвергнувшихся воздействию моббинга».

Таким образом, моббинг – это серьёзная проблема отношений в организации, которая в конечном итоге сопряжена с результатами экономической деятельности. Формирование враждебных отношений в коллективе ведёт к увеличению числа и продолжительности отпусков по болезни, росту «текучести» кадров, что приводит к увеличению расходов на обучение вновь нанятых сотрудников, а соответственно тормозит развитие организации. Применение предложенных в данной статье мер позволит эффективно отслеживать факты проявления моббинга на рабочем месте, своевременно их пресекать, а также законодательно защитить работников от проявлений психологического террора на рабочем месте и сформировать судебную практику по защите работников от моббинга.

Библиографический список

1. Патласов, О. Ю. Цели, условия, доминанты, направления и концепции маркетинга персонала / О. Ю. Патласов // Наука о человеке: гуманитарные исследования: научный журнал. – Омск : Изд-во НОУ ВПО «ОмГА», 2013. – № 2. – С. 46–55.
2. Патласов, О. Ю. Маркетинг персонала : учебник для бакалавров / О. Ю. Патласов. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – С. 378–379.
3. Скавитин, А. Моббинг персонала: опыт зарубежных исследований / А. Скавитин // Управление персоналом. – 2004. – № 4.
4. Угнич, Э. А. Моббинг в рабочем коллективе / Э. А. Угнич, С. Г. Заржевский // Монография. Современный проблемы управления человеческими ресурсами. – Нижний Новгород. – 2011.
5. Колодей Криста. Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления / пер. с нем. – Х. : Изд-во Гуманитарный Центр, 2007. – 368 с.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СПС КонсультантПлюс.
7. Сыченко Е. Защита работников от психосоциальных рисков: опыт Европы и его применимость в России. Часть II: Охрана работника от психологического преследования (домогательства) // Трудовое право. 2014. – № 8. – С. 75–85

O. Yu. Patlasov, Omsk Regional Institute, Omsk humanitarian academy
I. S. Kalmykov, Omsk humanitarian academy

TECHNOLOGY OF COUNTERACTING MOBBING IN THE WORKPLACE

The analysis of the modern domestic and European legislation on the protection of workers from mobbing. For the purposes of this article, the pilot sociological survey of the population on the study was conducted, the results are presented. Described international experience to protect workers from psychological terror in conjunction with the introduction of internal standards of behavior in the organization; Mobbing counter proposed mechanism.

Keywords: mobbing, mobbing-action, labor productivity, prevention of mobbing in the workplace, the methods of psychological pressure.

References

1. Patlasov O. Yu. Objectives, conditions, dominant, direction and concept of marketing staff. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2013, no 2. pp. 46-55.
2. Patlasov O. Yu. *Marketing personala: Uchebnik dlya bakalavrov* [Staff Marketing: A Textbook for bachelors], Moscow, «Dashkov i K», 2015. 384 p.
3. Skavitin A. Mobbing of personnel: the experience of foreign studies. *Upravlenie personalom*, 2004, no 4.
4. Ugnich E.H.A., Zarzhevskij S.G. *Mobbing v rabochem kollektive Monografiya. Sovremennyy problemy upravleniya chelovecheskimi resursami*. [Mobbing in the working collective monograph. Modern human resources management issues], Nizhny Novgorod, 2011.
5. Kolodej K. *Mobbing. Psihoterror na rabochem meste i metody ego preodoleniya* [Mobbing. Psychoterror on the workplace and the methods of the coping]. Har'kov. Gumanitarnyj Centr, 2007. 368 p.
6. *Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii* ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 30.12.2015)
7. Sychenko E. Protecting workers from the psycho-social risks: the experience of Europe and its applicability in Russia. Part II: Protection of employees from psychological harassment (harassment). *Trudovoe pravo*, 2014, no 8. pp. 75 – 85

© О. Ю. Патласов, И. С. Калмыков, 2016

Авторы статьи:

Олег Юрьевич Патласов, доктор экономических наук, профессор, Омский региональный институт, Омская гуманитарная академия, e-mail: opatlasov@mail.ru

Игорь Сергеевич Калмыков, аспирант, Омская гуманитарная академия.

Рецензенты:

Н. В. Боровских, доктор экономических наук, профессор, Омский экономический институт.

С. М. Ильченко, кандидат экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.